

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВЕЛИЧЬЯ НАШЕГО ЗАРЯ

Том 1.

Мы чужды
ложного стыда!

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ВЕЛИЧЬЯ НАШЕГО ЗАРЯ. Том 1. Мы чужды ложного стыда!

ЭКСМО

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ВЕЛИЧЬЯ НАШЕГО ЗАРЯ
Том первый. МЫ ЧУЖДЫ ЛОЖНОГО СТЫДА!

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

ВЕЛИЧЬЯ НАШЕГО ЗАРЯ

Том первый
МЫ ЧУЖДЫ ЛОЖНОГО СТЫДА!

ЭКСМО

МОСКВА

2014

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
3-45

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Звягинцев, Василий Дмитриевич.
3-45 Величья нашего зря. Том 1. Мы чужды ложного стыда! : фантастический роман / Василий Звягинцев. — Москва : Эксмо, 2014. — 416 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-76404-4

«Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить», — сказано в одной детской песенке. Так случилось и с операцией «Мальтийский Крест», которая была разработана «Андреевским братством», чтобы объединить и подготовить к противостоянию с любым врагом две России — в двух параллельных реальностях. Но ни Ляхов, ни его соратники пока не чувствуют «особенностей процесса» и не предугадывают возможных ловушек в будущем. В отличие от Дмитрия Воронцова, одного из основателей «Братства», который до последнего времени предпочитал оставаться «над схваткой», обеспечивая надежные тылы своим «коллегам». Однако, видимо, пришло время ему выдвинуться на первый план и взять руководство операцией в свои руки. Неспешно, но расчетливо и непреклонно.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Звягинцев В., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-76404-4

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы ясны и крылаты
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, господи, благослови!

Н. Гумилёв, 1915 г.

1944

1944

1944

1944

1944

1944

1944

1944

1944

1944

1944

1944

1944

1944

ГЛАВА ПЕРВАЯ

алентин Лихарев проснулся непривычно рано. Последнее время он обленился и не вставал раньше девяти. Но это тоже в зависимости от того, где он проводил своё довольно никчёмное время. Последние месяцы они с Эвелин жили в Железноводске, на третьей и самой, как бы это получше выразиться, конспиративной из своих кавминводских дач. После всевозможных, в общем-то, нетипичных для здешнего спокойного времени событий Лихарев решил, что неплохо бы иметь место, достаточно уютное и респектабельное, но прилично защищённое, в стиле других, не столь *пасторальных* «параллелей». А то ведь люди, воспитанные несколько иначе, чем здешние аборигены, способны без церемоний пренебрегать «священным правом частной собственности» и вторгаться на территории, ничем более не охраняемые. Как, например, это сделали люди, называвшие себя «друзьями и коллегами», с его пятигорским домовладением¹ два года назад.

Ничего подобного ему впредь допускать не хотелось. Не «братья» его беспокоили, от них любому не отбиться и не спрятаться, если займутся всерьёз, а местные «лихие люди» — криминалитет или внезапно спустившиеся с гор абреки.

¹ См. «Хлопок одной ладонью».

Словно в Средневековье, нужно иметь укреплённое жилище, которое не взять без долгой планомерной осады, на которую случайные налётчики не способны.

И участок подвернулся крайне подходящий, после целенаправленных поисков и стоящих того финансовых вложений. Кусочек леса в полгектара на склоне горы Железной, на полпути к вершине. Здесь не так давно планировалось близкими к губернатору края людьми строительство элитного пансионата, и подъездная дорога уже была проложена, но вот после нескольких частных консультаций идея как-то сразу себя изжила, планы переменились, и никто не стал возражать, когда место без всяких публичных торгов отошло к известному на Водах меценату и вообще авторитетному человеку князю Лихареву.

Всего за одно лето, ударными темпами и с привлечением самых лучших специалистов (даже из Москвы и Петербурга), поместье было готово «под ключ». Дом получился даже скромный по местным меркам, нечто вроде швейцарского «шале» из местного доломита, под крутой черепичной крышей: гостиная и три комнаты внизу, четыре спальни на втором этаже, кабинет хозяина и библиотека в мансарде. Зато с большой крытой верандой, сплошь деревянной, на массивных дубовых подкосах, опасно нависающей над почти отвесным пятидесятиметровым обрывом. А ещё на двести метров ниже простирался уже Курортный парк со всеми его прелестями. Можно было сидеть на веранде за самоваром и, невидимыми снизу, наблюдать *коловращение жизни* на центральном Промеnade и прилегающих аллеях, музыку с открытой эстрады Пушкинской галереи слушать.

Остальная территория усадьбы стараниями специалистов по садово-ландшафтным делам превратилась в некую компиляцию дикого горного букового леса, английского парка и японского сада мхов, ручьёв и камней. От случайных или целенаправленно-злонамеренных посетителей поместье ограждал приличной высоты бетонный забор, тщательно камуфлированный под окружающий ландшафт, от чего он становился заметен только на минимальном расстоянии. О дополнительных мерах безопасности, вроде современного аналога старинной колючей проволоки, пущенного не поверх забора, что выглядело бы безвкусно, а вдоль его верхней кромки с внутренней стороны, в сочетании с инфракрасными датчиками, тепловизорами и масс-детекторами, не стоит и говорить. В результате всех трудов и топографических расчётов рассмотреть, что делается на подворье, можно было только через мощную стереотрубу (а лучше — телескоп) с некоторых точек на вершине расположенной хоть и напротив, но на порядочном удалении горы Бештау.

Ну и главная, так сказать, «фишка», которой Валентин гордился, — персональная канатно-кресельная дорога, со двора и прямо на специальную площадку неподалёку от дворца эмира Бухарского. Спустился, отправил кресла наверх дистанционным пультом, а решил вернуться — опять вызвал. Очень удобно, причём двигалась подвесная система намного быстрее, чем стандартная. Вниз почти со скоростью свободного падения, вверх — чуть помедленнее.

А по узкой извилистой дороге могла проехать только одна машина, двум не разъехаться: по обоим таким отбойникам, что танком не своротишь.

Получилось нечто вроде жёлоба для бобслея. И перекрывался он тоже дистанционно, в нескольких местах.

Лихарев, конечно, понимал, что всё это так, для забавы больше, нормальный горнострелковый взвод легко его дачу штурмом возьмёт или просто из миномётов перепашет так, что отсидевшимся в глубоком подвале придётся, как Паулюсу, из него с поднятыми руками выходить. Но такое — вариант из самых маловероятных, кому тут нужна полномасштабная война с рядовым, в общем-то, хоть и богатым человеком. А кто знает Валентина в его подлинном качестве — вполне в курсе и его реальных способностей и возможностей, осведомлён и о том, что в случае чего ответ его будет адекватным. Но как бы там ни было, чувствовать, что живёшь в крепости и надёжно защищён от превратностей внешнего мира, было приятно. Нет постоянного ощущения, что сидишь ночью в освещённой комнате спиной к незащитренному окну.

Лихарев, не одеваясь, вышел на веранду, откуда открывался великолепный, чем-то слегка тревожный вид на Бештау во всей её утренней красе. От выпавшей росы тщательно отшлифованные дубовые плахи пола были чуть влажными и охладили босые ноги. Лихарев глубоко вдохнул густой воздух, пахнувший совершенно своеобразно — и начинающим желтеть предосенним лесом, и палой, перепревшей прошлогодней листвой под деревьями, и чем-то таким свежим, словно пузырящийся нарзан прямо из скважины в жаркий день. Всё равно слов не хватало, чтобы передать ощущение и впечатление, но этот запах он узнал бы везде и сразу,

среди сотен других. Нигде больше не встречал он такого запаха.

Валентин оперся локтями о перила, остановился взглядом на подсвеченной встающим солнцем остроконечной вершине пятиглавой горы напротив.

Из-за её северного отрога на ярко-синее, не успевшее выцвести от солнца утреннее небо поползали белые кучевые облака, громоздящиеся до зенита, а за ними угадывались серо-синие грозовые тучи, обещающие непременно пролиться дождём, сперва коротким и бурным, а потом переходящим в долгий, обложной. Так случалось почти каждый день и стало уже привычным. Такое лето в этом году выпало, в середине августа начавшее ощущимо переходить в осень.

Валентин успел забыть предутренний сон, который, просыпаясь, изо всех сил пытался удерживать в памяти, и казалось, что получается. Но нет — утекло, как вода или песок из часов времени, осталось только ощущение чего-то непонятного и беспокоящего. И очень важного. Это тоже было непривычно, сны ему если снились, то яркие, запоминающиеся и в то же время — *нейтральные*, нескучные, но без особого эмоционального заряда.

«Показатель душевного здоровья, — усмехнулся Лихарев, — полная гармония души и тела, даже подсознание себя не проявляет».

Вроде бы так и есть. Жизнь устоялась почти до неприличия. Не такие уж давние попытки вместе с Дайяной вернуться к *политической деятельности* своевременно и достаточно деликатно были пресечены лихими ребятами из «Братства», и ему в *окончательной форме* было предложено утомиться и о своих претензиях на роль «сверхчело-

века» забыть, категорически и бесповоротно. Его личная жизнь, мол, никого особенно не интересует, и грех на душу никто брать не собирается, но «в случае чего» вернуть Валентина в тридцать восьмой год проблемы не составит. А там товарищ Сталин пусть сам разбирается, как поступить с бывшим, *не оправдавшим доверия* порученцем. Тем более, к его потенциальной соломенной вдове¹, Эвелине, большинство женщин испытывают самые тёплые чувства и не хотели бы, чтоб она вновь вернулась к скудной и скучной парижской жизни или шла в содержанки к кому-то из здешних «уважаемых людей»...

Он ведь так и не удосужился узаконить их отношения, и прав на наследство француженка не имеет ни малейших. Придётся ей, как мусульманке, изгнанной мужем, уходить только с тем, что на ней сейчас надето из вещей и драгоценностей. А на его дома и прочее имущество претенденты немедленно найдутся...

Этот довод, к слову, оказался весьма убедительным, воспитан ведь Лихарев был в традициях русской аристократии «серебряного века», и двадцать лет жизни «при большевиках» не успели поколебать его моральных принципов. Поэтому Валентин не только отошёл от всякой «политики», но и немедленно женился, как положено, с венчанием в кисловодской Свято-Никольской церкви, для чего Эвелин предварительно перешла в православие из своего католичества. Сделала она это с удовольствием, и отнюдь не только потому, что это был неизбежный шаг на пути к соединению с че-

¹ Соломенная вдова — женщина, у которой муж пропал без вести или находится в длительной отлучке (русск. устар.).

ловеком, к которому она относилась примерно как мадам Грицацуева к «товарищу Бендеру». Православная обрядность и церковная эстетика увлекли и восхитили совсем недавно весьма секуляризованную¹ профессоршу сами по себе. Что её поначалу как бы даже весьма удивляло, а потом начало удивлять и вызывать сожаление собственное бывшее католичество. То есть схизма².

Вообще если бы кто-то из прежних парижских знакомцев сейчас увидел Эвелин (во крещении Елену) Лихареву, то поразился бы до глубины души. Обрусела она самым категорическим образом. На российских харчах и при местных обычаях поправилась килограммов на десять, если не больше, и стала по-настоящему красивой молодой дамой с положенными формами, не выделяясь subtilностью на фоне женщин своего круга, тех же Майи с Татьяной. По-русски она научилась говорить практически без акцента, лишь с едва заметной картавинкой и не всегда точными интонациями и ударениями. Заодно усвоила принятую в «водяном обществе» стилистику и лексику, а также все подходящие «истинно русской» барыне манеры и привычки. При случае могла и по матушке выразиться, что в её устах звучало крайне пикантно.

Лихарев, как оказалось, на самом деле давно именно подобного и хотел. Примерно как Пушкин, изображавший в стихах свой идеал семейной жизни. Только не сумел этого сразу понять.

¹ С конца XIX в. в Европе термин, обозначающий всякую форму эмансипации от религии и религиозных институтов.

² Схизма (греч.) — раскол. Подразумевается раскол между православием и католичеством. Схизматик — до недавнего прошлого бранное выражение.

Отчего же сейчас вспомнилось что-то давнее, почти забытое? Ему что, мало того, что довелось пережить аж с самой Гражданской войны, о которой кроме него здесь мало кто не то чтобы задумывался, а вообще вспоминал? Да в текущей реальности та война оказалась почти игрушечной, продлилась всего около полутора лет и унесла ненамного больше сотни тысяч жизней со всех участвовавших сторон. Ни голода, ни тифа, ни «испанки», даже, считай, без взаимного организованного «красно-белого» террора обошлось.

Это же сколько лет назад он придумал себе псевдоним «Студент», начиная прямо из старших камер-пажей¹ (о чём никто, разумеется, из новых «товарищей» не подозревал) карьеру советского чекиста? Да девяносто с лишним! Летом восемнадцатого года, а как вчера всё случилось. Не совсем, конечно. Тогда было двадцать два, сейчас, как окружающие, включая жену, считают, — тридцать семь. Как Пушкину. На самом деле (или — фактически, как угодно можно сказать) — почти сто пятнадцать. Чуть-чуть помладше Михаила Басманова, но — одно поколение, просто полковник всю Мировую войну захватил, а Валентин — не успел.

И кто сейчас способен вспомнить, как умел смеяться над хорошим еврейским анекдотом начальник махновской контрразведки Лёва Задов, ставший потом, после Ежова, наркомом НКВД, Леонидом Михайловичем Заковским. Да что Заковский, и Ленина он близко видел, и Менжинско-

¹ Камер-паж — придворное звание воспитанников двух выпускных курсов Пажеского корпуса. Старший камер-паж, кроме учёбы и участия в придворных церемониях, обычно исполняет обязанности унтер-офицера или фельдфебеля в кадетских ротах корпуса.

го с Дзержинским, а со Сталиным вообще десять лет был почти неразлучен... Кому об этом расскажешь? Особенно в реальности, где никакого Сталина (в общепринятом смысле) вообще не было, если, конечно, не вспоминать малозначительного дореволюционного экспроприатора Кобу, делегата одного из первых съездов РСДРП.

Все эти мысли, пришедшие сейчас в голову, были и непонятны, и неуместны. К чему они? Разве что очередной всплеск интуиции, предвещающей серьезные жизненные перемены?

Валентин, довольный хотя бы тем, что благодаря гомеостату нет необходимости вести «здоровый образ жизни», приличествующий возрасту, взял с резного, инкрустированного слоновой костью столика портсигар, вместо сигарет «кинг сайз» наполненный не менее длинными, но более толстыми «Купеческими». Эти очень дорогие папиросы из смеси трапезундских и виргинских табаков ему нравились, несмотря на неподобающее его общественному положению название. Оформляясь на постоянное место жительства в этой реальности, Лихарев представил куда следует безупречные бумаги, подтверждающие его княжеское достоинство, после чего вполне законно напечатал визитные карточки с титулом и гербом, и во всех прочих официальных документах получил право именоваться должным образом. Титул сам по себе был ему безразличен, но позволял многое такое, что в исполнении человека «третьего сословия» вызывало бы у окружающих лишние вопросы.

Он с удовольствием закурил, наблюдая, как голубые струйки дыма поднимаются вверх в неподвижном воздухе. И вдруг неожиданно словно заслонка в мозгу открылась: он вспомнил, что вы-

звало у него под утро некое *томленье духа*. Ему приснился Александр Шульгин, больше и ближе знакомый как нарком Шестаков. То ли приснился, то ли *явился*, как это бывает в вещих снах. Похоже, разговаривали они долго, но, по ощущению, довольно сумбурно. Или просто многие детали несомненно важной беседы и *внутренняя логика* потерялись во время пробуждения, проскочили сразу из кратковременной памяти в подсознание, минуя долговременную. Но главное, кажется, осталось.

Шульгин пытался объяснить Валентину, где сейчас находится вместе с большинством своей команды. Представлялось, что в месте, не слишком подходящем *для нормальных людей*. Гораздо опаснее, чем Валгалла-Таорэра, но столь же отдалённом, судя по всему. Однако быть им там сейчас необходимо, несмотря на то, что и во всех *освоенных реальностях* снова *назревают события*.

Про то, что назревает здесь, в этой самой спокойной из возможных, Лихарев знал достаточно. Русско-британская война на пороге, тут не нужно быть ни пророком, ни агтрианским резидентом. Но вмешиваться в неё Валентин не собирался. Последний разговор с Левашовым помнил и решил отстранённо стоять до конца, как бы выполняя данное «Братству» «офицерское слово».

«Вернётся домой, — сказал тогда Олег, — и свободен. До особого распоряжения. Продолжай жить, как привык, но в полной боевой готовности. Никаких шуточек, хохмочек и прочих инициатив тебе впредь не дозволяется...»

Лихарев согласился. А какие могли быть возражения? Вот и жил, как привык, вполне даже недурственно. Денег хватало, занятий тоже. Регулярно встречались с Майей и Татьяной, пока длился их

«курортный сезон». С мая по октябрь дамы жили на вилле Ларисы, а на позднюю осень и зиму возвращались в Москву, к мужьям. Сам Лихарев эти месяцы предпочитал проводить вместе с Эвелин где-нибудь подальше, южнее экватора обычно.

Дайяна его больше ни разу не беспокоила, и ему не было интереса возвращаться на Таорэру, хоть на базу, хоть в девичий пансионат. Он думал иногда, что за прошедшее время минимум сотня девушек полностью завершили курс обучения и вполне готовы вернуться на Землю для «работы по специальности». Однако никаких известий, адресованных лично ему, оттуда не поступало, и косвенных признаков он тоже не замечал.

Вполне, кстати, возможно, что временная асинхронность продолжает действовать, способов проверить это, *не включаясь в процесс*, у Валентина не было. Очень даже вероятно, что там прошли всего неделя или две. Как, к слову сказать, и там, где сейчас пребывает Шульгин с товарищами. Едва ли стоит допускать, что они застряли где-то на целых два года и просто не хотят давать о себе знать. Скорее всего, у них *там* и месяца не прошло. Иначе трудно представить, чтобы и Левашов, и Воронцов каким-то образом его не проинформировали бы. Не чужие всё-таки люди, усмехнулся Валентин.

Он ведь и сам, если по-другому считать, провёл на Земле не девяносто лет подряд. Чисто биологически тоже выходит — не больше двенадцати лет на ГИП, учитывая частые отлучки «в нулевое время», да два года здесь и примерно полгода в три приёма на Таорэре и в *параллелях*.

Теперь, получается, опять что-то *сместилось*, раз Шульгин то ли *всплыл в реале*, то ли ночью во сне пригласил Лихарева на контакт через *астрал*.

Значит, наложенная на Валентина епитимья¹ закончилась или заканчивается. И он снова нужен, непонятно, правда, в каком качестве. По крайней мере, он так понял — следует быть готовым к возобновлению прежней деятельности, только не уловил, где и в какой роли.

Ещё, кажется, Шульгин говорил, что меры безопасности следует усилить, но как, зачем и в расчёте на кого — тоже туман. В общем, выходило так, что ему досталось нечто вроде письма в бутылке из «Детей капитана Гранта». Общий смысл ясен, а самое главное пропущено...

Он не услышал, как на веранде появилась Эвелин. Каким-то образом он её разбудил, хотя спали они в разных комнатах, Лихарев терпеть не мог, чтобы кто-то, пусть даже любимая женщина, находился с ним рядом в постели сверх необходимого. Возможно, причина её раннего пробуждения вызвана тем же, что и у него, — некоей проникшей в их обычный мир аурой, волновым воздействием иных слоев эфира. Или просто так совпало.

— Почему ты не спишь? — спросила француженка, подходя и кладя сзади подбородок ему на плечо.

— Да вот так. Утро позвало собой полюбоваться... — ответил Валентин, чуть поворачиваясь и приобнимая её за талию. Жена прижалась к нему чуть плотнее, причём не в банально-сексуальном смысле, а именно чтобы почувствовать

¹ Налагаемое на верующего исповедующим священником или церковноначалием наказание за нарушение религиозных канонов и церковных установлений. Обычно заключается в посте, молитвах и даже заточении в монастырь на какой-то срок или пожизненно.

его силу и поддержку и передать свою. Выглядела она более чем привлекательно, в надетом на голое тело цикламенового цвета пеньюарчике. Но обычного желания её слабо замаскированные прелести сейчас не вызвали.

Валентин совсем произвольно сравнил её с той, какой она была в Париже, когда вдруг под села к нему за столик в кафешке Латинского квартала, что недалеко от Нового моста (называвшегося так аж с шестнадцатого века, когда он был построен вдобавок к нескольким «Старым», стоявшим чуть ли не с тринадцатого...). Сначала она показалась ему просто очередной проституткой, не успевшей подхватить клиента раньше, но потом они быстро разобрались в ситуации. Не проститутка, а совсем даже целая доктор психологии, просто любительница внезапных и неожиданных связей. А с докторством у них просто — написала что-то вроде реферата, как в России для кандидатского минимума, доложила перед квалифицированным синклитом — вот и заветная приставка к фамилии «Dr. Phi.».

Однако чем-то зацепила она его тогда, слегка начавшего дичать от одиночества и бессмысленности жизни. Всего несколько дней они взаимно приятно и очень насыщенно пообщались, а потом Валентин почти экспромтом взял и пригласил её прокатиться в «снежную и варварскую страну», где даже к Наполеону отнеслись без всякого почтения...

Так до сих пор и живут, только теперь она Елена Лихарева и княгиня, к «сиреневым сумеркам Парижа» её совсем не тянет.

— Утро больно хорошее... — повторил Валентин, и женщина кивнула, не удивившись полному

несоответствию стоящих рядом слов. Теперь она знала русский настолько, что легко воспринимала на слух непере译имые на «богатые» европейские языки обороты.

— Хорошее. Но гроза будет? — сказала Эвелин полувопросительно.

— Верняком. И не только атмосферная...

— Война, да? А разве нас она как-то коснётся? Ты же не офицер?

— Ещё какой, — непонятно усмехнувшись, ответил Валентин, вспомнив свою учёбу в Пажеском корпусе, парады в Красном селе и кое-какие лихие дела в Гражданскую. Но не стал развивать тему.

— Не хочу войны. Тем более — большой европейской или даже мировой... — продолжила жена, словно пропустив мимо ушей довольно прозрачный намёк.

— Как говаривал один мой старший товарищ, «твой враг выбран не тобой, а для тебя». Так что нам остаётся воспринимать сие как данность...

Во всех комнатах одновременно, и на веранде тоже, вдруг мелодично затренькали вызовы аппарата внутренней связи. Так Валентин устроил, чтобы в случае чего не бежать «их светлостям» с мансарды в гостиную или наоборот, по приходу любого слуги, захотевшего что-то доложить хозяину.

Сейчас вот звонил привратник от нижнего въезда. Там у Валентина по ночам дежурил парный пост. Не какие-нибудь наёмные консьержи от частной охранной фирмы, а свои ребята, штатные, ежедневно занимающиеся «боевой и политической подготовкой». Охранник сообщил, что подъехала машина, за рулём знакомая дама и с ней ещё трое, «в списках не значащиеся».

— Я сказал, что хозяин раньше десяти не принимает, а госпожа Ляхова настаивает...

— Ну, дай ей трубочку, — сказал Лихарев, делая рукой жест, намекающий, что Эвелин стоит одеться чуть приличнее. Она кивнула и убежала к себе, сверкая длинными незагорелыми выше колен ногами.

Валентин, не выпуская трубки из рук, направился в свою спальню с той же целью.

Оригиналка, однако, Майя. Отношения у них, особенно у неё с Эвелин, были самые тёплые, но всё же в половину седьмого утра с визитом являться, заранее не предупредив! Разве что случилось нечто совсем уж из ряда вон...

Именно так он спрашивать не стал, но, извинившись, попросил без церемоний ехать прямо к дому и подождать в гостиной минут десять, поскольку, сама понимаешь, умыться, причесаться требуется, то да сё.

— Горничной у нас здесь нет, так что сама распорядись. Прохладительное и наоборот в холодильнике и в буфетной...

— Нет, так будет, — непонятно на что намекая, сказала Майя и рассмеялась серебристо, что в её исполнении могло означать абсолютно всё, что угодно. Любое настроение и любую затеянную шалость. Ну, раз смеётся, значит, неординарность из разряда приятных или хотя бы безвредных.

Валентин решил особенно не спешить, тщательно побрился, умылся, оделся по обстоятельствам, то есть в светло-оливковый летний костюм, только галстук повязывать не стал. Окликнул жену.

— Я буквально через пять минут, — отозвалась Эвелин, — ты пока спускайся, займи гостей...

★ Майя, несмотря на неприлично ранний час для светского визита, выглядела, как всегда, очаровательно, хоть и проснулась, надо понимать, никак не позже пяти, чтобы сюда успеть. Или, по столичной моде, вообще ещё не ложилась. Но там обычно такого *перевёрнутого* биоритма придерживались зимой — развлекались до поздней ночи или раннего утра, а потом спали часов до двух или трёх, а на Водах жили по более естественному графику, впрочем, тоже не все и не всегда.

Ляхова тут же подтвердила его предположение. В ответ на вопрос, почему она без Татьяны, ответила, что сегодня в дворянском собрании было небольшое «суаре»¹, потом сыграли в преферанс по маленькой, а тут и поручение поступило... А Татьяну немножко подвело соблюдение традиции — по рюмочке за каждый удачно сыгранный мизер, а мизеров ей сегодня шло много, и в выигрыше она сегодня в более чем приличном. Но за всё нужно платить, и поэтому она «в достаточно полуразобранном виде» предпочла отправиться домой, а не ехать бог знает куда в такую рань. Вот и пришлось одной.

Майя же выглядела, как всегда, свежо и привлекательно, успела даже сменить вечерний макияж на утренний. Она по привычке села за чайный столик у открытой двери в сад так, чтобы наслаждаться панорамой сопредельных гор и одновременно дать возможность хозяину полюбоваться длиной и безупречностью своих очаровательных ножек. У Эвелин они, конечно, тоже ничего, но на чужое смотреть всегда интереснее. Говорят — хорошо развивает воображение.

¹ Вечеринка (русско-фр.).

Не то чтобы она имела в виду соблазнить Валентина, но просто иначе у неё не получалось — требовалось постоянно чувствовать восхищённые мужские взгляды. При этом, в отличие от той же Татьяны Любченко, она, выйдя замуж за Вадима Ляхова, абсолютно никаких вольностей, кроме таких вот шуточек, кое-кого доводящих до опасной грани, себе не позволяла. Кто-то, помнивший её во времена достаточно эмансипированной молодости, ни за что бы не поверил в нынешнюю неприступность «светской львицы Бельской», а вот тем не менее. Со дня знакомства с Вадимом Ляховым — никаких вольностей на стороне.

— А ты ж чего? — спросил Лихарев, щедро бросавший заинтересованные взгляды на её колени и выше, чтобы сделать женщине приятное. Будто надеется, что повезёт ненароком увидеть что-нибудь сверх предъявленного.

— А мне мизера совсем не шли, или — не игрались. Я в таких случаях предпочитаю воздерживаться...

Вполне разумная политика, особенно в её положении «соломенной вдовы», изображающей высокую степень легкомысленности. Если ещё даст слабину по части выпивки, могут быть неприятные неожиданности (или — неожиданные неприятности), окажись вдруг очередной поклонник чересчур предприимчивым в подходящий момент. Есть же в словаре Даля неприличная поговорка насчёт того, что пьяная баба себе не хозяйка.

— Мне вахтёр сказал, что ты не одна. Где же прочие особы? — спросил Лихарев, будто только что заметив в гостиной отсутствие тех трёх человек, о которых говорил охранник.

— Прочие особы подождут во дворе. Им за господским столом делать нечего...

Лихарев промолчал. Зачем лишние вопросы? Всё, что нужно, она так или иначе скажет. А самому добиваться... Человеку его положения приличествует важность.

— За столом? Это правильно. Сейчас Леночка (он любил называть Эвелин самыми разными именами, производными и от настоящего, и от крёстного имен) спустится — позавтракаем. Ты как?

— С полным удовольствием. И выпить теперь уже можно. — Она заговорщицки улыбнулась, мол, сам всё понимаешь. — Да, наверное, у вас и заночую, если так можно выразиться, хотя бы до обеда. Не прогоните?

— Как ты можешь, Майя? — удивлённо-осуждающе спросила Эвелин, спускавшаяся по лестнице и услышавшая последние слова. Вот тут у неё нерусскость натуры ещё чувствовалась, не всегда различала тонкости стилистики. Не принято у них там, в Европах, выражаться оборотами, совершенно не совпадающими по форме со смыслом, в них вкладываемым.

— А чего такого? — притворно удивилась Ляхова. — Заявилась не вовремя, да ещё и на кормёжку набиваюсь. Вполне можно сказать: «Позвольте вам выйти вон!»

Эвелин перевела растерянный взгляд с гостыни на мужа. Она понимала, что это Майя так шутит, но уж больно, как это? *Заковыристо*, вот...

— Практиковаться надо, милая, практиковаться, — продолжила Ляхова уже другим тоном. — Пока тебе ещё прощается, но скоро ведь все забудут, что ты *приезжая*, и станут просто хихикать за твоей спиной. Ты, Валентин, её заставь каждый

день Салтыкова-Щедрина читать, Лескова и того, из твоей реальности... Да, Зоценко. И зачёты заодно принимай по ненормативной лексике, а то она до сих пор путается, когда вполне можно украсить фразу, а когда категорически нет, хотя бы и в чисто женской компании.

— Ладно, это мы учтём. Так насчёт завтрака что? Прямо сейчас накрывать?

— А чего тянуть? Я со вчерашнего вечера ничего приличного не ела...

С этими словами Майя коротко взглянула на Эвелин, не смотрит ли, и специально для Лихарева поменяла местами закинутые одна на другую ноги.

Валентин показал ей из-за спины кулак.

Всё же он слегка отделял себя от обычных людей, возможно, по-особенному его воспитывали, или в Гражданскую войну научился не отождествлять себя ни с белыми, ни с красными, ни с «махновцами» всех типов, чтобы проще жить было, а постепенно распространил этот отстранённый подход на весь род человеческий. Потому до сих пор умел смотреть вокруг как бы извне, словно из ложи на театральную сцену, где присутствует и он сам в качестве персонажа.

Вот и эта человеческая реакция на особой противоположного пола его в некотором роде забавляла, пусть и относилась к нему самому в полной мере. Майя, кстати, ему нравилась, и он с удовольствием «пригласил бы её в номера», как выражались старшие пажы и молодые корнеты в его юности. Тогда это выражение имело смысл, ибо где же ещё не имеющий собственной квартиры поклонник мог пообщаться с дамой сердца, иногда весьма высокопоставленной. На этот случай и были при-

думаны вуалетки и пышные веера, закрывающие женское лицо от посторонних.

В то же время прекрасно сознавал, что нет в ней абсолютно ничего такого, чего не было бы у Эвелин или сотен других девушек и женщин, с кем приходилось иметь дело. То, что отличает одну от другой, кроется гораздо глубже. А вот поди ж ты! Какой-то непреодолимый, «основной», как в известном фильме сформулировано, инстинкт включает определённые рефлекторные цепочки независимо от обстоятельств. Что, казалось бы, взрослому мужику мелькнувшие на мгновение перед глазами алые кружевные панталончики? Выйди на городской пляж, там сразу несколько сотен девиц увидишь в чём-нибудь гораздо более откровенном. И тем не менее...

Валентин отогнал совсем неуместную сейчас мысль и глазами показал Ляховой, что не время сейчас таким образом развлекаться. Ей. Тоже ведь вполне всем понятно, что продолжения не будет, и Лихарев никогда и ни за что не займётся адюльтером с женой... Скажем так — сослуживца. Однако вполне себе семейную даму эта игра как-то *заводит*, раз во вполне серьёзной обстановке удержаться не может.

Он напрямую связал — тут большого ума не требовалось — внезапный визит Майи со своим сном и её слова насчёт «поступившего поручения». Только не мог пока сообразить, в чём эта связь заключается. По времени совпадает, да и не та женщина мадам Ляхова, чтобы ни с того ни с сего подобные эскапады учинять. И ещё какие-то сопровождающие с ней, которых за господский стол пускать не стоит...

Эвелин начала суетиться на кухне, собирая на стол, чтобы не ударить в грязь лицом. Тоже весьма

странное выражение, если вдуматься. Да, русский, как она за два года убедилась, почти наполовину из чего-то подобного состоит, не чета даже «великолепному французскому». Нужно просто запоминать всякие заумные обороты речи и употреблять к месту, не озабочиваясь, зачем да почему.

— Так я тебя слушаю, — сказал Валентин уже деловым тоном, садясь напротив Майи так, чтобы стол заслонил наконец её ножки, оружие массового поражения.

Ляхова открыла свой портсигар, неотличимо похожий на настоящий блок-универсал (настоящего ей пока не полагалось по каким-то *братским* правилам), прикурила, пару раз выпустила дым, не затягиваясь.

— В общем, мне из Москвы позвонил Вадим, сказал, что получил инструкцию от Воронцова. Организовать тебе приличное прикрытие, потому что... Потому что есть варианты. Случиться может что-нибудь такое, с чем ты сам не справишься...

— Я — не справлюсь? — удивился Валентин. — До сих пор почти сотню лет справлялся...

— Не скажи. Когда наши товарищи навестили твою пятигорскую резиденцию, ты, помнится, не слишком справился...

Напоминание было крайне неприятным, но из песни слов не выкинешь. Впрочем, быть молодцу не в укор. Разобрались, в конце концов.

— Это ты не равняй. Само собой, против той команды мне было не устоять, да и то не так у них всё гладко вышло...

В отличие от Майи Лихарев, закулив, три раза подряд затянулся как следует — время выиграть и нервы чуть успокоить. Несмотря на гомеостат, никотин и алкоголь в момент употребления дей-

ствовали как положено, это уже потом нейтрализовались до последней молекулы, какую аппарат считал излишней подконтрольному организму.

— Вот чтобы ещё раз с участием кого-нибудь другого у тебя не повторилось того же самого. Одним словом, я сюда новую охрану привезла и заодно прислугу, *настоящую*. А то нехорошо как-то — княгиня сама тарелками и вилками гремит...

Эти слова Эвелин тоже услышала. Слух у неё был хороший и как бы избирательный, выделял из «белого шума» всё, что её как-то касалось.

— Прислугу? — Она вошла, толкая перед собой сервировочный столик. — Я давно Вале говорила, что надо бы нанять, а он всё против. Не терпит чужих людей в доме...

— Эти — не чужие. Очень даже свои. Понятливее и вернее любой собаки, — сказала Майя.

Сравнение француженке опять показалось странным. Собаки и прислуга. При чём тут?

А Лихарев уже догадался: насчёт воронцовских биороботов он был в курсе.

Аггрианская цивилизация предпочитала обходиться для своих целей живыми людьми, вроде него самого, кстати, Сильвии, Ирины и девушек, разумеется, что он с собой привёз. Правда, с тех пор так ни одну больше не видел. Только слышал, что военную карьеру в столице делают успешно. Это его радовало.

Но вот форзейли в этом деле преуспели, и Антон, забыв установленные у *них там* правила, снабжал ими Братство почти что в неограниченных количествах. По крайней мере, так ему казалось. На самом деле биороботов было совсем немного, в основном они служили матросами, офицерами и прочими специалистами на пароходе Воронцова, «схо-

дя на берег» только в исключительных случаях и на непродолжительное время.

— Ну, познакомь, — пожал он плечами, вставая. — Пойдём, Эля, полюбуешься.

Жене он не стал раскрывать истинную суть роботов, которых по внешности и поведению от людей отличить было совершенно невозможно, без вивисекции, конечно. От Левашова он слышал, что даже на роль любовницы для нужного клиента любого из них запрограммировать можно, и никто ни о чём не догадается. До поры до времени, естественно.

В беседе напротив крыльца они увидели двух мужчин и женщину. Одному на вид было лет сорок, внешность вполне располагающая, черты лица правильные, фигура не очень массивная, но сила чувствовалась, и не просто грубая физическая, а *специализированная*. Мог бы так выглядеть кадровый строевой фельдфебель штурмгвардии, если здешними реалиями оперировать. Не интеллигент, но явно умный человек, по-народному, так сказать, умный. И наверняка мастер на все руки — от варки щей из топора до ремонта подручными средствами брекетов Павла Буре.

Второй помладше, около тридцати, ростом выше, голубоглазый, очень светлый шатен. Лихарев при случайной встрече определил бы его как человека с хорошим образованием, но не «ботаника», а весьма спортивного, тренированного парня какой-нибудь интересной профессии. Ну, геолога, может быть, или путейского инженера (очень в этом мире уважаемая профессия, что-то вроде жюль-верновского Сайреса Смита).

А третья — женщина. Дальше от тридцати, ближе к сорока пяти. С лицом не то чтобы красивым,

но по всем параметрам безупречным. Бывает такое интересное сочетание. Женщина, с которой мало кому придёт в голову заигрывать. При том, что и пропорции тела никаких претензий не вызывают, вполне можно натурщицей для первокурсников Академии художеств ставить, чтобы сразу поняли, как должна *нормальная* женщина выглядеть, созданная для реальной жизни, а не салонных забав. «Некрасовская» такая, в отличие от «тургеневской».

С умом типаж подобран, подумал Лихарев. Главное, если эта дама чем-то вроде домохозяйки будет, у Эвелин никаких оснований для ревности точно не возникнет. Спокойно сможет её наедине с мужем оставлять, даже при длительных отлучках.

— Вот, прошу любить и жаловать, — с некоторой даже гордостью указала на вставших при появлении людей андроидов Майя. — Это — Баян, — представила она старшего мужчину, — это — Варяг, а она — Диана. Господин Воронцов всех своих подчинённых этого рода называет исключительно по именам кораблей старого русского флота. Вкус у него такой. А вы, конечно, можете им дать любые другие, на ваше усмотрение. Баяна лучше всего использовать в роли дворецкого, шофёра, начальника службы безопасности. Поваром тоже может. Варяг — мастер на все руки, в буквальном смысле, одновременно — большой интеллект и эрудит, во всех областях, всемирную информационную сеть вполне заменит, ибо к ней же и подключен. В смысле боевых качеств — все трое на одном уровне, то есть могут всё, что любой спецназовец, детектив, ниндзя даже, только гораздо лучше. Пока они с вами, можете не бес-

покоиться. Если даже сами ещё ничего не заметите, они и угрозу распознают, и все нужные меры примут...

Диана может быть, как вы уже догадались, домоправительницей, личной горничной хозяйки, попутно парикмахершей, домашним врачом, швейей и модисткой, телохранительницей, конечно...

— А также всем, что потребуется впредь, — сказала вдруг Диана приятным, чуть низковатым, многим мужчинам нравящимся голосом (она и на роль дикторши или ведущей программ дальновидения вполне бы подошла), процитировав последний пункт из универсальной резиновой резолюции товарища Польшаева, персонажа «Двенадцати стульев». Валентин от неожиданности рассмеялся, а Эвелин опять не поняла.

— Ну вот и всё, пожалуй, — завершила Майя. — Если согласны, новые сотрудники готовы немедленно приступить к своим обязанностям...

Эвелин выглядела несколько ошарашенной, не совсем понимая, то ли каким-то специальным жаргоном муж с Ляховой вдруг заговорили, либо она видит картинку времён крепостного права, о котором имела понятие в основном из «Мёртвых душ». Иначе как истолковать все эти слова — «Воронцов посылает», «можете дать им какие угодно имена»?

— Я тебе потом всё растолкую, у нас в «Братстве» есть много вещей, для постороннего взгляда странных, — успокоил Валентин жену и уже для Майи: — Да сейчас пока не совсем ясно насчёт обязанностей, неожиданно как-то, — сказал Лихарев, на самом деле очень довольный таким знаком внимания со стороны «старших», но ещё не решивший, как именно воспользуется «подарком с барского плеча».

— Да от вас пока ничего и не требуется, Валентин Валентинович, — вслед за Дианой подал голос и Баян. — Укажите нам помещение, где мы разместимся, и занимайтесь своими делами. А мы — своими.

Очень рассудительно «дворецкий» это произнёс, веско так...

— Да у меня и помещения особого нет. В доме нам самим едва хватает. Разве — флигель вон тот, — Валентин указал на небольшой домик в правом верхнем углу участка. — Так там только так... две комнатки, одна с инструментом и припасами кое-какими, вторая — вроде мастерской. Станки, верстак, стол, шкафы да ящики всякие. Топчан, правда, есть...

— Нам другого и не надо, ваша светлость, — сказала Диана. — Нам ни спать, ни есть не нужно, и мне отдельное от «мужчин» помещение не требуется. Просто, чтобы место было, куда с ваших глаз укрыться, когда не нужны... И одежду с *принадлежностями* всякими развесить-разложить...

Эвелин смотрела и слушала с широко раскрытыми глазами. Хорошо хоть не ртом. До неё стало доходить, что это — не иначе как только в кино и книгах бывающие андроиды. Ни о чём подобном ей Валентин не рассказывал, хотя общее представление о *неординарности* мужа и его приятелей она имела. Ещё с самого начала здешней своей жизни.

— Ну, значит, быть по сему, — согласился Лихарев. — Там и размещайтесь. И ждите распоряжений... — ничего другого он с ходу придумать не смог.

— А чего ждать? — удивился Баян. — Сразу и займёмся каждый своими делами. С вашего позволения, охранников и садовника я прямо сейчас

рассчитаю. За месяц вперёд заплачу, раз без предупреждения, и пусть уходят. Как-нибудь и без них справимся.

Лихарев подумал, что не так всё просто получается с этими вроде как слугами автоматическими. Сразу и не поймёшь. А делать всё равно нечего, обратно не отправишь. Дела, похоже, и вправду непростые затеваются. Пусть лучше так.

— Хорошо, действуйте, — кивнул он. — *Чистый вам карт-бланш*, как говорится. А вы, Диана... ну, пусть будет Петровна (не Зевсовной же её называть), с Еленой Ивановной (отца у Эвелин Жаком звали, хорошо, хоть не Жаком) свою диспозицию потом обсудите... А деньги для расчета? — вспомнил он.

— Будьте спокойны, — с тонкой, очень ему идущей улыбкой ответил Варяг, — мы располагаем достаточными средствами для обеспечения своих функций. Когда нам имена с фамилиями придумаете — паспорта и прочие документы тоже сами выправим. Оснований для претензий мы вам постараемся не давать.

Вернулись в гостиную и наконец сели за стол. Без горячего Майя согласилась обойтись, хотя Эвелин предлагала яичницу приготовить, предел своих кулинарных способностей. Она, хоть и французенка, никакими тайнами национальной кухни не владела, с юных лет погрузившись в науки возвышенные, и лет десять, до знакомства с Лихаревым, умела только кулинарные книжки от нечего делать листать, зато на многих языках. Но теперь, как предположил Лихарев, у них в любой момент будет стол, не уступающий царскому. Как-то они с женой видели на выставке в Кремле роспись

блюд обеда в честь коронации Александра Третьего, ещё в тысяча восемьсот восемьдесят втором году. Очень впечатлило. Причём карточки меню были оформлены и разрисованы самим Васнецовым. Который Виктор¹.

— Ну так в чём же всё-таки дело? — спросил Валентин у Майи, когда выпили по рюмочке, невзирая на достаточно ранний час (впрочем — кому как), — неужели Вадим ничего определённого тебе не сказал?

О своём разговоре во сне с Шульгиным он пока не упоминал.

— Вадим сказал, что если начнётся война с Англией, непременно оживятся все враги России на Кавказе и вообще за периметром. То, что случилось в Пятигорске², может повториться десятикратно. На этот случай всем нам нужна защита.

— Не проще ли вам с Татьяной, да и мне с Эвой просто уехать, хотя бы и в Москву?

— Это — ваше дело. Нам уезжать Вадим не советовал. В случае войны столица опаснее отдалённых провинций. Просто рекомендовал быть начеку.

— Всё равно не очень понятно. То, что было — было. Но сейчас-то, если мы предупреждены, у нас есть чем защититься от любого врага, ты же знаешь. Я никогда не использовал эти возможности, всегда удавалось обходиться вариантами попроще, но если вынудят... Кроме того, всегда есть возможность уйти... Далеко, в общем.

¹ Всего художников Васнецовых в России было больше, чем писателей Толстых, четыре — Виктор, Аполлинарий, Андрей и Юрий. Два брата, внук и какой-то дальний родственник. Двое последних — лауреаты Госпремии СССР.

² См. «Билет на ладью Харона».

— Я не знаю, — повторила Майя, — как вам следует поступать. Просто выполняю поручение...

У неё имелся кое-какой опыт оперативной работы, ещё когда она, так сказать, *пограбывала* в качестве *полевого агента* у отца в Бюро Специальной государственной информации, организации сугубо секретной, занимавшейся вопросами, которые по той или иной причине нежелательно было доверять Министерству госбезопасности. Так что дилетанткой Майя не была.

— Но сама думаю так — вся беда в том, что ни ты, ни кто-нибудь другой не в состоянии находиться на чеку двадцать четыре часа в сутки и непрерывно озираться и прислушиваться. Ты можешь подстраховаться от уже известной и понятной опасности, но...

— Как-то, хм (он чуть не ляпнул — сто лет, а это для Эвелин было бы уже слишком), достаточно здесь прожил, и не в самые простые времена, — не хотел просто из упрямства соглашаться с Майей Валентин, хотя и понимал, что в принципе она права.

— Не равняй грешное с праведным. Не мне тебя учить. Сегодня, насколько я знаю, «красная черта» давно перейдена. Потому тебе и посылают такое «усиление». Вот они могут нести службу и сохранять бдительность круглосуточно. С нами «у Кшесинской»¹ пятеро таких два года прожили. Никаких проблем и никаких претензий...

¹ «У Кшесинской» — так Майя называет виллу Ларисы в Кисловодске, перестроенный ею и реставрированный особняк, действительно принадлежавший знаменитой русской балерине Матильде Кшесинской (1872 — 1971), любовнице практически всех великих князей Романовых, в том числе будущего Николая Второго и его брата Михаила.

— Ну, допустим. А заодно также круглосуточный присмотр. Шаг вправо, шаг влево...

— Если бы так, к тебе «охрану» надо было представить сразу после... Однако ж нет. Значит, не в тебе фактически дело.

Эвелин надоело слушать разговор, в котором она снова мало что понимала. То есть понимала прямой текст, а все вторые и третьи смыслы, разумеется, упускала. Лихарев её в подробности своих занятий не посвящал, за исключением самых приблизительных и поверхностных сведений. Да она и не настаивала, француженка ведь, не русская, та бы в первые же дни с живого не слезла, пока не выяснила всё, до донышка.

Поэтому она решила перевести разговор на более интересную и, как ей казалось, важную тему. Начала расспрашивать Майю о роботах. Откуда они вообще взялись, каким образом могут произвольно менять специализацию, как именно получилось, что за всё время их знакомства ни Майя, ни Татьяна даже не обмолвились, что их великолепно вышколенные и превосходящие любого эталонного слугу из мировой литературы и драматургии — никакие не люди. И как, наконец, сочетается общепланетный уровень вычислительной техники и, так сказать, «интеллектроники» с бытовым использованием (и только ими) абсолютно человекоподобных механизмов. Даже не в технической начинке дело, во внешности и манере поведения. Она ведь специалист не из последних, и именно по межличностным коммуникациям, она бы сразу заметила фальшь, пусть эти «роботы» изображают не французов, а русских...

Переглянувшись с Валентином (в том смысле, что «давай я отвечу, у меня эмоционально убедит-

тельной получится»), Майя подошла к балюстраде, оттолкнувшись руками, ловко на ней уселась боком, не боясь пропасти за спиной, сплела ноги у щиколоток, достала сигарету. Валентин предупредительно поднёс ей огоньку.

С минуту Ляхова смотрела на панораму гор, на вереницу курортников, потянувшихся по лестнице в сторону целебных источников. Она не была психологом, как Эвелин, но с времён своей *спецслужбы* умела великолепно конструировать, причём экспромтом, *легенды*, гораздо более правдоподобные, чем скучная проза жизни. Валентин, поняв, что требуется для убедительности и *полноты образа*, подал ей бокал вина, как лектору на кафедре *непременный* стакан воды или холодного чая.

С видом, будто сообщает величайшую тайну, Майя поведала, что есть у известных Эвелин Ляхова и Тарханова начальник, приближённый к самому Императору, и вот этот начальник, имя которого всуе упоминать нет необходимости, в довольно давние времена каким-то образом вступил в контакт с инопланетными пришельцами. Что там было и как на самом деле, никто не знает, но тот человек, возможно, за какие-то услуги, получил доступ (или — награду) к оставляемым пришельцами при улёте с Земли (возможно — за ненадобностью) артефактам, в том числе и к самовоспроизводящимся роботам, которых можно программировать и для исполнения всякого рода человеческих, а не только инопланетных функций.

Вот благодаря своему служебному положению в императорских тайных канцеляриях флигель-адъютант Ляхов и Герой России Тарханов получили право (как получают право на служебный ав-

томобиль или персональную охрану) пользования этими и кое-какими другими возможностями, составляющими государственную тайну высоких степеней. А сейчас за оказываемые Его Величеству услуги такого права удостоен и статский советник Лихарев. Так, слегка произвольно, Майя интерпретировала звания, которые Валентин носил на сталинской службе.

Эвелин слушала, в буквальном смысле раскрыв рот. Её европейский менталитет ещё недостаточно перестроился, чтобы скептически относиться ко всем тем байкам, что можно услышать в России от самых серьёзных и заслуживающих уважения людей. Во Франции отчего-то, при наличии вполне развитой литературной традиции, не появилось поговорок, аналогичной русскому «Не любо, не слушай, а врать не мешай!».

Майя в глазах Эвелин заслуживала полного доверия и за свои личные качества, и исходя из положения мужа и отца, поэтому рассказ её восприняла с абсолютным доверием, только по ходу весьма эмоционально демонстрировала своё удивление и восхищение. Последнее — тем, что и она с Валентином тоже приобщены к «сильным мира сего». До этого она была всего лишь княгиней, а теперь вознеслась в собственных глазах несравненно выше.

Лихарев несколько раз по ходу Майиной «саги» показывал ей из-за спины Эвелин жестами и мимикой полное одобрение, заодно и опрокинул две или три рюмочки.

Отлично всё получилось. Вроде как совершенно случайно он избавился от необходимости каждый раз изыскивать объяснения для многих своих поступков и случайных проговорок. Отныне мож-

но ни о чём не беспокоиться, в случае необходимости значительно возводя глаза к небу или потолку и прикладывая палец к губам — остальное Эля сама додумает.

Да и наличие в полном своём распоряжении аж трёх роботов, возможности которых Валентин вполне представлял, не могло не радовать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Спасибо за лекцию, — с лёгкой иронией в голосе сказал Лихарев. Но тут же и поправился, чтобы ещё больше Эвелин с толку не сбивать. — Очень ты доходчиво всё по полочкам разложила. Мне и утруждаться больше не придётся, если что, Эва сразу к тебе обращаться будет...

— Да я-то что, я всегда пожалуйста...

— Но мне всё же хотелось бы знать, какова моя предполагаемая роль в предстоящих событиях. Вадим или кто-нибудь повыше не удосужился разъяснить? А то прямо какой-то сорок первый год получается: «В ближайшее время ожидается нападение противника. Никаких подготовительных мероприятий не проводить, на провокации не поддаваться». Смешно, тебе не кажется?

О каком сорок первом годе говорит Лихарев, Майя примерно представляла, а Эвелин совсем не догадывалась: Валентин не считал нужным грузить её теорией множественности миров и историй каждого из них.

— Что я тебе могу сказать? Что от меня требовалось, я выполнила. Имей в виду — собственный персонал тебе передала. А когда смену пришлют, я не знаю, так что всего двумя «помощниками»

нам с Татьяной обходиться придётся, — в голосе её прозвучала искренняя обида, они действительно привыкли к большому количеству слуг невиданной здесь квалификации.

— Придётся самому разбираться. Не люблю непонятностей, особенно в подобных делах. Вы подождите меня немножко, надеюсь, не заскучете...

Валентин удалился в свой кабинет-мастерскую, какой оборудовал в каждом своём обиталище, не доверяя ни внешнему спокойствию нынешних мест, ни современным охранным системам. Кроме аппаратуры, он ничем особенно не дорожил, даже значительную часть «золотовалютных резервов» держал не в банке, а дома, в металлокерамическом сейфе, недоступном ни талантам взломщиков любых квалификаций, ни взрывчатке в безопасных для самого грабителя количествах. Что же касается мастерских, он ставил их так, чтобы проще было здание скрыть с лица земли и по кирпичику разобрать, чем до внутренностей бетонно-стального бункера обычным образом добраться. Прошлый раз захватившая пятигорский дом команда, включая Новикова, Шульгина, девиц и прочих нечеловеческих помощников, сумела Валентина живьём взять только потому, что Левашов внутри подвала раньше него оказался. А то бы и они ловили конский топот¹.

Стало бы Лихареву лучше или хуже, сумеет он тогда уйти, — отдельный вопрос, но теперь и к повторению предыдущей уловки он был готов. К охранный системе были добавлены ещё кое-какие технические средства, чтобы и инопланетному су-

¹ См. «Хлопок одной ладонью», т. 2.

ществу со способностями не слабее агтрианских очень бы не по себе стало в этой «комнате Синей бороды», как он называл свою мастерскую, имея в виду присутствие в доме Эвелин. Но она-то броневую дверь шпилькой для волос открывать не станет, особенно если муж не велел, а любому другому подземелья египетских пирамид за курорт покажутся, в случае чего¹.

Он уже приблизительно догадывался, зачем передача ему роботов была обставлена таким образом, но уточнить не вредно.

Выходило так, что «братья» опасаются возможного перехвата их контакта с Лихаревым какими угодно службами, причём земными — в последнюю очередь. Дутгурами, скорее всего, пусть те и не давали о себе знать уже почти два года. (Здесь, впрочем, не подавали.) Незасвеченная боевая единица им нужна, и не входящая в круг внимания дутгурских стратегов территория на всякий пожарный случай. В буквальном, а не идиоматическом смысле.

С помощью имеющейся аппаратуры Валентину не составило труда выйти на московскую городскую АТС, а уже через неё — на телефон Ляхова — Секонда, и если бы кто связь полковника отслеживал, узнал — звонок производился с уличного телефона-авомата неподалёку от Сретенских ворот.

Вадим снял трубку уже на третьем гудке.

Поздоровались. Лихарев как бы из простой вежливости сообщил, что «соседка» только что заезжала и «посылочку» передала, за что господину полковнику горячая благодарность.

¹ На тему охраны египетских пирамид от грабителей см. например, И. Ефремов, «Великая дуга».

— Только не совсем понял, для чего это всё и следует ли данный «гостинец» понимать, как призыв из запаса. Если да — то смысл?

У Ляхова телефонная связь просто по должности была заведомо защищена от всяких прослушек, если только вообще весь информационный обмен в стране не находится под постоянным контролем. Такое, в принципе, тоже возможно, но всё-таки маловероятно. Однако Валентин не пренебрегал и самыми примитивными способами кодировки. Не помешает. Многих именно «прозрачность» шифра с толку сбивает. Обязательно ищут высших смыслов в самой примитивной телеграмме типа: «Харькове Арзамасе Минске индюку давайте исключительно овёс толокно»¹.

— Да, камрад, именно так всё и следует понимать, — ответил Ляхов. — Тут не моя инициатива, один любитель длительных морских путешествий подсказал...

Лихарев понял, что речь идёт о Воронцове. Он действительно вправе принимать любые решения по своему усмотрению, особенно в отсутствие поблизости остальных «братьев». А уж чем руководствуется...

— Так, может, мне прямо с ним связаться? Есть вполне безопасные способы.

— Твоё дело. Но если б он хотел, он бы так и сделал, а раз нет... Думаю, нужно будет — инструкции поступят. У меня лично есть мнение, что тут просматривается какая-то привязка к «Кулибину». Не исключаю, что адмирал име-

¹ Случай времён Первой мировой войны. Некий обиженный муж послал любовнику жены телеграмму такого содержания. У получателя были серьёзные неприятности с контрразведкой, хотя достаточно было прочесть текст как акrostих.

ет в виду с его помощью наш «Крест» сдублировать...

Кулибиным в определённое время служба Тарханова именovala профессора Маштакова, квартировавшего тогда под Пятигорском и занимавшегося конструированием всяческих штучек вроде «Гнева аллаха» по заданию «Чёрного интернационала» и под контролем как раз Лихарева, ведшего тогда самостоятельную игру на «мировой шахматной доске»¹. А ещё Маштаков вместе с Удолиным одно время весьма интересовались разработкой надёжной методики поиска стабильных «кротовых нор», то есть природных каналов, связывающих разные времена и пространства в пределах Земли. По типу Уральского тоннеля и того, что вывел Секонда с Фёстом из Палестины в Новую Зеландию и на сотню лет назад.

Мысль показалась Лихареву интересной, особенно в свете того, что Маштаков давно и успешно служит под контролем императорского Управления спецопераций. И выходит, что господин флигель-адъютант темнит, выдавая за собственную догадку то, что ему должно быть достоверно известно. Или — не он темнит, а Воронцов, собираясь ввести Лихарева в игру, реализует собственные схемы прикрытия...

— Ясно, что ничего не ясно, — туманно выразился Валентин, уходя в сторону от темы, деликатно обойдённой Секондом, сказавшим при этом вполне достаточно. — Ну, тогда пусть те, у кого зарплата больше, сами думают. Второй вопрос — насчёт партии в бридж с ребятами с туманных островов. Насколько это серьёзно, из Москвы глядя.

¹ См. «Дырка для ордена», «Хлопок одной ладонью».

— А разве ты по своим каналам не интересовался? — спросил Вадим, зная о подлинных возможностях Лихарева, именно для таких дел и сидевшего на Земле скоро сотню лет.

— Не поверишь — нет. Я обещал не вмешиваться ни во что — вот и не вмешиваюсь. Мне и так неплохо, а станет хуже — есть куда переместиться. Вот только то, что в здешних газетах для курортников пишут, и читаю. Даже не каждый день...

Лихареву показалось, что его слова несколько озадачили Ляхова. Ну и пусть. Парень вообще многовато о себе воображает, и после стычки, связанной с несанкционированным использованием системы СПВ¹, Валентин с ним вообще избегал дел «Братства» касаться, хотя и встречались семьями время от времени, куда же от этого денешься.

— Очень даже серьёзно. Самая что ни на есть полномасштабная война на пороге, только все делают вид, что взаимно блефуют, ждут, кто первый карты на стол бросит. Но на самом деле обратного хода уже нет. Слишком тут много факторов и интересов завязано. Как в июле четырнадцатого. Мир созрел... Раздолбать-то мы их раздолбаем, да ещё с помощью «соседей», но мясорубка будет знатная...

— И зачем вам это надо? В моё время товарищ Сталин, пожелай он этого — и сотня Меркадёров² задачу выполнила бы точно и в срок. И все Судоплатовы, Эйтингоны и Заковские лично у меня по «Особой папке» проходили, только команды ждали...³

¹ См. «Мальтийский крест».

² Меркадёр Р. — испанский коммунист, по заданию НКВД убивший в Мексике в 1940 г. А. Троцкого. Герой Советского Союза.

³ Судоплатов П., Эйтингон Н. — сотрудники НКВД-НКГБ, занимавшиеся вопросами разведывательно-ди-

— Чего же тогда сорок первый год приключился? Нельзя было теми же методами предотвратить? — с определённым ехидством осведомился Ляхов.

— А это опять не ко мне вопрос. Я бы предотвратил, если б команда прошла. Команды не было, да и меня там давно уже... Другие люди решили партию по-другому разыграть, в итоге вместо полусотни человек пятьдесят миллионов угробили. Это не ко мне, — повторил Валентин. И говорил он совершенно искренне. — Оставайся я возле Сталина в прежней должности и получи нужный приказ, спокойно, к примеру, в Мюнхене¹ всем фигурантам с той и другой стороны ДТП организовал, взрывы бытового газа и оч-чень недоброкачественные салатики к столу подал... И кто бы тогда Судеты подарил и кому, кто бы будущую мировую войну начал?

Тут он не шутил, организация серии *красивых* терактов отняла бы у него не больше недели.

версионной деятельности, организаторы ликвидации Троцкого и ряда других персонажей. Заковский Л. — Генеральный комиссар госбезопасности, в реальности Лихарева сменивший Ежова (вместо Берии). «Особая папка» — на самом деле довольно большая бронированная комната, хранилище личных дел и других документов высшей степени важности и секретности, контролируемое «Особым сектором» ЦК ВКП (б), в котором работал Лихарев до 1938 г, в широком смысле — номенклатура лиц, стоящих на особом учёте.

¹ 29.09.38 г. в Мюнхене состоялась встреча Гитлера и Муссолини с премьером Англии Чемберленом и Франции — Даладье. Был решён вопрос о расчленении Чехословакии между Германией, Венгрией и Польшей (и после этого поляки до сих пор обижаются на пакт Молотова — Риббентропа, а венгры «Будапешт-56» вспоминают. В *тот* момент на себя бы посмотрели.). Мюнхенское соглашение непосредственно предопределило развязывание 2-й мировой войны.

После чего планету наверняка ждали лет десять сравнительно мирных лет. И даже без помощников обошёлся бы, всё — своими руками. Другое дело — те же Сильвия с Дайяной подобных инициатив у подконтрольных координаторов не поощряли. «Доктор сказал — в морг, значит, в морг». Возможно, и потому всего двумя месяцами раньше Мюнхена Лихарев из того судьбоносного года ушёл, предпочёл бестолковые и опасные тридцатые годы XX века тихому и уютному началу двадцать первого века. Да ещё несколькими реальностями дальше от исходной, предоставив мёртвым, как сказано в Библии, «самим хоронить своих мертвецов».

Судя по молчанию Ляхова по ту сторону провода, слова Валентина его не то чтобы удивили, но...

На самом ведь деле — по лихаревскому варианту уже сегодня можно решить проблему и завтра с утра приступить к очередным задачам по «Мальтийскому кресту».

— Ну, товарищ, ты тоже вопрос не ко мне адресуешь. И даже Императора теперь переубеждать бессмысленно. Он решил Англию на век вперёд по уши в землю вбить и от этой идеи не отступится...

Сам Вадим был бы стопроцентно за лихаревскую идею. Он хоть и военный человек, которому где и когда ещё, как не на *хорошей войне*, себя проявить. Но... Он ведь успел стать не только приличным генштабистом, но и царедворцем, то есть в определённой мере государственным деятелем. Догадывался, или *нутром* чуял, что веком спустя запущенная, успевшая подзаржаветь мясорубка может и не выключиться согласно программе, а так и пойдёт крутить, как другая, из параллели, заработавшая в четырнадцатом да толком больше

вообще не остановившаяся. Пусть и не в его мире это было¹.

И сейчас Вадиму подумалось — а не взять ли на себя историческую, так сказать, роль? Попытаться лично тоже переиграть историю, но не постфактум, как его старшие товарищи это неоднократно совершали, а превентивно. Тем более у него вдруг появился совершенно неожиданный союзник. По крайней мере, ещё несколько минут назад он Лихарева в этой роли не видел.

— Слушай, Валентин, — сказал он, — а ведь ты, на мой взгляд, дело говоришь. Я бы с тобой в комплот вступил. Только кто я есть? Что по одной жизни, что по другой. Фёст, тот у себя покруче устроился: вместо Президента американцам свои условия диктует... А я? Знаешь, наверное, стоило бы, если ты всерьёз говоришь, с адмиралом все обсудить...

При этом Ляхов, по обрётённой вращением в высших сферах привычке, умолчал, что у него самого уже имеется договоренность с Воронцовым о совместных действиях без санкций с ныне отсутствующей верхушки «Братства», и даже не ставя в известность Фёста.

«Если мы в сфере внимания Ловушки сознания, то внезапность и несогласованность действий *поднадзорных* способна лишить её позитивного целеполагания и в итоге просто вывести из строя...»

¹ У автора есть мнение, что Первая и Вторая мировая войны, а также все следовавшие после 1945 г. вооружённые конфликты являются всего лишь разными, дискретными фазами одной и той же войны, начатой 28.07 — 04.08.1914 г. Австро-Венгрией и Германией против стран Антанты. Желаяющие могут проанализировать цепочку военных и политических событий, их связность от начала и до сегодняшнего дня.

Примерно в этом роде выразился в одном из разговоров с Секондом Дмитрий Сергеевич. Поначалу Вадиму казалось странным и недостойным *конспирироваться* от Фёста, от самого себя фактически, а потом, немного подумав, согласился с Воронцовым. На самом деле, хоть Ловушке, хоть мыслящему существу куда труднее будет планировать свои *акции*, если считающаяся единой коалиция начнёт вдруг вести себя непредсказуемым и не поддающимся логическому обоснованию образом. Как если бы каждый футболист команды противника начал играть в свою, причём неизвестно какую игру — кто в регби, кто в гандбол, а кто-то по-прежнему в футбол, но американский, с единственной целью — загнать мяч в ворота противника, не считаясь при этом с человеческими жертвами. И не было бы на поле арбитров, чтобы это безобразие прекратить.

А самому «Братству» такая вакханалия как бы и без разницы, поскольку никаких *позитивных* целей у него с самого начала не было, за исключением собственного выживания и, во вторую очередь, поддержания окружающих реальностей в приемлемом для жизни состоянии.

Что же касается теперешнего предложения Лихареву встретиться с Воронцовым, так прошлый конфликт у Валентина с Ляховым приключился как раз из-за того, что Вадим требовал устроить ему канал межвременной связи с пароходом, находившимся в двадцать пятом году югоросской реальности, а Лихарев отказывался, ссылаясь на прямое указание Левашова не лезть больше во внепространственные и любые другие дела «Братства». А теперь, значит, как бы и наоборот получается.

— Мне что. Могу. Прямо сейчас. Только я, как и тогда, буду на твоё указание ссылаться, — засмеялся Валентин. — Мне ведь прежнего табу никто, кроме тебя, не отменял...

— Давай, ссылайся.

— Значит, схожу. На море посмотрю, пива дарового выпью. Твою Майю как, в Кисловодск под охраной отправить или с собой прихватить?

— Это уж как она сама захочет.

— Лады. Тогда — до побачення...

По-прежнему страхуясь от «всеволновой» пеленгации с последующим немедленным ударом по вычисленному местоположению боевыми медузами (хватит, один раз уже взглянули «глаза в глаза»¹) или чем-то похуже, Валентин решил действовать по примитивной, но действенной партизанской тактике. Выйти на связь внезапно, из неожиданного места, и тут же сменить дислокацию, быстрее, чем наблюдатели успеют вообще отреагировать на твоё появление в эфире.

Он оставил женщин болтать на интересные для них темы, а сам спустился на нижний двор (участок имел ступенчатую форму и состоял из двух уровней — внизу хоздвор с гаражом и «службами», как эти строения по-прежнему здесь назывались, а наверху — собственно дом и сад для отдохновений). Такая планировка позволила заодно устроить под верхним уровнем солидный железобетонный бункер в сотню квадратных метров площадью, хорошо заглублённый в гору. Как Лихарев шутил — нужно же где-то лопаты хранить.

¹ См. «Мальтийский крест».

Возле гаража велел, входя в роль барина, уже освоившемуся на новом месте Варягу приготовить машину к не слишком долгой поездке, то есть припасов и запас бензина не брать, но оружием озаботиться, и показал, где хранится его арсенал. Андронид, знакомый с оперативной обстановкой на КМВ, полномасштабных боевых действий в ближайшее время не предполагавшей, кроме двух револьверов «Смит-Вессон» выбрал короткие, издавна смахивающие на обрезы гладкоствольные «Снайдеры» десятого калибра с подствольными магазинами на пять патронов. Обычному человеку такое ружьё почти ни к чему, охотиться из него — только на гризли или пещерного медведя, причём из засады, да и не каждый стрелок его вообще в руках удержит при выстреле¹. Как шутили знатоки и ценители, «стрелять из этого ружья может только тот, кто хорошо освоил заднее сальто».

Но у Лихарева силы было побольше, чем у чемпиона мира по штанге, при весьма аккуратной спортивной фигуре скорее теннисиста или фехтовальщика, чем тяжелоатлета, и отдачу он переносил легко, а работу вообще без разницы — он мог бы и из ПТРС², как из обычной винтовки, стоя стрелять.

Зато на дистанции до полусотни метров «Снайдер» по эффективности, убийности и психологическому воздействию превосходил любое ручное

¹ Вообще подобные ружья предназначены для совсем неспортивной охоты на водоплавающую дичь — накрыть максимально широким конусом дробы взлетающую стаю гусей или уток.

² ПТРС — противотанковое ружьё Симонова, обр. 1941 г. Длина ружья ок. 2 м, масса — 20 кг. Калибр 14,5 мм. Пятизарядное.

огнестрельное оружие. Если стрелять экспансивной пулей, а ещё лучше — полукартечью. Типичная «окопная метла» по терминологии Первой мировой войны.

Баяну он приказал за время своего отсутствия приготовить на себя и «товарищей» полные комплекты всех нужных документов, включая всякие рекомендательные письма от прежних хозяев, квалификационные удостоверения по самому широкому спектру профессий и тому подобное. Нужное оборудование в мастерской Валентина имелось. Новые имена и фамилии для всей команды он назвал почти не задумываясь. Баян — Борис Абрамович Годунов. Варяг — Василий Иванович Шуйский. Диана пусть так и остаётся — Диана Петровна Лесная. Очень остроумно и изящно получилось.

Выехали на обычном для этих мест полноприводном и чрезвычайно проходимом, на уровне лёгкого гусеничного транспортёра, «Тереке» производства Владикавказского завода для нужд горно-егерских войск и просто охотников, рыболовов и любителей экстремальных кроссов по сильно пересечённой местности.

Через час по грунтовкам и накатанным горными мотоциклистами тропам заехали в такую глушь, что случайный человек «из столиц» и не поверил бы, что совсем рядом — фешенебельные курорты мирового уровня. Горный Алтай какой-то, да и только.

Остановились. Валентин сел на подножку, закурил и велел Шуйскому просканировать окрестности на предмет наличия стандартных и нестандартных излучений — электромагнитных и любых других, доступных его органам восприятия. Смысла во всех этих предосторожностях вроде бы и не

было, сам Лихарев и все остальные *контактёры с неведомым* знали, что защититься от бесчисленных порождений Гиперсети просто невозможно. Куда ты денешься, скажем, от специально для тебя созданной Ловушкой псевдореальности? Или отмены закона причинности? Наконец, от так называемой *выдирки*, когда объект извлекается из реальности так, что и малейшего рубца на ткани континуума не остаётся, и какой-либо памяти об этом человеке ни в человеческих мозгах, ни в иных носителях информации.

Но тем не менее никакими доступными мерами безопасности *«братья»* предпочитали не пренебрегать. Пусть нам неизвестен, к примеру, возбудитель рака, но это же не повод позволять кусать себя переносчикам малярии или риккетсиозов.

Всё вокруг в радиусе двух десятков километров было в пределах нормы. Даже никаких работающих электроприборов не фиксировалось. Тогда Валентин настроил свой блок-универсал для прямой телефонной связи с «Валгаллой». Сигнал причудливым образом через атмосферу, до ближайшего телефонного узла, потом по проводам прошёл в здешний Петроград (второй раз Лихарев не хотел даже таким образом фиксироваться в памяти Московской АТС) и уже оттуда через какие-то эфирные слои и временной барьер — на одну из мощных длинноволновых радиостанции Югории. Только с её антенн вызов достиг находящегося в Атлантическом океане несколько ниже экватора парохода.

Если подобный путь кто-то в состоянии отследить, тогда Валентин без возражений сдаст свой, условно говоря, диплом агтрианского координато-

ра аж второго ранга. По крайней мере, за всю его предыдущую деятельность подобного не случилось, а методики разрабатывал и внедрял он сам, надёжный, в отличие от прочих агтрианских агентов, весьма приличными способностями изобретателя-рационализатора. А также моделиста-конструктора. Вполне мог бы публиковаться в советских журналах с этими названиями.

Ответил Воронцов, поначалу вообразивший, что кто-то научился в этом мире выходить на микрофонную связь с длинноволновых станций на коротковолновый приёмник. И был несколько удивлён, когда Лихарев назвал себя и объяснил, откуда и как говорит.

— Что это у тебя за фокусы? Раньше я о таком даже и не слышал.

— Ну и слава богу. У всех должны быть свои маленькие секреты. Можешь меня прямо сейчас отсюда выдернуть, с минимальным расходом времени, энергии и колебания эфира? На две секунды приоткрой дырочку, чтобы я быстренько, бочком проскользнул.

— Да сделаю, не вопрос. Минут пять подожди, я специалиста вызову и проинструктирую. С места не сходи...

Валентин закурил вторую папиросу и успел дать наставления Варягу — сидеть возле машины, с посторонними людьми здешней реальности, буде такие случайно появятся, вести себя дружелюбно, но отстранённо, в общем — по обстоятельствам. Если он не вернётся через... — Лихарев посмотрел на часы, — через пять часов, ехать домой и сообщить хозяйке, что непредвиденные обстоятельства потребовали его отлучки в безопасное, но отдалённое место. На неопределённый срок. Так

уже бывало, она поймёт, тем более там с ней сейчас госпожа Ляхова. Служить госпоже Елене, как самому «хозяину», поддерживать постоянный контакт с Ляховой, Любченко и их оставшимися роботами. Вот пока и всё.

— Готово, — услышал он голос Воронцова из динамика блок-универсала. Впрочем, называть это динамиком не было никаких оснований. Деталь внутри портсигара, размером чуть больше макового зёрнышка, воспроизводила звук качественнее любого земного устройства. Но совсем уже необъяснимо было то, что при необходимости звуковая волна могла как бы «останавливаться» или «рассеиваться» точно на заданном расстоянии, будто упираясь в звукопоглощающую стену, и стоящий буквально в двух шагах человек не слышал ничего, в то время как владелец хоть вагнеровской оперой наслаждался.

Ещё через секунду прямо перед Лихаревым сиреневая рамка обозначила проход, не превышающий размерами горловину лодочного люка между отсеками. Валентин с ловкостью старого подводника скользнул в него, и переход тут же закрылся, как ничего и не было, даже без обычного, сопровождающего перенос массы хлопка, настолько чётко робот-оператор всё настроил.

— Ну, с прибытием, камрад, — сказал Дмитрий, потягивая руку для пожатия. — Кто это тебя там так напугал?

— Вы же и напугали, кто ещё? — усмехнулся Лихарев, с удовольствием и интересом осматриваясь. Ему ещё не приходилось бывать на знаменитом, а также и пресловутом пароходе, тёзке планеты Валгалла-Таорэра, о котором был много слышан.

Впрочем, именно здесь, в отсеке поста управления главной, самой мощной и технически совершенной установкой совмещения пространства-времени, смотреть было особенно не на что. Стальные, выкрашенные шаровой краской стены, несколько панелей управления почти обычного вида, четыре небольших экрана, как у старых чёрно-белых телевизоров, и один громадный, во всю глухую переборку, в выключенном виде зеленовато-серый. Если бы не он, помещение можно было принять за гидроакустический или радиолокационный пост. Тем более два оператора, один с погонами царского старшего лейтенанта, второй — кондуктора¹ на одинаковых синих рубашках с короткими рукавами, сидевшие за пультами управления, дополняли картину до полного реализма.

Сам же Воронцов, как всегда «вне строя», был в лёгких светло-голубых брюках и белой рубашке. Вместо адмиральских погон на углах воротника по паре маленьких золотых двуглавых орлов с алмазно-рубиново-эмалевыми коронами². Сильно загорелый и совсем не изменившийся с момента последней мимолётной встречи. Валентин меж-

¹ Промежуточный между унтер- и обер-офицерами чин технических специалистов на царском флоте, аналогичный нынешнему мичману — старшему мичману. Обозначался погонами с широким продольным золотым басоном на офицерском кителе. При этом кокарда на офицерской фуражке носилась матросская.

² Наградные знаки отличия вице-адмирала флота Югороссии для ношения на повседневной форме. Нечто аналогичное «золотому оружию» или «табакерке с портретом императора». Обычно вручались за особые заслуги одновременно с производством в следующий чин. Воронцов получил их за выдающиеся заслуги в разгроме и пленении британского флота, хотя официально никакой командной должности не занимал. (См. «Вихри Валгаллы»).

ду делом позавидовал Дмитрию. Он сам с детства привык носить какую-нибудь форму и сейчас жалел, что лишён такой возможности. «Надо бы походатайствовать, чтобы вернули право хотя бы на прежнее звание», — подумал он. У Сталина он носил любую форму с любыми знаками различия, на своё усмотрение и зависимо от обстановки, но в личном деле значился бригадным комиссаром, что равно как минимум капитану первого ранга, если на флотские чины переводить.

— Пойдём, расскажешь. Послушаю с интересом, — предложил Воронцов, открывая перед гостем стальную дверь, за которой виден был уже не узкий, почти отвесный трап военного корабля, а вполне себе пологий, дубовый, с балясинами и даже ковровой дорожкой, пристойный фешенебельному круизному лайнеру.

Они поднялись на семь маршей, после чего оказались в просторном тамбуре, из которого застеклённые двери вели в сквозной, через всю надстройку коридор кают второго класса и в два сравнительно коротких боковых ответвления, выходящих на верхнюю, она же главная прогулочная, палубу. Широкую и на всю длину двухсотметрового корпуса, от юта до волнолома и брашпильей на баке. По ней можно спокойно совершать почти полукилометровый променад вокруг всей надстройки, по пути подкрепляя силы в многочисленных буфетах и барах, а женщинам — отводя душу в имитирующих московские Верхние торговые ряды или петроградский Пассаж лавках и, по-иностранному выражаясь, бутиках. Они и здесь имели место, только непонятно, для кого. Скорее — просто для настроения. Или разве редких гостей, вроде тех же валькирий, позабавить. Соответственно, и приказ-

чиков с буфетчиками в них не было, заходи и бери, что надо. Полный коммунизм.

Валентин вдруг подумал, что, если всё с его планом получится, гостей на пароходе может и прибавиться. Весьма и весьма.

Погода за бортом не радовала. Хоть и южные моря, а сильно походило на Северную Атлантику. Туман, мгла, ветер, тот, что у моряков называется «свежий», срывающий пену с гребней волн. И волнение баллов пять, для «Валгаллы» как судна не слишком чувствительное, килевая качка — ещё заметна, а бортовой почти и нет, но штатские пассажиры в таких случаях массово не выходят к ресторанному столу, занимаясь делом совсем противоположным. Но у Лихарева вестибулярный аппарат был в полном порядке, он и двенадцатibalльный шторм на скорлупке вроде колумбовой каравеллы перенёс бы без неприятных последствий.

Моментами со стороны не слишком далёкой, а главное — ни единым клочком земли не отгороженной Антарктиды приносило почти горизонтальные дождевые заряды, звонко ударявшие в зеркальные стёкла и металл надстройки. Мутные струйки, бегущие вниз по окнам и иллюминаторам, невольно заставляли поёживаться. Без штормового облачения на открытые места лучше не выходить, если нет острой необходимости.

— Видишь, погодой не могу побаловать. И обедом на свежем воздухе.

— А мне нравится, — искренне сказал Валентин. — Чем мерзостнее снаружи, тем уютнее в тепле, под крышей и перед панорамным окном. Так что я не в обиде. Есть где посидеть, на буйство стихий любуясь?

— Вот с этим — никаких проблем...

Так же неспешно (лифты по причине непогоды всё равно отключены) они поднялись ещё на две палубы и прошли далеко вперёд, в отсек прямо под ходовым мостиком, где обнаружился уютный — хоть бар, хоть трактир, как угодно назовите — всего на четыре столика и с музыкальным автоматом, стилизованным под конец сороковых годов. Масивным, красного дерева, с пачкой «долгоиграющих» — на полчаса звучания каждая! — виниловых пластинок в застеклённой нише. Найдёшь название мелодии в списке на передней панели, кинешь пять копеек или пять центов, нажмешь кнопку — и наслаждаешься.

Вид через передние окна, прямо по курсу, производил отсюда должное впечатление. Поднявшийся на гребень очередной волны форштевень «Валгаллы» вдруг проваливался вниз, и белые потоки вспененной воды заливали верхнюю палубу далеко за высокий «V»-образный волнолом. Непривычному человеку в такие моменты казалось, что пароход больше вообще не выпрямиться, так и продолжит своё движение вниз и вниз, как подводная лодка, выполняющая маневр «срочное погружение».

А привычному — вполне ничего. В положенное время форштевень поднимается, стряхивая в шпигаты потоки воды и пены, судно всходит до середины корпуса (миделя, попросту говоря) на очередной гребень, будто бы балансирует так секунду-другую и снова соскальзывает, как санки с горки, прямо в глубокую, густо-бутылочного цвета ложбину. На удивление — почти беззвучно. Впрочем, это отсюда так кажется, а если рискнуть пробраться до самого волнолома, впечатление будет совсем другое.

И грохот там такой, что от инфразвуковых колебаний внутренности начинают резонировать самым отвратительным образом.

— Красота! — со всей искренностью воскликнул Лихарев, пожалев, что в своё время попал в Пажеский, а не в Морской корпус. Всё могло бы сложиться иначе, и не пришлось бы Сталину прислуживать. Ушёл бы в двадцатом году с флотом в Бизерту, а там нашёл бы себе занятие «на морях и волнах». Не хуже Воронцова мог бы адмиралом стать, разве что не российского, а какого-нибудь другого флота.

— Возьми меня к себе старпомом, — неожиданно предложил он. — Или хоть старшим механиком. Тебе с твоими роботами тоскливо небось... И Наталье Андреевне в лице моей жены компаньонка будет.

— Скажем, ты о моей жизни не совсем верное представление имеешь. От одиночества мы тут особенно не страдаем. А тебе что, на берегу совсем надоело?

— А ты как думаешь? Меня всё же не на рантье учили. Я, по-твоему, зачем с Дайяной в разные авантюры пустился? Исключительно от скуки. Затем же по три раза в год на игорные дома мира набегу совершаю и на сафари в ЮАС и Кению мотаюсь...

— Так наймись к Катранджи в помощники — куда как весело станет. Особенно когда *события* начнутся. Он, думаю, возражать не станет.

— Я так понял, вы для меня уже работёнку подыскиали, судя по сегодняшнему визиту юной дамы...

Два работа-вестовых тем временем споро, с мастерством официантов знаменитейших рестора-

нов выставили на столик приборы (малый обеденный набор), не спрашивая гостей (всё и так давно известно), принесли закуски — умеренно холодную водку, анчоусы и массу всяких иных морепродуктов, подходящие по сезону и вкусовой гамме овощи.

— А где же супруга? — удивился Валентин. — Желал бы, как говорится, предстать, лично засвидетельствовать и так далее...

— Успеешь ещё. Пока у нас тет-а-тет вроде бы. Давай, приступай, проголодался, наверное...

Что неоднократно отмечали все, кому приходилось пользоваться внепространственными переходами, — при каждом организм странным образом за короткие секунды, не производя никакой видимой работы, терял огромное количество энергии. Будто бы человек с полной солдатской выкладкой пробегал штурмполосу для бойцов спецназа. Внепространство, наверное, силы высасывало. Всего за секунды какие-то. А если чуть подзадержаться?

Вот и сейчас Лихарев, увидев накрытый стол, ощутил едва сдерживаемое желание немедленно начать поглощать белки, жиры и углеводы. В умеренных количествах. Следует отметить, что гомеостат в данном случае совсем не помогал, скорее наоборот — подталкивал своего владельца к скорейшему пополнению дефицита жизненных сил. А вот в случае массивированной потери крови, например, находил способ немедленного её устранения без участия хозяина. Из атмосферного воздуха и солнечного света. Парадоксы, парадоксы, куда от них денешься...

Но и от дворянского воспитания в корпусе тоже никуда не денешься, там юных пажей с восьми лет учили вести себя прилично в любых обстоятель-

ствах, правильно есть, спать в определённой позе и тому подобное. Поэтому Лихарев ни единым жестом, даже мимикой не выдал своих истинных желаний, принялся выпивать и закусывать крайне сдержанно, не торопясь и понемногу.

— И всё же, Дмитрий Сергеевич, ты мне ответь, в чём необходимость столь срочного представления ко мне охраны? Или — конвоя? В любом случае, стоило ли молодую даму гнать ни свет ни заря за сорок вёрст с вполне рядовым поручением? Я ж, как ни крути, подобными штучками начал заниматься задолго до рождения не только тебя, но и твоего папаши. Так что не темни. В чём, как говорится, суть и цена вопроса?

— Насчёт срочности — не совсем ко мне вопрос. Это, как я понимаю, не более чем накладка. Или, попросту — ефрейторский зазор. Сказано было, что пришла пора тебя к делу привлечь, поскольку обстоятельства того требуют, ну и «помощниками» снабдить немедленно, поелику времена грядут непростые и промедление на самом деле может оказаться смерти подобно. Это я говорил и за это отвечаю. А вот то, что Майя с ними лично поехала, — не знаю, со мной не согласовывали. Или Вадим что-то надумал, или её личная инициатива. Вдруг захотела с твоей женой без свидетельницы пообщаться? Или тебя на что-то раскрутить. Зная эту барышню — не исключаю...

— Не смею возражать. Война, до которой тамошние господа допрыгались, имеет все шансы перерасти в мировую. Мы-то в курсе, как оно бывает...

— Ну, такого мы точно не допустим, вопрос прорабатывается. Но вот проучить англичан, как мы в своё время шведов, чтоб лет на триста отбить

охоту заниматься чем-нибудь, помимо розничной торговли, император Олег настроен категорически. И помешать ему крайне сложно, поскольку все козыри — у него. А на нашей стороне — только сила убеждения и абстрактный гуманизм.

— У вас — гуманизм? — рассмеялся Лихарев, несколько делано, впрочем. Поднял только что наполненную вестовым рюмку, сделал ею движение навстречу Воронцову. — Во что другое поверю охотно, только не в это. Другое дело — текущим планам «Братства» мировая война никак не соответствует, с этим соглашусь. Ребятишки ваши резвятся, вижу, но и у них на уме какой-то другой, наверняка ещё более грандиозный план. Они ж уже почти успели вообразить, что вы — старичье и ретрограды, мыслите и изъясняетесь чуть не на языке Державина. И ты не столько помочь им хочешь с моим участием, как несколько притормозить. Ибо я, в отличие от вас, *гуманистов*, при необходимости и на роль пугала гожусь. Сталинский сатрап всё же, личный друг Ежова, Берии и Заковского...

— Насчёт Заковского — перебор. Секонд о нём и не слышал, а для Фёста он в тридцать восьмом расстрелян, то ли за дело, то ли за компанию. А в остальном — почти прав. Так за дурака тебя никто из нас и не держал. Не убили в своё время под горячую руку, значит, пора теперь пользу из своей сдержанности извлекать...

Пошутив таким образом, Воронцов сопровождал шутку хорошо в своё время знакомой и матросам, и комсоставу Средиземноморской эскадры и Северного морского пароходства усмешкой, много чего одновременно выражавшей. И в нескольких фразах обрисовал идею и способ воплощения опе-

рации «Мальтийский крест», в том варианте, что реализовывался Секондом при технической и психологической поддержке Фёста.

— И ты думаешь, что это «воссоединение» будет так уж хорошо? — приподнял бровь Лихарев. — Я что-то насчёт наших соотечественников, переживших советскую власть, испытываю серьёзные сомнения. Осталось ли в них достаточно чувств, необходимых для налаживания совсем новой жизни? Насколько я знаю, в том варианте, где всемирный социализм рухнул и две Германии слились в братских объятиях, даже спустя четверть века восточные немцы с западными подравняться в психологии и благосостоянии не могут. Хуже того — внуки уже «борцов за объединение» подросли и как-то подозрительно настойчиво твердят, что совершена была историческая ошибка и при социализме, по крайней мере, немцам (ибо он всё-таки их изобретение, а не русское), гэдээровцам жилось лучше, чем в бундесреспублике. Где гарантии, что полтораста миллионов нахлебников из собственно России и столько же из бывших братских республик не сломают совместными усилиями хребет России нынешней? А то как бы мне не пришлось вам гуманитарную помощь оказывать в наведении порядка, прежде всего экономического, приняв на себя обязанности моего бывшего начальника, его друзей и коллег...

Воронцов сразу понял ход мысли Лихарева. А что? Человек с очень хорошим базовым образованием, готовившийся на роль координатора реальностей в величайшей державе мира, *постажировавшийся*, если можно так выразиться, в ближнем окружении тирана, которого с равными основаниями одни называют кровавым палачом, а другие —

эффективным менеджером, в подобных вещах должен разбираться. Почти четыре года прожив в этой реальности, он одновременно весьма глубоко, судя по его словам и действиям¹, вник в дела и проблемы мира параллельного, родного, по всем признакам, для Воронцова и его друзей.

По крайней мере — отличить то, что они называли Главной исторической последовательностью от реальности, где сейчас действовал Фёст, претворяя в жизнь свою долю проекта «Мальтийский крест», без специальных исследований не получалось. Все *реперные точки*, на которые можно ориентироваться, совпадали до *голей угловых секунд*. При том, что некоторые разночтения прямо-таки бросались в глаза, не меняя, впрочем, общей картины. И Лихарев в том и другом мирах ориентировался не хуже, чем сам Воронцов — в своих картах, логиях, секстанах и прочих на то предназначенных принадлежностях штурманского дела.

— А это — интересная мысль, — некоторое время подумав, сказал Дмитрий. — Мешать людям вершить историю мы не будем, как я им и пообещал, возможно, слегка злоупотребив стечением обстоятельств. Но подстраховать — отчего бы и нет. Не зря ведь на флоте в нужные моменты к штатному командиру на военном флоте *обеспечивающего* приставляют, на торговом — капитана-наставника. Вот давай и мы попробуем. Причём опять же по схеме криптократии. У наших подопечных уже имеются претенденты на названную тобой должность, и с той, и с другой стороны. Одного Чекменёв фамилия, другого —

¹ См. «Хлопок одной ладонью».

Мятлев. А друг Фёст собирается того и другого курировать...

— Не слишком ли отважно? Из полковых врачей — сразу в серые кардиналы суммарно одной пятой и одной шестой части суши? Это сколько вместе получается?

— Одиннадцать тридцатых, — мгновенно ответил Воронцов, привыкший решать в уме торпедные треугольники, не пользуясь даже логарифмической линейкой, не говоря о калькуляторах. — Тридцать шесть и шесть в периоде процентов, грубо говоря, всей земной суши...

— Я и говорю — многовато для начала.

— Согласен. Пусть они с двух сторон своё дело делают, а мы с третьей зайдём. Хуже точно не будет. А ежели посмотреть свежим глазом, да используя твой опыт, сам по себе эффективный, если без крайностей, отчего бы и нет? Но это — второй вопрос. Первый, ради которого я о тебе вспомнил, — как раз и именно твои связи с Катранджи, с Маштаковым... Тут, знаешь ли, очень неслабая интрига закручивается, причём каждая сторона думает, что её идеи самые верные, а методики — неубиваемые...

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался Валентин, радуясь, что не ошибся в своих предположениях и прогнозах, то есть нюх не утратил. — А ты, значит, как самый старший товарищ решил некоторое время побыть над схваткой. И тебе потребовался ещё один сравнительно нейтральный партнёр вроде меня. Верно?

— В основном верно. Только о нейтралитете речи не идёт. Для начала я решил проверить, не утратил ли ты былое чутьё. Если б не понял намёка — что ж, выполнял бы другое, не менее важное

задание. От него, кстати, я тебя освободить тоже не собираюсь. Ты на горячее что желаешь? — неожиданно сменил тему Воронцов.

— Да мне всё равно. Можно, чтобы не заморачиваться, тщательно приготовленную отбивную со сложным гарниром. Я ведь к еде достаточно равнодушен. Сам понимаешь — гражданская война, трудные годы восстановления, карточная система. Когда было гурманствовать?

— Знаем, слышали. И как членам политбюро по фунту чёрной икры в день выписывали, и по десять золотых червонцев на усиленное питание... — сыронизировал Дмитрий.

— Ну и зря смеешься. Публика там была разная, половина туберкулёзом болела, вон Свердлову и чёрная икра не помогла, как и многим другим. И что такое пайки даже всех партсекретарей, включая районных, на фоне ста семидесяти миллионов тогдашнего населения? Ну, отними, подели поровну, и что? Меньше чем по грамму даже хлеба на душу прибавка выйдет. Вдобавок и поваров приличных в те годы почти не осталось. Так что, Дмитрий Сергеевич, так оно и выходило на круг, как в рассказике для школьного чтения — «Картошка с салом»¹. В «Метрополях» другая публика веселилась, или в ресторане Дома писателей, как

¹ «Житийный» рассказ Ю. Германа (того самого) о том, как в Гражданскую войну чекисты голодали, и вдруг один достал где-то несколько картофелин, а другой — кусок сала. Картошку поджарили и отнесли Дзержинскому. Но он отказывался есть, пока случайная выборка сотрудников не подтвердила, что все ели сегодня то же самое. А кожуру от картошки сварили и вдвоём съели те, кто достал её и сало. В реальности всё обстояло не совсем так — в то же примерно время Дзержинского посылали инкогнито за границу, подлечиться на буржуйских курортах, выделив на это весьма приличную сумму в валюте.

у Булгакова описано... И Алексею Толстому за его обед на картине Кончаловского никто претензий не предъявлял.

— Ладно, не о том мы заговорили. Я тоже всякие пайки видал, включая так называемую «штормовую запеканку».

— Это ещё что? — заинтересовался Лихарев.

— Это когда в хороший шторм половина экипажа, включая кока — в лёжку. А которые ещё есть хотят, до камбуза кое-как добираются, что смогут из наличия продуктов в котёл покидают, а потом что не сгорит и не выльется — она самая и есть.

— Ясно. Итак?

— Видишь ли, до вчерашнего дня я ещё колебался — не пустить ли всё снова на произвол судьбы и действительно удалиться «под сень струй», как мы в самый первый раз на Валгаллу. Благо все возможности у нас к этому и сейчас есть...

— А что, Новиков, Шульгин, Левашов и т.д. уже удалились? Давненько я о них ничего не слышал...

— Не совсем так. Первые трое со своими подругами и несколькими добровольными помощниками занимаются сейчас исследованием Земли номер два, отделившейся от Главной исторической тысяч двадцать, если не больше, лет назад, в общем, ещё до «неолитической революции», исконной колыбели пресловутых дуггуров. В целях нахождения первопричины всего творящегося на Земле этой безобразия. Не слышал, когда учился, у вас на эти темы разговоров не проскакивало?

В Баден-Бадене, разумеется, картошку с салом на обед не подавали.

— С нами, к твоему сведению, в отличие от подобных земных заведений, комсостав никаких приватных разговоров не вёл. И газеток *посторонних* взять негде было. В увольнения не пускали, и торговли соответствующей за забором не имелось, — стараясь придать тону некоторую ядовитость, ответил Валентин, вспоминая заодно дни своей учёбы в Пажеском корпусе в годы Мировой войны. Вот там действительно и разговоров, и слухов, и газеток хватало. На любой вкус.

— Ничему, кроме непосредственно касающегося будущих функций, не учили. Причём, ты будешь смеяться, сто и двести лет назад — гораздо лучше, чем нынешних. Сравни, от нечего делать, Сильвию, меня, Ирину и тех девочек, что Левашов спас. Есть разница?

— Разница между поколениями всегда есть, — уклончиво ответил Дмитрий. — Я бы не стал сравнивать своих товарищей по училищу и персонажей Колбасьева¹. Едем да с зайне в буквальном смысле.

Но это отдельный разговор. Из не пошедших в экспедицию Сильвия с Берестиным обретаются то в Югороссии, то в других интересных им местах, вплоть до Кейптауна, где до сих пор никак не закончится англо-бурская война. Время опять буксует... Удолин — тот между двадцать первыми веками до и после Рождества Христова разрывается, Александрийскую библиотеку на цифровые носители переписывает и ещё кое-где бывает. А ещё часть товарищей на твоей Таорэре до сих пор службу несёт, поскольку сразу после вашего исчезновения там очередное вторжение случилось.

¹ См. «Арсен Люпен» указанного автора, а также «Капитальный ремонт» Л. Соболева.

Кстати, две недели всего назад. А у вас — почти два года прошло. Посему досталась «молодёжи» практически бесконтрольная власть над двумя реальностями.

— Уж на это я внимание обратил, — хмыкнул Валентин, отодвигая тарелку с остатками отбивной, мгновенно убранную вестовым. — Ты же сам их всемерно и поощрял...

— Кофе, коньяк, ликёры, фрукты? — осведомился Воронцов.

— И мороженое, — добавил Лихарев. — Мы разве куда-то торопимся?

— Совершенно никуда, — заверил его Дмитрий. — Нам ещё много чего нужно обсудить... Что касается поощрений — я их скорее отвлекал. Думал, они больше девочками увлекутся, чем мировой политикой...

За десертом Воронцов, сопровождая слова демонстрационными материалами на экране большого ноутбука, изложил Лихареву план разработанной Фёстом и Берестиным при участии генералов той и другой России военной кампании. Общетеоретическая подготовка у Валентина была вполне достаточная, никак не хуже, чем у Берестина как минимум, а исходя из практического опыта и общей эрудиции, соображал он, пожалуй, получше. Хотя на стороне Алексея был ещё и его *стратегический симулятор*, но тоже ведь железка, в конце концов.

Вот, например, последний из великих советских шахматистов Каспаров компьютеру, как ни крути, а проиграл. А вот Алёхин или Капабланка наверняка бы выиграли, да и Чигорин с Талем, скорее всего.

— И что ты имеешь возразить? — спросил Лихарев. — Мне англичан вот ни на столько не жал-

ко. Навешают им как следует, а потом ещё и поиздеваться можно, флот их в Скапа-Флоу затопить, как немцы свой там же...¹

— Можно было бы, — согласился Воронцов, — только он и для других целей пригодится. А возразить я хочу только одно — молоды ещё наши «кадеты» судьбами мира ворочать. И совсем не потому, что во мне ревность или нечто подобное говорит. Очень я опасаюсь, что кое-какие непродуманные действия могут хрен знает к каким последствиям привести.

Он неторопливо выцедил коньяк, дождавшись, когда Лихарев сделает то же самое. Дмитрию сейчас было хорошо на душе. Как, допустим, перед выходом в море на паруснике, когда все дела уже сделаны и ждёшь только полной приливной воды, покуривая сигару и глядя с мостика на уже становящийся чужим берег.

— Сильвия, и та маху дала, когда решила силой Ирину из реальности изымать. Вон к чему её инициатива привела. Да и ты сам, не сбежал бы от Сталина, глядишь, действительно без Второй мировой обошлись бы.

— Не обошлись, — мотнул головой Валентин. — Установка у нас была — любой ценой войну эту обеспечить. Другое дело — приоритеты по ходу дела несколько сменились...

¹ По итогам Первой мировой войны германский флот, всего 74 военных корабля, в т.ч. 11 ЛК, 5 ЛКР, 8 КР и 50 ЭМ, были интернированы в бухте Скапа-Флоу на Оркнейских островах со всеми экипажами на борту. 21 июня 1919 г. по приказу адмирала фон Рейтера немцы одновременно открыли кингстоны на всех кораблях. Несмотря на противодействие англичан (8 немцев убито, 5 ранено), большая часть флота была утоплена на глубинах 20 — 30 метров.

— Вот и я о том же. Но ты снова из внимания феномен *посторонних Игроков* упускаешь. Мы с Андреем и Сашкой много на эту тему спорили и к общему мнению не пришли. Они — люди одной серии, я — другой. Очень мне сильно кажется, что *теперешняя* игра без учёта вмешательства нас с тобой спланирована. Уж не знаю, отчего мы со счетов сброшены, показалось кому-то, что мы и вправду личными делами занялись, отпустив *молодёжь* в свободное плавание. И теперь ребят прямо непреодолимая сила в эту воронку затягивает. Настроенную на то, чтобы не у Фёста, так у Секонда, но катастрофа непременно случилась. А предпочтительнее, чтобы и там, и там сразу... Тогда у них полностью руки развязаны будут. Но как бы им не ошибиться очередной раз.

Лихарев внимательно посмотрел на Воронцова. Редко им приходилось так вот попросту беседовать, да ещё с глазу на глаз. Вдобавок на судьбоносные темы. Дмитрий всегда казался ему стоящим от всех достаточно в стороне. По целому ряду причин. И не принадлежал он изначально к тесной компании друзей, и натура у него была совершенно иной степени авантюристичности, чем у того же Шульгина — Шестакова, не к ночи будь помянут.

Поучаствовал Дмитрий в аггрианско-форзелианских делах немножко, причём далеко не по своей воле, зато получил в результате намного больше, чем кто-либо из прочих, считая, конечно, только «первопоходников», урождённых, можно сказать, членов «Братства». Девушку своей мечты нашёл через много лет, живую, влюблённую теперь в него «по-взрослому», с учётом всех совершённых ошибок, да ещё и с аккуратной подкорректированной психикой.

Пароход получил вот этот в своё полное распоряжение, лично, кстати, спроектированный, с учётом всего своего служебного и общеисторического опыта.

И стал (только сейчас Валентину в голову пришло) кем-то вроде Тома Бомбадила из толкиеновской эпопеи. Того, что коротает века и тысячелетия в обществе никогда не надоедающей и умеющей общаться с ним с помощью «мягкой силы» жены, безраздельно правит своим лесом, никогда его не покидая, и является всемогущим в пределах, которые сам себе установил.

Так же и Воронцов. Со стороны производит именно такое впечатление. Всегда всем готов помочь, является хранителем убежища, способного защитить от всех напастей (Лихарев на полном серьёзе считал, что огневая мощь «Валгаллы» и её способность уходить в иные реальности делает её неприступной для дуггуров), и в то же время относится к происходящему, вообще к окружающему миру с лёгкой иронией. Мол, ничего другого это коловращение жизни и не заслуживает. Очень может быть, что такой его жизненной позиции способствовало близкое общение с минами, торпедами и иными взрывоопасными предметами. Когда поблизости от тебя много вещества, способного даже помимо пресловутой «единственной ошибки», просто под влиянием неведомых внутримолекулярных процессов обратить тебя в пар, а то и нечто ещё более эфемерное, исходные взгляды на жизнь могут сильно меняться. Большинство становится мизантропами, а некоторый процент — такими вот благодушными, расположенными ко всему миру циниками.

— Ты ведь, друг мой, не слишком давно к забавам нашей молодёжи тоже руку приложил. Собирался, да всё не получалось тебя спросить — просто от скуки очередным кандидатом во Властелина мира себя вообразил или под влиянием *непреодолимой силы*?

И впервые Лихарев, услышав вот так спокойно заданный вопрос, и не кем-нибудь, а именно Воронцовым, захотел исповедоваться. *Как на духу*, раньше говорили...

— В том-то и дело, Дмитрий Сергеевич, ни того, ни другого, ни третьего. Просто карта так легла. Дайяне на вашей Валгалле, нашей Таорэре без смысла сидеть надоело, вот и решила она меня по старой дружбе привлечь, чтобы, значит, Секондовскую реальность под себя приспособить, не вмешиваясь при этом в императорские и прочие разборки. Ничего, как ты знаешь, тогда у нас не получилось. А уже потом, совсем в другом варианте, я Фёсту кое-какие подсказки по ходу дела подбрасывал... Но меня другое интересует, пока я тебе *окончательного* ответа не дал. Самому ж тебе ведь «Мальтийский крест» нравится?

— А чего тут скрывать. Интересный вариант. Я ещё в молодые годы сахаровской идеей конвергенции социализма и капитализма интересовался. Молодой был, думал — раз академик и трижды Герой, так во всём умный. Почти поверил, что и мы, и Запад холодную войну можем свести вничью и приступить к совместной работе на общее благо. Только ведь не могло из этого ничего путного получиться. Умный был физик Сахаров, а понять логики мировой истории и сути мирового империализма не сумел. Ленин и тот на эту

тему реалистичнее рассуждал. А сейчас вот новый поворот сюжета наметился. Отчего не участвовать в эксперименте? Тем более мне всегда интересно было, и геополитически и *просто так*, что будет, если Россия действительно станет сильнейшей страной в мире? Недостижимо сильнейшей...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— И каким же образом мы приступим? — спросил Лихарев Дмитрия, когда они, завершив обед, перешли в библиотеку, или, точнее, как это было принято называть ещё в конце позапрошлого века, когда появились первые по-настоящему комфортабельные трансатлантические лайнеры, — курительный салон. Размером он был примерно как спортзал обычной средней школы, с куполообразным световым люком на пятиметровой высоте. В глубоких кожаных креслах и диванах за резными, ручной работы столами ценных пород дерева могли одновременно разместиться свыше полусотни человек, причём на достаточном расстоянии, чтобы не мешать друг другу своими разговорами и табачным дымом «не того сорта».

Впрочем, мощные бесшумные вентиляторы мгновенно всасывали весь дым, а специальные дезодораторы ликвидировали даже намёки на запахи, свойственные прокуренным помещениям.

Джентльмены, позволявшие себе путешествовать первым и вторым классами, предпочитали проводить время не в своих каютах, а в таких салонах за разговорами на политические и финансовые темы, выкуривая при этом массу хороших

сигар или благородных данхилловских и петерсе-новских трубок. Тогда к этому занятию относились со всей серьёзностью, и никому из членов всяческих парламентов не приходило в голову тратить своё время на принятие законов, ограничивающих священные права личности на собственное здоровье.

Читать там тоже читали, в основном книги или ежемесячные журналы, поскольку свежая пресса по известной причине на пароходы не доставлялась, а первые специальные судовые газеты с новостями, принимаемыми по радио, появились ближе к началу Мировой войны.

Вот и на «Валгалле», где едва ли больше десятка человек одновременно проводило свои «отпуска», имелось всё то, что на прототипе парохода — «Мавритании» предназначалось для обслуживания и комфортного существования более чем двух тысяч пассажиров.

Вдоль переборок от пола до потолка высились застеклённые шкафы и открытые полки, где количество книг составило бы гордость любой районной библиотеки. И это только необходимый минимум — словари, энциклопедии, справочники, научно-популярная литература и художественные альбомы — в основном для того, чтобы вступившие в серьёзную дискуссию джентльмены (не всё же о погоде и статьях спутниц по путешествию говорить) могли немедленно найти необходимые доводы «за» и «против» высказываемых собеседником сентенций.

По полу (назвать палубой это паркетное великолепие не поворачивался язык) простирался сотканный где-то в Джайпуре специально для этого парохода и этого салона ковёр в двести квадратных

метров, по углам и на продольных стенах зала размещались целых шесть каминов, опять же, чтобы пассажиры не стояли в очереди за право посидеть возле живого огня, в других помещениях судна категорически запрещённого.

Само собой, на «Валгалле» все эти прелести, рассчитанные на множество людей совсем другого времени и культуры, были излишни, но Воронцов, проектируя переделку и модернизацию «Мавритании»¹, кое-какие помещения сохранил в первоизданном виде. Вроде как элементы действующего музея истории пассажирского судостроения.

— Да каким угодно, — безмятежно ответил Воронцов, устраиваясь у камина и срезая кончик сигары. Самое то, что нужно, когда за бортом продолжает свежеть ветер и температура уже скатилась ниже плюс десяти по Цельсию. В такую погоду сто раз не позавидуешь морякам бывшего парусного флота. Трудно даже представить, каково приходилось экипажам экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева, к примеру. А ведь жили люди, и плавали вполне добровольно чёрт знает куда исключительно из любознательности и любви к приключениям.

— Но ведь, если я правильно себе представляю картину, тебе придётся как бы изменять

¹ Прототип, настоящая «Мавритания», построена по заказу фирмы «Кунард Лайн» в 1907 г. Размеры: 240,95 × 26,84 × 18,45, водоизмещение 32 тыс. т. Мощность двигателей 68 тыс. л.с., скорость 26 уз. «Валгалла» отличается слегка осовремененным дизайном корпуса и надстроек, компактной двигательной установкой, позволявшей развивать скорость свыше 40 уз., наличием мощного артиллерийско-ракетного вооружения и исполненного по новейшим форзелианским технологиям композитного бронирования. А также практически неограниченной по времени и пространству автономностью за счёт наличия на борту «дубликатора».

и собственным убеждениям и, прости за откровенность, — вашему общему делу. Я достаточно в курсе — подруги моей жены выбалтывают на своих «девичниках» гораздо больше, чем я узнал бы, продолжая следить за вами по всем правилам.

Здесь Валентин говорил правду — в обществе Эвелин Майя, Татьяна, время от времени появляющаяся на Кавминводах Лариса, она же «вдова Эймонт», общались совершенно свободно и наговорили очень много интересного насчёт дел своих мужей по прямой специальности и в качестве «послушников» «Братства». А Эвелин всё услышанное прилежно Лихареву пересказывала, и для того, чтобы самой с его помощью получше разобраться в окружающем мире, и потому, что он просил держать его в курсе «дамской болтовни».

Французенка настолько дотошно выполняла поручение мужа, что и обо всех коллизиях «личной жизни» прелестных дам Валентин знал более чем достаточно. Сам же он, держа, как учили, данное офицерское слово, никаких методик, имевших отношение к своей прошлой профессии, в этой реальности не применял. Единственное исключение делал для игорных домов и казино, да и там в большинстве случаев всего лишь не позволял крупье жульничать, то есть препятствовать тому, чтобы карты ложились и шарик бегал так, как Лихареву надо.

— Ты ведь позволил обоим Ляховым действовать по собственному усмотрению, разрешил им «попрактиковаться», попробовать себя в роли настоящих Игроков. И даже всемерно им способствовал.

— И в чём ты видишь противоречие? — спокойно спросил Воронцов, крутя в пальцах неза-

жжённую сигару. — Тем более — при чём здесь убеждения?

— Но ведь ты только что заявил, что собираешься начать новую партию, получается, что против своих же учеников. Поскольку они «не способны» и тэдэ. Правильнее было бы им просто на ошибки вовремя указать и *на верную стезю* направить. Да и не только учеников — старых друзей тоже. Ведь ваша «Служба охраны реальности» имела определённые принципы и правила. А теперь...

Лихареву показалось, что Дмитрий посмотрел на него как бы с некоторым сожалением. Вроде хотел сказать нечто типа: «Умён ты братец, но совершенно не в этом вопросе...»

Воронцов неторопливо завершил все положенные манипуляции и наконец поджёг свою сигару, выпустил пару «пристрелочных» клубов дыма.

— Как это ты с товарищем Сталиным работал, прямо удивляюсь, — сказал он не то, что вообразилось Лихареву, но очень близкое по смыслу. — Где полёт фантазии, где, наконец, стратегическое мышление? Тебя ж там не за тем держали, чтобы беглых наркомов ловить, хотя и то занятие по-своему творческое... Давай попробуем вместе порассуждать, раз уж такой случай и повод выдался. Вот мы, так называемое «Братство», люди изначально совсем ни к чему такому не готовые, кое-как сумели выжить в столкновении с двумя, если не больше, галактическими империями, если языком «космических опер» изъясняться. На самом деле тут, на мой взгляд, всё совсем иначе обстоит, но не в том суть. Из «предложенных обстоятельств» мы каким-то образом выкрутились. При этом не заморачиваясь какого-либо рода «убежде-

ниями». Не до того было. Вот ты — специалист, ты мне и скажи — почему и как? Сильвия, Дайяна, ты, Антон и его коллеги по общему делу, как ни крути, на Земле свою кампанию проиграли. Я не говорю о стратегических последствиях, глобальных, так сказать, результатах всей этой эпопеи, но до настоящего момента все вышеперечисленные персонажи, включая не до конца разъяснённых дутгуров, свои пусть даже тактические, местного значения бои — проиграли. Нам проиграли. И вынуждены заниматься теперь делами, вытекающими из наших, а не их интересов.

Валентин задумался. Вопрос поставлен интересно. В лоб, но весьма корректно. Понятное дело, что Воронцов софистикой занимается, чересчур демонстративно называет себя и своих друзей «простыми людьми», хотя как раз простыми они и не являются. Исходно, по определению. Однако это ничего не меняет. Ни аггры, ни форзейли за свою многовековую деятельность так и не научились гарантированно находить и квалифицированно использовать в своих целях людей с подобными, выходящими за пределы нормы характеристиками. Выращивать из тщательно отобранных эмбрионов и нужным образом воспитывать таких, как он сам, Ирина, Сильвия, девчонки-валькирии — умеют, а таких, как Новиков, Шульгин, этот же Воронцов — нет.

Наверное, по той же самой причине, по какой полным крахом кончилась затея Горького организовать единственный в мире Литературный институт и выращивать там пролетарских гениев пера ротами и батальонами. Институт есть, восемьдесят лет уже функционирует, а настоящих писателей и поэтов вышло из него меньше, чем хотя бы и из

медицинских институтов, где сроду не изучали теорию стихосложения или «*остранение* как приём»¹. И в том и в другом случае всё упиралось в такую неподвластную рационализации субстанцию, как «*талант*», или «*врожденные способности*», «дар Божий», в конце концов. Самое интересное, что ни преподаватели названного Литинститута, ни ведущие специалисты по взаимодействию с человеком так и не научились распознавать наличие столь эфемерного качества. Точнее — распознавали, но только *постфактум*, не случайно же из сотен принимаемых на первый курс «*гениев*» прозы и поэзии девяносто процентов, получив дипломы, не ваяют шедевры в промышленных количествах, а продолжают функционировать всего лишь в качестве редакторов, критиков и литературоведов.

Ответил он чистую правду, так, как только что об этом подумал.

— Вот именно, друг мой, вот именно, — согласился Воронцов, выражая неприкрытую радость, словно в прежние времена — сообразительностью матроса, без подсказок выполнившего сложное задание. — Так какие мы основания имеем предполагать, что на этот раз все участники постановки изменят своему амплуа?

Вот этого умозаключения Валентин откровенно не понял.

— ? — приподнял он бровь.

— Ладно, разъясняю на пальцах — никто из фигурантов, включая присутствующих, умнее за истекший период времени очевидным образом не стал и на основании всего предыдущего опыта про-

¹ См. труды В. Шкловского и других «опоязовцев». «Опояз» — существовавшее в 20-е годы Общество по изучению языка.

должит играть по тому же «тексту пьесы». Опытный зритель это заведомо знает и никаких неожиданностей со сцены не ждёт, не «Женитьбу» же в постановке Мейерхольда он пришёл смотреть, а классический вариант, допустим...

— И что?

— Да то, что пусть все и делают, что от них ждут. Даже учитывая способность «актёров» к импровизации в некоторых, строго отмеренных пределах. Вот, например, сейчас Сильвия решила тряхнуть стариной, реванш взять, если угодно, очутившись в Замке в отсутствие настоящего хозяина. Это ожидаемо? Вполне. Тот, кто наблюдал за ней последние полторы сотни лет, иного решения от неё просто не ждёт. Как и того, что она без форс-мажорных обстоятельств способна отказать себе в удовольствии пополнить коллекцию своих любовников даже и Императором... Тут она у нас Клеопатра и Екатерина Великая в одном лице. Точнее — в одном, весьма соблазнительном теле... — при этих словах Воронцов усмехнулся, словно бы намекая.

— Ну, скажем, так... — осторожно ответил Валентин, всё ещё не улавливая воронцовский «заход из-за угла».

— Далее, — сказал Воронцов, словно и не замечая некоторой *заторможенности* собеседника. — Образ мыслей и стиль поведения новой генерации наших друзей, от Ляховых до Императора и Президента РФ, тоже известен, ясен и понятен всем, кого эта тема вообще интересует. Для простоты будем называть их по-прежнему — Игроками. Если их действия никого не волнуют — они так и будут делать то, что начали. Если иначе — будут предприняты какие-то контрмеры. Какие — нам до

того, как противодействие начнётся, не угадать. Но к этому нам тоже не привыкать.

То, что Андрей с ребятами сейчас очень и очень не здесь — все, кому нужно, тоже знают. И что в итоге?

— А куда Антон, кстати, делся? — спросил Лихарев, вспомнив слова Дмитрия о том, что Сильвия сейчас резвится в Замке в отсутствие настоящего хозяина.

— По моим сведениям — вместе с ребятами новую Землю исследует, а теоретически может находиться где угодно... Способности у него весьма разносторонние, правда — в галактическом розыске парень находится, что, по моему мнению, его прыть слегка смирят.

— Может, и будет от того какая-нибудь польза, — достаточно безразлично сказал Лихарев. Ему в своей предыдущей жизни с форзейлем встречаться не приходилось, имелись для этого уровня другие люди, а когда тот тоже стал изгнанником «из рода и клана», взаимного интереса тем более не возникло. Хотя знал о том, что возможностей вмешиваться в человеческую жизнь и влиять на неё у Антона сохранилось гораздо больше, чем у него, Сильвии и даже Дайяны. Опять же — благодаря Замку. Ну и что из этого?

— Значит, если я тебя правильно понял, ты решил теперь не в шахматы, а в подкидного дурака сыграть? — спросил Лихарев, выстроив, наконец, собственную версию замысла Воронцова.

— Примерно так, — кивнул тот. — Я здесь, в двадцать пятом году, пока что никаких следов появления дуггуров или кого-то ещё не замечал. Да и кому я могу быть интересен — за исключением не слишком частых приёмов гостей на паро-

ходе или в Форте ни в чём предосудительном не замечен. Твои следы, по всему выходит, затёрты надёжно. Мало что ты из тридцать восьмого года, где совсем случайно с дуггурами пересёкся, благополучно выскочил совсем не нашей методикой в очень далёкую параллель, так потом ещё и на Валгалле благополучно погиб.

Насколько я понимаю, крушение вашего с девицами флигера выглядело вполне убедительно, и ход боя с «медузы» наверняка записывали, и момент падения со взрывом — тоже. Ещё и орден ком-то отломился... Следовательно...

— Следовательно, ты хочешь, чтобы я снова начал самостоятельную партию? Никак себя не проявляя, подстраховывал «молодёжь», а при возможности взял ситуацию полностью под свой контроль...

— Именно. Я не зря упоминал про схему «криптократии». Вполне плодотворная дебютная идея. Всегда можно замаскировать собственную деятельность чужой или вообще постараться, чтобы никакой деятельности как бы и не было. Чем, собственно, вы с Сильвией на Земле и занимались. Никакие исторические события не ассоциировались с весьма рядовыми личностями. Ни в одном учебнике, к примеру, не написано, что идею направить сербам пресловутый ультиматум некая элегантная дамочка через третьи руки австро-венграм подкинула и сама же проект набросала... Всё на бедного маршала Франца-Иосифа грешат, вместе с Бертольдом и Конрадом фон Гетцендорфом¹.

¹ Имеется в виду ультиматум, предъявленный Австро-Венгрией Сербии после убийства в Сараево в июне 1914 г. эрцгерцога Фердинанда. Ультиматум был заведомо неприемлем для любого независимого государства и был использован как

Хотя сам Лихарев по молодости лет в этой интриге не участвовал, но о роли Сильвии знал. Она в четырнадцатом году, считая крайне полезной полноценную мировую войну, грубо подталкивала Германию и Австро-Венгрию к агрессии, всячески маскируя готовность Англии вмешаться в войну на стороне Антанты. Что, собственно, и подвигло кайзера Вильгельма на эту авантюру. С Россией и Францией, при нейтралитете Британии с её гигантским флотом, он рассчитывался справиться за месяц-полтора.

Валентин просто кивнул в ответ на слова Воронцова и потянулся к графинчику. Раз пошёл уже совершенно конкретный разговор, можно и поднять бокал «за успех нашего безнадёжного предприятия», как любили выражаться его кремлёвские сослуживцы.

— Ну, давай... — коньяк у Воронцова был очень неплох. Точнее — лучший из возможных, другое дело, что французский, а Валентин со старых времён предпочитал армянский (тогда он назывался попросту — шустовский).

— То есть ты поручаешь (или разрешаешь?) мне вплотную заняться нынешними российскими делами? Призываешь на службу из отставки? А сам, значит, будешь из-за кулис руководить, как бы в роли тогдашней Сильвии?

— Можно и так сказать. А можно и иначе. У тебя достаточно опыта, способностей и возможностей, чтобы постараться сохранить реальность, в которой обосновался, в максимально приемле-

повод к объявлению войны, вскоре ставшей Мировой. Бертольд — министр иностранных дел Австро-Венгрии, считающийся инициатором ультиматума. Фон Гетцендорф — начальник австрийского Генерального штаба.

мом и удобном виде. Ты ведь хочешь жить в приличном мире? Сравнительно с тридцать восьмым годом.

— Безусловно, — вежливо улыбнулся Валентин.

— Против объединения той России и этой что-нибудь имеешь?

— Впрямую — нет, хотя и вижу достаточно сложностей. Но также и способы эти сложности смягчить, поскольку неплохо помню, как в старой России «на самом деле» всё было устроено.

— Совсем хорошо. А как ты думаешь, Дайяна согласится тебе помочь по старой памяти?

Вопрос Воронцова Валентина даже слегка ошеломил. Уж его-то он ни в коем случае не ожидал. В его представлении «Братство» и Дайяна оставались непримиримыми врагами.

— Помочь?

— Именно. Просто помочь. По-соседски. Наши ведь её здорово поддерживали при защите вашей учебки от дуггуров и прочих инсектоидов. Тем более, куда ей особенно деваться? Весь век на Та-орэре без смысла сидеть? И что она со своими курсантками делать будет? Не пора ли их начать к делу пристраивать? Она об этом с тобой в последнее время разговаривала.

— Ты-то откуда знаешь? — не скрыл удивления Валентин.

— Не знал, но догадывался. Логика самая примитивная. А ты только что подтвердил. Чеховское ружьё в первом акте, не более того. Что делать с полутора сотнями девиц на выданье в глухом горном посёлке? Картошку выращивать и вязаньем заниматься? Так рынки сбыта далековато. И ей, тётке в самом соку, не скучновато ли? Это у Брюсова, ка-

жется? «Одиссей многомудрый бездарно...» — или как-то ещё — «стареет в ничтожной Итаке». Впрочем, не помню.

Воронцов увидел, что его цитата не произвела на Валентина совершенно никакого впечатления, тому эта греческая древность надоела ещё на младших курсах Корпуса. Он автоматически пропустил ссылку на Гомера (да и Брюсова тоже) мимо ушей. Тогда Дмитрий счёл нужным слегка уточнить:

— Вообще, когда Новиков вздумал использовать в самом начале нашей эпопеи кодовое обозначение — «Одиссей покидает Итаку», кое-кто сразу указал ему на несообразность. Говорят же — «Как корабль назовешь, так он и поплывёт». Вот мы имеем то, что есть. Уходящую в бесконечность череду вполне никчёмных приключений. Упаси бог, если и завершение будет такое, как я процитировал.

Опять не сработало. Да и откуда бы этому, совсем «потустороннему» человеку верно воспринимать намёки людей совсем другого круга на малоизвестные ему обстоятельства..

— В принципе дальнейшая участь Дайяны и её питомиц — абсолютно не моё дело. Если найдут себе занятие более интересное или предпочтут век на базе коротать — их выбор. Но я бы на твоём месте сообщил им, как твои подопечные устроились, и ...

Поначалу предложение Воронцова показалось Лихареву не то чтобы диким, но совершенно не лежащим в алгоритм его обычного поведения. А потом понял — да ведь Дмитрию тоже хочется какого-нибудь серьёзного дела. И так удивительно, что на столько лет хватило ему интереса с корабликом и фортом забавляться, в то время как друзья

всяческие головоломные приключения переживали, не так уж важно — оправданными они были или нет. В девятнадцатом веке, вообще до Мировой войны большинство свободных людей самостоятельно себе занятия искали, не считая, конечно, тех, кто на государственной службе состоял или на частной, в какой-нибудь Ост-Индской компании. Все остальные за свой счёт и на свой страх и риск дела делали или просто по планете скитались, иногда маскируя тягу к риску и поискам неведомого общечеловеческими интересами, а иногда и нет. Начиная, условно говоря, с Магеллана и заканчивая нашим Николаем Гумилёвым с его африканскими экспедициями. Благо тогда «белых пятен» в географии, биологии, да и политике тоже на всех, кроме «желающих возделывать свой садик», с избытком хватало.

Так он и ответил, давая понять, что вполне понимает мотивы адмирала:

— Я — с нашим полным удовольствием, Дмитрий Сергеевич. Я ведь тоже засиделся. Только идею как следует обмозговать надо... Дайяна, если ей привлекательные перспективы обрисовать и обращаться «по-человечески», вполне, по моему, на все наши условия пойдёт... — Сделал совсем чуть-чуть скабрёзную мину и добавил: — Ей ведь, кроме всего прочего, *настоящего* мужчину для себя найти хочется. Вроде как Екатерина — Потёмкина.

Теперь Воронцов пропустил мимо ушей сказанное собеседником, но явно для себя зарубку, где нужно, сделал. Ответил по сути:

— Наполеон считал, что всякое дело непременно увенчается успехом, если хорошо соображено не меньше чем на тридцать процентов. Остальное

★ вполне можно оставить на волю случая и имеющих возникнуть обстоятельств...

— Ну вот и давайте вместе посоображаем...

Более или менее серьёзной проработки заслуживали всего два частных вопроса, после того, естественно, как «заговорщики» решили, что работать будут по агтрианской схеме, то есть исключительно опосредствованно, никому даже из своих не демонстрируя интереса к происходящему. Лучше всего вообще было бы, как и раньше, вне *горизонтов событий* оставаться. Только не получится, какую-то причастность демонстрировать по-любому придётся. Вот и нужно её, эту причастность, неким вполне очевидным, не внушающим подозрений образом замотивировать.

И ещё требовалось наметить контуры своего участия в назревающей англо-русской войне в Империи и конфликте, хотя пока и «холодном», между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами.

— Я, понятное дело, по-прежнему остаюсь глубоко аполитичной и совершенно частной персоной, как и раньше было, — сказал Лихарев, — разве только Ляхов или Тарханов что-нибудь конкретное предложат, раз про меня всё-таки вспомнили.

— Не они вспомнили, а я, — возразил Воронцов, — и мотивация у меня на этот случай неубиваемая... Но об этом позже. Ты говоришь, что технически можно и тот и другой конфликт пресечь в зародыше, самым примитивным и действенным способом...

— Совершенно верно. Прямо сегодня не составит никакого труда организовать в Лондоне приличный несчастный случай вроде взрыва бы-

тового газа в районе Даунинг-стрит... Тонны на полторы тротила. И с «хантерами» по-быстрому разобратся...

— Кто же спорит. Кое-какие проблемы действительно снимутся, а что с другими, вновь возникшими делать будем? Сколько их появиться может, я как бы не лучше тебя знаю...

Дмитрий вспомнил, как, попав в самом начале их эпопеи в Замок, а из него — в сорок первый год, он вдруг вообразил, что, покидая ту реальность, наилучшим решением будет застрелить Сталина в машине на лесной дороге¹. Чтобы изменить будущее категорически и безвозвратно. Мол, в любом случае без этого персонажа в истории лучше станет. Однозначно. Тиран ведь кровавый, несмотря на новиковские попытки его реморализаторства.

Молодой он тогда был, наивный, в политическом, естественно, смысле, вроде Иванушки из сказки, что сжёг лягушачью шкурку своей жены. И вот как раз тогда, пребывая в достаточно растерянном и дезориентированном состоянии, ещё надеясь, что Антон сумеет их отправить обратно и всё станет почти как было, они вдруг начали постигать кое-какие, тогда совсем ещё не очевидные вещи.

Оказывается, и в «обычных» условиях количество окружающих любое событие причинно-следственных связей так велико, что их невозможно просчитать ни на одном компьютере сколь угодно большой мощности. А в их случае естественный (что тоже весьма условно) ход событий нарушался слишком уж грубо, и никто не в состоянии достоверно определить, что из случившегося и в какой

¹ См. «ОПИ».

мере является артефактом. То есть вполне возможно, что первый поход Берестина в 1966 год создал условия для знакомства Новикова с Ириной шестью годами спустя, деятельность самого Воронцова на Земле в сорок первом году и его общение с Замком спровоцировало её же появление на Земле в виде *координатора*, и исчезновение Лихарева из тридцать восьмого года тоже. Проникновение Левашова с друзьями на Валгаллу предопределило полёт в тот район Вселенной звездолёта «Кальмар» в двадцать третьем веке и так далее...

— Поэтому, если мы хотим существовать в данных реальностях, лучше бы поостеречься, — сказал Воронцов как-то очень обыденно. — И ещё — в сложившихся обстоятельствах нам с тобой нужно действовать как можно медленнее. Был такой римский полководец, по прозвищу Кунктатор¹. С него пример берём — совсем никуда не спешим. Всё пять раз обдумываем, потом делаем и смотрим, что получится. Ну, как сапёры по минному полю движутся. Это тоже тактика. Посмотрим, как предполагаемый противник на неё отреагирует, выскнув, что мы всегда стремились опережать события на несколько темпов...

— Хорошо, поостережёмся, — послушно кивнул Валентин. — А для этого не вижу иного способа, как немедленно переправиться на Таорэру. Лучше всего — вместе с *моими* женщинами — собственной и подопечными. Демонстративно так.

¹ Квинт Фабий Максим, римский полководец времён Второй Пунической войны (II век до н.э.) с Карфагеном. Пятикратный консул Рима. Прозван Кунктатором — Медлителем, за избранный им тактику, неизменно приносившую успех. Обычно он давал неприятелю совершить все возможные ошибки, после чего наносил решающий удар.

Заметят наш маневр, действия какие-то предпримут — хорошо, нам этого и надо. Нет — прогуляются наши дамочки на природе и домой вернутся, вместе с подкреплением... Дайяна наверняка захочет часть своих подопечных на Землю переправить. А андроидов оставим на вилах, чтобы всеми силами изображали присутствие хозяев на месте. Три моих да двое тех, что в Кисловодске. Вот пусть, как в старом водевиле, создают впечатление... У всех сразу.

— Быть по сему... — Воронцов плеснул в бокалы совсем понемногу, в виде «закурганной», и сказал совершенно как бы между прочим: — В общем, так Дайяне и скажи. Я готов весь её персонал на пароход и в форт принять, «курс молодого бойца» всем организовать, а потом расписать по принадлежности. Сдаётся мне, и в той и в другой России подготовленные и стопроцентно надёжные кадры понадобятся. Вечная ведь у нас проблема, с петровских времён — «нет людей». Саму тоже не обделим. Есть кое-какие соображения.

— Как всегда? — широко и без всякого подтекста улыбнулся Лихарев. Давно ему не было так легко на сердце. Он снова в команде и снова сможет заниматься делами, для которых создан и воспитан.

Продолжая конспирироваться неизвестно от кого, то ли от дутгуров, то ли от самих Держателей, Лихарев вернулся прежним, почти мгновенным и «бесшумным» образом в лес, где его ждал робот с машиной.

Эту тему — о возможности маскировать свои действия от «высших сил» — задолго до Лихарева, в самом начале эпопеи, обсуждали Новиков,

Шульгин, Берестин, Воронцов. С одной стороны, казалось бы, куда и как ты от них укроешься, если они вправду «высшие», всемогущие и всеведущие. А с другой, если подумать — не бывает такого «всемогущества и всеведения» и быть не может, ибо в противном случае Вселенная вообще прекратила бы своё существование, схлопнулась в первые же минуты по причине мгновенного исчерпания всех степеней свободы своего развития.

На самом деле — если допустить существование «субъекта» (пусть даже и Богом его назвать) или нескольких аналогичных субъектов, знающих и могущих действительно ВСЁ, так какие могут быть варианты? Одномоментно «история» и начнётся, и кончится. Прямо в момент «Большого взрыва» или рождения «высшего существа». Поскольку в долю секунды оно, это существо, *убедится*, что при абсолютной предопределённости всего бесконечного бытия смысла в его существовании нет ни малейшего. Целей и необходимости — тоже.

Потому и изощряются богословы, изобретая то дьявола, с которым всемогущий Бог справиться не может, то «свободу воли» человека, от чего утверждение «ни волос с головы человека не упадёт без воли Господа» мгновенно обесмысливается. Но так потому и «кредо», что «абсурдum эст».

И так называемая «Большая Игра». Что в ней толку, если партнёры могут предвидеть ходы друг друга? То же самое, что с самим собой в «очко» играть. Да хотя бы и в шахматы. Но вот если ты мыслей противника не знаешь, да ещё каждая фигурка на доске обладает свободой воли, хитроуми-

ем Одиссея и весёлой наглостью Остапа Бендера — вот тут смысл-то и появляется!

Эрго — *они*, Держатели и Игроки, знают и могут как бы и не меньше нашего, поскольку, расширяя круг своих познаний и возможностей, любой Мыслящий прежде всего расширяет протяжённость границ с неизвестным и недостижимым. (Если брать за постулат, что абсолютной истины, как и конечного знания не существует *potius est*¹.) Это как если бы бесконечно увеличивать ширину обороняемого стрелковым взводом участка фронта. Очень скоро от бойца до бойца станет, как «от Москвы до Бреста». И много ли этот взвод навоеует? Вот вам очередной парадокс.

Поэтому хоть агтры, хоть форзейли, хоть Игроки с Держателями на самом деле по соотношению желаний и возможностей ничем не лучше нас. И исчезающе мал шанс на то, что именно сейчас «они» наблюдают *именно за твоими* перемещениями в пространстве, вообще любыми действиями. Может же кто-то в пивную в это время направиться, в гости к тому, что *там* считается женщиной, или вообще, пардон, в туалет. Если кто читал малоизвестные книги Марка Твена, вроде «Путешествия капитана Стромфилда в рай», то, наверное, запомнил, что у тамошних ангелов то, что у людей называется *оргазм*, длится годами. Ну и какая же в этом состоянии слежка за даже *очень важными персонажами*?

Все эти то ли богословские, то ли агностические построения промелькнули в голове у Валентина, пока он, очутившись на поляне, осматривался и садился в машину.

¹ По имени и по существу (*лат.*).

...Майя с Татьяной отнесли к его предложению отправиться с ним в неизведанные межзвёздные дали положительно, но слегка по-разному. Ляхова — с чистым и неприкрытым восторгом, сразу увидев в этом предложении ещё один шаг на пути к полноценному членству в «Братстве» и, значит, исполнению главной её мечты — вечной (ну, пусть для начала — сотня-другая лет) молодости и водоворота бесконечных приключений. Да и прошлое посещение парохода со всеми его чудесами очень хорошо запомнилось. И, как ни странно в её положении серьёзной замужней дамы, танцы и лёгкий флирт с офицерами «Изумруда» — тоже.

Татьяна была не столь романтически-прагматична, хотя воспоминания у неё были те же, и оставаться вечно молодой ей хотелось никак не меньше, чем подруге. И в этом мире её особенно ничего не держало, семейная жизнь с Сергеем совсем не задалась, хотя она поначалу думала, что «стерпится — слюбится». Не получилось. Значит, тогда, ещё в студенчестве, она про перспективы их отношений всё поняла правильно. Но расходиться теперь тоже смысла не было — положение в обществе, титул, фамилия, финансовое положение Татьяну вполне устраивали. В постели (не так уж часто) Тарханов был ничуть не хуже других, а о том, чем его жена занимается большую часть года, он предпочитал не задумываться, хотя при желании мог бы взять её под плотный колпак. А зачем? Чувство биологической ревности было ему чуждо, а психологически... Кто-то когда-то определил суть брака такими словами: «Ради того, чтобы иметь возможность обладать этой женщиной, когда захочется, ты вынужден терпеть её присутствие всё осталь-

ное время». Вот Сергей с Татьяной молча договорились разделить две эти сущности.

Сейчас она просто по свойству характера опасалась неожиданных и резких перемен. Тем более у неё как раз на днях снова наметился этакий лёгкий и безопасный, но увлекательный романчик. Партнёр оказался «на высоте», и терять его пока что не хотелось. Вообще, в этом смысле у Татьяны был характер скорее мужской — она предпочитала затевать ни к чему не обязывающие интрижки с мужчинами женатыми и по преимуществу из своих старых приятелей. Эти не проболтаются даже в кругу знакомых, не станут приставать с глупыми предложениями уйти из семьи и «начать новую жизнь». Встречаться время от времени, раз в месяц провести вдвоём уик-энд в приятном и безопасном месте, и — до другого раза. Никто не в обиде, и почти никакого риска. Всегда можно сказать: «Да, было в молодости между нами кое-что, но было и прошло, а сейчас так, случайно встретились, поговорили, по бокалу вина выпили...»

Она пребывала в неуверенности и сомнениях почти до обеда, но Майя её *убедила*, приводя те же самые доводы, что грели душу ей самой. О новых впечатлениях, новых знакомствах, возможной поездке в *настоящую* Югороссию (прошлый раз они ведь ничего, кроме форта на берегу фьорда и помещений парохода, там не видели, ни в Севастополь, ни в Царьград не попали). А главное, Майя прямо здесь, не сходя с места, потребовала от Лихарева гарантий, что сразу по прибытии на корабль и куда там ещё они немедленно начнут проходить курс инопланетных омолаживающих процедур. Нынешние их с Татьяной двадцать девять, конечно, воз-

мутительно много, но уж не тридцать, по крайней мере, и если данный возраст им гарантируют на неограниченное время — согласиться можно. Как это Ирина, Сильвия и Наталья Андреевна Воронцова комфортно себя чувствуют, приближаясь к сорока, Майе было решительно непонятно.

Нет уж, они так и будут *балансировать* на рубеже тридцатилетия (самый обольстительный для *понимающей в жизни девушки* возраст).

Об Эвелин и речи не было — та за мужем куда угодно пойдёт, словно и не француженка самого либерального воспитания, среди прежних подруг которой лесбиянок было две трети, а остальные тоже не чурались всяческих *изысков*. А она, видишь ли, влюбилась в откровенного русского сексиста и ни о каких свободах больше слышать не желает. Впрочем, можно и по-другому посмотреть — представительница самой прагматичной (куда там немцам) и «жлобской», неполиткорректно выражаясь, нации Европы сделала быстрый и правильный выбор. Что такое скудные доходы и тяжёлая работа университетской преподавательницы в сравнении с ролью жены «ле бояр юсс», безмерно богатого и абсолютно свободного в своих поступках, желаниях и капризах. А также красивого, сексуального и великодушного.

Конечно, молодых дам не то чтобы приводила в ужас, но всерьёз ошеломляла мысль, что уже сегодня к вечеру они могут оказаться не на другом краю света даже, а в непредставимых безднах космоса, дальше, чем почти любая из видимых ночами на небе звёзд. Перемещения в соседнее время — хоть прошлое, хоть будущее — это как-то

спокойнее воспринимается. Почти то же самое, что фильм исторический посмотреть. Со спецэффектами.

Но именно несопоставимость земных и межзвёздных масштабов как раз и смягчала шок — странно бояться того, что не в силах вообразить.

Однако приличия, и не только они, требовали, чтобы вопрос об отъезде был согласован с мужьями — иначе это уже чёрт знает что будет, а не семейная жизнь. Ведь не на день-другой они собрались выбраться в Приэльбрусье, к примеру, или на абхазское побережье.

Ляхов поначалу удивился столь странному предложению Лихарева. Да, обстановка в мире осложнилась до крайности, но — где Британия и где Кавказ? Всё ж таки усиление охраны и повышение бдительности — это одно, а поспешное бегство, как его ни назови из деликатности, совсем другое. Да и с какой радости ему звать с собой девушек аж на Таорэру, где самому Ляхову довелось разок побывать, и впечатления у него сохранились не самые радужные.

Но потом, наконец, Майя закончила выдавать сто слов в минуту и передала трубку самому Лихареву. Валентин спокойно и отчётливо объяснил, что данный экспромт — считай, что прямое указание Воронцова, а по его собственному мнению — очередной ход в игре, смысл которого ведом лишь самому *вельтмейстеру*, а зрители оценят его необходимость и вдобавок изящество лишь много позже. Если, впрочем, доживут. С этого момента Вадим возражать и удивляться перестал, только попросил Майю, как водится, быть поострожнее и не лезть, куда голова не лезет. И на автомате, как в «Братстве» обучился, выдал подходящую к слу-

чаю цитату: «С агрономом не гуляй — ноги выдерну. Можешь пару раз пройтись с председателем»¹.

Тарханов же, похоже, был только доволен, что его взбалмошную Татьяну берут под присмотр серьёзные люди. Он хоть и не был медиком, как Ляхов, но в жизни разбирался, да и разговоры соответствующие между ними велись. И Сергей вполне понимал, что психическое состояние жены колеблется на очень тонкой грани между так называемым мнимым благополучием и необходимостью срочной госпитализации. Так что смена обстановки пойдёт ей только на пользу. Да и постоянное присутствие рядом таких понимающих людей, как Воронцов и Наталья Андреевна, несомненно окажет терапевтический эффект. Может быть, настолько одумается, что и ребёнка наконец согласится завести. Впрочем, что-то, а представить себе жену беременной Тарханов совсем не мог. С младенцем на руках — это пожалуйста, а с большим животом и всеми сопутствующими явлениями — никак.

За три часа дамы собрали достаточно скромный, что называется — чисто личный багаж, по предыдущему опыту зная, что на пароходе в любую секунду может быть найдено или изготовлено абсолютно всё, что взбредёт самой больной на голову моднице. Отданы последние инструкции остающимся на хозяйстве андроидам — и вперёд. На машине вернулись на ту же полянку, куда настроена была аппаратура перехода. Миг — и дамы удивлённо озираются, увидев вокруг вместо напоенного запахами и наполненного пеньем птиц букowego леса незнакомых людей и антураж глухого кора-

¹ В. Высоцкий.

бельного отсека. А потом поднимаются по трапам вверх, на широкую, добела выдраенную тиковую палубу и испуганно ахают, когда косая волна врежется в борт и брызги долетают на пятнадцатиметровую высоту.

— Ах, здорово как! — перевела дух Майя, вцепившись в планширь красного дерева, когда пароход вдруг провалился в ложбину между вполне уже солидными, густо-бутылочного цвета валами. Ещё не совсем как у Айвазовского в «Девятом вале», но около того.

Пока Лихарев возвращался с «Валгаллы» в Железноводск и Кисловодск, собирал своих женщин, прошло часов шесть «локально-земных», сколько здешних — никто не уточнял, но свежий ветер и крупная зыбь успели вплотную приблизиться к тому, что называется штормом. Не так чтобы очень сильным, но баллов на пять-шесть, никак не меньше.

Татьяна, стоя с ней рядом, смотрела на пересечённое пенными гребнями, закипающее море со странным выражением лица. В своём предыдущем, первом в жизни переходе через три моря на катере «Сердитый»¹ девушки в шторма не попадали, повезло, а то с таким капитаном, как Ляхов, едва ли куда-нибудь дошли бы. Но всё равно — открытое море, судно — что-то такое у неё в душе шевельнулось, забытое. У Татьяны ведь многое в подсознании было несколько раз *перетасовано*, по разным методикам и с самыми разными целями. И в любой момент это могло проявиться самым неожиданным образом, чего, каждый по-своему, опасались и Ля-

¹ См. «Бремя живых».

хов, и Шульгин, в разные моменты оказывавшие ей первую врачебную помощь...

О чём она сейчас думала? Да пожалуй что и ни о чём. Просто в душе как-то непонятно всё поплыло, смещаясь, путаясь. А возможно, как раз становясь на свои места. Она неожиданно почувствовала, что именно этого ей последнее время не хватало. Не надоевших светских развлечений и коротких, бессмысленных на самом деле увлечений, а чего-то в этом роде — подавляющего своей грандиозностью буйства стихий, безразличных к мелочным человеческим суетам.

— Ну, с прибытием, друзья, — сказал Воронцов, приблизительно догадываясь о мыслях и чувствах своих гостей. — Пойдёмте, Наталья ждёт. А на море через окна даже лучше будет любоваться. Надеюсь, морской болезнью никто не страдает?

При этом посмотрел почему-то на Эвелин, показавшуюся ему «слабым звеном».

Она и ответила:

— В Бискайском заливе на яхте не укачивало, надеюсь, здесь тем более...

— Вот и хорошо, значит, будем считать, вечер пройдёт без осложнений.

Спешить было некуда, поэтому и вечер, и весь следующий день провели на «Валгалле» в долгих застольных разговорах, безмятежном отдыхе в изумительных по комфорту и изяществу интерьеров каютах, вновь восхитивших даже Майю с Татьяной, хотя они в прошлый раз вроде бы попривыкли. Но времени с тех пор сколько прошло? Это как вернуться через два года из скромной квартирки какой-нибудь Кинешмы в парижский отель «Риц». Что же говорить об Эвелин, впервые столкнувшей-

ся со стилистикой плохо ей знакомого девятнадцатого века, помноженной на достижения чужого двадцатого с кое-какими заимствованиями из совсем уже нездешней, инопланетной культуры.

Лихарев в своё время не счёл нужным рассказывать ей о скрытой, как обратная сторона Луны, составляющей своей прежней жизни, решив, что и того, что есть, вполне достаточно, чтобы девушка не жалела о решении покинуть «бель Франс» и превратиться в русскую аристократку.

Теперь, когда они лежали на огромной, «королевской» постели в спальне гостевой (*собственной* они пока не удостоились), то есть достаточно стандартной четырёхкомнатной каюты люкс, освещённой только светом бра, горящих в гостиной, ему всё же пришлось кое о чём рассказать, на ходу конструируя не слишком расходящуюся с действительностью, но и далеко не полную версию обстоятельств собственной жизни.

Звуки снаружи — свист ветра, удары волн о борта (гул машин многими палубами ниже сюда совсем не доносился, звукоизоляция переборок была почти идеальной) — только добавляли *настроения* и уюта. Покачивало, да, но совсем не сильно, и очень длинными, плавными килевыми размахами. «Валгалла» шла точно вразрез волне. Собственную тишину каюты нарушала только негромкая музыка из встроенных за декоративной обшивкой переборок динамиков системы, называвшейся в то время, когда Воронцов «строил» этот пароход, *квадрофонической*. На самом деле она была абсолютно полифоничной и создавала стопроцентно объёмный звук. Исполнялись мелодии из фонотеки «тех» шестидесятых и семиде-

сятых годов, сильно отличавшихся от привычной Эвелин музыкальной культуры и настроением, и манерой исполнения. В её мире после Мировой войны эстетика свернула немного не туда. И не только в музыке. Здешняя ей нравилась гораздо больше.

Теорию множественности миров француженка благодаря своему образованию приняла вполне спокойно, обратив внимание только на последствия, из означенной теории вытекающие. В частности — существование «тайного ордена» (так Валентин для простоты назвал и «Братство», и аггрианско-форзелианский компонент), постигшего *высшую суть* данного феномена и на протяжении многих веков (!) занимавшегося поддержанием *статус-кво*. Проще говоря — предотвращением искажений и нарушений пресловутой Главной исторической последовательности злонамеренными или просто недостаточно *цивилизованными* для этого силами.

В принципе, и эта позиция была Эвелин понятна, она достаточно много знала о всевозможных жреческих сообществах, *просветлённых* личностях разных религий и культов, монашеских орденах вроде иезуитов, организациях типа известной в обоих мирах «Опус деи»¹ и тому подобных. И то, что она оказалась причастной к отряду ведущих, а не ведомых, её только обрадовало. И Дмитрий Во-

¹ Opus Dei (лат. «Божье дело»), полное название — Прелатура Святого Креста и Opus Dei, католическая организация, насчитывающая (официально) около 100 тысяч членов в 68 странах мира. Открыто не декларируемая цель — взять на себя ответственность за церковь и все значимые дела этого мира. Практика — формирование международных и национальных элит, через которые и осуществляется «достижение идеала».

ронцов с супругой произвели на неё крайне благоприятное впечатление.

Вообще жизнь для неё словно бы сразу наполнилась неким новым смыслом, которого прежде не хватало. Эвелин лишь осторожно высказала Валентину своё беспокойство по поводу дальнейшего: не приведут ли назревающие события к волне бедствий, способных смыть в океан неизвестности хрупкий островок давно уже балансирующей на грани европейской цивилизации. Изложенный с персидской образностью пассаж, явно навеянный тем, что сейчас творилось за бортом.

Лихарев постарался её успокоить, заверив, что, как любят выражаться русские, «всё под контролем».

Она решила, что этого достаточно, и больше забивать себе голову эсхатологическими проблемами не стала. У неё были собственные, посерьёзнее. Дело в том, что они с Валентином не совпадали темпераментами. Если Эвелин с удовольствием занималась бы личной жизнью и по два-три раза за ночь, а то ещё и днём, то Лихарева это мероприятие интересовало скорее эстетически, чем физиологически. Он вполне мог обходиться без этих радостей и неделю, и две, пока вдруг настроение не появлялось. Другая женщина не вынесла бы такого дисбаланса, но, как сказано выше, француженка была девушка практичная и считала, что достигнутое благополучие не стоит ставить под угрозу из-за подобной мелочи. Стремиться к желанной цели, конечно, нужно, но — без малейшего нажима. А то ведь эти русские совершенно непредсказуемы...

Она откинула лёгкое одеяло, опустила ноги на ковёр. Словно бы не обращая на присутствие рядом мужа никакого внимания, подошла к большо-

му квадратному окну, несмотря на размеры способному выдержать даже прямые удары волн двенадцатибалльного шторма. Отдёрнула плотную, расшитую почему-то древнеегипетскими узорами и иероглифами штору. Снаружи не было видно почти ничего, только изредка в разрывах быстро летящих туч на минуту-другую проглядывала почти полная луна, освещающая картину, способную наполнить ужасом сердца чуждых этой стихии людей, доведись им оказаться среди этих волн на чём-то не столь монументальном и надёжном, как «Вал-галла».

Но не буйство стихий за бортом её сейчас интересовало. Она хотела, чтобы Валентин смотрел на неё в красивом, как раз так, как нужно, подсвеченном интерьере и возбуждался от желания, дорисовывая то, что скрывает полумрак и сиреневый шёлк пеньюара (а там, честно говоря, было чем полюбоваться почти каждому мужчине, кроме тех, что ошиблись с ориентацией). Раз уж она из одной сказки вдруг попала в другую, ещё более волшебную (а сколько их ещё? Минимум семь, как в русских матрёшках?), так надо, чтобы всё и шло по сказочному.

Нужно признать, галльские женщины всё же кое в чём превосходят русских, пусть только в умении подать себя ненавязчиво и максимально эффектно (эффективно — тоже), независимо от качества «имеющегося товара». Эвелин не собиралась ждать милостей от природы и не считала зазорным брать их у неё силой, не думая о всяких феминистских глупостях. Мужчину нужно зажечь, и не так уж важно, каким именно топливом. А если будешь терпеливо ждать, когда он сам созреет до того, чтобы упасть на одно колено и, при-

жав к груди (или — лбу) руки, умолять об... этом самом, так прождать можно слишком долго. До за-втрашной ночи минимум.

Она повернулась и направилась поперёк спальни к двери в гостиную отработанной походкой, примерно такой, о которой говорила умная, циничная и *отвязанная* героиня Ремарка, Рене де ля Тур, кажется: «У вас должно быть такое чувство, что вы зажали между ягодицами монету в пять марок — а потом об этом забыли»¹.

Вернулась она совсем скоро, катя перед собой столик с серебряным подносом. Две чашки кофе со всеми полагающимися атрибутами, пепельница, пачка здешних сигарет из имевшегося в каюте совсем не «мини»-бара, и ликёр тоже местный, какого она раньше не пробовала, — «Вана Таллин», судя по этикетке — из разряда крепких, а раз со-держался в здешнем баре, то и хороших.

Процессор, стихийно выбирающий из миллионов звукозаписей судовой коллекции подходящие к заказанной теме мелодии, как раз попал на с давних, очень давних лет любимое Лихаревым танго «Дым»².

И Эвелин мелодия сразу *зацепила*, хотя она-то в дополнительной стимуляции не нуждалась. Казалось, будто причудливые пассажи золотого саксофона выговаривают слова, очень точно передающие её теперешнее настроение.

А за этой мелодией пошла следующая, «Ночной Гарлем», так назвал её Валентин, и она тоже

¹ См. «Чёрный обелиск».

² В аранжировке Ф. Палетти 70-х годов называется «Smoke Gets in your Eyes». В русском варианте в конце 50-х годов имелся очень неплохой, грустно-трогательный текст на эту мелодию.

была совсем к месту, когда очень аккуратно, незаметным со стороны движением Эвелин помогла своему пеньюару соскользнуть с плеч. И сделала это с явным удовольствием — ей последнее время особо нравился вид собственного обнажённого тела. По причине климата, наверное, в России вся её галльская худоба, для приличия именуемая «стройностью», исчезла, фигура стала, как выражался Лихарев, «обтекаемой», при этом грудь увеличилась на два размера, сохраняя форму и изящество очертаний...

Ночью Воронцов резко сменил курс и на почти предельной скорости увёл пароход на норд-вест, за пределы штормовой полосы. Ближе к Соломоновым островам, под колпаком антициклона погода снова стала вполне курортной, с океаном синее неба и редкими кучевыми облаками, своей белоснежной вычурностью оживлявшими бывший бы слишком уж монотонным без них пейзаж. Даже с высоты «Солнечной» палубы и с помощью очень хорошего бинокля ни по какому румбу не видно было самомалейшего творения человеческих рук — ни джонок китайских или малайских пиратов, ни парусников белых торговцев, ни уж тем более посудин посolidнее. Всё ж таки двадцатые годы двадцатого века за бортом, и маршрут адмирал проложил в стороне от сколько-нибудь накатанных морских путей.

— Какая прелесть! — воскликнула Эвелин, глядя за корму, на пенный кильватерный след. Ветерок был совсем слабый, у него едва хватало сил, чтобы вздуть невесомые женские юбки, а уже шестиметровой площади флаг из тонкой шерсти свисал с гафеля совсем неподвижно. Сейчас

француженка была в самом лучшем из возможных расположении духа, ибо «ночь любви» у неё сегодня удалась сверх всяких ожиданий, а начинающийся день сулил исключительно новые радости и открытия.

Бывают такие дни, когда с самого начала знаешь, что не один год потом будешь с благодарностью и лёгкой печалью вспоминать «это», и ведь не ошибаешься...

— Скажите, а вам не становится скучно вот так всё плавать и плавать по морям? — вдруг спросила у Натальи Татьяна, когда они расселись за столом для достаточно уже позднего завтрака. — Сколько уже лет? Как Летучие Голландцы...

Воронцов только слегка хмыкнул, услышав вопрос, а Наталья Андреевна начала отвечать благожелательно и распространённо. На то и застольная беседа.

— Ты, Таня, немного заблуждаешься. Не такие уж мы «Голландцы». Тот, насколько я знаю, сходил на берег раз в несколько лет, на один вечер, и если не находил девушку, искренне согласную разделить с ним тяжесть наложенного на него наказания, снова уходил на новый виток кругосветки. По крайней мере, такова одна из легенд об этом недостаточно изученном персонаже. У нас всё с точностью до наоборот. Мы сходим на берег очень часто, и желающих походить по морям вместе с нами предостаточно. Не только из своих, есть достаточно очень достойных и интересных людей в этом Мире. Не так давно Николай Степанович Гумилёв с нами вокруг Африки обошёл, высшие чины Югославии тоже не прочь нервы подправить в морской прогулке. Врангель был, Кутепов... Ты ведь не забывай, Дмитрий Сергеевич не только вице-адми-

рал Российского флота, а ещё и начальник службы тыла всего нашего «Братства» и отвечает за такое количество вопросов, что тебе и не представить. Он всегда на связи, всегда готов помочь каждому, где бы тот ни находился. Так что скучать не приходится. Кроме того, на нас содержание новозеландского Форта, освоение прилегающих территорий и постоянный подбор нужного персонала. Знала бы ты, какая у нас текучесть кадров...

— У вас? — искренне поразились Татьяна. Она была уверена, что человек, которому повезло попасть в Форт или на «Валгаллу», по доброй воле никогда не откажется от такого счастья.

— А ты как думаешь? У меня есть хорошие вакансии. Найди мне несколько человек. На всём готовом и жалование золотом... В разумных пределах, но больше, чем может заработать хороший человек честным квалифицированным трудом в любом другом месте.

Наталья вдруг стала похожа на себя саму, когда, до встречи с Дмитрием, работала несколько лет прорабом на московских стройках, в том числе и Олимпийских. Приходилось ей решать кадровые вопросы, с рабочими разговаривать на доступном им языке. Правда, в таком качестве никто из здесь присутствующих её не видел. По этой же причине, встретившись с «бывшим женихом», она с огромным облегчением согласилась быть только женой и ни разу за столько лет не пожалела об утраченной свободе и «женском равноправии». Здесь они, при некоторой общности судеб в молодости, с Татьяной расходились диаметрально.

— Беда в том, что мы приглашаем на вольнонаёмную работу в Форт в основном уроженцев или нашей реальности, романтиков-шестидесят-

ников «последнего призыва», или аборигенов из Югории. Так вот, первым через некоторое время прискучивает уж слишком комфортная и благоустроенная жизнь, начинает тянуть на подвиги, причём в большинстве случаев именно в Югории же, или даже в здешней, троцкистской РСФСР. Ну, это из тех, кто всё ещё мечтает о «социализме с человеческим лицом». Мы не только не препятствуем, а всемерно помогаем, сами понимаете, почему... А «местные» адаптируются хорошо и работают как следует, только все через несколько лет, поднакопив деньжонок, возвращаются в «большой мир». И это тоже полезно, расширяется круг людей, культурно и психологически превзошедших уровень пресловутого «тринадцатого года».

Шутка, увы, пропала впустую, никто, кроме неё и самого Воронцова, да и Лихарева, конечно, не понял, при чём тут именно «тринадцатый» год¹.

— А в остальное время мы много где бываем. Этот мир весь изъездили, в некоторых местах по месяцу и больше жили. Надоест — тогда дальше. Другие реальности тоже посещаем. Вплоть до того, чтобы на громкую премьеру в театр хоть у вас, хоть у нас сходить не затрудняемся. В «цивилизованных мирах» это просто — морем, а то и на само-

¹ «Уровень тринадцатого года» — на протяжении всего периода Советской власти (73 года и 11 месяцев) от этой планки вполне официально измерялись все достижения и успехи. «По сравнению с тринадцатым годом уровень урожайности зерновых возрос на... или в...» «Продолжительность жизни в сравнении ... выросла на...» И т.п. Практически в любом докладе или научной монографии такие пассажи встречались. Только числа подставлял. Одной темы никто и никогда не касался — соотношения *уровня свобод* в последний мирный год «военно-феодалного самодержавия» и «тюрьмы народов» с любым советским.

лётке до ближайшего аэропорта — и пожалуйста, Вахтанговский, Ла Скала, БДТ, Бродвей — на выбор. С паспортами и визами, сами понимаете, у нас проблем не возникает, особенно в реальностях, где не было Второй мировой...

Татьяна снова позавидовала Воронцовой. И занятие по душе у неё есть, и мужчина на всю жизнь, а теперь, выходит, совсем не жизнь затворницы, пленницы стальной коробки она ведёт, а совсем наоборот... И неужели они и вправду могут спокойно отправиться на премьеру «Князя Игоря» с Шаляпиным? Невероятно!

Майя тоже задала несколько вопросов в тему. Ей очень хотелось провести недельки две в Югославии, о которой была достаточно наслышана, но сейчас предлагать такое путешествие сочла неуместным. Как-нибудь в другой раз, и с Вадимом, конечно. Впрочем, одной тоже скучно, наверное, не было бы...

День оказался на удивление длинным, заполненным разговорами, купанием в тропическом океане, другими доступными на борту развлечениями. Особенно это касалось женщин, которым Наталья продемонстрировала удивительную электронную систему, недавно смонтированную с помощью Антона. В ПОСЛЕДНЕЕ время он совершенно забыл о всех налагавшихся на него бывшей должностью ограничениях и начал передавать друзьям ранее категорические запрещённые к распространению технологии, имевшиеся в Замке. Эта, например, позволяла создать на экране свой трёхмерный образ в натуральную величину, а потом проделывать с ним всякие интересные штучки: изменять пропорции тела, черты лица, форму и цвет глаз, причёски... Нечего говорить о том, что свою *репродукцию*

можно было одеть в любую, хоть взятую из каталогов, хоть лично смоделированную одежду, подогнать всё по месту, коснуться соответствующего сенсора на панели и немедленно получить требуемый комплект.

Поначалу это (не репликация одежды, конечно, а возможности экспериментировать с собственным телом) произвело на Майю с Татьяной слегка шокирующее впечатление. При том, что о многих доступных «Братству» чудесах Майя с Татьяной знали. А Эвелин не слышала вообще ничего подобного.

— И что, если я себе на картинке удлиню ноги, переделаю глаза и отращу волосы до колен, то «щёлк» — и со мной настоящей это же сразу и случится? — с некоторым даже испугом спросила француженка. — И навсегда?

— Как захочешь. Вообще-то эта штука больше предназначена для кратковременной корректировки внешности в целях оперативной маскировки, ну, интриг всяких... Через назначенный срок или, если нужно, экстренно норма восстанавливается. Но если тебе на самом деле что-то слишком в себе не нравится, можно и *окончательно* исправить. Как альтернатива пластической хирургии... И не мгновенно, конечно. В специальном боксе, во сне, чтобы сознание не мешало, за час или за сутки, в зависимости от масштабов вмешательства...

— А потом ещё раз, и ещё, когда втянешься... — со странной интонацией сказала Майя, мысленно, а также и в душе прикидывая, хотела бы в себе что-то взять и поменять? И решила, что если ей гарантируют абсолютное здоровье и нынешнюю красоту на достаточно длительный срок, то и ничего. И так хороша, разве что оттенок

глаз. И уши сделать немножечко поменьше и позиящнее. Да, пожалуй, грудь бы немного приподнять и заострить, как у Дианы-охотницы на одной скульптуре. И ноги — ну, сантиметра на два удлинить, а под коленями...

Майя себя одёрнула. Если Наталья позволит, можно будет как-нибудь сесть одной, без посторонних глаз, и вволю поэкспериментировать. На картинке, конечно...

А пока с помощью Воронцовой каждая изготовила себе по комплекту походных одежд для путешествия на планету Валгалла. Исходя из советов Натальи Андреевны. Страшно сказать — за полтора почти световых лет от Земли отправляются. Но и там, по словам Валентина, имеется своё *общество*, перед которым следует появиться в *приличном виде*. Лихарев сам не догадывался, какое там общество собралось сейчас. Он-то с девушками *погиб* несколько раньше, чем на Валгалле появились добровольцы из Югороссии.

Его гораздо больше волновал вопрос — как будет воспринято Дайяной и курсантами его появление после официально зафиксированной смерти. Впрочем, как-нибудь поймут — на войне всякое случается...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Дайяна встретила гостей на удивление спокойно. В том смысле, что не подала вида, будто удивлена, более того, поражена фактом появления на базе, вместе с нормальными, человеческими женщинами живого и здорового Лихарева. Хотя сама принимала участие в захоронении того, что оста-

лось от него и семерых курсанток, увенчав могилу на сопке обгоревшими обломкам флигера из инопланетных сплавов. Получилось почти как в стихотворении Бориса Слуцкого: «И мрамор лейтенантов — фанерный монумент».

Кое-что она однажды заподозрила, застав Сильвию и аналогов Ляховых в хранилищах агентурного снаряжения на Таорэре. Именно в тот момент, когда незванные гости забирали со стеллажей комплекты, обозначенные личными номерами погибших вместе с Валентином курсанток. Но Сильвия сумела её разубедить, сказав, что берёт эти контейнеры будущих валькирий как раз потому, что они остались без хозяек, под которых настраивались, и никому из питомиц Дайяны никоим образом не пригодятся. Тем более добра этого здесь и так больше, чем наличного (каламбур) личного состава. Наскоро слепленная легенда на удивление сработала, но только потому, что хозяйка Базы и сама не допускала мысли, что проделанный Левашовым *выверт* из свершившегося *будущего* в *настоящее* (которое одновременно и зафиксированное прошлое) через *соседнее настоящее* теоретически возможен и практически осуществлён.

Но теперь она определённо что-то заподозрила (уже в противоположную сторону) и попросила Майю, Татьяну и Эвелин подождать немного в зимнем саду Главного корпуса, в обществе двух готовых прислуживать гостям и развлекать их беседой курсанток. Лихареву же движением головы указала в направлении ведущего к учебным классам коридора.

Там, насколько он помнил (всё-таки два года прошло), помещался один из рабочих кабинетов

хозяйки, где она решала повседневные хозяйственные дела и беседовала с не удостоенными приглашения в личные апартаменты курсантами, курсантками и обслуживающим персоналом. Как правило, по поводу каких-то малозначительных проступков и упущений.

Обставлено помещение было в среднестатистическом стиле европейского офиса 60 — 70-х годов. Без крайностей советской помпезности и унылой казённости, а так — Корбюзье какой-то: металл, пластик, кожаные заменители, отделанные шпоном ДСП, стеклянные столики и этажерки. Когда-то в заграничных фильмах и глянцевах журналах такие интерьеры у граждан СССР вызвали восхищение, вплоть до желания немедленно эмигрировать. Видимо, в те времена и обставлялся кабинет, «чтобы идти в ногу со временем».

Дайяна села в кресло, закинув ногу за ногу обычной своей манерой, не претендующей на сексуальность, но, за счёт *фактуры*, отнюдь не лишенной её. Закурила неизменный «Ротманс» — других сигарет Лихарев у неё никогда не видел, она курила их всегда, задолго до того, как этот сорт появился в продаже на Земле, ничуть не заботясь об анахронизме. С минуту переводила взгляд с покрытых мачтовым сосновым лесом гор за окном на лицо Валентина и обратно. Ему сигарету не предложила, не в её это было стиле, поэтому Лихарев щёлкнул крышкой своего блок-универсала. Привычно подумал, что со стороны это выглядит странно — одинаковые и весьма дорогие портсигары у совершенно разных по положению и даже полу людей. Впрочем, он не помнил случая, чтобы в прежние времена вместе собирались хотя бы трое координаторов. Это сейчас одних только валькирий на Зем-

ле семеро, и если они разом устроят у себя в роте перекур... Забавно будет.

Дайяна подождала, пока он затынется своей «Купеческой», потом ровным, без интонаций голосом, в котором сейчас совсем не чувствовалось ничего женственного, предложила уточнить позицию. Как бы подразумевая сохранение между ними сложившихся за время последнего периода пребывания Лихарева на Таорэре отношений: *демократического сосуществования* заведомо неравноправных по званию и положению личностей. Вроде как адмирала и капитана третьего ранга, вынужденных жить в общей хижине на необитаемом острове.

Такое *самопозиционирование* не сломать никакими жизненными неурядицами, в этом Дайяна кардинально отличалась и от Ирины, и от Сильвии. Но в то же время, наученная безусловно горьким для неё опытом последних бессвязных и перепутанных лет крушения всех целей и идеалов, в обстановке реальностей, выгорающих, как сигарета, подожжённая с двух концов, мадам усвоила, что и она сама, и ранее безраздельно подчинённые ей люди и «не совсем люди» перешли в совсем другое, новое для всех качество. И жить надо по-другому. Это она поняла окончательно после «поединка воль» на Центральной базе, где проиграла всё по единственной, считай, причине — она не предполагала, что Андрей Новиков умеет «не думать о белой обезьяне»¹. И после этого окончательно решила — никаких авантюр больше не затевать, с «Братством» поддерживать отношения «благожелательного нейтралитета». А после внезапного вторжения прямо

¹ См. «Хлопок одной ладонью». Т. 2.

в её учебный городок десанта дуггуров нейтралитет превратился в настоящий, скреплённый совместно пролитой кровью боевой союз¹.

Только, похоже, никто из прибывших сейчас к ней в гости об этом ещё не подозревает. Ну и хорошо, тем интереснее будет дальнейшее.

Она осведомилась, какой именно перед ней Лихарев, откуда он родом, проще говоря. Вполне могли «братья» взамен действительно погибшего ввести в игру и того, как бы для них исходного, из тридцать восьмого года, и в двадцать пятом ранний прототип к своим делам привлечь, или пригласить нужного им фигуранта из любого, хотя бы случайно пересекшегося с данным (а какое оно — данное?) времени.

Валентин не стал умножать сущностей, в будущем никчёмная сейчас ложь вполне могла принести ненужные осложнения. Коротко сказал, точнее, доложил, как оно всё произошло, без всякого его участия, тем более желания, и сразу же — о том, что социализация выживших вместе с ним курсанток произошла в облюбованном для себя мире вполне успешно. Не зря, мол, старались, правильно учили, раз приспособились девушки мгновенно, и по службе успехов и наград добились, и на личном фронте у большинства дела обстоят наилучшим образом.

— И ты себя после всего этого нормально ощущаешь? — отстранённо, словно бы думая совсем о другом, спросила Дайяна.

— А после чего, собственно? — удивился Валентин. — Сам по себе межвременной переход ничуть не сложнее, чем я с вами или самостоятельно

¹ См. «Скоро полночь», Т. 2.

совершал. А про «смерть» мне уже потом рассказали. Может быть, тот, что здесь под холмиком остался, мог бы сказать что-то действительно важное, а я... — Он развёл руками.

Агтрианка кивнула.

— И сколько вы там у себя уже прожили?

— Да почти два года, если дней не считать. Ваша любимица двести восемьдесят седьмая уже до штабс-капитана дослужилась, крестов заработала больше, чем у нормальной девушки брошек. Замуж за натурального графа выскочила... Остальные — немногим хуже, а кое-кто и лучше.

— Молодец, — кивнула Дайяна. — Для того и учили, невзирая на беды и катаклизмы. Из тебя вон тоже — в друзья наследника царского престола готовили, а получился сталинский порученец. Только я не уловила — с чего ты взял, что именно двести восемьдесят седьмая — моя любимица. До выпуска они все для меня, как патроны в обойме.

— Ну, как же? Вы ж именно её к Новикову в постель подложили, от чего она, как я слышал, неожиданные способности приобрела. Слово бы он ей что-то от своей натуры передал. То же самое, кстати, получилось и с одноразовыми подружками Левашова и Шульгина... Я имел возможность наблюдать и сравнивать. Они — самые успешные и... своеобразные.

— Вот это — интересно. Вечером встретимся, ты мне подробно и тщательно всё расскажешь. Полезная информация. Заодно меня интересует, как эти ваши... Фёст и Секонд распорядились спецкомплектами, что Сильвия им взять помогла. — Она скептически скривила губы: — Вообразили, что я не заметила, как они хватали контейнеры с ниж-

них полок. А я не стала делать им замечания... Решила, что мы теперь квиты, и всё.

— Об этом, пожалуй, ничего не скажу, не знаю просто. Даже о том, что они их получили, не знаю. Мы с ними на эту тему не беседовали. Они хоть активированы были?

— В пределах своей компетенции Сильвия может с ними управляться. Для Земли и использования *обычными людьми* это более чем достаточно. Но, наверное, пойдём, невежливо заставлять гостей ждать слишком долго. — Она притушила в пепельнице из большой тропической раковины докуренную чуть дальше половины сигарету, встала, одёрнула юбку, которая, всегда и любого покроя, имела у неё свойство как бы сама собой, но именно в *нужные моменты*, сбиваться очень высоко. Это при том, что Лихарев никогда не замечал за ней ни малейших намеков на какую-либо активность в эротическом плане. Ни в отношении себя, хотя они прожили с ней на Таорэре несколько месяцев практически вдвоём, не имея никаких причин, поводов и оснований сдерживать свои эмоции (если бы они возникли), ни вообще кого-либо из мужчин, попадавших в круг её деловых интересов. Разве только допустить, что она в условиях строжайшей секретности проводит «индивидуальные занятия» с воспитанниками и воспитанницами выпускного курса. А почему бы, кстати, и нет? Римские матроны активно пользовались услугами рабов, и это отнюдь не влияло негативно на их *моральный облик*.

Дайяна поймала направление и угадала смысл его взгляда, опять усмехнулась самыми краешками губ.

— Пошли. Только последний вопрос — ты и твои друзья догадываетесь, что здесь у нас про-

шло немногим больше двух недель? И могут быть... недоразумения.

— Мне незачем о чём-то догадываться, это в любом случае бессмысленно, а вот мои друзья — те, с кем я контактировал последнее время, — наверняка просто не думают об этом. Сейчас, — счёл он нужным уточнить. — Никого из них напрямую проблема синхронности не волнует.

— Тогда и тебя и их ждёт сюрприз, надеюсь — приятный...

Тут Дайяна не ошиблась, да и не могла ошибиться. Что сюрприз, то сюрприз. Для парадной встречи «представительной делегации», которой она решила придать статус дипломатической высшего ранга, в Большом актовом зале Главного корпуса было устроено настоящее парадное построение. Без шуток. Впрочем, строевой подготовке на Базе во все времена уделялось серьёзное внимание как важному учебно-воспитательному моменту. Отчего все семь валькирий так легко и естественно влились в состав Российской Императорской армии.

Зал и сам по себе был хорош — в какие-то давние времена создания Базы тогдашние дизайнеры скопировали аналогичные помещения земных дворцов девятнадцатого и восемнадцатого веков. Едва ли из любви именно к такой архитектуре. Скорее из прагматических соображений. Например — проводить социализацию будущих выпускников в конгениальной предполагаемым карьерам обстановке. Кому — коронационный ужин Александра Третьего, кому — помолвка внучки семнадцатого герцога Нортумберлендского. И проассоциироваться у разных людей он мог с чем угодно. Правильно задекорированный. Лихареву, напри-

мер, он больше всего напоминал Столовый зал (так он назывался, хотя использовался и для других, более торжественных целей) Петербургского Морского корпуса, где им, пажам, бывать приходилось регулярно.

Огромная, почти соборная высота чуть выгнутого потолка, малахитового и расписанного золотом. Почти достигавшие его сводчатые окна, и между ними — мрамор, опять золото, связки каких-то знамён и тонны древнего рубящего и колющего оружия. И ещё статуи, мраморные и бронзовые. Фидий — не Фидий, но кто отличит?

Из всех измерений зала Лихарев навскидку мог назвать только длину — восемьдесят метров. Ну, ширина — в пределах двух третей. Говорят, что под мощный духовой оркестр на хорах в Корпусе, о котором вспомнил Валентин, могло легко танцевать до двух тысяч пар. Говорят... Вернее, говорили, конечно...

Сейчас при их появлении духовой оркестр не грянул «Встречный», он же — «Грибоедовский» марш, но остальное всё равно впечатляло. Сама собой у Валентина мелькнула мысль, что или Дайяна от безделья с ума чуть сдвинулась и решила в солдатики поиграть, или некий психологический «месседж» в сём действе присутствует. Намёк, порусски выражаясь.

Здесь был выстроен не только личный состав двух старших курсов этого училища, а можно сказать, и Академии, принимая во внимание уровень образования и квалификации выпускников, но и оставшийся на случай очередного внезапного вторжения дуггуров югоросский офицерский взвод с бравым подполковником Мальцевым на правом фланге. Все в строевой корниловской фор-

ме, чёрной с красным, и даже при орденах. Это могло бы выглядеть каким-то цирком — и само построение, и смешение в одном строю трёх взводных коробок красивых девушек в оранжевых костюмах, взвода парней, тоже очень видных собой (Лихарев был примерно таким же сотню лет назад), и боевых офицеров, одетых в мундиры тоже столетней давности. Но отчего-то не выглядело.

Строй отражался в навощенном до зеркального блеска паркете, и хорошо, что в высокие окна не светило солнце — смотреть бы было невозможно.

Показалось Валентину, что Дайяна сейчас скомандует, как положено: «Батальон, смирно! Для встречи справа слушай на кра-ул!».

По штатам старого времени, независимо от реальной численности кадет, курсантов и воспитанников, военизированные учебные заведения в строевом смысле приравнивались к батальону. С петровских времён так пошло, хотя в Пажеском корпусе личного состава было, к примеру, вшестеро меньше, чем в Морском, где числилось целых восемь полных рот, включая две гардемаринские, то есть с обслуживающим персоналом и «подразделениями обеспечения учебного процесса» набирался почти полк.

Здесь сейчас, как мгновенно, не считая, просто окинув взглядом, определил Лихарев, в строю находилось двадцать три югоросских офицера в чинах от поручика до капитана и 118 курсантов обоего пола, из них парней всего девятнадцать. Впрочем, такая же примерно пропорция имела место и во время лихаревского ученичества. По необъяснимым причинам агтрианское руководство удовлетворялось соотношением среди своих координаторов один к пяти, что зеркально отражало половую

структуру человеческих (точнее — земных, поскольку все курсанты были биологически людьми, только доведёнными до возможного совершенства) организаций такого рода. Какой-то смысл в этом очевидно был, только Лихарев никогда не пытался в него вникать. А задавать вопросы, не имеющие отношения к изучаемым предметам или правилам внутреннего распорядка, у них не полагалось.

В частности, Валентин (и любой другой курсант) понятия не имел, по какой причине категорически исключались личные контакты между ними и девицами, хотя в теории сексология и сексопатология, а также их использование в будущей практической деятельности изучались весьма подробно и в девичьих, и в мужских группах. Вот бы и тренировались друг с другом (вернее — с подружкой). Но нет. Зачёты сдавались лишь на Земле, во время «преддипломной практики». За эти два-три месяца окончательно определялось и наиболее подходящее место деятельности выпускников, и даже их ранг. В отличие от земных училищ здесь отнюдь не все «выходили в полк» лейтенантами или подпоручиками. Можно было и в «сержанты» залететь, младшим секретарём при резидентуре, и сразу самостоятельную должность получить, вплоть до координатора целого континента.

Разумеется, та дисциплина, о которой зашла речь, профилирующей не считалась, но иногда оценка по ней могла серьёзно повлиять на «итоговый балл».

А отношения между курсантами исключались, видимо, потому, что считалось, будто подобные отношения могут разрушить крайне жёсткую аттрианскую иерархию. Кое-какой резон здесь был — женщины обычно занимали более высокие посты

во внутренней иерархии, и каким бы образом та же Сильвия могла эффективно руководить им, Лихаревым, и ещё десятком агентов-координаторов мужского пола, имей она с ними в прошлом интимные, причём весьма непростые, как раз по причине сильного полового дисбаланса, связи?

В людских коллективах такое, как известно, случается, но почти всегда — с обратным знаком. Женщина-начальник обычно удовлетворяет свои потребности на стороне, а не с подчинёнными в обеденный перерыв.

Не зря, наверное, у паучих принято съедать партнёра после завершения брачных игр, а у некоторых и до, в том случае, если предлагающий руку и сердце самец не сумеет произвести должного впечатления.

При этой мысли Валентин испытал понятный дискомфорт и порадовался, что за время жизни на базе Дайяна не почтила его своим вниманием. При том, что её формы и стати были вполне в его вкусе. Этакая Венера Милосская, только с руками, и талией потоньше. А в целом — похоже.

Из-за всех этих мыслей и нахлынувших на вообще-то не сентиментального Лихарева воспоминаний он даже не сразу заметил, что у дальней стены зала справа, в креслах среди кадок с экзотическими (свойственными южным широтам Таоррэры) растениями расположилась ещё одна группа гостей — Ирина, Лариса, Анна Шульгина, Алла Ростоккина и сам Олег Левашов, непонятно из какого места и времени сюда попавший. Ну, слава богу, раз и он и Лариса здесь, то о судьбе экспедиции Новикова можно больше не беспокоиться. Да, честно говоря, она из гостей с Земли занимала только самого Лихарева в какой-то мере.

Вопреки логике, уставу и ожиданиям команды «К торжественному маршу!» подано так и не было. Дайяна вполне штатским голосом и тоном представила своим питомцам и белым офицерам вновь прибывших гостей, а гостям, в свою очередь, сообщила, что здесь собраны абсолютно все несостоявшиеся выпускники и выпускницы, и она будет очень благодарна, если ей помогут решить их дальнейшую участь наиболее благоприятным образом.

Ничего не оставалось, как пройти вдоль строя, расточая улыбки, полупоклоны, а Валентин вдобавок перебрасывался несколькими словами с некоторыми девушками и парнями. Из тех, что занимались последнее время в курируемых им группах.

Лихарев обратил внимание, что на куртках курсантов и курсанток больше нет ленточек с номерами, у всех нормальные, по преимуществу русские имена. Повторяющиеся, что было нередко, те да, по традиции имели цифровую добавку — «Елизавета-2» или «Татьяна-5», но это только до поры, когда обстановка потребует дать им окончательные фамилии и отчества.

— Ты правильно понял, — негромко сказала Дайяна, когда они закончили обход строя и процедуру личного знакомства с каждым из офицеров-югороссов. — Я решила «инициировать» всех, потому что продолжать держать их здесь в прежнем качестве — полная бессмыслица. Я и без тебя уже решила перебазироваться на Землю. Только ещё не решила, куда именно. Господа офицеры предлагали к ним, в Югороссию. Изобилие рук и сердец гарантировали. И желающих среди моих девочек не так уж мало. Некоторые уже подобрали себе пары,

это в основном девочки, что рядом с «добровольцами» воевали. Но обе стороны ждут моего благословения. Лариса приглашала любителей экстрима к себе в РСФСР. Левашов считал, что лучше бы всем воссоединиться в твоих владениях и даже имеет некие конкретные предложения..

— Понятное дело. Думаю, тем, кто мечтает замуж, не стоит препятствовать. Остальным лучше ко мне. В компанию к подружкам. Парням тоже работа найдётся. Война на носу, а соответственно, славы и орденов на всех хватит.

Конечно, как исстари заведено, рядовой состав после представления был отправлен в места расквартирования, а для прочих был организован не протокольный банкет, а нечто вроде приёма «а ля фуршет» в длинной анфиладе дворцового типа, где за нереально короткое время были накрыты столики и вообще сделано всё, к подобному мероприятию относящееся. Здесь общаться можно было совершенно свободно, причём Майю с Татьяной в основном расспрашивали Ирина с прочими дамами, всё ж таки на оставленной ими Земле два года прошло и множество разных событий личного и государственного планов совершилось. Гостей, наоборот, интересовали местные обстоятельства, о которых они имели самые отрывочные представления, примерно как среднеобразованный современник Данте о ситуации в северо-восточных княжествах Средневековой Руси. Настроение у большинства присутствующих было приподнятое, пусть и по разным причинам.

У Дайяны исчезла наконец неопределённость насчёт будущего для ста с лишним курсантов

и курсанток, дальнейшее существование которых на Базе давно превратилось в утомительную бессмыслицу. Вроде как десятилетняя жизнь и служба на кораблях бывшего Российского Черноморского флота, медленно ржавевших в Бизерте. Казавшиеся раньше необходимыми ритуалы совершались просто по инерции.

Да и угроза нового вторжения дуггуров продолжала оставаться вполне реальной. Стоило лишь врагу учесть допущенные тактические ошибки и заодно хотя бы утроить численность отряда вторжения — мало чем помог бы воинству Дайяны взвод корниловцев. Сражаться и умереть всем, как японцам на Иводзиме¹, — единственная альтернатива эвакуации.

Оставалась, конечно, возможность по полной программе использовать оборонительный потенциал всех имеющихся на Базе блок-универсалов, но это ненадолго оттянуло бы печальный финал. Превратить всю прилегающую местность в выжженную пустыню — и как потом в этой «Долине смерти» выживать? Нет, очень вовремя появился на Таорэре Лихарев. Теперь эвакуацию можно провести не спеша и организованно, а не как из Новороссийска в 1919 году.

¹ Иводзима — остров на юге Японского архипелага, прославившийся как место одного из самых ожесточённых сражений войны на Тихом океане 1941 — 1945 гг. Японский гарнизон численностью 22 тыс. чел. под командованием генерала Тадамити Курибаяси оборонялся с 19.02 по 26.03.45 г. Американские войска численностью 110 тыс. чел. заняли остров, потеряв 7 тыс. убитыми и 19 тыс. ранеными. Японский гарнизон погиб полностью, при том, что некоторые уцелевшие солдаты продолжали «воевать» и сдались только спустя 10 и более лет. Сравните — «Бессменный часовой» Брестской крепости, стоявший на посту с 1915-го до середины 30-х годов.

Корниловцы истомились от продолжительного безделья и монашеского образа жизни. Далеко не все из них сумели наладить сколь-нибудь неформальные отношения, пусть и чисто платонические, с курсантками. А тут появилась перспектива скорого возвращения домой, а перед ним — по-царски накрытые столы с очевидной возможностью гулять до утра и три новых персоны дамского пола, пусть и с сопровождающим, так всего одним. Флиртовать и ухаживать напропалую Лихарев офицерам запретить не мог. А гости оказались мало что чертовски хороши собой, так ещё и через мужей принадлежали к военному сословию, то есть способны были правильно относиться к офицерскому поведению и манерам.

Майе, Татьяне и Эвелин было просто интересно всё окружающее — и люди, и здание, и пейзажи за окнами. Особенно действовало, конечно, осознание того, что они сейчас настолько далеко от Земли пространственно, что Солнца и в виде самой слабой звёздочки на небосводе на различишь. А в каком времени находятся — лучше и не задумываться. Зато комплименты и прочие проявления внимания со стороны боевых офицеров из глубокой древности, украшенных шрамами, орденами за Мировую и наградными знаками — первопоходников, марковцев, дроздовцев и даже последних каппелевцев за Гражданскую, — они принимали с удовольствием.

Впрочем, Ирина с Ларисой и две другие «сестры» тоже не были обделены вниманием, с ними было даже проще, всё-таки давние, с незапамятных времён, знакомые, и каждая являлась тайной или вслух объявленной «дамой сердца» сразу нескольких офицеров, особенно рейнджеров двадцатого ещё года.

Анфилада располагалась на четвёртом этаже Главного корпуса, как бы в мансарде с прозрачными до полной невидимости материала стенами и потолком. Вид отсюда на окрестные горы, покрытые лесом, открывался великолепный, не хуже, чем в Альпах или окрестностях Домбая.

Пристроившись за плотной шторой у открытой балконной двери, чтобы покурить, Майя рукой поманила проходившего мимо Лихарева. Имелся у неё вопрос практического характера, на который только он мог ответить квалифицированно и не устраивая тайн из пустяков. Каким образом организовано снабжение столь удалённой от Земли Базы вполне свежим и разнообразным продовольствием и напитками? Едва ли малая часть этого могла бы производиться на месте, разве что мясопродукты и овощи. Но уж никак не напитки. Причём, как она заметила опытным глазом «светской львицы» и профессиональной разведчицы — из разных времён и даже реальностей. Достаточно внимательно на этикетки посмотреть.

— Не так уж сложно. Как нам ещё на первом курсе объясняли, существует вполне автономная и автоматизированная «Линия доставки» всего нужного с Земли. Имеются специальные машины, по внепространственному каналу извлекающие из всего спектра освоенных... агграми времён (перед «агграми» он сделал совсем маленькую, едва заметную заминку) всё, что угодно, в качестве образцов. Потом на молекулярном уровне нужные изделия дублируются в потребных количествах...

Заметил на лице Майи подобие брезгливой гримаски.

— Нет, можешь не опасаться. Копии настолько абсолютные, что новорожденных младенцев

можно дубликатом материнского молока поить, и они разницы не заметят. Почему с Земли, спросишь? А потому что *Метрополия* совсем даже не землеподобная, никакое снабжение оттуда невозможно. И аггры — не совсем гуманоиды. Без спецскафандров и вне приспособленных помещений здесь жить не могут. Зато Земля и Таорэра — абсолютные близнецы, только география немного отличается.

— А как же? — совсем уже удивилась девушка, раньше ни о чём подобном она не слышала и, общаясь с Ириной, искренне считала, что она и вправду инопланетянка, просто стопроцентно антропоморфная, как в романах у Ефремова написано.

Валентин всё понял и предварил окончание вопроса ответом.

— А мы все — самые обычные люди. Земляне. Просто искусственно выращенные в специальных инкубаторах по определённым программам, и сразу до шестнадцатилетнего примерно возраста. Со всем доступным к этому возрасту набором знаний и умений. А дальше начинается уже собственно профессиональная подготовка.

Непонятно что нашло на Лихарева, скорее всего — разговор с Воронцовым подействовал и осознание того, что прежние игры закончены навсегда. И тайн теперь по поводу Таорэры и агтрианской агентуры не может быть никаких. А ведь раньше даже Ирина избегала слишком детально излагать Новикову кое-что из своей прошлой жизни.

Но Валентину сейчас было даже интересно. Мадам Ляхова ему нравилась, был в ней особый аристократический шарм, который напрочь отсутствовал и у Татьяны, и у всех остальных женщин «Братства», за исключением, может быть, Ларисы.

Даже Ирина при всех её статях и совершенстве тут не тянула — её ведь как советскую девушку конца шестидесятых годов готовили, а не для Пажеского корпуса, как его самого.

Хотелось посмотреть, не дрогнет ли что в её лице, когда она узнает, что имеет дело с монстром своего рода, выведенным «в пробирке» неизвестно из какого материала. Тут ведь нужно учитывать ещё и то, что в её мире репродуктивная биология и медицина делали только самые первые шаги.

Но нет, ничего, разве только любопытства в глазах прибавилось. Надо же, казался нормальным человеком, а оказалось — гомункулюс какой-то.

— Размножаться, значит, вы тоже можете? — только и спросила она, теперь уже Лихарева слегка ошарашив.

— Да, а к чему ты спрашиваешь?

— Чтобы знать. А почему тогда ни у кого из вас нет детей?

— Кого — вас? Ты только меня и Ирину знаешь. Остальные в «Братстве» — совсем обычные люди. У меня дети, наверное, есть, и не один. Я в этом вопросе никогда себя не сдерживал. А Ирину... У неё и спроси, если смелости хватит...

Он хотел сказать проще — «нахальства», но в последний момент смягчил выражение.

— А меня это как раз не касается. Я и сама такая. Знаешь, движение недавно появилось, «чайлдфри» называется... Ну, это когда женщины сознательно не желают иметь детей, поскольку беременность и прочее лишают их истинного равноправия...

Лихарев о таком слышал, но это очередное извращение возникло и приобретало всё большую популярность совсем не в реальности Майи. Впро-

чем, сейчас всё так перепуталось, люди, даже самым краем прикосновенные к «Братству», смотрели фильмы, читали книги из самых разных параллелей и времён и сами то и дело попадали в «параллели». Оно, может, и к лучшему, чрезмерная открытость нередко способствует сохранению тайн куда лучше, чем зверски-серьёзная упёртость секретчиков, со всех сторон огороженная уголовными статьями, допусками и «подписками о неразглашении». На собственном опыте Валентин в этом убедился.

А Майя расспрашивала его об интересных для неё деталях, потому что окончательно решила для себя стать полноценной участницей этого увлекательного «карнавала». Ну, как в прежние времена в Европе или сейчас в Бразилии — на несколько дней улицы и площади городов превращаются в нечто невероятное и загадочное, где не действуют прежние законы и правила морали, и люди ведут себя... Ну, не так, как весь прошлый скучный год и такой же будущий. И она представила, будто вокруг этот карнавальный, бесконечный, непостижимый город, в то время как сама она пребывает, заточённая, в тесной комнате с наглухо зашторенными окнами. И неважно, как отнесётся к её желаниям Вадим. Поймёт — хорошо, нет — ему же хуже. Своим идеалом она сейчас видела Ларису — красивую, сильную, независимую, умную, необузданную в желаниях и крайне рассудительную, когда в этом есть необходимость. Тем более уж она, как окончательно подтвердил Валентин, полностью земная женщина, никаким образом не «инкубаторская».

— Но должно же в вас присутствовать и что-то такое, нечеловеческое? — продолжила она расспро-

сы с лёгким замиранием сердца. Интересно до невозможности и страшно в то же время. Этикие новые Маутли, воспитанные негуманоидами. Она и раньше имела возможность несколько раз убедиться в необыкновенной физической силе довольно изящно сложенной Ирины и невероятной быстроте реакции и иных сверхспособностях самого Лихарева. Но избегала касаться этой темы.

— Да ничего такого, — Валентин понял смысл интереса девушки¹. — Всё по науке. Просто доведённые до физиологического предела возможности абсолютно здорового человеческого организма. «Сотку», скажем, за девять-ноль суперспринтер в ближайшие лет двадцать пробежать сможет, а я и сейчас могу. А быстрее уже строение организма не позволяет. То же и с мышечной силой. Ограничивается только прочностью костей и связок. Выносливость — как если бы постоянно на фенамине или кокаине существовать. Индейцы колумбийские листья коки постоянно жуют и за сутки по горам с грузом больше проходят, чем наш горноегерский спецназ. Правда, до тридцати редко доживают. Тут нам без гомеостатов никуда. Или живи, как все, или от нервного и физического истощения сгоришь в неделю.

— Да, очень интересно, — сказала Майя. На самом деле, это же ужас как классно! На вид — ничем не примечательная барышня (тут она слегка пококетничала сама с собой), а по скорости — ге-

¹ Как-то так сложилось последнее время в России, что даже мать двоих детей в возрасте уже и за тридцать прилично стали называть «девушкой», и не только в личном общении, но и за глаза, хотя совсем недавно это слово имело одно, вполне конкретное значение. Равнозначное официальному (в документах указываемому) дореволюционному «девица».

пард (или — гепардиха), по силе — горилла, по реакции — южноамериканский паук. И никто не догадывается, а догадается, поздно будет.

— И с нами, взрослыми, такое можно проделывать? На пароходе Наталья Андреевна показывала нам, как внешность менять. А дальше?

— Можно. На универсальном гомеостате можно полную реконструкцию пройти. Но тогда уже нужно ручной постоянно носить или непрерывно самоконтроль поддерживать. Забудешься, захочешь с земли на крышу, как кошка запрыгнуть, и пожалуйста — мышцу, да не одну, вместе с куском кости оторвешь сама себе...

— Ладно, это ещё не сегодня будет, — усмехнулась Майя и вдруг спросила: — А почему ты со мной только сейчас откровенничаешь, а до этого два года ваньку валял?

Лихарев сейчас смотрел на Майю какими-то другими глазами. Всё время знакомства он воспринимал её только как жену одного из младших «братьев», и никаких особых, мужских эмоций она у него не вызывала. Как, впрочем, и Лариса тоже. Ту он скорее остерегался, как разумный человек остерегается пусть и прирученную, но всё же от природы дикую пантеру. Да Лариса и сама культивировала у окружающих этот образ. А сейчас он почувствовал, что ещё немного, и эта станет почти такой же. Не многовато ли на одну компанию? Хорошо, что теперь они окончательно «в одной лодке», остерегаться никого не нужно, даже наоборот.

И одновременно Валентин почувствовал к Майе нечто похожее на внезапное влечение. Раньше ему вполне хватало одной Эвелин и для души и для тела. А сейчас вдруг представилось...

— Какого такого я ваньку валял? — взял себя в руки Валентин. — Ты мне кто была? Случайная, хотя и хорошая знакомая. Не больше. Ты ведь со мной не делилась, даже в подходящей обстановке, своими семейными, а тем более внесемейными тайнами? Я вот, признаться, не знаю, осталась ты в штатах прокурорской «генеральной инспекции» или выбыла «по семейному положению».

Лихарев посмотрел на неё с замаскированной, но не так, чтобы она была совсем незаметна, усмешкой.

У Майи слегка загорелись щёки. Сама по себе «Генеральная инспекция Российской императорской Верховной прокуратуры» была весьма засекреченным подразделением, де-юре не существующим, и о причастности к ней Майи, дочери Генпрокурора, по собственному классному чину — титулярному советнику Бельской, из всех входивших в круг её знакомств знал только муж и в какой-то части — Тарханов. Ну, генерал Чекменёв, само собой, но тот вообще знал в Империи всё и всех. Для всех прочих она была лишь кавалерственная дама (что ощутимо выше) Ляхова.

Но откуда об этом знать Лихареву? Майя действительно, выйдя замуж, была переведена в «резерв второй очереди», и два года о ней в «конторе» никто и не вспоминал, на другой уровень она перешла, и по отцовской должности, и по мужу.

— Кто тебе сказал? — и тут же прикусила язычок. Однако Валентин не стал задерживаться на этой будто бы случайной проговорке. Намекнул на степень своей осведомлённости — и достаточно.

— А теперь, исходя из того, что мы с Воронцовым обсудили, союз у нас заключён прочный, я бы даже сказал, «аншлюс» «Братства» и нашей с Дайяной корпорации. Теперь какие-либо тайны всякий смысл потеряли, напротив, чем больше мы друг о друге и в личном плане и в, так сказать, общеобразовательном узнаем, тем успешнее наше воссоединение происходить будет. Уловила смысл?

— Да уж как не уловить. Я, признаться, очень этому рада...

— Ещё бы. Теперь уж точно твоя мечта исполнится...

— Ты какую имеешь в виду?

— А у тебя их много? По-моему, одна и есть, остальные вокруг неё, как спутники, крутятся. Жить вечно молодой и красивой, долго и счастливо, в своё удовольствие...

— И что в этом плохого, — вскинула Майя подбородок.

— Ничего абсолютно, за одним исключением — осознание реальности лично твоей, не *загробной*, а *текущей* вечной жизни ужасно отравляет жизнь повседневную. Настолько усиливает страх случайной, она же в просторечии «нелепая», смерти, что может превратить человека в вечно дрожащую тварь.

— Тебя же и остальных не превратило пока? — с вызовом спросила девушка.

— А откуда тебе знать?

— И у вас гомеостаты есть...

— Примерно то же самое, что аптечка первой помощи у солдата или страховочная верёвка у альпиниста. Дело совсем в другом, и этому придётся учиться...

— Чему же?

— Да тому, что надо вообще забыть о том, что ты по наивности называешь «бессмертием». Не думать о нём, как в двадцать лет не думают о неизбежной в любом случае смерти. Живи каждый день, как последний. Господь Бог каждому обещает жизнь вечную, но не гарантирует завтрашний день.

Этот интересный, начинающий уже переходить в богословский диспут разговор прервали подошедшие к ним вдвоём Дайяна и Ирина. Майе, по причине слабой погружённости в историю «Братства» и вообще проблему отношений «ренегатов» первого, второго, а теперь и «третьего призыва», это странным не показалось, но Лихареву сказало многое.

— О чём секретничаете? — тоном любезной хозяйки, считающей своим долгом уделять внимание всем гостям, сколько бы их ни было, спросила Дайяна.

Майя впервые видела воочию и совсем рядом всемогущую, в её представлении, владелицу целой планеты и представительницу иной цивилизации, бесконечно далёкую от землян. Слышать о ней приходилось, и не всегда отзывы были лестными.

Сейчас же это была очень светская и очень милая дама, зрелой, как говорится, красоты. Пожалуй, Сильвия, и та рядом с ней хоть немного, но проигрывала бы.

— Ни о чём не секретничаем, — ответил незаметно для себя подтянувшийся Лихарев, словно капитан при виде генерала, и Майя вслед предыдущим мыслям подумала, что у «агтрианок» красота относится к разряду своеобразных «знаков различия». Чем чин выше, тем и «вторичные половые

признаки» эффектнее. Впрочем, во всём биологическом мире точно так же. — Просто обсуждаем нашу дальнейшую жизнь...

— Вы тоже? — удивилась Дайяна. — Мне кажется, что вы настолько хорошо знакомы... Едва ли в вашей жизни что-то может измениться.

— Напрасно вы так думаете, — вдруг вступила в разговор Майя. — Мне, наоборот, кажется, что у каждого из нас жизнь изменится самым кардинальным образом. Даже один новый человек способен перебаламутить всё общество. Как тот же Печорин, явившись «на воды». А вас тут сразу вон сколько...

— Тонкая мысль, — слегка улыбнулась Дайяна. — И как же вы видите себе наше ближайшее совместное будущее?

— Я, знаете, как-то и не задумывалась, я вас всех здесь только что впервые наяву увидела... — растерялась Майя.

— Тогда я попробую за вас... Как бы вы отнеслись, если бы я предложила всем вам, женщинам и мужчинам «императорской» реальности, если таковые желание изъявят, принять участие в работе попечительского совета учебного заведения, которое я решила открыть? Некий гибрид Смольного института и Пажеского корпуса. — Она мельком взглянула на Лихарева и лучезарно улыбнулась как раз в этот момент оказавшемуся рядом подполковнику Мальцеву. Тот, естественно, мгновенно растаял, ибо с первых дней своего здесь пребывания облизывался на Дайяну. Очень ему эта властная, а главное, «с формами» дама понравилась. Такую бы жену в его имение под Гурзуфом привезти... Ещё та получилась бы помещица, да и в постели, наверное, долгими

зимними штормовыми ночами с ней было бы... уютно.

— Как, полковник, пойдёте, скажем, старшим инспектором классов¹ в мой институт, когда на Землю переберёмся?

— Непременно, ваше сиятельство (отчего-то он с первого взгляда решил, что Дайяна ниже чем княгиней быть не может, и обращался к ней именно так), могу инспектором классов, могу начальником строевой части, — тут же согласился Мальцев, сделав вид, что подкручивает ус, вроде как майор на известной картине Федотова. Однако не преминул сразу же обозначить уровень своих притязаний, ниже которого спускаться не собирался. Не курсовым же, на самом деле, офицером! А профессорская должность по его специальности диверсанта широкого профиля вряд ли предусмотрена в штатном расписании Института благородных девиц.

— Видите, Майя, один коллега у вас уже есть. А вы, насколько мне известно, вместе с вашим мужем и подругами приняли самое непосредственное участие в социализации семерых моих воспитанниц, к сожалению — *трагически погибших...*

При этих словах Мальцев с изумлением посмотрел на Дайяну, потом перевёл взгляд на Майю.

— Не удивляйтесь, капитан, это просто такая *фигура речи*, — успокоила его Дайяна. — Кстати, подготовку мы намереваемся организовать в месте,

¹ Должность в военно-учебных заведениях царской России, примерно соответствующая нынешнему проректору вуза или замначальника училища (академии), но с иными функциями. Например, в Императорском морском корпусе в начале XX века она была генерал-лейтенантской (по адмиралтейству). В менее престижных — обычно полковничья.

хорошо вам знакомом. Там, где вы сами проходили курс молодого бойца...

— Простите, на пароходе или на острове? — уточнил Мальцев.

— Сначала на пароходе, я думаю, а потом найдём подходящее место.

— С удовольствием туда вернусь, — прищёкнул каблуками офицер. — А, простите, сколько инструкторов из моих людей вам потребуется?

— Да хотя бы и все. Курс подготовки я планирую весьма разносторонний, всем дело найдётся.

Лихарев догадался, о чём секретничали перед этим две аггрианки. Странно немного, что они так быстро договорились. Впрочем, нет, отчего же странно? Ирина с подругами провели на Таорэре больше двух недель. Вполне могли всё обсудить и принять взвешенное взаимовыгодное решение. Согласованное с Воронцовым? Или просто *так совпало*? Да нет, конечно, они советовались, и только когда всё было решено, Воронцов пригласил к себе Валентина. А он удивлялся видимой нелогичности слов и поведения адмирала, этой странной затее с переброской женщин из находящегося в глубоком тылу Кисловодска сюда. Всё пытался найти логику. А она и была, только не там, где он её искал.

— Так что, сегодня и переправляться думаете? — только и спросил он, тщательно спрятав все мимические отражения своих мыслей.

— Начнём сегодня. Только не всех сразу — зачем континуум чрезмерно возмущать? Он ведь вроде паутины — начнёт дрожать, и непременно вскоре паук появится. Дайяна, как капитан, остаётся здесь до конца и будет руководить переправой личного состава и снаряжения, которое может понадобится. Ты, Валентин, тоже здесь

побудешь, а на пароходе мы прибывающих примем, — вместо Дайяны ответила ему Ирина. Лихарев удивился, как она вдруг изменилась. Ему казалось, что бывшая координатор совсем забыла о своём прошлом, превратившись в обычную, слегка даже меланхоличную женщину, которую мало что волнует, кроме личных, непосредственно насущных проблем, а сейчас он видел совсем другую Ирину.

Такой она была последний раз, пожалуй, в Севастополе, когда занималась реконструкцией старых броненосцев, с погонями старшего помощника судостроителя на кителе. Правда, сам Лихарев её в этой роли не видел, но слышать — кое-что слышал.

Похоже, что-то вокруг изменилось, а он, при всех его способностях, этого *дуновения* не уловил.

«Валгалла» была способна принять в свои каюты около двух тысяч пассажиров, считая и четырёхместные каюты третьего класса, да ещё по проекту прототип «Мавритания» имел каюты и кубрики для такого же количества обслуживающего персонала. Эти помещения Воронцов, работая над пароходом на верфи Замка, убрал, используя освободившиеся объёмы для других целей, но пассажирскую зону значительно усовершенствовал в сравнении с оригиналом. Не считая двух самых верхних, целиком занятых под «жилплощадь» «действительных членов» «Братства», на остальных палубах надстройки размещались около сотни кают «президентского», люкс и первого классов, превосходивших комфортом те, что предлагаются на круизных лайнерах уже двадцать первого века. И ещё пятьде-

сят двухместных кают второго класса на палубе «Б» предназначались для всякого рода «специальных случаев».

Поэтому разместить две сотни гостей Воронцову не составило никакого труда. Правда, пришлось напрячь Наталью, заставить её вспомнить свою прежнюю профессию, чтобы на свободных пространствах парохода дооборудовать и устроить заново спортивные и тренажёрные залы для любых видов боевой и физической подготовки. Кое-что осталось от двадцатого года, когда на «Валгалле» переправляли в Крым белых рейнджеров, на ходу их до- и переучивая, но многое пришлось делать с нуля, учитывая особенности «контингента» и целей предстоящего обучения.

Зато и Наталье Андреевне стало жить гораздо интереснее. Из расчёта такого пополнения потребовалось роботов переналаживать. Нескольких — в коки — на всех гостей три раза в день готовить; хоть по одному на палубу — в стюарды, или, точнее, в старшины. Курсанты и курсантки, как и в обычной армии, к самообслуживанию приучены, но нужно ведь, чтобы кто-то показывал, объяснял, как и что на пароходе устроено, к кому по тем или иным вопросам обращаться, банные дни устраивать, постельное и прочее бельё выдавать. Много о чём задуматься пришлось и соответствующие оргмероприятия провести.

На следующее утро после появления на Таорэре Лихарева и через десять дней по часам «Валгаллы» «великое переселение» в основном было закончено. Самое ценное, что разместили в защищённых не хуже боевой рубки отсеках, — это триста с лишним комплектов «Шаров», блок-универсалов и гомеостатов.

Кроме «профкомплектов», с Таорэры забрали некоторое количество флигеров и бронеходов разных типов и достаточный запас аккумуляторов и «магазинов» к гравипушкам. Благо вся эта техника легко копировалась дубликатором, причём аккумуляторы — в заряженном виде, что удивило даже Левашова. Впрочем, электричество, а также гравитация — вещи малопонятные: определение «направленное движение электронов» (или «гравитонов») мало что объясняет, хотя использовать в своих целях данные явления отсутствие теоретической базы не мешало.

Ну и по мелочи несколько тонн снаряжения и оборудования, нужного для организации «института», на «Валгаллу» перекинули.

Агтрианскую Базу поставили на консервацию. Лихарев с помощью Левашова и двух десятков добровольцев привел в легко исправляемую (если знать, как) негодность большинство стационарных машин жизнеобеспечения и всю, как выражался С. Лем, «интеллектронику». Расставил, где можно и нужно мины всех типов, настолько примитивно исполненные и грамотно замаскированные, что дуггуры, появившись они там, наверняка будут удивлены и расстроены. Появления каких-либо посторонних людей ни на Базе, ни в учебном центре не ожидалось, но даже на самый гипотетический случай везде, где нужно и не нужно (для создания впечатления), было через трафаретки написано классическое «Ахтунг, минен!», и ещё на нескольких языках то же самое. Квангов в расчет не брали, для них всё относящееся к агтрам — абсолютное табу.

Последний раз собрав своих питомцев на общее построение, Дайяна объявила, что курс обучения закончен, Учебный центр закрывается. Всем при-

сваиваются звания координаторов третьего класса, и желающие могут немедленно покинуть место постоянной дислокации и начинать самостоятельную жизнь в любом из четырёх реально существующих и освоенных миров. На свой страх и риск, естественно, поскольку никто ими больше руководить не будет.

Всем же остальным предлагается остаться в коллективе и перейти, условно говоря, на «дополнительный» курс. Здесь они будут обучаться опять же как свободные личности, кто чему захочет из предложенных программ, и *казённый кошт*¹ за ними сохраняется, но тогда придётся приносить нечто вроде присяги, с обещанием отныне и до века ставить интересы «общества» выше собственных и выполнять «советы и указания» выборных представителей. Над этим текстом работали Ирина, Дайяна и Левашов как единственный здесь «магистр Ордена». В принципе, сейчас создавался своеобразный филиал «Братства», ещё прямее выражаясь — его «боевое крыло», поскольку такового раньше не существовало, как организованной и специализированной структуры. Каждый из «братьев и сестёр» был и швец, и жнец, и на дуде игрец. Подконтрольные Басманову части ВСЮР² — это совсем не то. А вот спаянная железной дисциплиной и одновременно устроенная по принципу пчелиного роя организация, могущая существовать сразу в четырёх реальностях и вза-

¹ Кошт — иждивение, содержание (*устар.*).

² ВСЮР — Вооружённые силы Юга России (именно так, в два слова), официальное название армии Югороссии, как бы подчёркивающее, что данное государственное образование с военной точки зрения есть не более чем до поры до времени существующий плацдарм, и не более того.

имодействовать информационно и физически, состоящая при этом из специалистов высшей категории и вооружённая немыслимым для любой из реальности оружием — такая структура минимум в сотню раз повышает и организационный, и чисто военный потенциал «Братства».

Что-то подобное и имел в виду Воронцов, привлекая Лихарева к работе, но явно не только это. За Валентином всё равно сохранялась самостоятельная роль, как бы над схваткой и несколько в стороне.

Сам Лихарев думал, что с помощью новой организации (название бы ей ещё подходящее придумать) вполне можно посягать на завоевание мирового господства. Если бы эта цель хоть кого-нибудь из них интересовала.

Из ста восемнадцати парней и девушек только пятеро «избрали свободу», причём три курсантки просто решили выйти замуж и, приобретя на своё «выходное пособие» небольшое поместье в Крыму или под Одессой, предаться тихим семейным радостям, раз и навсегда забыв о прошлом.

— Но это, милые мои, очень даже вряд ли, — с самой благожелательной из своих улыбок сказала Дайяна, подписывая ведомости на выдачу каждой из уходящих по сто тысяч золотых рублей. — Через год или через три всё равно обратно потянет, особенно если газеты не только из своего времени будете прилежно читать. Вернётесь — и примем, и занятие найдём.

А двое парней захотели просто поскитаться по доступным мирам, посмотреть, как люди живут, и проверить, на что они сами годны «о натюрель», вне и помимо всякого контроля и надежды на помощь.

Им, кроме денег, Дайяна выдала блоки-универсалы с инактивированными функциями, всеми, кроме связи и межпространственных перемещений. И гомеостаты, разумеется.

— Дерзайте, юноши. Могут вам пожелать единственно удачи. Всё остальное у вас есть. От вас требуется только абсолютное сохранение всех известных вам тайн «ДСП». А «дверь с той стороны» для вас всегда открыта. Только постарайтесь глупостей не наделать.

Подполковник Мальцев с грустной улыбкой стоял на верхней, покрытой выскобленным и вымытым океанской волной до белизны тиком, палубе парохода, не спеша курил, стряхивая пепел в один из развешанных вдоль планширя аккуратных ящичков с песком, и разговаривал с узнавшим его с первого взгляда Воронцовым. Да и как было не узнать одного из первых прибывших на борт «Валгаллы» будущего рейнджера. Тогда плохо выбритого, худого, нервного, со злыми глазами, одетого в штатские синие брюки, заправленные в расползающиеся сапоги, и табачный английский френч с тёмными полосками на плечах от споротых погон. Но — с приколотыми явно только что, перед подъёмом с катера на трап (потому *явно*, что ленточки были как новые, совсем не затёртые), орденами Владимира, Станислава и Знаком 1-го Кубанского (Ледяного) похода¹.

¹ Знак был учреждён приказом по Добрармии № 499 в 1918 г. Представлял собой терновый венок из серебра диаметром 30 мм, пересечённый слева направо вверх мечом. Длина меча с рукояткой 50 мм. Носился на стандартной пятиугольной колодке. Для строевых чинов, непосредственно принимавших участие в боевых действиях, колодка обтягивалась георгиевской лентой, для прочих участников похода — владимирской.

Сколько лет он носил их, аккуратно завернутыми в мягкую фланель, на дне походного вещмешка и штатского чемодана, а теперь решил надеть, авторитета ради.

Тогда он козырнул Воронцову небрежно и представился, а глазами так и шарил вокруг, пытаясь понять, куда же это он так неожиданно попал.

— Ну что, ваше превосходительство, всё по Екклесиасту?¹ Идёт ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги своя.

— Истинно так, не прошло и шести лет, и ты снова стоишь на этой палубе и смотришь на море... — ответил адмирал.

— И опять не знаю, что завтра будет и куда жизнь очередной раз повернётся... — продолжил Мальцев.

— Ты вот Екклесиаста вспомнил, а знаешь, какой номер страницы, с какой она начинается в Синодальном каноническом издании?

— Да где уж мне...

— Шестьсот шестьдесят шесть. Забавно, да?

— Да ну! Надо же? Никогда внимания не обращал, — искренне удивился Мальцев, который едва ли читал оригинал, а говорил просто с чужих слов или вычитав популярную фразу в книгах попроще.

— Мне там ещё одно место нравится, хотя, конечно, неплохо бы весь текст наизусть знать, всего-то ровно девять страничек. Вот слушай: «Если человек проживёт и много лет, то пусть поселится он в продолжении всех их, и пусть помнит

¹ Каноническое название книги — «Екклесиаста или поведника».

о днях тёмных, которых будет много: всё, что будет — суета!»¹

— Тонко подмечено. Да нам ведь ничего другого и не остаётся... Я стамбульские дни до смерти не забуду...²

ГЛАВА ПЯТАЯ

Воронцов уже ночью, разобравшись с делами, поднялся в свою «походную» каюту, расположенную в передней надстройке, выше ходовой рубки и капитанского мостика. Здесь он мог отдыхать между вахтами, чтобы не отвлекала жена и статусная роскошь её, по сути, личных апартаментов, и, в случае чего, не теряя времени, через несколько секунд спуститься в рубку и принять на себя командование, если потребуется. Но на самом деле такие случаи существовали скорее в теории: и старпом-биоробот, и вся судовая вахта, несшая службу круглосуточно, не сходя с постов и не отвлекаясь ни на какие посторонние мысли, обладали квалификацией, намного превосходящей и его собственный уровень, и любого вообще на Земле судоводителя по какому угодно параметру.

Единственно, в чём они уступали Дмитрию, который потому и носил адмиральский титул, — в способности принимать самостоятельные и,

¹ Согласно словарю В. Даля: *суета* — тщета, пустота или ничтожность, бесполезность помыслов и дел людских. *Суетный* — напрасный, тщетный, пустой, безумный, глумный, глупый, вздорный. Также — мирской, светский, земной, плотский, вещественный, временный, относящийся до жизни земной и до страстей человеческих.

² См. «Бульдоги под ковром».

главное, нетривиальные решения. Поскольку не имели цели и перспективы, каждый новый день начинался для них как первый (хотя память о прошлом они имели и умели ею пользоваться в служебных целях), и воображаемое будущее для каждого не простиралось далее сделанной Воронцовым на карте отметки — к такому-то дню и часу прибыть в указанную точку. Затем следовал новый приказ и команда приступала к его исполнению с тем же тщанием, что и все шесть предыдущих лет.

Надо сказать, что некий, условно говоря, опыт роботы всё же накапливали, в том смысле, что профессиональные действия, долгое время исполняемые одной и той же особью, как-то по иному перемыкали нейронные соединения в их *распределённых мозгах*¹, нежели знания теоретические, заложенные в них изначально. Поэтому робот, прослуживший «капитаном» или «штурманом» определённый срок, справлялся со своими обязанностями заметно лучше, чем только что перенастроенный, скажем, из нейрохирурга или шеф-повара. Именно по этой причине у Воронцова существовало разделение его команды на

¹ «Распределённый мозг» — термин из форзе-лианской роботехники, подразумевающий, что содержимое черепной коробки у биороботов не аналогично таковому же у человека. Функции человеческого мозга, центральной и периферической нервной системы у роботов выполняют абсолютно все псевдонейронные структуры и особые ганглии организма, по аналогии со «сверхразумом» муравейника, где каждая особь является и самостоятельным, со сложной этологией существом, и всего лишь одной из «ячеек» биологического компьютера. Собственно, голова биоробота имела лишь одну специфическую функцию, роднящую её с человеческой, — переключателя программ поведения и хранилища информации с объёмом памяти в немыслимое число терабайт.

«штат», то есть постоянных специалистов, и «переменный состав», перезагружаемый по мере необходимости.

Вот и сейчас, мельком заглянув на ходовой мостик, выслушав доклад вахтенного начальника и посмотрев на экран, показывающий данный участок океана и положение «Валгаллы» со всеми необходимыми параметрами текущего состояния парохода, он поднялся к себе. Здесь, кроме спального отсека и небольшого салона, у него был свой персональный «прогулочный дворик», как раз по размеру крыши надстройки. Было тихо, если не считать лёгкого посвиста ветра в такелаже фок-мачты и размещённых на ней антеннах да шелеста разрезаемой форштевнем трёхбалльной встречной волны.

«Здесь всё кругом привычное, морское...» — пришла на память строчка одного стихотворения и сразу за ней — другого: «Поёт пассат, как флейта в такелаже, гудит, как контрабас, в надутых парусах. И облаков янтарные плюмажи мелькают по луне и тают в небесах...»¹

Он сел в удобное ротанговое кресло у переднего обвеса мостика, так, чтобы не видеть ничего, кроме звёздного неба над головой и форштевня, взрезающего фосфоресцирующие волны с редкими, смутно белеющими в ночи пенными гребешками.

Достал из кармана заранее набитую трубку, тщательно раскурил.

Все знали, что решения он умел принимать мгновенно и реагировал на фразу собеседника (если это требовалось) раньше, чем тот успевал догово-

¹ Первая строка — К. Симонов, «Старик». Вторая — Д. Лухманов, без названия.

ритель её до конца. Но мало кому приходило в голову, что всё это было результатом постоянной работы мысли, непрерывно создаваемых воображением «вводных» и поиска наиболее адекватных, а по возможности и максимально изящных решений. Можно сказать, что вхолостую мозг его не работал никогда, такие занятия, как, например, раскладывание пасьянсов или решение кроссвордов никогда его не привлекали, разве что на спор, за несколько минут, разгадать «крестословицу» любой сложности, причём на слух, не глядя на картинку и не подбирая слов по уже имеющимся буквам. Играть в шахматы вслепую, по-алёхински, он тоже, наверное, смог бы, но никогда этим не занимался.

Вот и сейчас, вроде бы блаженно расслабившись и наслаждаясь покоем и немыслимой красотой вокруг, Дмитрий перебирал в уме и свои собственные планы и замыслы, и включал в партию новые сюжеты, возникавшие по ходу дела, по смыслу и содержанию разговоров, которые пришлось вести в течение дня с самыми разными людьми, высадившимися на пароход и сразу превратившими его в самое оживлённое место на тысячу миль в радиусе.

...Чем-то внезапно наступившее в двух параллелях время напоминало ему дни перед смертью Сталина и сразу после неё. Воронцову тогда было уже пять лет — вполне солидный для восприятия исторических моментов возраст, по крайней мере самую атмосферу, слова и поведение окружавших его людей, родителей прежде всего, он запомнил в точности. Потом, понятное дело, пришлось и читать, и слышать воспоминания и комментарии множества заслуживающих доверия очевидцев. Констан-

тин Симонов, например, и Эренбург очень подробно описали те мартовские дни и царившие в стране настроения страха, тревоги, ожидания неизвестно каких перемен.

Понятно, что сейчас его больше интересовали события, происходящие в их родной Главной исторической последовательности. В «Конце вечности» Азимов описывал подобную ситуацию, назвав её «одержимость временем» и отнеся к разряду достаточно тяжёлых профессиональных заболеваний психики.

Суть одержимости заключалась в том, что сотрудники пресловутой «Вечности», работающие во временном интервале в семь миллионов лет, постоянно стремились отождествить себя с каким-нибудь конкретным Столетием, найти себе место во времени, обрести, так сказать, хоть суррогатную «родину», потому что им категорически закрыт был доступ в четыре ближайших к дате рождения века. Воронцов вообще очень часто перечитывал эту запавшую ему в память с юности книгу. Впервые взяв в шестьдесят шестом году в руки тонкий серенький томик «Библиотеки современной фантастики», он никак не мог подумать, что эта книга через много лет станет для него чем-то вроде инструкции, несмотря на разительное несовпадение описанного там с действительным положением дел. Но в смысле психологии книга была столь же современна и могла служить руководством к действию, как и «Таинственный остров», к примеру.

Воронцов с товарищами тоже испытывали странное отношение к своей собственной реальности и по возможности избегали там появляться, даже когда вдруг появилась такая возможность. Имелось достаточно других мест и времён, где

было чем заняться, тоже, впрочем, далеко не всегда по собственному желанию. Как любил говорить Сенека: «*Volentem ducunt fata, nolentem trahunt*»¹.

Но сейчас всё сложилось так (и не самостоятельность Фёста была тут причиной), что не вмешаться было просто нельзя. Их Россия подошла в самой реальной (?) из известных реальностей к критической черте, отчётливо обозначилась «та последняя пядь, что уж если оставить, то шагнувшую вспять ногу некуда ставить»². Тем более, по всему выходило так, что нынешний «вариант» образовался именно потому, что они в восемьдесят четвёртом ушли из своего времени, да и агтрам с форзейлями сломали привычную, всех устраивающую схему взаимоотношений. Вот и получилось то, что получилось.

Было время, Воронцов задумывался, а что на самом деле имели и те и другие «на выходе», в качестве «прибавочного продукта» своей деятельности на Земле и вокруг. Думал-думал и решил, что это своего рода общественный инстинкт — зеркально повторять действия того, кого считаешь историческим врагом. Человеческая история тоже знала подобные примеры. Из самых свежих — «линкорная гонка» Англии и Германии или ракетная СССР и США.

Любой, даже поверхностно образованный человек представлял, что после того, как достигнут уровень, позволяющий уничтожить не только врага, но и всю планету целиком, удвоение и удешевление этого потенциала — занятие страшно затратное и более чем бессмысленное, однако ру-

¹ Желаящего судьба ведёт, нежелающего тащит (лат.).

² А. Твардовский. «Я убит подо Ржевом».

ководители и той и другой сверхдержавы стегали свои экономики кнутом — «Ещё, ещё, больше ракет, сильнее заряды, быстрее перевооружаться!!!». Вот, наверное, и у инопланетян так же. Смысла в противостоянии и соперничестве не было, а просто так прекратить невозможно, ибо слишком громоздкими инфраструктурами эта «отрасль» обросла. Но вот вдруг взяли и прекратили, не по своей, правда, воле. И всем стало хуже, землянам в том числе. До предела зарегулированная система внезапно сменилась хаосом. И хаос продолжает «набирать обороты», в привычных терминах подумал Дмитрий, хотя использованные термины были из несовместимых смысловых рядов.

Но это несущественно.

Выходит так, что та, прежняя, подконтрольная пришельцам жизнь была в какой-то степени «нормой», а нынешняя, «свободная», отчётливо вырождалась в химеру. На Земле началось то же самое, что в Африке после «деколонизации».

«Российская империя» с её Олегом первым и всё земное политическое устройство тоже химера, с точки зрения хотя бы и исторического материализма. Так, может быть, химера, помноженная на химеру, в результате даст что-нибудь устойчивое? Как в математике, минус умножить на минус...

Переворота, который в случае успеха самым безусловным образом поставил бы крест на дальнейшем существовании России (по крайней мере, на век-другой как самостоятельного государства точно, второе ордынское иго просматривалось невооружённым взглядом), удалось избежать. Тут ничего не скажешь, «молодёжь» сработала чётко. Но оставался вопрос — удастся ли им в полной мере

реализовать свой «Мальтийский крест»? По замыслу операция интересная, но Воронцов испытывал серьёзные сомнения — позволят ли довести её до конца. Кто? А вот в этом месте «туман войны» особенно густой.

Дуггуры вряд ли, им сейчас не до того. Судя по индикаторам на пульте сопряжённых с СПВ-установкой процессоров, Новиков с Шульгиным пока что в полном порядке, если бы это было не так, хоть кто-нибудь из имеющих при себе «маячок» назад бы выскочил. В самом худшем варианте — хотя бы его тело. Раз этого нет — значит, там, на «Земле-2», всё в пределах нормы. И все живы. А то, что здесь два года уже прошло, а у них явно намного меньше — ну, на то и теория относительности. На досветовом звездолёте тоже так примерно — когда час за год идёт, а когда и минута. В зависимости от скорости.

И ведь с момента ухода на «вторую Землю» экспедиции (или карательного отряда) ни в одной из доступных наблюдению реальностей дуггурских вторжений больше не было. А полоса наблюдений более чем столетие охватывает. О чём-то это говорит?

Пока что из известного вытекало следующее — глядя из родной ему ГИП, происходящее в Императорской России выглядит вроде бы и страшнее, но, на взгляд Воронцова, особых проблем не представляет. Тем более имеется достаточный запас времени, цейтнот ему, находящемуся в не связанной с двумя другими реальностями, по известным хронофизическим причинам, никак не грозил. Он к тому же сообразил, что фазы «Мальтийского креста», реализуемые как бы одновременно, на самом

деле друг с другом связаны только в воображении, тех же и Секонда с Фёстом. На самом деле их можно рассматривать по отдельности, если правильно распорядиться возможностями левашовской СПВ и потенциалом Замка, вроде бы готового к сотрудничеству. Примерно как выписывать пируэты по скользкому горному серпантину, чётко и согласованно действуя рулём, педалями газа и тормоза. Справишься — доедешь до места живым, ещё и приз какой-нибудь заработаешь.

Очень интересным получился у Воронцова и анализ текущего положения дел на Главной исторической последовательности, хотя моментами он сильно сомневался, является ли она таковой после их вынужденного бегства на Валгаллу.

Судя по имевшейся у Дмитрия информации, очень многие люди в Москве (да и не только) уже поняли, кто умом, а кто спинным мозгом, что вокруг происходит нечто, ранее не то чтобы считавшееся невозможным, а просто в качестве возможного не рассматривавшееся. Даже те, кто по той или иной причине (как, например, Волович) желали устранения правящего режима, новой гражданской войны и вытекающего из неё очередного передела руководящих должностей и собственности, на самом деле в такую возможность не верили, оттого и развлекались своей «протестной деятельностью» без видимого энтузиазма. В основном теша самолюбие и деля поступающие от щедрых, но глупых спонсоров гранты.

Вновь возвращаясь к дням кончины Сталина, Воронцов оценил мастерство тогдашних пропагандистов, аккуратно и грамотно целых три дня публиковавших бюллетени о здоровье вождя. Для

любого хоть немного понимающего человека они не оставляли никаких надежд на благоприятный исход. И всё равно — хоть «сталинисты», сознательные и стихийные, хоть того же типа и плана «антисталинисты», все эти люди одинаково не представляли себе, что может наступить момент, когда вся созданная за тридцать лет усатым человеком с трубкой реальность вдруг возьмёт и исчезнет. Разом и вообще, не оставив после себя ни заветания, ни *инструкций*. А так и случилось.

Отвлекаясь от эмоций, связанных непосредственно с кончиной человека, каким бы он ни был, фактически или в воображении, абсолютно всем в те дни начала марта пятьдесят третьего года утренний голос Левитана возвестил, что той жизни, которой они жили, в которой было всё — и индустриализация, и коллективизация, и «ежовщина», и война, и просто множество абсолютно личных моментов, — больше не будет.

Произойдет нечто небывалое. Не сравнимое даже с Февралём семнадцатого. Некоторые (в других вещах очень проникательные люди, достаточно демократически настроенные, как тот же Эренбург) считали, что со смертью Сталина как раз и начнётся «самое страшное». Вышедший из-под контроля террор, виселицы для «врачей-отравителей» на Красной площади, поголовная депортация всех евреев в Биробиджан... Здесь их ожидания и страхи не оправдались, но ведь и вправду то, что тридцать лет, равных по насыщенности, наверное, трём векам, считалось самоочевидным и пересмотру не подлежащим, исчезло буквально вмиг. Даже страшные ежовско-бериевские «органы» отнюдь не превратились в никому не подконтрольные «эскадроны

смерти», а, напротив, проявили себя вполне лояльными новой власти, почти демократическим институтом. С тем же усердием, что раньше сажали, МВД и МГБ начали отпускать и реабилитировать сотни тысяч «незаконно репрессированных», небрежно списав всё ранее случившееся на «издержки культа личности» и попутно поставив к стенке несколько своих наиболее одиозных руководителей.

Точно так, на взгляд Воронцова, дело обстояло и сейчас. Если в других известных из истории случаях убийство или бескровное отстранение правителя в корне меняло политическую ситуацию, то сейчас неудача переворота обещала не менее кардинальные перемены и в настроениях общества, и структуре власти. И то и другое означало неизбежную смену налаженного, ставшего привычным порядка вещей, независимо от её, так сказать, «знака». Всем известно, что означала для Германии неудача полковника Штауффенберга¹ с его единомышленниками, или для России — «удача» Желябова с Перовской и Гриневицким². Не слишком важно, что в Германии были казнены многие сотни заговорщиков, а в России — только пятеро непосредственных исполнителей: особым образом

¹ Полковник Клаус Шенк граф фон Штауффенберг входил в военное крыло антигитлеровского заговора. 20 июля 1944 года предпринял не удавшуюся попытку покушения на Гитлера. Вечером этого же дня был арестован в Берлине и немедленно расстрелян.

² 1 марта 1881 года группа «народовольцев» во главе с А. Желябовым совершила убийство императора Александра Второго (Освободителя) в Петербурге. Группа насчитывала 8 человек, из них казнены через повешение по приговору суда пятеро, в т.ч. сам Желябов. Исполнитель Гриневицкий погиб при взрыве, второй, Саблин, застрелился при задержании.

изменился сам характер государственного строя и внутренней политики.

Вот и сейчас люди ждали чего-то подобного, некоторые — со страхом, а большинство — с надеждой. Как в пресловутых «тридцать седьмом — тридцать восьмом» годах так называемые «простые люди» в массе своей искренне радовались тому, что интеллигенция нарекла «большим террором». За исключением двух-трёх процентов населения, непосредственно попавших в «ежовые рукавицы», и пусть даже десяти процентов им сочувствовавших остальные происходящее от всей души одобряли. Каждый по собственным причинам. Одним нравилось, что большевики наконец начали уничтожать большевиков. Когда перебыют всех, Сталин объявит себя царём, и всё встанет на свои места, «как было». Другие просто злорадствовали, что получают по заслугам «красные маршалы», залившие страну братской кровью двадцать лет назад, что сажают проворовавшихся начальников, больших и маленьких, а это всегда приятно русскому (и не только) человеку.

Сейчас в стране царили примерно аналогичные настроения. Если победивший Президент не начнёт пачками сажать и ставить к стенке всех тех, кто посягнул на его власть, не расправится под горячую руку с коррупционерами и иными «врагами народа», так вообще непонятно, зачем такой «национальный лидер» нужен... Вот этими надеждами непременно следует воспользоваться Фёсту. Воронцов решил несколько развести их с Секондом, каждому поручив строго ограниченный участок работы. На то он и Лихарева с Дайяной именно сейчас решил ввести в игру.

Это, научно выражаясь, один срез текущей действительности. А второй демонстрировал ещё

кое-что. Каким-то образом сразу очень большому числу людей стало известно о существовании «параллельной России». Без всяких деталей и подробностей, потому что те, кто был действительно осведомлён, молчали, как и положено. «Пошедшая в народ» информация представляла собой нечто вроде электромагнитного поля, возникающего вокруг проводника под током. Для человека вроде Васисуалия Лоханкина, так и не дошедшего до «Физики» Краевича, явление совершенно необъяснимое, но в действительности существующее.

Слухи об этой «второй России» подчас распространялись совершенно дикие, но интереснее здесь было то, что ни отторжения, ни просто недоверия они не вызывали. Сказывался архетипический настрой русского человека на существование мифических Беловодья, Царства пресвитера Иоанна, града Китежа, недавняя вера в неотвратимый коммунизм и на крайний случай обещанного всем верующим Царствия Небесного. А за последние два десятилетия на умы обывателей обрушился такой поток «научной» и «ненаучной» фантастики, трудов Фоменко и Мулдашева (для публики погромнее), печатной и телевизионной мистики, шарлатанов, магов и колдунов всех оттенков спектра (для «простого народа»), что поверить ещё в одну «сущность» не составляло никакого интеллектуального или нравственного труда.

Следовательно, снимается главная опасность — вспышка ксенофобии или просто неприятия форсированного слияния двух России. Только действовать нужно очень быстро, пока не опомнятся «приведённые в изумление» враги, внутренние и внешние.

Тем более что буквально в первые же дни «после переворота» появились вполне доступные для «чувственного восприятия» материальные доказательства наличия «параллельной жизни» в двух шагах от этой, ранее единственной. Самый яркий и наглядный артефакт «оттуда» — десятирублёвая золотая монета, пресловутый «червонец», ни пробой металла, ни весом не отличающийся от прототипа ещё 1898 года, но с изображением не Николая Второго, а Олега Первого и с другой датой выпуска, естественно. Впрочем, старые, «классические», с Николаем, тоже всплыли, и не в среде подлинных коллекционеров, а как раз в тех околобанковских кругах, которые раньше назывались бы «валютчики». А сейчас никак не назывались, но их сеть, будто бы заранее подготовленная, ничуть не уступала распространителям «Гербалайфа» по активности, хотя и значительно превосходила по качеству товара. Червонцы, а также пятёрки, полуимпериалы и империалы¹ немедленно приобрели сразу несколько котировок, в том числе и коллекционную, но в любом случае стоили гораздо больше, чем золото 96-й, ныне не существующей пробы, из которого они были отчеканены. Если переправить в РФ действительно большое количество таких монет, хотя бы процентов тридцать от наличной бумажной массы, причём с продажей их за доллары и евро по весьма выгодному курсу, можно получить неожиданный для многих экономический и политический эффект. Воронцов смутно помнил из случайно пролистанных книг, что имеются некие очень интересные закономерности параллельного хождения ассигнаций и золота. Нужно будет

¹ Полуимпериал, империал — золотые монеты в 7,5 руб. и 15 руб. чеканились в РИ начиная с 1897 г.

активизировать работа-финансиста, пусть проработает все варианты, сулящие максимум выгоды нам и тяжёлую головную боль поклонникам ФРС¹, вплоть до окончательного превращения «священного бакса» в рядовую, не слишком даже конвертируемую валюту, вроде какого-нибудь реала или песо.

И, наконец, последнее по порядку, но не по значению: в стране имелось достаточно источников любой степени достоверности, чтобы в сотне вариаций поставить перед людьми вопрос: «А во что выльется слишком уж быстрый и неожиданный на фоне всего уже случившегося демарш Президента, явно направленный против всего *абстрактно понимаемого* Запада? Ясно ведь, что «новая Фултонская речь»² (как её уже успела окрестить подкованная в истории часть отечественных либералов) «на Востоке», а также и «на Юге» никого совершенно не заинтересовала и не беспокоила. Разве что тех, кто традиционно привык извлекать преференции из противостояния главных геополитических партнёров.

А вот «Запад» взволновался чрезвычайно. Сотни газет, издаваемых чуть ли не в райцентрах Ис-

¹ Федеральная резервная система — изобретение транснациональных финансовых кругов. Фактически частная фирма, имеющая право в неограниченных количествах печатать доллары США.

² Речь, произнесённая в 1946 г. находившимся тогда в оппозиции У. Черчиллем в американском городе Фултоне. Традиционно считается официальным объявлением т.н. «холодной войны» СССР. Всего через год после совместного завершения Второй мировой войны и подписания Ялтинских и Потсдамских соглашений между союзниками Черчилль объявил об исходящей от СССР угрозе миру и призвал все «свободолюбивые страны» сплотиться, чтобы быть готовыми дать отпор экспансионистской политике русских, «которые понимают только силу».

паний или Франции, где жителей сроду не интересовало ничего, кроме цен на собственное вино и помидоры, вдруг принялись рассуждать, позволено ли столь незначительному политику, как российский президент, «дёргать тигра за усы» и провоцировать «величайшего из лидеров величайшей державы». Сошлись на том, что никоим образом не позволено и тема для обсуждения есть лишь одна — как скоро последует ответ и сколь он будет сокрушительно-поучителен и поучительно-сокрушителен. Ясно было любому хоть немного понимающему и образованному читателю, что все эти публикации инспирируются из единого центра и понимать их следует строго наоборот.

Аналогичным же образом отреагировал «российский сектор» Интернета, завсегдаи которого не осмелились в исторически судьбоносный час выйти на площади с оружием в руках и в меру силу поспособствовать... Как там у Маяковского: «Если в кучу сгрудились малые — сдайся, враг, замри и ляг!» Сгрудиться не получилось по причине массовой «медвежьей болезни» и недостаточного финансирования, но анонимно «возвысить голос» — желающих пока было в избытке.

Но дело не в этих проплаченных или иным способом *мотивированных* сторонниках «общечеловеческих ценностей». Очень многие в России, особенно те, кто постарше, действительно задавали себе вопрос, не стоит ли мир на пороге очередного Карибского кризиса и как он может выглядеть в новых исторических реалиях. При этом о возможности какого-либо участия в противостоянии «второй России» речь как-то не шла. Именно в сфере «реальной политики» и отечественные, и зарубежные, имеющие отношение к принятию

решений крути дружно словно ослепли. О «другой России» речи вообще не поднималось, и в качестве заслуживающего внимания фактора она буд-то и не существовала. Вернее, существовала только на уровне ирреальности. Приблизительно как лозунги типа: «С нами Бог и Крестная сила» или «Аллах акбар». Пытаться рассматривать её на картах грядущей «второй холодной войны» встретило бы дружное непонимание на любом почти уровне.

Практически повторялась ситуация попытки свержения императора Олега двумя годами раньше. Тогда ведь тоже жители многомиллионной Москвы словно бы не заметили происходивших событий, с достаточно громкой стрельбой и появлением на улицах столицы солдат из Югославии. Некоторые, и их большинство, не заметили совсем, а люди, которых события коснулись непосредственно — например, родственники по тем или иным причинам погибших, — сохранили в памяти отчётливые в деталях, но ничего не имеющие общего с действительностью воспоминания.

Только члены «Братства» и ещё несколько человек вроде Удолина, Маштакова и Уварова (югославские офицеры — само собой) сохранили полное представление о тех событиях, да и то не сумев докопаться до причин и виновников случившегося¹.

Воронцов, например, соглашался с мнением Левашова и Удолина, что как раз тогда они имели возможность наглядно познакомиться с действием «Ловушки сознания», причём настроенной не на них, а на всё остальное население России, а соответственно, и Земли в целом, поскольку за рубежом подлинная информация о том парадоксе также не

¹ См. «Хлопок...».

просочилась. Как и для чего это было сделано — человеческому, да и агтрианскому с форзелианским разумам постичь невозможно, ибо «Ловушка» — явление сверхъестественное, имманентное Великой Сети как таковой с самого момента её возникновения. Включилась ли Ловушка и сейчас — Воронцов утверждать не мог, не посоветовавшись с Константином Васильевичем, человеком, судя по всему, находящимся с Сетью в особых взаимоотношениях.

Но только явно гипнотическим, очень выборочным воздействием на умы можно объяснить ещё один парадокс, на который Воронцов сразу же обратил внимание Фёста, когда они обсуждали «ближайшую задачу» разыгрываемой ими комбинации. Даже те, кто более-менее уверовал в существование «другой России» — страны, чеканящей вполне материальную золотую валюту, — по умолчанию считали (возможно, оттого, что власть там сохранилась самодержавная, вместе с «золотым стандартом» и архаичной «Табелью о рангах»), будто «имперская Россия» по хозяйственному, политическому, военному и в целом интеллектуальному уровню находится где-то между периодами русско-японской и Первой мировой войн. То есть какого-либо серьёзного влияния на конфликты XXI века оказывать не может. Как здешние Аргентина или гоминдановский Китай на Тайване.

Все эти странности, сведённые вместе, могли бы напугать даже сильного духом человека, но — более *традиционного*, скажем, чем Дмитрий Воронцов. Он же здраво рассудил — Ловушка здесь проявилась или нечто другое, своим страусиным неучастием в происходящем ничего не изменишь

и не исправишь, поэтому — «бей в барабан и не бойся»¹. Тем более, как он подозревал, в полном объёме смысл *текущего момента* понимал только он один. Остальные или не успели, или просто не могли охватить ситуацию целиком.

Хорошо, что Фёст с подконтрольными ему структурами президентской администрации исключил любые публичные и даже приватные высказывания должностных лиц на этот счёт. Зато «свободная», то есть по преимуществу «жёлтая» и «бульварная», пресса резвилась настолько бесшабашно и почти до неприличия разнузданно, что буквально через несколько дней вопрос был аккуратно переведён в разряд тем, рассуждать о которых всерьёз считается если и не неприличным, то однозначно бессмысленным. «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе...»²

Как бы там ни было, жить в России и во всём мире вдруг стало гораздо интереснее. Всякого рода местные конфликты, «революции» и даже «геноциды» в странах «третьего мира» за четверть века всем приелись до чрезвычайности, а сейчас вдруг на сцену вновь решили выйти «игроки первого эшелона» и в очередной раз показать заскучавшему человечеству «мастер-класс» на мировой шахматной доске.

Страшновато было *просвещённым* наблюдать за развитием событий, но и увлекательно до чрезвычайности.

¹ Ставший популярным обрывок строфы стих. Г. Гейне «Доктрина». «Бей в барабан и не бойся беды // И маркитантку целуй вольней // Вот тебе смысл глубочайших книг // Вот тебе суть науки всей».

² Цитата из к/ф «Карнавальная ночь» (Мосфильм, 1957 г.).

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь чёрной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью¹.

Обдумав всё это (как и многое другое), Воронцов и решил, не советуясь ни с Сильвией, ни с Берестиным, что даже если мировой войны и не будет — не те сейчас люди у власти и не тот у населения «цивилизованных стран» уровень пассивности и потребность в адреналине, — ничего хорошего его родную реальность в случае продолжения текущей политики не ждёт.

Его всегда удивлял весьма популярный в советские времена термин «безвременье», применявшийся в основном к эпохе царствования Александра Третьего. В том смысле применялся, что раз при царе-Миротворце революционное движение было практически сведено к нулю, то и доброго слова та эпоха не заслуживает. Как бы вообще не было её.

А вот сейчас он с удивлением сообразил, что термин этот вполне применим к нынешней эпохе. На ГИП, разумеется. Как писал один интересный современный российский философ — начиная с 1969-го, года высадки землян (неважно, что американцев) на Луну, человечество словно подменили. Во всём мире сразу как бы исчез «творческий запал», кураж, стремление к новым рубежам, вообще к творчеству любого рода. «Пассионарность» исчезла фактически во всех странах, причастных к реализации амбициозных планов человечества. Осталась только страсть к потребительству и идея, что «права личности выше прав государства, на-

¹ А. Блок. «Скифы».

ции, вообще земной цивилизации». Искусство с какой-то почти безумной остервенелостью заменялось на скоморошество, весь научный и технический потенциал переориентировался на производство предметов бессмысленной «развлекаловки». К чему далеко ходить — один сравнительно простенький айфон или айпад по своей «интеллектуальной мощи» превосходит все ЭВМ НАСА, обеспечившие высадку Армстронга на Луну! А каков *высший* смысл существования этого приборчика почти что одноразового пользования?

В конце концов, и распад СССР со всеми вытекающими последствиями — в одном ряду со всем вышеперечисленным. И агтры с форзейлями тут ни при чём — «вмешательство» было произведено с иного, куда более высокого уровня: Пресловутых «Игроков» или «Держателей», бог их разберёт, если они вообще существуют. Но объективных внутренних причин для подобной стремительной деградации на Земле не было. Очень возможно, что совпавший по срокам «тайфун исламского терроризма» — явление того же ряда.

Наблюдая за не слишком квалифицированными попытками Фёста изменить впадающий в *слегоподобную нирвану*¹ мир, Воронцов наконец решил вмешаться, помочь недостаточно ещё умелому, а главное — не располагающему нужными средствами «преобразователю природы»².

А Воронцов как раз располагал, и средствами, и гораздо более широким кругозором, в силу стечения множества разнородных обстоятельств. При-

¹ См. АБС «Хищные вещи века».

² Термин конца 40-х годов XX века, когда возник так называемый «сталинский план преобразования природы».

шла пора пустить эти латентные пока возможности в ход, но так, чтобы со стороны это было практически незаметно. Всем, кроме тех, чьи действия он именно в данный момент *корректирует*. И до последней крайности не раскрывая конечной цели собственной *сольной партии*. Интересная вырисовывалась роль — катализатор и одновременно ингибитор для новоявленных прогрессоров. А почему бы и нет? Вполне укладывается в концепцию давным-давно организованного при «Братстве» «Комитета защиты реальности». То всё чужие защищали, теперь появилась острая необходимость защитить свою. Защитить путем инициации крупномасштабных перемен. И в любом случае не позволить молодёжи наделать новых глупостей...

...Сильвия, Берестин, Фёст и Секонд сидели в выходящем высокими, пятиметровыми окнами на океан кабинете Замка. Не том, адмиральском, созданном персонально под вкус и воображение Воронцова много-много лет назад, а другом, оформленном «под себя» уже Сильвией. После известных событий агтрианка решила, что теперь она окончательно стала вровень со «старшими братьями» и, выиграв партию против Арчибальда, тоже может устраиваться «по своему усмотрению» не только на Столешниковом, но и здесь. Никто не возразит. Что без валькирий неизвестно, что у неё получилось бы, она со свойственной ей *небрежностью* предпочла забыть.

Да ведь и некому, по нынешним раскладам: Новикова с Шульгиным, как и Антона, в обозримых временах и пространствах нет, и удастся ли им ещё когда-нибудь пересечься — очень большой вопрос. Слишком глубокий рейд на этот раз

они затеяли¹. Нет, леди Спенсер не считала, что «кандидаты в Держатели» могут банальным образом погибнуть, даже и на Земле-2 — такая судьба не для них. А вот «разминуться во времени» — это очень даже свободно. Что такое, скажем, сдвиг на одну угловую секунду при перемещении в четвертый или пятый слой реальности? Может — ничего, а может — сотни и тысячи лет. Или, предположим, захотели Игроки лично пообщаться со своими партнёрами, провести вечерок за неспешной беседой в каких-то уровнях Мирового эфира — тот же самый результат. Пресловутый *релятивистский эффект*! «Для вас века, для нас единый час!»² И наоборот, естественно.

Левашов и Лариса, да и Ирина тоже почти не проявляют интереса к здешним делам, в основном пребывают на Валгалле (планете, а не пароходе), там тоже время течёт по-другому. Легче ждать возвращения экспедиции со «второй Земли».

Порой и не поймёшь — в прежнем ли качестве всё их разделившееся на почти не связанные друг с другом фрагменты (или сегменты) «Братство» пребывает и мир вокруг тоже, или же живут теперь все в эпоху *победившего солипсизма*³, победившего в результате непозволительных (или необходимых) экспериментов с Гиперсетью и Континуумами. В любом случае то, что творится на Земле и в *окрестностях* — что самой Сильвии, что всем остальным совершенно ни к чему.

¹ См. «Скоро полночь».

² А. Блок. «Скифы».

³ Солипсизм — субъективно-идеалистическая теория, согласно которой существует только человек и его сознание, а весь объективный мир, в т.ч. и другие люди, является лишь эманацией этого сознания.

Уж лучше бы оставалось по-старому. Понятнее как-то и привычнее.

Но выбирать не из чего, нужно жить, руководствуясь *предложенными обстоятельствами*. А обстоятельства таковы, что кроме как леди Спенсер возглавить то, что осталось от «Братства» *здесь*, очевидно, и некому.

С Берестиным всё понятно, на первые роли он не претендует, понимая, что в политических и иных хитросплетениях жизни его жена разберётся лучше, а сам он хорош и на своём месте, ему лишних забот не надо.

Воронцов и Наталья, по её мнению, как были, так и остаются «вещью в себе». Рассчитывать на них можно всегда и во всём. Дмитрий, в случае чего, готов сыграть роль «бога из машины», но ждать, что он возьмёт на себя повседневную *текучку*, — увольте. Ему такое (с его собственных слов) во время старпомовской службы надоело сверх всякой меры. Куда удобнее и приятнее ощущать себя «первым после Бога» на собственном корабле и чем-то вроде штатного арбитра в любом возникающем внутри «Братства» вопросе.

Левашов никогда не умел и не хотел принимать самостоятельных решений, если они не касались чего-нибудь научно-технического. Обо всём остальном раньше должны были задумываться друзья, а теперь — Лариса.

Как раз насчёт Ларисы у Сильвии были определённые опасения. Не в том смысле, что агтрианка всерьёз боялась соперничества со стороны этой весьма своеобразной девицы, то есть, простите, давно уже дамы, но тем не менее... Своей стервозностью, гораздо более откровенной, чем у самой Сильвии, она была способна внести в дела, и без

того не блестящие, совершенно ненужный раздрай. И хорошо, что она в последнее время тоже нигде особенно не мелькает, сосредоточившись на собственных интересах в соседних реальностях.

Что касается остальных, то среди них не имелось фигур, способных в чём-то агтрианке противоречить и тем более противодействовать. Что Фёст, что Секонд — ученики чародеёв, и не более. Сами это понимают.

Следовательно — она решила, а прочие согласились, что Замок (по крайней мере — до возвращения законного хозяина, Антона) принадлежит тем, кто остался здесь. А она — как бы между прочим — становится при нём и в нём кем-то вроде коменданта. А можно выразиться и иначе — *смотрящей*. Земля Землёй с её проблемами, но тем более оставлять столь удобное место без хозяйского глаза, не подняв, образно выражаясь, свой флаг и не застолбив участок, просто-напросто нерационально. Неразумно и даже чревато...

Кто знает, не появится ли из *непостижимых негр* какой-то новый Арчибальд на смену *перевоспитанному*. Поумнее, порешительнее и одержимый более *жизнеспособными* идеями, с которым не удастся справиться так легко, как с первым. Кто может знать, что за процессы происходят внутри «личности» этого *эффектора* Мировой Сети. Или не эффектора, и не Сети, а чего-то совсем другого.

Они ведь, здесь оставшиеся, всего лишь люди, в том числе и агтрианка, и валькирии тоже, пусть и умеющие создавать какие-то *частные мыслеформы*, но управлять ставшей объектом экспериментов Реальностью способны в той же мере, как курсант авиационного училища — истребителем пятого поколения в первом тренировочном полёте без

инструктора. Ещё точнее — с инструктором, сидящим в том же самолёте и просто выдавшим вводную — «Я убит, дальше лети сам».

Вот, Сильвия сумела вообразить для себя кабинет, похожий на тот, в каком вершила государственные дела Екатерина Великая. И он возник там, где надо, вполне аутентичный, и с учётом всех достижений современной эстетики и дизайна. А что *это* есть на самом деле? Воплощённая в дерево и камень «воля и представление» или мастерски наведённая галлюцинация?

Хорошо Воронцову с Натальей — они хоть понимают, как устроена их «Валгалла», и тщательно следят за собственным поведением, не допуская никаких внушающих опасение *вариантов*. Да и то...

— Вы меня извините, леди Си, — говорил между тем Фёст, откинувшись в роскошном кресле с ножками в виде золочёных львиных лап, потягивая длинную зеленоватую сигару, из тех, что доставлялись с плантаций Британской Гвианы девятнадцатого века. Экологически чистый продукт, вдобавок из ныне утраченного сорта табака и с особой технологией ферментации. — Вам что, своих *соотечественников* совсем не жалко? Все же сколько лет вы прожили в качестве, так сказать, *профессиональной англичанки*. Должны вроде бы усвоить что-то из их менталитета, не нашего. Ведь если война всё же начнётся, мы их разделаем почище, чем наша «вторая Антанта» немцев с японцами... Им тогда уровень какой-нибудь Румынии недостижимой мечтой покажется...

— Наивный ты человек, — с усмешкой вполне светской, но не скрывающей превосходства,

ответила Сильвия. — Так ничего и не понял. Вот кто я сейчас, по-твоему? С национальной точки зрения.

— Ну, сейчас, конечно, русская. Не отличить. Но ведь... — Он невольно бросил взгляд в сторону Берестина.

— Это как раз следствие, а не причина. Я, в отличие от некоторых наших общих знакомых, — сказала она, имея в виду, конечно, Ирину, — никогда себя с Англией не отождествляла. Место работы, не более. Разумеется, когда я туда впервые попала, жизнь там была во многом приятнее, чем в любой другой стране, включая и Россию. Но потом пришлось, — в подробности она вдаваться не стала, — и я довольно быстро *русифицировалась*. Так что не беспокойся, никакого *конфликта интересов*. Британцы сами виноваты, если даже через девяносто лет мира фактически всего лишь один робот с манией величия сумел их возбудить так, как Гитлер немцев. Ну вот и получают свой «план Моргентау»¹ вместо «плана Маршалла». Человечество ничего не потеряет от того, что Англия, Ирландия, Шотландия и Уэльс станут совершенно самостоятельными, притом *противоположно ориентированными* государствами. И на ближайшую сотню лет воевать отучатся... Разве что между собой станут разбираться, кто англы, кто саксы, кто бритты, кто кельты... А Россия, в свою очередь, вернётся в ТАОС в качестве старшего партнёра.

¹ Моргентау Генри, министр финансов США во время 2-й мировой войны, в 1944 г. выдвинул план послевоенного расчленения Германии на несколько независимых гос-в с их демилитаризацией, «интернационализацией» Рурской обл. и т.д. Фактически предполагалось возвращение «рейха» в исходное, до 1870 года, состояние.

Берестин, всё это время наблюдавший за разговором со стороны, неожиданно вмешался.

— Было уже, немцев тоже собирались навсегда отучить, а что через двенадцать лет после «свободных выборов» в самом демократическом государстве случилось? — осведомился он с нескрываемой иронией¹.

— Но со второго раза всё же «перевоспитали»? — тут же ответил Фёст. — Значит, нам с первого раза нужно того же эффекта добиться. Тем более англичане — не немцы.

— Это ещё вопрос, кто хуже, — хмыкнул Алексей.

— Да не о том вы говорите, — вдруг с неожиданной горячностью заявил Секонд. — Война, война и ещё раз война... А разве нет у вас, уважаемые «старшие товарищи», способа без войны тех же целей добиться? Мне кажется — есть. Арчибалд — само собой. Ему ведь можно любую команду отдать, и он её теперь выполнит.

— Можно, — согласилась Сильвия.

— А остальная аппаратура?! А роботы, наконец?! По-моему, вполне достаточно, чтобы без всяких боевых действий привести Британию и вообще хотя бы зону ТАОС к основательному и прочному миру...

¹ Берестин имеет в виду случившееся в первой трети XX века в реальности ГИП. Германия, капитулировав в 1918 г., была демилитаризована, демократизирована и поставлена на грань катастрофы безумными репарациями и контрибуцией. Возникла чрезвычайно демократическая Веймарская республика, где за организацию «пивного путча» 1923 г., повлёкшего многочисленные человеческие жертвы, Гитлер и его единомышленники получили по году тюрьмы. В 1933 г. НСДАП победила на выборах, Гитлер был назначен рейхсканцлером... Дальнейшее общеизвестно. Всего через 6 лет началась Вторая мировая война.

Эти слова настолько поразили Берестина, что он несколько секунд молча смотрел на Секонда, словно размышляя, верить ли ушам своим. Потом вздохнул и громко, пожалуй что с облегчением, рассмеялся. Вроде как счёл случившееся с товарищем *временное помутнение* не опасным для жизни.

— Вы над чем, собственно, смеётесь? — вскинулся Секонд.

— Да в основном над собственными мыслями. К тебе лично никак не относится.

— Да? Ну, может быть. Просто я хотел сказать, что ваш собственный опыт вполне достаточен, чтобы...

Тут снова вступила Сильвия, не дав Секонду закончить фразу.

— Вот сейчас, молодые люди, вы коснулись ключевого, можно сказать, вопроса текущей политики...

Так странно она обратилась к Фёсту с Секондом, словно к Владе и Никеше из «12 стульев» — это их Остап назвал «молодыми людьми», когда они совместно внесли в кассу «Союза меча и орала» всего восемь рублей на двоих.

— Дело в том, что мы все, я — в том числе, в последнее время заигрались, а можно сказать — и доигрались. Не случайно ведь за всё время моей работы на Земле, да и раньше тоже, на много веков раньше, силовые методы ни мной, ни моими предшественниками и коллегами не применялись. Только опосредствованное, не прямое воздействие на отдельных личностей, и уже через них — на текущие события. Для пресечения оных или, наоборот, стимулирования в нужном направлении. Тем более мы избегали без крайней необходимости использо-

вать свою аппарату в активных режимах. Только в действительно крайних случаях и буквально на доли секунд. Поэтому никаких потрясений континуума и не происходило...

— Так и результатов особых тоже не было? — с невинным лицом осведомился Фёст, получивший от Шульгина за время *индивидуального ученичества* несколько иную трактовку агтрианско-человеческих взаимоотношений.

— Что считать результатами, — спокойно ответила Сильвия. — Необходимый баланс сил и интересов в Галактике сохранялся, человечество более-менее прогрессировало, ткань времени была прочна, и *иные силы* не имели доступа на *конвенционную территорию*. Но с того момента, как собственными ли способностями, или с *чужой подачи* Левашов изготовил свою первую установку пространственно-временного со вмещения, абсолютно всё, как у вас выражаются, *пошло вразнос*. Очень возможно, что это было сделано специально, так называемыми Игроками, чтобы обострить партию, вывести её из патовой ситуации. Не знаю, могу только догадываться. Но каков имеем итог? Разрушена тщательно отрегулированная система взаимоотношений между агтрианским и форзейлианским Союдами, и те и другие потеряли всякую возможность цивилизованных взаимоотношений через нейтральную территорию. На самой Земле и в относящихся к ней *Пространствах* вместо стабильной Главной исторической последовательности открылись горизонты неизвестного числа *Параллелей*, ранее каким-то образом явно специально отсечённых от *Единственной*. Сама возможность продолжения человеческой цивилизации в привычном виде

и качестве под непосредственной угрозой. Боюсь, что очень скоро всё вокруг перейдёт в совершенно другое качество...

— Но простите, Сильвия, — удивился Фёст, знающий о том, что сейчас сказала агтрианка, гораздо больше Секонда. — Насколько мне известно, все вами названные события начались как раз после того, как отнюдь не земляне, не Левашов и остальные «Братья» стали бесконтрольно применять имеющиеся у них *спецсредства*, а вы с Антоном. Едва ли сама по себе невинная попытка нескольких *экспериментаторов* исследовать случайно обнаруженную планету имела бы столь катастрофические последствия и для ваших цивилизаций, и для самой Земли. А у вас вроде именно так получается. Всё было чудо как хорошо, да стрелочник подвёл...

Сильвия вздохнула. Щёлкнула кнопкой своего портсигара, и через минуту-другую в кабинете появился Арчибальд, в своём костюме члена «Хантер-клуба», но катящий перед собой, как заправский лакей, сервировочную тележку, уставленную тарелками, бутылками и прочими приборами..

Агтрианка указала ему на низкий, инкрустированный малахитом стол, прототип нынешних «журнальных», в противоположном углу кабинета, и он так же молча, с вызывающей уважение сноровкой принялся его накрывать.

— Опять придётся объяснять очевидные вещи, — снова вздохнула Сильвия. — За столько времени не удосужились как-то всё систематизировать, «Краткий курс истории «Братства» написать, что ли. В итоге у всех — только обрывки информации, а лакуны между ними заполнены домыслами, у каждого — своими.

— Ты не совсем права, — вдруг вмешался Берестин, человек, имевший самое непосредственное отношение к этой «истории» ещё до того, как она по-настоящему началась. — Хотя «Краткий», хоть «Полный» курсы не написаны просто потому, что они и не могут быть написаны, поскольку именно как реальность эта «история» попросту не существует. Любой её этап и момент настолько вариабильны, что нельзя в точности сказать, как оно там было на самом деле. Поэтому и воспоминания у нас у каждого свои, и *амбивалентность*¹ присутствует почти в каждом эпизоде.

Для Фёста и Секонда это был довольно странный поворот сюжета, и не только потому, что они услышали столь оригинальную трактовку прошлого, а выходит, и настоящего той организации, к которой они имели честь принадлежать. Не менее неожиданным было и то, что произнёс данное суждение человек, менее всего, как им казалось, склонный к философствованию. Скорее уж Воронцов в своём многоуровневом уединении мог бы до размышляться до таких постулатов.

— А вот это мы давай оставим для другого раза, — спокойно, но веско ответила Сильвия. — Сейчас — время практических решений. Уже неоднократно говорилось и всеми якобы признавалось, что любые наши поступки, с тех пор как мы нарушили «статус-кво» и начали тем или иным образом вмешиваться в... — Она сделала паузу, усмехнулась

¹ Амбивалентность (от лат. *ambo* — оба, и *valentia* — сила) — двойственность переживания, когда один и тот же объект (явление) вызывает у человека одновременно противоположные чувства, оценки, воспоминания, причём нередко одно из чувств подвергается *вытеснению* и маскируется другим.

какой-то своей мелькнувшей мысли. — В сложившийся порядок вещей, каждое наше действие начало отзываться противодействием, причём, вопреки Ньютону, в самом хаотическом, подчас даже с нарушением законов причинности, порядке. Все это понимали, и все продолжали нарушать...

— «Странный аттрактор» такое положение называется. Но что было делать, если уже жить стало невозможно? — сказал Фёст, который и сам неоднократно на эту тему задумывался. — Мало кто умеет балансировать на стоящем велосипеде. Вокруг постоянно что-то происходило и каждый раз приходилось названные вами принципы нарушать. То по мелочи, то по крупному...

— Ну и к чему мы пришли? К такой ломке, что хоть колись, чтобы не умереть от аскетизма, приближая смерть от передозировки, хоть не колись, что практически тоже не обещает ничего хорошего.

— Ну и сравнения у вас, — сказал Секонд. — Профессиональные...

— А что поделать, если дела обстоят именно так? Мы подошли к последнему краю, и вы это видите. Почти половина наших товарищей заблудилась на перекрёстках времён, и удастся ли встретиться в обозримом будущем — большой вопрос. Грядущая война у тебя, — это Секонду, — угроза всеобщего развала и геополитической катастрофы у тебя, — повернулась она к Фёсту. — Что остаётся? На Валгаллу, ту или другую, бежать, или в последнюю благополучную параллель, что у нас осталась?

— Ну и какое ваше решение? — осведомился Фёст, присматриваясь к закускам и соображая, с чего начать — с коньячка или всё-таки с водки,

по Гиляровскому. Ему уже вполне стала понятна мысль, к которой агтрианка их так аккуратно подводила. А могла бы этого и не делать, сказала бы впрямую, да и всё. Но в целом интересно, невредно послушать для общего развития. Ход мысли, метод построения силлогизмов и вообще. Если катастрофа всё же не наступит и мир ещё немного просуществует, им с Сильвией работать. А то и вправду, когда ещё Шульгин с Новиковым вернутся, и вернутся ли при их жизни...

— Решение, на мой взгляд, единственное. Сосредоточить всё внимание на твоей реальности, — указала она лёгким движением руки на Секонда, — позволить всем накопившимся за девяносто лет напряжениям, противоречиям межгосударственным и межличностным, а также и чисто хронофизическим парадоксам саморазрешиться, вскрыться, подобно гнойному абсцессу, вашим медицинским языком выражаясь. При этом нам, как врачам, предстоит быть очень внимательными, чтобы и в организме гноя и инфекции не осталось, и пациент не умер от кровопотери и сердечной недостаточности...

— Доходчиво, — улыбнувшись, кивнул Фёст, который старался оправдывать своё имя, везде выдвигаясь вперёд, заслоня «братца». — А после такой «санации» пациент долго будет физически настолько слаб и нуждаться в *поддерживающей терапии*, что... Короче, с той реальностью всё понятно. Послевоенная Европа и мы в роли Америки, реализующей план Маршалла. При отсутствии на карте СССР? Так? А в остальном? — Он хотел показать Сильвии, что люди вокруг неё тоже кое-что представляют и рассчитывать на единоличное лидерство ей не стоит.

— Что — в остальном? Какая участь ждёт твою Эрфэ? — с долей раздражения ответила агтрианка. — Я не могу сейчас сказать, как отразится случившееся в той реальности на эту. Но имею основания полагать, что какое-то воздействие будет. Вы не обратили внимания — как только Олег возродил Империю, у здешней России тоже несколько изменился вектор политических устремлений?

— Да пока не очень заметно... Хотя, в прошлый раз, в дни «Ночи и тумана»¹, определённое воздействие нашей реальности на ту отмечалось, но было оно гораздо нагляднее...

— Присмотрись внимательнее. И не думай, что столь мягкое подавление, я бы даже сказала — пресечение мятежа, исключительно твоя заслуга.

— Да я и не думаю...

— Вот и хорошо. Значит, то, что здесь — полностью твоя прерогатива. И людей, и сил, и возможности влиять на Президента и общественное мнение у тебя достаточно. А там — это уже мы будем разбираться. Постараемся, чтобы «пациент» не только выжил, но и существенно окреп...

...А началось с чего? Нынешним утром Сильвия появилась в кабинете квартиры, где Фёст, достаточно уже замотанный, одновременно говорил по телефону с присланным в эту Москву «для согласований» представителем императорской Ставки и пытался что-то жестами объяснить ждущим его указаний Яланской и Людмиле.

Вошла, одним взглядом оценила ситуацию, указала пальцем девицам на кресла, извлекла из портсигара сигарету, предложила угощаться и им. При

¹ См. «Хлопок...».

этом, посмотрев на Ляхова, сделала страдальческое лицо и возвела глаза к потолку, изображая нравственные мучения какой-нибудь мифологической Ниобы.

Дождалась, когда Фёст закончит разбираться с коллегой-полковником и переадресует его к телефонному номеру, по которому тот сможет решать вопросы с «начальником штаба», то есть майором Яланской. Сильвия «верхним чутьём» уловила, сколь велика сейчас неприязнь «невесты» к красивой женщине, мало ли что сослуживице, последнее время почти круглосуточно общающейся с Ляховым, пусть и по делам государственным.

— Так, — веско сказала агтрианка, вставая. — Пора заканчивать. Иначе процесс вступит в необратимую фазу. Мы всё это давно уже проходили и прошли...

— Что проходили? — не понял Фёст.

— Это самое. Стадию *административного восторга*. Когда человек, дорвавшись до власти, воображает, что ни один вопрос не может быть решён без его участия. Тогда он очень быстро задалбывает подчинённых, загоняет самого себя в тупик, а порученное дело глухо вязнет в «болоте» или вообще разваливается. «Трение»¹ возрастает до бесконечности... Я вот не знаю, чем ты сейчас занимался, но отчётливо понимаю, что ерундой, ко-

¹ «Трение на войне» — термин, введённый К. Клаузевицем — совокупность всех факторов — природных, личностных, вызванных недостаточной информированностью и стечением неблагоприятных обстоятельств, препятствующих выполнению тщательно рассчитанных планов полководца, вообще всякого исполнителя. Русский аналог научного термина — якобы народная поговорка, на самом деле принадлежащая Л.Н. Толстому: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

торую легко способен разрешить правильно подобранный и компетентный майор или даже капитан.

— Но как же?! — попытался удивлённо возмутиться Фёст.

— Да никак, — с милой улыбкой ответила аггрианка. — Просто ты сейчас вылез не на свой уровень. Первый раз в жизни, как я понимаю. До этого предел твоей компетенции определяли другие, а сейчас уздечка соскочила, извини за сравнение. Как там у вас в своё время очень популярная книга называлась? «Я отвечаю за всё»?¹ Так это неверно. Поэтому вешай на дверь табличку «Закрыто на переучёт» и пошли со мной. А на хозяйстве пока пусть останутся Люда с Галей. Кого считают нужным, пусть переадресовывают по команде, у вас там, я слышала, в новой Ставке скоро генералов негде размещать будет. Остальным говорят — «Зайдите завтра». И всё сразу наладится... Самим ничего решать не нужно, и вообще, чем меньше посторонних будут иметь к вам доступ, тем лучше для дела.

Перейдя с Фёстом на свою половину квартиры, она доверительно пожаловалась Вадиму, что больше совершенно не может здесь бывать.

— Представь, как в семнадцатом году «Мраморный дворец» Кшесинской превратили в «штаб Октября». Ужас, не нахожу другого слова. Если бы я знала, как здесь на самом деле будет всё устроено, оставила бы один коридор «оттуда сюда и обратно», а прочее отгородила глухой стеной. Увы, это не в моих силах. Поэтому...

¹ «Я отвечаю за всё» — заключительная часть трилогии Ю. Германа о военном враче Устименко. Две первые — «Дело, которому ты служишь» и «Дорогой мой человек» (1957–1964 гг.). Сильвия неправильно распространила заглавие одного тома на всю трилогию.

Не продолжая, она блок-универсалом открыла проход в кремлёвский кабинет Секонда, где тот тоже трудился, «весь в мыле», и поманила его пальчиком с удивительно коротким для её статуса ногтем.

— Скажи адъютанту — «Барин больше не принимает», и — со мной.

Ещё две-три минуты — и они очутились в Замке, именно в том кабинете, что Сильвия лично для себя заказала и оформила. Он примыкал к той секции, где она недавно принимала Императора Олега, но отделялся от неё широким коридором с навоощенным паркетным полом, в котором отражались висящие на шестиметровой высоте хрустальные люстры.

Кабинет был не слишком велик, женский всё-таки, но помещалось в нём достаточно много антикварной мебели, картин, статуй, статуэток, кадок с древовидными и кашпо с вьющимися растениями. Три окна выходили на серый волнующийся океан и пронзительно пустынный мелкогалечный пляж с несколькими остроконечными гранитными скалами разных оттенков красного, розового и тёмно-серого, наводившими на мысль, что они тут поставлены специально, после тщательных дизайнерских поисков идеала.

Там уже ждал Берестин, снова в военной форме, которую надевал обычно или *по обстоятельствам*, или просто чтобы отдохнуть от штатской одежды, как другие военные с той же целью, наоборот, переодеваются из формы в гражданское. И часто выглядят при этом весьма комично, как Николай Второй на нескольких любительских фототрафиях.

— Вот здесь мне теперь нравится гораздо больше, — сказала Сильвия, присаживаясь к письмен-

ному столу, уставленному всякими драгоценными безделушками, статуэтками и фотографиями в причудливо-ажурных рамках. Непохоже, чтобы за этим столом вершились государственные дела. Кожаный бювар с листами глянцевого бледно-сиреневой бумаги, украшенной монограммой, и многофигурный письменный прибор с настоящими чернильницами и перьевыми ручками более подходили для написания писем и записок интимного содержания, нежели для указов и рескриптов.

Подумав об этом, Фёст с трудом сдержал на языке ядовитое замечание насчёт тайных комплексов и пристрастий некоторых дам. Не стоит — себе дороже может обойтись такой юмор. Шутки шутками, а Сильвия ведь не простила ему того унижительного момента, когда она, обнажённая, предлагала ему свою любовь, а он, пусть и крайне вежливо, отказался. И неважно, что совсем недавно она согласилась *принять его в долю* в интриге с Императором и Ингой. Это из разных опер интермедии.

— Мне кажется, я вообще перестану там бывать, — продолжила она, имея в виду Столешников. — Для меня это почти как надевать своё бельё, узнав, что его кто-то уже носил...

— Не слишком ли категорично? — удивился Секонд. — Насколько я знаю, и до вас там жили многие люди...

Он тоже не стал говорить напрямую, что это аггрианку Шульгин, Новиков и прочие *пустили* в свою компанию и в квартиру тоже, никак не наоборот. К чему обострять отношения сейчас, когда предстоят очень непростые дни, если не годы?

— Ах, это совершенно другое, — отмахнулась Сильвия. — Раньше там бывали только свои,

и у каждого — личная территория. А сейчас — отвратительный гибрид проходного двора с ночлежкой...

Великолепно сыграно, с полной убедительностью. Прямо действительно капризная барынька чеховского типа, а не закалённая руководительница могучей инопланетной разведывательно-диверсионной сети. И всё лишь для того, чтобы замотивировать желание перенести свою резиденцию в Замок, пока никто другой участок не застолбил?

А почему бы и нет — эмоциональная мотивация часто бывает убедительнее рациональной.

...Обдумав сказанное Сильвией, Фёст решил, что, пожалуй, действительно так будет лучше. Если он сосредоточится только на здешних делах, причём, кроме *общего руководства*, на достаточно конкретных направлениях, вроде дипломатии и идейно-политической работы с массами, оставив проведение собственно «Мальтийского креста», и сопутствующих операций, по типу пресловутых «десяти сталинских ударов» узким *специалистам* — будет лучше всем. Но ему — в первую очередь. А то ведь требовать от армейского врача, прошедшего лишь «краткосрочный спецкурс стратегии не прямых действий», ну и имеющего кое-какой практический опыт, чтобы он ежедневно и ежечасно проявлял таланты Сталина, Наполеона, Талейрана и Макиавелли в одном флаконе — явно неблагоприятно. Как минимум. А на своём «суженом» до разумных пределов участке фронта он как-нибудь разберётся.

— А что у нас сейчас в секундовском времени? — спросил он у Сильвии, перед которой на столе стоял оформленный в золотую рамку стили

«рококо» универсальный календарь, показывающий соотносимые даты всех подконтрольных реальностей. Причём встроенный туда специальный чип-калькулятор позволял производить всяческие расчёты и иные манипуляции с локальными и условно-общими хронопотоками. Устройство позволяло также определять открытые для переходов контактные точки (места *пробоев изоляции*) *жгута реальностей* и наиболее переменные развилки альтернатив. Удобная штука, изготовленная по её распоряжению Арчибалдом, то есть всё тем же Замком, в каких-то своих тайных мастерских. Впрочем, зачем ему мастерские, если на своей территории Замок позволяет любому желающему уподобиться Богу — «И сказал Бог — да будет твердь посреди воды и да отделяет она воду от воды. И стало так».

— В секундовском времени всё в порядке, — ответила Сильвия, бросив взгляд на дисплей. — Межвременной зазор ещё немного расширился, и мы наверняка успеваем со всеми подготовительными мероприятиями. Ещё бы с Ибрагимом окончательно совместные действия согласовать... И пусть англичане начинают...

В массивные, выше двух человеческих ростов двери, украшенные высокохудожественной резбой и с большим вкусом подобранной бронзовой (а может, и золотой, чего стесняться) фурнитурой снаружи кто-то постучал. Достаточно сильно, чтобы звук прошёл сквозь шестидюймовой толщины кедровые доски, но в то же время деликатно, чтобы это не походило на грубое явление опергруппы, присланной арестовать инсургентов. Именно так подумал Фёст. Да и Сильвия подняла голову,

весьма удивлённая. Как-то чересчур театрально это выглядело — из присутствующих в Замке людей никто не знал о расположении кабинета и ни в коем случае не мог на него наткнуться «просто так». Арчибальду стучать тем более не было необходимости, теперь он мог являться только по зову. Тогда кто?

— Войдите, — совершенно машинально ответила Сильвия, даже не подумав, что на расстоянии двадцати метров, да ещё и по ту сторону закрытой двери голос её не будет услышан.

Однако сразу же после её слов дверь аккуратно отворилась, и на пороге появился Дмитрий Воронцов собственной персоной, одетый в свой парадно-выходной белый китель с золотыми на-рукавными нашивками.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Добрый день, господа, — сказал Воронцов, лучезарно улыбаясь, — надеюсь, не помешал? Я, собственно, по другому поводу сюда наведалься, но услышал, что у вас здесь как бы «большой сбор», ну и не смог не заглянуть, не представиться...

— А как ты, собственно?.. — начала Сильвия, желая спросить, каким образом Дмитрий попал в Замок, не возбудив мирового континуума. Если бы он воспользовался блок-универсалом или СПВ, она бы получила соответствующий сигнал на свой «портсигар». Да и Арчибальд непременно бы среагировал, не пустил постороннего «без доклада».

Но адмирал её перебил:

— Есть способы, дорогая, есть и порох в пороховницах, и всё прочее.

Воронцов, как известно, был первым из «Братства», по специальному приглашению посетивший Замок, и тот, некоторым образом, был на него настроен. Большинство помещений в предназначенном для людей секторе Дмитрий сам придумал и воплотил в «дерево и камень». Конструируя «Валгаллу», тоже непосредственно взаимодействовал со специально выделенными для этого «интеллектуальными и производственными мощностями». Да и обслуживающие паролоды роботы были частью личности всё того же Замка, оттого Дмитрий был, что называется, «первый среди равных» для этой псевдоличности. А может, и просто — «первый» — без всяких оговорок.

И для того чтобы попасть сюда, Воронцову не требовались никакие технические ухищрения. Ещё в самом начале Антон вручил Дмитрию совсем крошечный приборчик, размером с таблетку валидола, который достаточно было приложить за ухо, чтобы из любой точки пространства-времени оказаться в Замке, причём в требуемый момент. Тогда Антон ещё пытался вести с помощью Воронцова *отдельную игру*, для чего и обеспечил ему возможность экстренной не только связи, но и спасения, если вдруг возникнет непреодолимая собственными силами опасность. Как в белорусских лесах летом сорок первого года, например.

Вот сейчас он этой штучкой и воспользовался. А стоило ему оказаться в пределах замковой территории, место совещания Сильвии с братьями-аналогами как бы само собой нашлось.

— Но это сейчас не имеет никакого значения. Просто имей в виду, что в отношениях с Замком у меня перед всеми остальными есть некие преференции. И раньше были, и впредь, надеюсь...

Фёст с Секондом сразу отметили, что Сильвии его слова очень не понравились. Натура у неё была всем известно какая, и она уже успела настроить себя на то, что Замок действительно переходит под её контроль, по крайней мере — сейчас, а что дальше будет — потом и посмотрим. То, что она таким образом брала реванш за проигрыш Антону, её стимулировало ещё больше. И тут вдруг появляется Воронцов, которого она в своих расчётах совершенно не учитывала и вообще привыкла воспринимать как «личность не от мира сего». Начальник тыла, как он сам иногда любил представляться, не очень при этом скрывая несколько ироничное отношение к собственным словам и к собеседнику, который воспримет это слишком всерьёз. Но безусловно — добрый человек, лишённый амбиций, готовый помогать всем и никогда не претендовавший на первые роли, кроме как на палубе своего парохода.

А он вдруг вон как заговорил! Вроде как указал всем на «заявочный столб», вбитый им раньше прочих и по всем правилам. Мол, играть — играйте, но в случае чего — «посередь грязи долой».

Берестин смотрел на Воронцова молча, в душе, наверное, забавляясь, а Фёст — с явным удовольствием. Союзник, похоже, решил открыто заявить о своей позиции. Могучий союзник, сразу меняющий все расклады. Только Секонд не слишком понимал сути происходящего, ему и своих забот хватало, чтобы ещё и вникать в тонкости отношений и приоритетов внутри «Братства».

Воронцов подсел к столу, негромко позвал Арчибальда. Тот никак не мог его услышать, даже если бы стоял у двери, приложив ухо к замочной скважине. Вернее, *нормальный* слуга не слышал

бы, а этот буквально через мгновение уже возник на пороге. Дмитрий, в принципе, мог бы вообще ничего вслух не произносить, эффект был бы тот же: Замок с первого дня умел реагировать и на мысли, и на зрительные образы, представляемые Воронцовым.

— Мне чистый прибор, сам понимаешь, и бутылочку «Селекта»¹ к кофе... И боржомчика из холодильника.

Некогда весьма загадочный и грозный господин Боулнойз в роли официанта смотрелся тоже вполне адекватно.

— Сию минуточку-с. Сделаем! — и исчез со скоростью О. Генриевского поросёнка.

Берестин снова засмеялся. Такое на него сегодня нашло эмоционально-подвижное настроение.

— Вы тут, наверное, непременно проблемы войны и мира обсуждаете? Не возражаете, если и я поучаствую? — осведомился Воронцов, улыбкой ответив на смех Берестина.

Извлёк из кармана совсем недавно спрятанную туда трубку «с огнём», как было принято среди офицеров Российского Императорского флота в начале прошлого века. Несколько потянул — разгорелась. Выпустил клуб медово пахнущего дыма.

— Какие же могут быть возражения? — сделала вид, что удивилась, Сильвия. — Просто мы не думали, что тебе это сейчас интересно, иначе непременно бы пригласили...

— Да пустяки. Так, вспомнилось вдруг прошлое, захотелось стариной тряхнуть, вдохнуть, как говорится, тревожного воздуха большой войны.

¹ «Селект» — крепкий ликёр западногерманского производства, очень популярный в кругах московских эстетов конца 60-х годов XX века.

— Какой именно? — осведомился Берестин, — То есть где — у нас, или ... — Он кивнул в сторону Секонда.

— Ну, какая на нашей стороне сейчас может быть война? Разве что внезапная термоядерная? — пренебрежительно махнул рукой Дмитрий.

— А в той ты каким образом думаешь участвовать?

— Ну, я всё ж таки, считай, линейным крейсером команду, — это он имел в виду вооружение «Валгаллы», хоть и уступающей новейшим английским крейсерам и линкорам числом и калибрами своих орудий, но значительно превосходящей их дальностью, меткостью и скорострельностью. Это не считая ракетного вооружения и самонаводящихся торпед с дальностью до десяти миль и скоростью семьдесят узлов.

— Ещё и «Изумруд» у меня есть, так что повоевать найду чем. Хотя эскадренные бои затевать едва ли придётся. Блох ловить поодиночке — долгое и муторное занятие. Хватит с нас и двадцать первого года, тогда я свои нереализованные инстинкты полностью удовлетворил¹. Я кое-что другое предложить хотел. Нет, в ваши планы я вторгаться не собираюсь, просто показалось интересным кое-какие соображения проверить. Вы ведь Арчибалда обратно в игру вводить пока не собирались?

— Пока — нет. Если ты имеешь в виду — за пределами Замка, — ответила Сильвия.

— Вот и хорошо. А у меня есть на его счёт некоторые планы. И ещё — с Катранджи что думаете делать?

¹ См. «Вихри Валгаллы».

— Я решила, что в Югорию ему теперь незачем отправляться. У Олега и без того свободного оружия более чем достаточно. Завтра переправим его обратно и на месте решим, что и как должен будет делать он, что мы... Займётся привычной, но более социально-ориентированной деятельностью...

— Не пойдёт, — отрицательно качнул головой Воронцов. — Первоначальный вариант лучше: поедет он в гости к Басманову и о поставках договорится. А я помогу ему получить всё, что нужно, и переправить...

— Но зачем?

— Помните «Конец вечности»? — спросил Дмитрий, обращаясь как бы ко всем сразу.

Сильвия сделала непонимающие глаза. Она такими пустяками предпочитала не интересоваться, хотя за время долгого общения с «братьями» сразу поняла, что речь идёт о книге, а не о чём-то другом.

— Что именно? — осторожно спросил Берестин. Он книгу читал, в отличие от Фёста с Секондом, для которых это была слишком уж глубокая древность, изданная за много лет до их рождения.

— Место, где Харлан говорит: «Ваши расчеты предусматривали мучительную гибель двенадцати человек, а я для МНВ обойдусь перестановкой ящичка с одной полки на другую...»

— Ну, приблизительно помню... — кивнул Алексей.

— Вот и здесь поставленных целей можно достичь с гораздо большим эффектом, чем вы планировали, и, я бы сказал, с заделом на будущее. Но для этого мне сначала нужно с самим эфенди поговорить.

Он не стал при всех заявлять, что идея Сильвии о прекращении миссии Катранджи-Басманова, переданная ему Фёстом, является и с военной, и с дипломатической точки зрения абсолютно непрофессиональной.

— Он у нас здесь как русский купец Катанов проходит, — уточнил Секонд.

— Непринципиально. Надеюсь, я не задел чьих-то чувств, проявив определённую бесцеремонность? Знаете же, что такое откровенность без церемониала? — говорил Воронцов вполне серьёзно, но с тем особым выражением лица, по которому хорошо знающие его люди легко угадывали, что произнесённое следует расценивать как крайнюю степень иронии, также именуемую и сарказмом.

— Нет, что ты, мы все с удовольствием примем любую помощь. Положение ведь действительно сложное. — Сильвия постаралась, чтобы слова её прозвучали предельно благожелательно. Она на самом деле понимала, что поддержка Дмитрия, решившего сойти со своих «горних высот», будет весьма и весьма полезна. Если она опытнее его, то он, несомненно, изобретательнее, да, пожалуй, и умнее, применительно к *предложенным обстоятельствам*. И не время сейчас меряться самолюбиями, тем более что её самолюбия Воронцов задеть не мог по определению, ибо они находились в разных плоскостях. Вот если бы она стала навязывать ему своё внимание, а он его демонстративно отверг, тогда да. Но ей хватало здравомыслия с самой первой встречи даже не пытаться испробовать на нём свои чары. Уж в этом вопросе она была специалисткой высшего класса. Только с Фёстом досадный пробой вышел, не учла, что его лично Шульгин тренировал и воспитывал.

— Ну, тогда продолжим работу каждый по своим планам, а мне достаточно будет с ребятами несколькими словами переброситься, а потом Ибрагима повидать...

— Что, даже на обед не останешься? — с милой улыбкой спросила Сильвия.

— Отчего же? С удовольствием. На обед, переходящий в ужин. Пойдёт? На нём заодно окончательно всё согласуем, с учётом предварительных консультаций. Кстати, если не затруднит, для меня хоть полчаса зарезервируй, перед самым ужином, чтобы потом, за общим столом наши позиции выглядели монолитно-едиными.

— ...Не думал я, что вы решите лично в дела наши вмешаться, — сказал Фёст, когда они втроём расположились в любимом адмиральском кабинете Воронцова. Здесь братья-аналоги были впервые и с любопытством оглядывали явно избыточное, на их вкус, убранство помещения: модели кораблей, застеклённые книжные шкафы, фотографии в чрезмерно причудливых резных рамках, абордажное холодное оружие и старинные навигационные приборы на стенах и отдельных столиках. Музей, да и только. Слишком пышные ковры на полу, массивные кожаные кресла, титанический письменный стол — под стать шестиметровым потолкам и четырёхметровым стрельчатым окнам, выходящим на сумрачный морской берег.

Первый хозяин оригинала этого кабинета, адмирал Григорович, любил такую вот смесь ампира, барокко и модерна. А Воронцов ничего менять не стал, только подкорректировал кое-что под себя. И погода снаружи была такая же, как в день его первого сюда прихода. Странно было бы Дмитрию

видеть всё это в лучах яркого тропического солнца. А вот так — многослойные серо-сизые тучи, то и дело проливающиеся холодным серым дождём, свинцовая, даже на вид холодная вода беспокойного океана, пустынный каменистый пляж... Посвист свежающего ветра в каминной трубе. В самый раз.

— Не всё же мне на главной базе отсиживать, решения по чужим рапортам на глобусе принимать. Надо и самому иногда *командирскую рекогносцировку* проводить, заодно и с настроением войск лично познакомиться. А то ведь «гладко было на бумаге...», — ответил Воронцов опять же на неумовимой грани между серьёзностью и иронией.

— Если не трудно, — посмотрел он на Секонда, — разожги камин. Там всё приготовлено, только спичку поднести. Уютнее будет...

Выдвинул правый верхний ящик стола, достал оттуда коробку сигар.

— Угощайтесь. Настоящие, прямо из тысяча девятьсот шестого года. Сейчас таких не бывает уже. Любил их высокопревосходительство хорошими сигарами побаловаться, приличный запас всегда при себе держал. Ну, ко мне и перешло по наследству. Я их специально отсюда не забираю — когда в Замке оказываюсь, тогда и балую себя. Твой наставник их тоже весьма уважает... — сообщил он Фёсту, вспомнив, как они с Шульгины дымили тут за обстоятельной беседой.

С веселым треском хорошо высушенной (тоже с 1906 года?) бересты начал разгораться камин.

— Ты там только вьюшку не трогай, она как раз под здешние ветры отрегулирована, — предупредил Воронцов Секонда. — Ну, садитесь, поговорим. По пути там из *погребца*, — указал он на приличных размеров сундучок из дорогих пород дерева,

инкрустированный то ли слоновой, то ли моржовой костью, тоже на флотские сюжеты, — чего-нибудь на стол прихвати. Покойный адмирал всё больше херес и марсалу предпочитал. Ну и вы продегустируете, тоже вполне экологичные продукты, и исключительно от «эксклюзивного поставщика».

В погребеце, то есть специальном дорожном вместилище именно для напитков и необходимых приборов, оказался и набор серебряных стопок и чарок, по шесть штук примерно сто- и двухсотграммовых. Как эти дозировки именовались по-старорусски, Секонд не помнил.

— Таким вот образом, парни, — сказал Воронцов, отпив треть чарки хереса, ароматного, выдержанного, не меньше чем двадцатиградусного. — Неплохо предки жили, согласны?

Близнецы дружно кивнули. Такое вино именно для хорошего, долгого разговора и предназначено и под определённую погоду, у горящего камина — здесь Дмитрий Сергеевич безусловно прав.

— Значит, сначала о Катранджи. Это у Сильвии экспромт — отменить его вояж за оружием в Югославию, или она с вами советовалась?

— Экспромт чистой воды. Она на совещании в присутствии Императора мне его как готовое решение выдала. Я возразить попробовал, хотя бы в чисто техническом смысле, но она сказала, что все оргвопросы берёт на себя... — ответил Секонд, поскольку операция с Ибрагимом проходила по его ведомству.

— Ну, если это пока не непонятный нам замысел, то просто ошибка. И не одна. Мы их вовремя и деликатно исправим. А в чём главная из них — догадались? Ну, вот ты, академик, — обратился он непосредственно к Ляхову-второму, — наверняка

ведь по военно-экономической статистике двенадцать баллов получил. Что скажешь?

Тот сосредоточился, даже по-школьному наморщил лоб. Воронцов дал ему явную подсказку, а он не мог сообразить, к чему именно она относится.

«Военная экономика, военная экономика... При чём она тут? Оружие ведь Катранджи получает за очень хорошие деньги, и не только деньгами будет расплачиваться. Самой России и Югории тем более оно практически ничего не стоит. За исключением *накладных расходов*. По любому параметру рентабельность — тысячи процентов. Где же тут подвох? А Фёст, кажется, уже догадался, вон, едва с языка рвущееся слово сдерживает... Ну, ему проще — они с Воронцовым *современники*. Наверняка прецедент вспомнил, какого и Сильвия не учла... Что же это у меня мысленный запор какой-то?»

— Ну ладно, хватит терзаться, — сжался Воронцов над полковником-генштабистом. — Не бери в голову, с такой проблемой вам действительно сталкиваться, может, и не приходилось. Ты просто вечером спроси у леди Спенсер, наедине и как бы между прочим — что она о ленд-лизе помнит и в чём там была главная проблема.

Секонд хлопнул себя ладонью по лбу от досады.

— Нет, ну действительно, как я не сообразил! При чём тут имперские склады, полные оружия? А как его транспортировать в условиях войны до нужного места?

— Вот именно. Мы хоть миллион стволов со складов в европейской России отпустим, а бойцы, их ждущие, от Касабланки до Калькутты сосредоточены, и все коммуникации под вражеским контролем. Значит, раз согласны, что ваш вариант неприемлем, для Ибрагима всё оставляем по-

прежнему, а транспортную проблему я беру на себя. Разберёмся — не впервой. Возражения есть? Возражений нет, — кивнул он, очень похоже симитировав красноармейца Сухова. — Переходим ко второму вопросу. Дело в том, что Дайяна произвела в своей школе досрочный выпуск. Как бы прапорщиков военного времени. А это значит, что в ближайшее время в ваше распоряжение могут быть представлены сотня с лишним специалистов обоёго пола известного вам уровня. Пока что они проходят заключительную шлифовку на «Валгалле». Какие соображения? В смысле — кто именно согласен взять их в своё подчинение? То есть — под какую реальность их затачивать?

После непродолжительных споров сошлись на том, что основная часть пополнения будет направлена всё же в распоряжение Секонда. У него есть уже действующая и хорошо отлаженная структура «Печенегов». Просто один нынешний девичий взвод в новую полноценную роту нужно будет развернуть. Целиком из «валькирий». Ротной хоть Вельяминову поставить, чин позволяет, личные качества — тем более. И все барышни её помнят, рады будут под началом воскресшей подружки служить. Немногочисленных парней сразу возьмёт себе Фёст, подготовить по собственной программе, оформив их пока как личных адъютантов. Многовато, конечно, по его должности, но вопросов задавать всё равно никто не осмелится, особенно если все разом свитой за ним ходить не будут.

— Да о чём тут говорить, всего семнадцать человек. Якобы прикомандированные с той стороны подпоручики, выпускники Тобольского или Уссурийского егерских училищ. Кому какое дело? Вы меня сегодня же на пароход отправьте, я сразу

и займусь, — загорелся он, получив возможность, в свою очередь, почувствовать себя на месте Шульгина, обрета внезапно столько «послушников».

— Свободно. Сегодня тут закончим, и после ужина пойдёшь. Вместе со мною. Раньше не стоит, иначе опять начнём путаться во временах, кто из нас сколько где пробыл и какая дата какой соответствует.

— Так есть же компьютер, чтобы за всем этим следить...

— Термометр тоже за температурой следит, однако, если от тифа помирать будешь, вряд ли поможет. Нам даже один лишний парадокс, и то много...

— А я? — спросил Секонд.

— А ты домой вернёшься и сколько потребуется, станешь и мои, и свои функции выполнять, — ответил Фёст. — Не впервой же. Да многого от тебя на моей стороне не потребуется, вовремя переодеваться, появляться, где надо, иногда для важности щёки надувать, как Кисе Воробьянинову. Не беспокойся, напрягаться не придётся, в любом случае Людмила с Яланской за тебя всё что нужно сделают и всё подскажут. В отличие от нас с тобой у них и память и исполнительность абсолютные.

— Ты же завтра хотел и вернуться, — забеспокоился Секонд, — а говоришь так, будто...

— Да я по тому же принципу: идёшь в лес на день — бери хлеба на неделю. Мало какие у них там сбои бывают, в эфирных-то мирах...

С Катранджи они встретились тоже втроём, по-скольку на каждом лежала своя часть задачи. Ибрагим, не обращая внимания на мундир — любой слуга может надеть костюм господина, — сразу почувствовал в Воронцове весьма значительное лицо,

как минимум не уступающее в статусе Чекменёву, а возможно, в чём-то его и превосходящее. Как прирождённый лидер и *владыка полумира*, образно выражаясь, он людей сопоставимого со своим круга чувствовал сразу. Отчего и не стал затевать никаких дипломатических и прочих игр, принятых в обществе стадных млекопитающих для выяснения, кто тут «альфа», кто «омега». Тем более рядом присутствовали оба полковника Ляхова, к наличию которых и их «взаимозаменяемости» турок давно привык, считая одним из «законов природы» сопряжённых миров. Однако при этом не удивлялся отсутствию собственного аналога. Понимая, что если бы таковой имелся, «эти гяуры» не преминули бы использовать и его в своих играх.

Сейчас они с Воронцовым просто познакомились, как новые деловые партнёры, и сразу же перешли к делу.

— Я бы хотел услышать, Иван Романович, как вы намерены распорядиться товаром, за которым направляетесь в столь дальнее и рискованное путешествие. Вроде нашего Афанасия Никитина, — спросил Дмитрий.

— Не совсем понял, — осторожно переспросил Катранджи. — Вы в качестве кого меня спрашиваете? Мы вроде как этот вопрос на всех уровнях согласовали.

— Поясняю: я в данном случае выступаю как специалист исключительно в своей, моряцко-торговой области. Кому раздавать стволы собираетесь и в кого из них стрелять — меня совершенно не интересует. А вот как вы намереваетесь доставить его «франко порт» или ещё куда-то?

— Я считал, что если я оплачиваю транспортировку до пунктов выгрузки, то остальное — не моя

забота. А сколько таких мест будет — я укажу несколько позже. На суть договорённости это ведь не влияет? — Только тут до него дошло, что собеседник одет в военно-морской адмиральский китель, не торгфлотовский. — Наверное, как раз вы станете обеспечивать перевозку?

Воронцов осуждающе посмотрел на Секонда.

— Вижу, вопрос совершенно не проработан. Вы, Иван Романович, за последнее время должны были понять, что не всё вокруг так просто. Насколько мне известно, никто из нас совсем не рассчитывал попасть вот сюда, — обвёл он рукой окружающий интерьер. — И тем не менее... Так что вопрос транспортировки становится важнейшим. Это же не просто из порта «А» в порт «Б» сто контейнеров дров переправить. Тут ведь и кроме госграниц, которые для вас, как я понимаю, никогда препятствием не были, другие границы имеются...

— Конкретнее можно, Дмитрий Сергеевич? — слегка раздражаясь, спросил Ибрагим, которому велеречивость, исходящая не от араба или старорежимного турка, резала слух.

— Можно. Я буду отвечать за доставку вашего груза к месту назначения, и говорить на эту тему вам следует только со мной. Остальным — кроме господ полковников, конечно, — это будет совсем неинтересно. Договорились?

Катранджи только кивнул, про себя соображая, что такое предупреждение и вообще такой поворот сюжета могут значить.

— Вы, Иван Романович, пожалуйста, очень тщательно подумайте, в каких пунктах лучше выгрузку организовать... Или нет, не так, — перебил сам себя Воронцов. — Вы вот лучше с Вадимом Петровичем на часок-другой уединитесь, возьмите

карту и определите, какие шверпункты¹ в будущей войне для нас могут стать особенно важны, с каких плацдармов желательно нанесение самых болезненных для Британии ударов и где одновременно вы можете обеспечить полную безопасность, тайну и быстроту операции. Вот тогда и я свои действия могу начать планировать. Очень может быть, для этого предварительно потребуется захватить ряд удобно расположенных портовых городов и взять под контроль пути сообщения. В общем, думайте...

Эти слова Воронцова привели Катранджи в некоторое замешательство. И совсем не тем вызванным, что какой-то незнакомец (Воронцов был ему, как положено, представлен, но как иначе назвать человека, вторгнувшегося в его жизнь только что и так внезапно, в сравнении с прочими его друзьями, партнёрами и бывшими врагами) указал ему на столь очевидные ошибки. Всерьёз его озаботило то, что он — опытейший во всякого рода опасных акциях человек — совершенно не задумался о вещах, на которые ему походя указал только что *вошедший в дело* человек. Это даже ошибками нельзя было назвать, просто какое-то помутнение рассудка, охватившее, нужно заметить, не его одного. Наверняка оно особым образом связано с прочими странными, непонятными и, прямо скажем, пугающими событиями, начавшими происходить в его жизни с незавидным постоянством. Тут же на ум пришли успокаивающие строки Хайяма:

¹ В данном случае «ш в е р п у н к т» подразумевает ключевую точку фронта, место наибольшего приложения сил наступающих и обороняющихся. Например, Верден, Сталинград, Эль-Аламейн, Гуадалканал.

Напрасно ты винишь в непостоянстве рок,
Что не в накладе ты, тебе и невдомёк.
Когда б он в милостях своих был постоянен
Ты очередей ждать своей до смерти б мог.

Вроде бы не совсем по сегодняшней теме, но достаточно глубоко и вполне заменяет какую-нибудь суру корана, который Ибрагим знал наизусть, но считал не священной книгой, а, скорее, сборником подходящих на все случаи жизни афоризмов. Тем более что любую суру ничего не стоило, при должной ловкости и гибкости ума, истолковать в каком угодно смысле.

Кого боги хотят наказать, лишают разума, говорили древние. В их случае — то ли боги, то ли иные неведомые силы задались целью всячески сбивать с истинного пути, самого разума вроде бы и не касаясь.

Куда бы он распорядился плыть, стоя на готовом к выходу в море пароходе, доверху забитом ящиками с оружием, уже выписав чек и вдруг сообразив, что не может поручиться за безопасность ни одного из доступных ему портов? Все они наводнены шпионами всех стран и народов, информация о скором прибытии «спецгруза» улетит мгновенно, это вам не Россия. У англичан хватит сил и возможности блокировать подходы и перехватывать транспорт в море. А также немцы или французы, в зависимости от того, к чьим зонам влияния та или иная территория относится. А разгружаться на неподготовленный берег — это, знаете ли, не тонну опиума или контрабандного золотого песка с моторной лодки скинуть.

А Чекменёв и Тарханов с Ляховым-вторым тоже ничего ему по этому поводу не сказали. Возможно, тоже думали, что «великий и ужасный Ибрагим»

всё знает сам и раз не касается этого немаловажного вопроса, значит, считает несвоевременным его поднимать.

Только внезапно появившийся адмирал неизвестного флота сразу вычленил суть.

Поэтому, оставшись вдвоём с царским флигель-адъютантом, Катранджи первым делом, ещё не приступая к «работе с картой», спросил у Вади-ма, можно ли отсюда наладить связь с этими вот местами по списку. И тут же начал выписывать нужные номера телефонов из своего карманного блокнота, хранившего столько драгоценнейшей, хорошо зашифрованной информации, что стоил много больше, чем жизни весьма многих лиц из его окружения. Почему и был снабжён хитрой системой самоуничтожения при «несанкционированном доступе».

Арчибалд, стоило только Секонду произнести его имя, появился на пороге меньше чем через минуту. Он стал таким предупредительным и безотказным слугой сразу, как только *дезактивировали* в нём личность господина Боулнойза. Появлявшийся сразу после вызова, причём, очень возможно, в нескольких местах одновременно, если сразу нескольким людям одновременно требовались вдруг его консультации или услуги. Ничего особенного, кстати. Если для Воронцова было Замком без проблем изготовлено нужное число биороботов, так для собственных нужд чего же стесняться?

Арчибалд умело изображал слугу староанглийского, если ещё конкретнее — викторианского стиля. Внешний аристократизм, превосходящий таковой у хозяев, полная невозмутимость независимо от окружающих обстоятельств, и одновременно

предупредительность и высокопрофессиональные навыки во всех областях лакейской профессии.

— Что угодно вашему высокоблагородию? — осведомился он, глядя на Секонда «без лести преданными» глазами. И не поймёшь, издевается робот или настолько вошёл в роль, и для него сейчас Ляхов — действительно заехавший с визитом флигель-адъютант иностранного монарха.

— Угодно организовать сеанс связи с реальностью-два. Там, где ты с «Хантер-клубом» работал. Это возможно?

— Будет исполнено. Должен предупредить, что режим видеоконференции обычным способом для той реальности недоступен. Там отсутствует единая мировая сеть и соответствующие персональные терминалы. По специальному каналу можно обеспечить выход на существующие дальновизорные приёмники...

— А по обычной телефонной?

— Никаких проблем. Прошу пройти в соседнее помещение...

Расположенная рядом комната выглядела так, что сразу было ясно — сделано на скорую руку, под конкретную задачу. Несколько даже демонстративно — обычный стол, даже не письменный, а скорее технический. Металлический каркас, столешница из гетинакса, как водится — с многочисленными следами от горячего паяльника, который второпях клали мимо подставки. На столе три разноцветных телефонных аппарата с дисковым набором, в стиле советских сороковых-пятидесятых годов, и зачем-то немецкий полевой, в потёртом кожаном футляре с плечевым ремнём.

Ближе к правому углу разместилась полевая рация, тоже немецкая, весьма архаичная даже на

взгляд Секонда. В его мире прогресс радиотехники ушёл намного дальше. Над передней панелью рации красовалась поцарапанная алюминиевая табличка с предупреждением: «Achtung! Faind hert mit!»¹.

Перед столом с одной стороны стояло деревянное полукресло с дерматиновыми вставками на сиденье и спинке, с другой — два обычных стула, из того же времени. В довершение возле телефонов обнаружилась круглая пепельница синего стекла, средних размеров линованный блокнот и простой карандаш.

— Забавляешься? — спросил Секонд Арчибада, кивнув на этот филиал Политехнического музея.

— Никак нет. Вы же не сказали, каким видом связи собираетесь пользоваться. Вот, на любой случай. А дизайн... Здесь когда-то господин Воронцов к работе в Отечественную войну готовился, с тех пор матрица и осталась. Сейчас просто активировалась. Желаете — переделаю.

— Интересно. Я и не знал, — заинтересованно огляделся Секонд. — Ладно, это совсем несущественно. Вот, Иван Романович, располагайтесь, звоните, куда вам нужно, а я пока выйду, чтобы вам не мешать.

— Просто звонить? — Катранджи опять выглядел слегка ошарашенным. Такие анахронизмы, даже чисто стилистические, способны выбивать из колеи самые закалённые натуры.

— Ну да. Набираете номер... Как здесь на «межгород» выходить? — спросил Секонд робота.

— Очень просто. Называйте в трубку страну и город, потом крутите диск. И всё...

¹ «Внимание! Враг подслушивает!» — стандартная надпись на всех военных телефонах и радиостанциях Германии.

— Хм! — Катранджи присел на кресло, достал из кармана пачку сигарет. — По любому аппарату можно?

— По любому, — ответил Арчибальд. — Только вы не уточнили, а в какое время звонить будете?

— В каком смысле?

— В самом прямом. Отсюда можно позвонить в любое время, где уже или ещё имеется телефонная связь...

Прозвучало это вполне буднично, но Ибрагим снова удивился.

— То есть как?

Арчибальд принялся объяснять и залез в такие дебри, что Катранджи махнул рукой, отчаявшись что-то понять. Как это можно — позвонить, скажем, самому себе в юности и сообщить что-то, в корне меняющее жизнь себя же? Оказывается, очень даже можно — назвать, допустим, выигрышный номер в американской национальной лотерее и на десять лет раньше получить свой первый миллион долларов. Можно-то можно, но тогда тот Ибрагим проживёт совершенно другой жизнью, что на положении нынешнего никак не отразится. Ведь на самом деле в его прошлом такого звонка не было? Вот и всё.

— Нет, мне нужно позвонить в тот день, который сейчас идёт на нашей Земле. В то число, месяц и год, когда мы отправились из Москвы в это «путешествие», — Катранджи постепенно обучался ставить правильно техническое задание.

— Звоните. Там сейчас пятое число. А час — в зависимости от пояса.

Оставшись один, Ибрагим, непонятно отчего волнуясь, набрал первый из нужных ему номеров. Ответил один из доверенных советников, которого

Катранджи в шутку иногда называл визирем. Поговорили как бы и ни о чём. Хозяин осведомился, какие новости из Лондона, как текущие события отразились на финансовых делах «корпорации», что сообщают резиденты из европейских столиц и из финансово-духовных центров *свободных*, не входящих в Периметр ТАОС государств и территорий. Приказал к завтрашнему дню составить подробный отчёт о настроениях лидеров крупнейших группировок, входящих в «чёрный интернационал», предпринимают ли они какие-нибудь действия, выходящие за пределы «дозволенных степеней свободы». Все необходимые инструкции он передаст в ближайшее время, а пока следует распорядиться, чтобы все военизированные структуры организации были приведены в состоянии «готовности второй степени». Выражаясь языком, принятым в российской армии, этим объявлялся «угрожаемый период». Следующая, первая степень означала уже «всеобщую мобилизацию» и фактически войну. А с кем — на то отдельный приказ поступит. С мотивацией «по обстановке» и исходя из того, какому именно из множества крыльев «интернационала» он будет адресован.

Возможность этого была чисто гипотетической, настоящую, тотальную войну с ТАОС всерьёз никто и никогда не рассматривал. Это означало бы что-то вроде сразу нескольких «всемирных джихадов», если использовать этот термин — «джихад» — крайне расширительно, отнюдь не только в мусульманском и богословском смысле. Подразумевая под ним неограниченную, не духовную, а самую настоящую, *горячую* войну «на земле, в небесах и на море» с «неверными», кто бы к этой категории ни был отнесён вождями «интернационала», то есть,

в конце концов, лично самим Катранджи. Для троцкистов это могли быть капиталисты и коммунисты других толков, для чёрных — белые, для уйгуров — китайцы, для «мировой деревни» — «мировой город», и вообще для «угнетённых» — все, кто живет не там, не так и хоть чуточку лучше.

«Визирь» был не слишком удивлён смыслом распоряжения, — эфенди виднее — локальные войны, стычки, грабительские набеги и тому подобное на Земле не прекращались никогда, как, допустим, пожары или дорожно-транспортные происшествия, и все причастные к «интернационалу» знали, что «поход к Последнему морю» когда-нибудь будет объявлен, как знают о *втором пришествии* все христиане.

Его удивило то, что Хозяин говорил так, будто сам находится в каком-то уединённом месте, без всякой связи с миром, и уже давно. Звучало в его голосе что-то такое, настораживающее. Он не постеснялся спросить об этом Ибрагима, вставив в тщательно сконструированный вопрос несколько проверочных слов, по которым можно было выяснить, не находится ли Катранджи в плену и не говорит ли по принуждению, и вообще — не имитирует ли его голос и манеру совсем другой человек. Но ответил Хозяин так, как и следовало, и сам, в свою очередь, перешёл на малоизвестный диалект курдского языка, которым они оба владели в совершенстве. Представить, что кто-нибудь другой (из тех, кто имел хотя бы теоретическую возможность подключиться к этой суперсекретной и весьма защищённой линии) владеет именно этим диалектом, Катранджи воображения не хватало.

— Не задавай мне лишних вопросов, Ансар. Если я что-то делаю, то знаю, зачем. Твоё дело ис-

полнять сказанное. Я сейчас далеко и вернусь, когда сочту нужным. Но к началу следующей недели люди должны быть готовы. Все принадлежащие мне корабли и самолёты, поезда и грузовики в любой точке наших земель должны быть готовы по первой команде отправиться, куда будет нужно. Там, там и там, — он назвал несколько приморских городов Северной Африки и Ближнего Востока, — пакгаузы и склады должны быть готовы принять по несколько сотен тонн генерального груза¹. Охрану обеспечить такую, будто это золото или... другой товар. В ближайшее время я передам более точные указания.

Второе. Поручи от моего имени председателям советов директоров всех наших компаний и трестов начать перевод деривативов в реальные ценности. Уплату всех долгов и процентов по ценным бумагам принимать только в золотой монете. Отгрузку продукции, за которую получена предоплата, — приостановить. Всем нашим банкам начать массовый сброс европейских и американских ценных бумаг, не считаясь с ценой. Одновременно скупать российские и латиноамериканские...

— Но, эфенди, мы же обрушим рынки...

— Не твоё дело. Впрочем, запомни — мне сейчас не нужна прибыль, мне нужна паника и хаос. Важно, чтобы мои враги потеряли больше, чем я. Ты хорошо понял, Ансар?

Третье... Впрочем, третьего не надо, делай то, что я уже сказал. Перезвоню завтра или на днях. Хорошо, чтобы у тебя было чем меня порадовать. И не забывай, я буду смотреть, как сторонний на-

¹ Генеральный груз — штучный груз, принимаемый к перевозке по счёту мест, в упаковке или без, в отличие от грузов насыпных, наливных и др.

блюдатель, умеете ли вы хорошо понимать и высказанное и невысказанное тоже.

После этого Катранджи сделал ещё несколько звонков, в разные страны и на разные континенты. Достаточно значимым фигурам, которые в той или иной мере различными способами контролировали положение дел в своих регионах.

Сейчас он совершенно не был похож на серьёзного, но вполне доступного, лишённого спеси человека, с которым почти каждый мог чувствовать себя на равных. Даже одесские бандиты с Молдаванки. В разговоре с людьми, занимавшими вершины властных или финансовых пирамид в своих сообществах он говорил, как Гитлер со своими генералами в острые моменты, — жёстко, безапелляционно, иногда вплотную приближаясь к границе прямых оскорблений, если собеседник реагировал на его слова не так, как, на его взгляд, следовало.

И имел на это право не только по собственному мнению, но и с точки зрения партнёров, вернее — клиентов. Каждый из них знал, что просто по собственному капризу Катранджи мог разорить любого, чужими руками посадить в тюрьму или сотворить что-нибудь неизмеримо худшее. Приказать убить — это само собой.

И только с последним в списке намеченных на сегодня собеседников Ибрагим собирался разговаривать как с равным. Примерно как с генералом Чекменёвым или самим императором Олегом.

Этот человек был, в своём роде, как бы аналогом Катранджи в «цивилизованном мире». Столь же полновластный, бесконтрольный и никому не известный. Он, конечно, существовал в мире и в обществе, но совершенно в другом качестве. Как и сам Катранджи — очень и очень богатый де-

ловой человек, с обширнейшими связями, но и не более.

Достаточно сказать, что лично Ибрагим встречался с ним лишь однажды, а все остальные годы время от времени говорил по телефону. В случае крайней необходимости, так как большинство вопросов решалось на несколько уровней ниже. Единственное, чему всегда удивлялся Катранджи, — у его партнёра не было совершенно никаких деловых интересов в России. Насколько он знал, а Ибрагим обычно знал всё, что его интересовало.

Даже телефонная связь было организована таким образом, что установить, где в данный момент находится абонент, было «аусгешлэссен»¹, вспомнил вдруг турок подходящее немецкое слово. Сигнал проходил через несколько коммутаторов, зашифровывался и перешифровывался так, что в конце концов просто бесследно исчезал среди миллионов ежесекундно пробегающих по проводам и эфиру сигналов. И несколько попыток весьма способных инженеров отследить эту связь закончились ничем. Точнее — печально для самих связистов.

— Добрый вечер, милая девушка, — сказал он поднявшей трубку обладательнице довольно мелодичного голоса, хотя по внешности она могла быть и отвратительного вида старухой. Катранджи несколько раз встречался с такими случаями. — Если вас не затруднит и мой друг на месте и ничем не занят, попросите его взять трубку. Кто спрашивает? Скажите — Левантиец. Просто левантиец, этого достаточно.

Он знал, что разговор уже записан и запись будет по другой линии передана неизвестно куда,

¹ Абсолютно невозможно (нем.).

а уже там адресат её прослушает и примет решение. Катранджи очень хотелось, чтобы это решение было правильным. Ибо если сейчас он не договорится с этим человеком, его продуманный план осложнится на порядок. Или его придётся просто выбросить в корзину. Вести войну на два фронта Ибрагим согласился бы только в самом крайнем случае. Даже при поддержке таких могущественных союзников, какие есть у него сейчас.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

...Неизвестно, в силу каких именно причин, может быть, естественных, а возможно, по прихоти кого-то из Игроков, и даже — при помощи коллективно сформированной всем наличным составом «Братства» мыслеформы, время в обеих реальностях ощутимо меняло свой ход. Судя по всему, это началось одновременно с началом «Креста». Примерно так же получилось и во время южноафриканской эпопеи¹ — там тоже происходили необъяснимые парадоксы, причём внутри одной реальности тысяча восемьсот девяносто девятого хода. Пока экспедиция Новикова — Шульгина бродила по вельду и общалась с дагонами и дуттурами, в остальной Южной Африке время несколькими скачками ушло вперёд больше чем на два месяца, и друзья пропустили фактически всю «англо-бурскую» войну. Зато увидели много другого и интересного.

Вот и сейчас в имперской России время вдруг пошло очевидно медленнее, чем «на этой стороне», что даже начало причинять некоторые неудобства при согласованиях совместных действий.

¹ См. «Ловите конский топот», «Скоро полночь».

Единственный специалист в этом вопросе (увы, не теоретик, а практик, изобретатель-одиночка и гений-самоучка, вроде каттнеровского Гэллегера¹ или того же Маштакова) Олег Левашов на заданный Фёстом после его возвращения с Таорэры на «Валгаллу» вопрос ответил только, что вряд ли стоило эксплуатировать мистический по большому счёту механизм столешниковской квартиры столь варварским образом. И к случаю привёл популярное в кругах старых членов «Братства» изречение иностранного мыслителя: «Не всё, что можно сделать безнаказанно, следует делать».

— Всё ж таки мы в своё время (он очень любил злоупотреблять этим выражением, как бы подчёркивая, что *теперешние времена* к «его» не относятся) пользовались кое-какими непонятными нам свойствами *континуума*, но не настолько варварски. А сейчас не квартира, а в буквальном смысле *проходной двор*. Караван-сарай какой-то. Не удивлюсь, если вы одновременно перемещались на встречу друг другу...

Фёст с покаянным видом развёл руками, мол, могло быть и такое, разве ж за всеми уследишь...

— Ну и чего тогда удивляетесь? — риторически осведомился Левашов. — И туннель при этом работает в три смены. Нет, мы всё же какую-то технику безопасности соблюдали. А вы дорвались, без примотра! Как ещё в самый мезозой не провалились. Открыл дверь — и прямо в болото с ракопауками...

Но тут же заявил, что всё может быть «совсем не от этого», конь о четырёх ногах и то спотыкает-

¹ Персонаж цикла рассказов Г. Каттнера, отличавшийся тем, что совершенно не понимал механизма действия своих гениальных изобретений, а иногда и причин, по которым они делались.

ся, и сдуру можно без последствий залезть на такую гору, где сгнуло уже несколько хорошо подготовленных групп «настоящих альпинистов».

— Дед Удолин без всякой аппаратуры с самых Средних веков по астралам шлялся, и до сих пор как огурчик, — сказал он несколько двусмысленно. — Я никак собраться не могу, а надо бы их с Маштаковым по-настоящему напрячь, институт им придать, чтоб разобрались, наконец...

— Да Маштаков давно уже в некоем подобии *хронофизической шарашки*¹ трудится, всё своё «боковое время» исследует и методику уверенного поиска межвременных каналов отрабатывает, — ответил Секонд. Виктор Вениаминович тоже проходил по его ведомству, хотя реально с ним чаще всего работал Максим Бубнов, медик со вторым мехматовским образованием.

Из имеющегося контингента вполне можно было создать весьма особое, нигде больше в мире не существующее научное военно-мистическое подразделение. Маштаков, Бубнов, Удолин — каждый сам по себе личность уникальная, да под общим руководством самого Левашова. А для технических надобностей несколько роботов придать с «дипломами» Бауманского училища, МИФИ и МФТИ². Да всё как-то руки не доходили.

¹ «Шарашка» — жаргонное наименование своеобразных «НИИ за колючей проволокой», где в сталинские времена специалисты всевозможных профилей вместо рытья каналов и шитья рукавиц занимались работой по специальности, иногда с большей эффективностью, чем на воле.

² МИФИ, МФТИ — Московские инженерно-физический и физико-технический институты. В советское время выпускали специалистов выше общемирового уровня, в т.ч. и американского. В имперской реальности аналогично занимают лидирующие позиции в странах ТАОС. МВТУ — Москов-

— Надо будет с вашим Чекменёвым поговорить, чтобы или охрану усилили, или вообще в Югороссию лабораторию перенесли, а то ведь если информация наружу просочится, всему вашему «Кресту» амбец. Вообще даже трудно представить, что случится, если американцы у себя подобные тоннели организуют... Тогда действительно к самым острым методам придётся переходить. А какой на сегодняшний день у вас разрыв с параллелью обозначился? — спросил Олег у Фёста.

— Да почти две недели, триста часов с минутами... Но не всё время, иногда выходит то чуть больше, то меньше...

— Не слабо. Можно бы сесть, посчитать, с учётом числа переходов туда и обратно, перемещаемых масс и так далее. Хотя — бессмысленно, — легкомысленно махнул Левашов рукой. — Если через уральский тоннель большегрузные поезда «зелёной улицей» идут, тысячи тонн инертной массы гоняем туда-сюда, что тут считать? Остаётся надеяться, что когда всё рушиться начнёт, успеем в Югороссию или аж в девяносто девятый сбежать. Помнишь, какую картиночку со сдвигом хронопластов Новикову показали?¹

— Как не помнить. — кивнул Секонд. — Только ведь он в тот раз, по-моему, как раз с Удолиным через астрал ходил, а не с вашим СПВ или через квартиру?

ское высшее техническое училище им. Баумана (в советское время), ныне — Государственный Технический университет — старейший многопрофильный технический вуз России (основан в 1830 г. как Императорское техническое училище, так называется и в описываемое время), все годы своего существования отличающийся исключительно высоким уровнем подготовки выпускников.

¹ См. «Хлопок одной ладонью».

— А вот это точно без разницы. Просто наглядная демонстрация... Но сейчас в чём проблема у вас?

— Да не в чём особенном. Просто страшно моментами делается. Шагаешь через порог на ту сторону и спина холодным потом покрывается... Куда нелёгкая вынесет, думаешь. — Фёст дёрнул щекой.

— У тебя покрывается или у всех? — с профессиональным интересом спросил Левашов.

— Только у меня, остальные, даже Секонд, не настолько в теме.

Брат-аналог на эти слова усмехнулся слегка пренебрежительно. Мол, я-то в теме, просто у тебя гайки легче отдаются...

— Ну, тогда с квартирой по возможности завызывайте. Начинайте ходить только поодиночке и в случае крайней необходимости. Другие же средства есть...

— Да я уже и не знаю, у нас сейчас всё вокруг этого завязано. Это как в разгар наступления штаб фронта современной связи лишить, перейти исключительно на почтовых голубей...

— Значит, и не жалуйтесь, если что. Семь бед, один ответ, как говорится, — слегка противореча самому себе, ответил Левашов. Фёсту вообще показалось, что эта проблема Олега не слишком волнует, его мысли были заняты чем-то другим.

Но формально категорического запрета на беспорядочные и, признаться, нередко не совсем мотивированные железной необходимостью перемещения между параллелями от авторитетного брата-магистра не последовало, и это Фёста в достаточной мере успокоило. Хотя звучало «разрешение» примерно как пресловутая фраза Аристарха

Платоновича из «Театрального романа»: «А впрочем, делайте что хотите».

Если бы вдруг, по-лермонтовски, хоть кто-то из участников всей этой истории «посмотрел с холодным вниманием вокруг», то не только спина бы холодным потом покрывалась, а все физиологические процессы свободно из-под контроля вышли. Потому что то, чем они занимались — это вроде как от скуки отвёрткой во взрывателе морской неконтактной мины ковыряться. Но потому, наверное, благополучно разрешались все возникающие коллизии, что каждый из наших героев, от Новикова с Шульгиным до родившегося веком позже Ростокина и полувеком раньше Басманова, в обывательском смысле *нормальными* людьми не являлись. И к жизни относились не совсем так, как «здравомыслящее большинство», а в соответствии с программным стихотворением Гумилёва. Старались походить на его героев, да нет, не старались, а просто от рождения и были такими: «Много их, сильных, злых и весёлых, убивавших слонов и людей, // Умиравших от жажды в пустыне, // Замерзавших на кромке вечного льда, // Верных нашей планете, // Сильной, весёлой и злой»¹.

Так что и от ковыряния во взрывателе может быть толк, если «Не бояться, не бояться и делать как надо». Иначе б по полям до сих пор валялись снаряды ещё Первой мировой: *здравомыслящие* ведь добровольно в сапёры не идут.

...Дел и вправду на отвыкшего от систематического ненормированного труда Фёста навалилось столько, что он впервые по-настоящему понял сво-

¹ Н. Гумилёв. «Мои читатели».

его отца, военного кораблестроителя, в советские ещё времена в авральный период сдачи очередного «Объекта» неделями не появлявшегося дома, спавшего и евшего где и как придётся, вечно жалевавшего, что в сутках не сорок часов.

И вот это обозначившееся нарушение синхронности и синфазности соседних миров было сейчас чрезвычайно на руку в политическом и техническом смыслах, пусть и доставляло множество мелких бытовых неприятностей. Но, разумеется, только тем, кто был занят в проекте *очень глубоко*. Остальные этих смещений просто не замечали. Какое, собственно, дело направляемому «в командировку для оказания братской помощи» офицеру или солдату, что у *соседей* слегка другой пояс, не часовой, а недельный или декадный. Даже удобнее — вернёшься домой, а командировочных набежало вчетверо больше, чем предполагалось.

Самое главное — *хронологический сбой* давал сейчас тот необходимый резерв времени, которого обычно всегда и всем не хватало (занимающимся реальным делом, понятно, а не бездельникам, мучительно избыток времени убивающим). Если по полученным от Арчибальда разведанным Англия планировала нанести первый (который в случае успеха мог оказаться последним и единственным) удар ровно через неделю, десятого сентября, то в запасе у Императорских армии и флота оказывались целых двадцать дополнительных дней, чтобы принять новое вооружение «на сопредельной стороне», в какой-то мере им овладеть, а главное, провести *боевое слаживание* с коллегами, живущими по другим уставам и воспитанными в совсем иной военной культуре.

А двадцать дней — это на самом деле очень много, если использовать каждую минуту с умом.

Но Фёст, человек своего времени, всё никак не мог *душой* принять факт, что девяностолетний, как ни крути, союз может быть так цинично разрушен внезапной, не мотивированной хоть каким-то поводом агрессией. Что самая цивилизованная (в глазах большинства либералов) держава может просто так, для собственного удовольствия нанести *обезоруживающие удары* по городам с миллионным мирным населением, в том числе и по Петрограду с его дворцами и музеями. Это так же нелепо, как вообразить, что русский флот из чистого интереса снёс бы с лица земли Венецию, например. Всё же в этом мире не было Гитлера, «сумасшедшего бухгалтера» Трумэна, даже своего Пол Пота.

Первой мировой войне, например, предшествовали очень долгие и сложные переговоры между будущими противниками, потом объявлялась мобилизация и только после этого — война. Англичане, очевидно, решили взять пример со своих давних *клиентов*¹, японцев. Но в далёком 1904 г. внезапное нападение на русский флот хотя бы не несло непосредственной угрозы гражданскому населению Порт-Артура и Владивостока.

Но раз так они решили, пусть будет: «Какою мерою меряете, такой и отмерится вам!» Очень удачно получилось, что для помощи новым союзникам требовались прежде всего войска и техника ПВО, а в Российской Федерации это — подразделения постоянной готовности, обученные действовать

¹ Клиент — в Древнем Риме отдельное лицо или целая община, отдававшаяся под покровительство *патрона*. В обмен на помощь и защиту клиент, отказавшись от *суверенитета*, нёс хозяйственные, военные и прочие повинности.

быстро, почти на пределе человеческих возможностей, и при этом успевать думать, в широком смысле этого слова. Вдобавок оснащённые оружием немыслимой в другом мире эффективности. Императору Олегу, кстати, понравился их девиз: «Сами не летаем и другим не дадим!» В его мире зенитчики до такого цинизма не додумались.

Ну а психотип командиров ПВО таков, что отчего-то почти каждый обладал определёнными педагогическими способностями. Не зря именно они всегда были в первых рядах направляемых на помощь «братьям по классу» все послевоенные годы — в Корею, Вьетнам, на Кубу, Ближний Восток и в Африку, где приходилось учить коллег (не всегда преодолевших рубеж первобытнообщинного строя) обращению с суперсовременной по тем временам техникой. Ну и самим принимать непосредственное участие, как без этого...

Так что ничего принципиально нового сейчас не происходило, психологических проблем при общении *федералов* и *имперцев* не возникало. Да и с *той стороны* приходили всё же не египетские феллахи и не вьетнамские крестьяне, а военнослужащие российской армии, с тем же языком и воинскими традициями, с общей до самого семнадцатого года историей, только не имеющие генетической, на уровне подсознания памяти о Великой Отечественной войне. А также и записанного в учебниках и наставлениях практического опыта всех случившихся за следующие семьдесят лет на Земле локальных войн и вооружённых конфликтов. Только во Вьетнаме советские ракетчики сбили больше двух с половиной тысяч американских самолётов, а сколько всего по всему миру?

В техническом, а главное — психологическом смысле мышление людей из имперской России пребывало где-то на уровне тридцатых-сороковых годов XX века *первой реальности*. Кое-какие изобретения и общий уровень научной мысли у них совпадали даже с шестидесятыми, но, как уже сказано — всё это при отсутствии стимулирующего воздействия почти целого века войн и политико-экономического противостояния двух систем. Но, ясное дело, непреодолимым барьером такой разрыв не являлся. Умеешь стрелять из архаичного «Дротика», слегка похожего на немецкий «Панцерфауст» — из «Иглы» за час научишься. Или вторым номером при ПТУРСе, который тоже сойдёт для стрельбы по медленным низколетящим самолётам английской гидроавиации.

Тем не менее несколько тысяч молодых офицеров и вольноопределяющихся¹ технических специальностей для освоения «новых образцов вооружения» были отобраны в рекордный срок и направлены в развёрнутый поблизости от входного (со стороны РФ) портала тоннеля учебно-тренировочный лагерь.

Больше всего он походил на расположение запасных полков времён Отечественной войны, где огромное число новопризванных и вернувшихся в строй после госпиталей бойцов в стахановском темпе осваивали новую технику впервые или переобучались. Только, в отличие от тогдашних вре-

¹ Вольноопределяющиеся — в российской армии категория военнослужащих, добровольно или по призыву проходящих службу после окончания полных средних или высших учебных заведений. Пользовались рядом льгот, в том числе и в выборе рода войск. Через год имели право сдать экзамен на первый офицерский чин.

мён, желания и способности людей по возможности учитывались. А не так, как в военной школе переводчиков — «На первый-второй рассчитайся! Первая шеренга будет изучать японский, вторая — китайский. На занятия — шагом марш!». И то за полгода обучали совершенно чуждым языкам до вполне приличного уровня.

На железнодорожные станции и полевые аэродромы в радиусе полусотни километров от порта непрерывно прибывали эшелоны и борты с зенитно-ракетными комплексами всех видов — всё, что удавалось собрать по складам, базам хранения, снять непосредственно с боевых дежурств и прямо с заводов, которые неожиданно заработали в три смены, порождая массу слухов среди местных жителей и давно натурализовавшихся и забывших за ненадобностью ремесло шпионов самых заholустных разведок. Везли тяжёлые артистемы полувековой и более давности, не успевшие пойти в металлолом, ящики и контейнеры «Игл» всех модификаций и ещё более интересных конструкций, по всеобщему разгильдяйству и пофигизму до сих пор не принятых на вооружение.

Эшелоны разгружались, техника своим ходом и местным транспортом доставлялась на специально отведённые места. И тут начиналось самое трудное. Некоторые подразделения прибывали в полном составе, и с ними особых хлопот не было. Они пополнялись боеприпасами и расходным имуществом, к ним прикреплялись «вторым штатом» имперские солдаты и офицеры, после чего получившие новые номера и наименования боевые единицы отправлялись на погрузку в уходящие на ту сторону поезда и автоколонны.

Сложнее было с формированием новых, за счёт вооружения с баз длительного хранения и резервного личного состава взводов, рот и батарей. Тут свеженазначенным командирам и представителям высших штабов приходилось довольно туго. Хорошо хоть командно-матерный язык в обеих армиях практически одинаков, за исключением несущественных, *диалектных* различий.

Фёст с изрядной долей удивления убеждался, что навыки и традиции русской армии отнюдь не потеряны за годы «развала и шатаний». Достаточно было чётко сформулированных приказов и грамотной «политико-воспитательной работы», чтобы военнослужащие *вспомнили*, как их деды и даже прадеды в такую вроде бы близкую, особенно с точки зрения Воронцова, Берестина и Левашова, войну за неделю умудрялись формировать с нуля вполне боеспособные дивизии. В том числе и ополченские. Начинать выпуск боевой техники на выгруженных в чистом поле заводах, не смущаясь отсутствием жилья и нечеловечески скудным питанием. Надо — значит надо. Не зря Высоцкий пел: «...Ведь у нас такой народ. Если Родина в опасности, значит — всем идти на фронт!»

Сейчас-то было не в пример легче. И хорошо оборудованные палатки имелись, в том числе и доставленные с той стороны, и с продовольствием никаких проблем. В императорской России его производилось столько, что многие соседи, и из ТАОС, и за Периметром, вообще отказались от собственного сельского хозяйства по причине бессмысленности и нерентабельности в сравнении с российским импортом.

А кроме всего прочего, *федералам* положили такой оклад содержания в самой твёрдой валюте —

русских червонцах и империалах¹, что от желающих служить и воевать хоть в Антарктиде, хоть в неведомой «параллельной реальности» отбою не было. Тем более что царская Россия всё же намного привлекательнее станции «Восход» с её «семьюдесятью двумя градусами ниже нуля»² или миротворчества в республике Чад. Те, кто побывал на *той стороне* тоннеля, рассказывали удивительные вещи, и число желавших послужить там, а то и перебраться на ПМЖ росло гораздо быстрее, чем количество мечтавших «свалить из Рашки» на обетованный запад. Бойцов и командиров фертильного³ возраста, пожалуй что, ещё больше окладов привлекала красота и высокие моральные качества тамошних девушек и женщин. И это неудивительно. Если даже здесь русские женщины считаются лучшими в мире, то каковы же они в стране, не знавшей ряда всевозможных геноцидов по классовому признаку (то есть уничтожения цвета нации), ужасных по потерям генофонда Гражданской и Отечественной войн, четырёх «волн эмиграций», голода, коллективизации и пришедшей из Европы «сексуальной революции»!

Фёст на пару с Секондом, направляемые и консультируемые Берестиным и Воронцовым, обеспечивали скоординированную деятельность массы

¹ Один империал (11,5 гр. практически чистого золота 96-й пробы) в описываемый период стоил на *этой* стороне примерно \$600, в зависимости от места и способа размена. Рядовой-контрактник получал их пять, лейтенант — двадцать, майор — тридцать.

² Название весьма популярной в СССР в 70-е годы книги В. Санина из жизни антарктических зимовщиков.

³ **Фертильность** — способность биологической особи к размножению (*лат.*).

военных, полицейских и административно-хозяйственных структур двух весьма разных по устройству и даже менталитету государственных механизмов. Очень плодотворной неожиданно оказалась идея возвращения к многократно охаянному пост-сталинской литературой институту военных комиссаров, в новом, естественно, преломлении.

По этой схеме каждый здешний ответственный чин получал такого вот «комиссара» (он же и «военпред») из числа наиболее подготовленных штаб-офицеров Императорской армии и Гвардии. В том числе почти все «пересветы» со своим уникальным образованием и нетривиальным мышлением оказались востребованы для отлаживания невиданного государственного гибрида. А достойные и заслуживающие полного доверия *федеральные* специалисты, в свою очередь, направлялись «советниками» и «обеспечивающими» на флоты и в округа Империи, получающие «новую технику» вместе с боевыми расчётами и младшими офицерами.

Так могло получиться в СССР, если бы В.И. Ленин отказался от своей идефикс о «полном сломе царской государственной машины», а начал бы полномасштабную конвергенцию царских, советских и чисто коммунистических структур. Вышло бы гораздо проще, бескровнее и эффективнее. Это как с НЭПом. Стоило огород городить, расстреливая людей за припрятанную золотую монету или провезённый в обход «продовольственной диктатуры» мешок муки, если всё равно в двадцать втором году пришлось вернуться к тому же смягчённому варианту капитализма, пусть и при «сохранении за ВКП (б) командных высот».

При нынешней схеме никакой эрфэшный чиновник или генерал даже помыслить не мог, чтобы

потребовать «откат» за отгружаемую технику или проделанную работу с радушного, безукоризненно вежливого полковника или надворного советника, осуществляющего «взаимодействие и контроль» от имени своего Императора. Кстати, ко всем сотрудникам МГБ, милиции, Особых отделов, участвующим в проекте, тоже были приставлены «для обмена опытом» коллеги из Отдельного корпуса жандармов, тархановского УОО¹ и недавно созданного специально к данному случаю, по инициативе (явно забавлявшегося) генерала Чекменёва «Приказа тайных дел» — специального ведомства по контролю за всеми службами и людьми, осуществлявшими «Мальтийский крест». Очень действенная методика для пресечения в корне любой коррупции и вообще «нерадения по службе». В сталинское время нечто подобное тоже практиковалось, но там выходило не слишком хорошо, люди-то все были *одного замеса*, члены одной партии и с одинаковыми, в принципе, жизненными установками. Сговариваться им для совместного нарушения «социалистической законности», «обмана партии» и «буржуазного перерождения» было не в пример легче.

Относительно моментов совпадения и несовпадения менталитетов у Фёста тоже накопилось много интересных наблюдений. Сам-то он всё время существования в двух реальностях общался по преимуществу с людьми *своего круга*, при этом либо приспособливаясь к мировосприятию своего аналога, либо прямо его дублируя. Его в этом смысле можно было сравнить с агентурным разведчиком, конгруэнтным, можно сказать, стране пребывания и среде обитания.

¹ Управление Особых операций.

А теперь на достаточно ограниченной территории встретились самые обыкновенные люди двух разных России, и эффект был почти тот же, что при встрече советских колхозников и американских фермеров в годы первой, хрущёвской «разрядки» на базе совместного увлечения кукурузоводством. Или, что соразмерно, можно вспомнить знаменитую «встречу на Эльбе» наших бойцов с американскими же. Вся разница — язык в лагере под Екатеринбургом использовался общий, а в остальном взаимное недопонимание (но и радость одновременно) было похоже.

Солдаты и офицеры с той и другой стороны прошли инструктаж гораздо более тщательный, чем перед отправкой наших военнослужащих в Афганистан или на Кубу. На Кубу в шестьдесят первом году вообще посылали так, что не только солдаты, а даже и офицеры узнавали, куда и зачем их везут, лишь на середине Атлантики или сходя на бетонку военного аэродрома в каком-нибудь Сьенфуэгосе. *Здесь* замполиты (то есть замы по воспитательной работе) и *там* командиры подразделений получили на руки написанную для своих Фёстом, для своих — Секондом (других специалистов, отчётливо понимающих, что именно требуется, не нашлось) и распечатанную массовым тиражом агитационно-справочную брошюру об истории, государственном устройстве, нравах, обычаях, форме одежды, знаках различия и наградах «товарищей по оружию». С приложением «словарика наиболее употребляемых терминов», для каждой из сторон своего¹.

¹ Подобные брошюры карманного формата (но всё равно «ДСП» («для служебного пользования»), так обозначались документы, не секретные, но нежелательные для чтения «непосвящёнными») выпускались в СССР в 1944—1945 гг., когда Крас-

А недоразумений возникало множество, и серьёзных, и пустяковых на первый взгляд. Очень, например, удивляло *федералов* отношение в братской армии к табаку и алкоголю. Они там, «по дремучести своей и политической отсталости», не пережили бесконечных кампаний по борьбе с тем и другим, каждая из которых лишь ухудшала ситуацию. В империи, напротив, считали, что пагубны только излишества и злоупотребления, а в разумных пределах и то и другое скорее полезно, и тщательно воспитывали именно *культуру потребления*. В конце-то концов — каждый ведь сам отвечает за себя и за порученное дело, вот пусть и *сообразовывается*.

Офицеров РФ веселили (и слегка раздражали) такие, например, строчки из доныне действующего Указа Николая Второго, данного в далёком 1896 году: «Господам офицерам в Собрании разрешается требовать крепкие напитки лишь к обеду и к ужину, причём употребление оных недопустимо в присутствии нижних чинов, хотя бы и служащих»¹. Хотя самим «нижним чинам» казённая чарка выдавалась: в сухопутных частях раз в день по сто грамм, на флоте — два, в обед восемьдесят, в ужин семьдесят. Сохранялось также командирское поощрение чаркой бойцов «за успехи в боевой и политической подготовке».

В увольнениях посещение «нижними чинами» трактиров и иных распивочных заведений допускалось, но опять же «в меру»².

ная армия перешла госграницу, а бывшие враги (вроде румын и болгар) вдруг превратились в союзников. Впрочем, «ДСП» обозначались даже словарики воровского и тюремного жаргонов, издаваемые МВД вплоть до конца Советской власти.

¹ Текст подлинный.

² При всём этом среднестатистическое потребление крепкого алкоголя (без учёта виноградного вина для южных областей)

Табачное довольствие рядовым и унтерам тоже полагалось в натуральном виде, по двадцать папирос или 50 грамм резаного табака ежедневно, но непьющие и некурящие могли получать свою норму деньгами, и к демобилизации (если характера хватало) набегали весьма приличные суммы¹.

Вот и причина для конфликта — «почему им можно, а нам нельзя?», и никакие доводы командиров не действовали, поскольку бравый, подтянутый и весьма здоровый вид имперских солдат сводил к нулям всю основанную на сомнительных теоретических выкладках пропаганду. Да и дисциплина в *той* армии была куда крепче, и «дедовщина» отсутствовала в принципе, потому что сверхсрочные унтер-офицеры и взводные фельдфебели присутствовали в расположении круглосуточно, имея оклад денежного содержания выше, чем у подпоручиков и поручиков, за счёт выслуги и всяческих доплат. Но и солдаты там, нужно отметить, все три года не имели свободной минуты на всякие глупости, а главное — призывались не в восемнадцать, а в двадцать один год. А это большая разница.

Но всё это, в общем, мелочи, на фоне напряжённой, почти круглосуточной боевой подготовки. Фёст и приданные ему строевые, а не паркетные генералы от артиллерии, ПВО, ВВС и Ракетно-Космических сил плюс целый вице-адмирал, возгла-

в Империи было примерно вчетверо ниже, чем в РФ. Самыми пьющими в Империи считались Прибалтийские губернии и Привислянский край.

¹ Одна «казённая порция хлебного вина» стоила 10 коп. При трёх годах службы в армии и пяти на флоте выходит от двухсот до шестисот рублей — годовой заработок неквалифицированного рабочего. А в селе — сразу десяток коров или сотня овец. Ушёл служить из батраков — вернулся хозяином. Стимул, однако.

вившие «объединённый штаб» из десятка «двух-просветных» офицеров, поставили себе целью отправить к месту назначения полностью боеготовые подразделения, чтобы прямо с колёс — и в бой. И отправляли каждое немедленно, в соответствии с проработанным генштабистами-«пересветами» мобилизационным планом прикрытия угрожаемых районов. Благодаря Арчибальду и собственной разведке все они были хорошо известны.

К исходу десятых суток аврал почти закончился. В параллельную Россию ушли пятьдесят с лишним зенитно-ракетных батарей, оснащённых всем необходимым для «однодневной войны». Из их названий можно было составлять детские буквы — в названиях были использованы, кажется, все буквы русского алфавита, от А и Б — «Антей», «Бук» до Я — «Янтарь», «Яхонт». В названиях «изделий» фантазия конструкторов и заказчиков тоже не имела предела, в ход шли термины метеорологии, географии, ботаники, фортификации, фехтования и так далее и тому подобное. К ним добавилось около сотни установок морского базирования с соответствующими именами и столько же батарей ствольной зенитной артиллерии, калибрами от восьмидесяти пяти миллиметров.

Вся эта ударная мощь, предназначенная для решения не предусмотренной курсом военных академий задачи — «стратегическая внезапность обороны», уже однажды использованной Берестинным в альтернативном сорок первом году, по расчётам, должна была на первом этапе операции уничтожить девяносто процентов британской авиации, а на втором — довершить разгром нанесением ракетных ударов по военно-морским базам «владычицы морей». После чего, угрожая полным унич-

тожением Лондона и иных, дорогих английскому сердцу и карману объектов, предложить мирные переговоры на условиях не столь жёстких, как давний Версальский, но ставящих крест на «британском величии».

Конечно, можно сказать, что ради этой цели собственная ПВО Российской Федерации раздёргана и почти небоеспособна, за исключением авиации, но Мятлев с Берестиным и Сильвией убедили Президента, что государству в ближайшие месяцы массированная воздушная агрессия не угрожает. Зато, отразив нападение Британии, вся техника и люди быстро вернутся обратно с бесценным боевым опытом. А император Олег в долгу не останется, и Россия получит то, что ей сейчас нужнее всего, — неограниченную ресурсную базу, рынки сбыта, не имеющие аналогов (не только Империю, но и весь тамошний мир, отставший больше чем на полстолетия), а главное — многомиллионную сухопутную армию (а не жалкие украинские, молдавские и латвийские батальоны и роты, что американцы выпрашивают у вассалов для своей иранской операции), способную предостеречь от необдуманных действий хоть США, хоть Китай, и к тому же весьма полезную при решении стоящих на очереди геополитических проблем.

А уже в самом крайнем случае в нашем распоряжении есть *окончательные* доводы, способные предостеречь господину Ойяму от опрометчивых действий.

— Тогда почему вы не используете эти доводы для перевоспитания короля Георга? — спросил Президент.

— Да оттого, Георгий Адрианович, — ответила ему Сильвия, — что Император не желает больше

иметь рядом с собой таких соседей. Натерпелись, говорит, со времён Ивана Грозного. Теперь я сделаю с Британской Империей то, что у вас случилось с Австро-Венгрией. Собственно, Англия, лишённая Шотландии, Ирландии, всех доминионов и зависимых территорий, будет представлять не больше опасности, чем для вашей России — нынешняя Австрия или Словакия...

— Жестоко, — потёр пальцами висок Президент. — Сколько людей погибнет только из-за того, что Олег так непреклонен.

— А вы почитайте тамошние свежие британские газеты, Георгий Адрианович, возможно, и измените свою «гуманистическую» позицию. Помните, как в Библии — «Если найду в этом городе пятьдесят праведников, я пощажу место сие». Это о Содоме и Гоморре. Так там даже десяти праведников не нашлось. Вот и вы, как Господь Бог, попробуйте найти в английской прессе десять статей против войны и в поддержку России...

— Вы всё же проводите грань между ангажированной прессой и простым народом, которому придётся умирать из-за конфликта между политиками.

«Нет, этот человек неисправим, — подумал Берестин. — Он из тех, что готовы оправдывать даже ограбивших его в тёмном переулке гоп-стопников. «А не надо было мне так вызывающе одеваться...»

— Как только овладею творческим наследием Льва Толстого, немедленно этим и займусь, — дерзко ответил он. — А на наших с вами должностях непротивленчество категорически противопоказано. Вы почаще вспоминайте, что думали и чувствовали, когда наши ребята и девушки вас на даче защищали. Вот Олег и не хочет, чтобы подобные коллизии для России повторялись

Президент поджал губы и отвернулся к окну, открытому в тихий зелёный сквер, отделённый от остальной территории Кремля ажурной чугунной оградой в два человеческих роста.

«Бестактный солдафон. — Президент даже в уме не умел выражаться более конкретно и энергично, только книжными словами. — Как только представится возможность, нужно будет срочно избавляться от вашей компании». Но как бы это могло выглядеть на практике, он пока не представлял даже в первом приближении.

Берестин, похоже, угадал его мысли и едва заметно скривил губы в презрительной усмешке.

«Такой же типаж, как Каверзнев у Олега. Но тот хоть вовремя сообразил, что *не тянет*, и ушёл на безвредную для страны должность».

Президент взял себя в руки, что для него было нетрудно, так как *всерьёз* обижаться он тоже не умел. Чем очень походил на Николая Второго. Тот никогда не реагировал бурно и мгновенно, как его августейший родитель, но, выражаясь словами Зоценко — «некоторое хамство затаивал» и в момент, который считал подходящим, непременно его реализовывал. В другой ситуации Берестину недолго бы числиться в заместителях Председателя Ставки, а то и вообще на военной службе. Но сейчас Президент не только был не властен над самоуверенным «царским» генералом, но и сам находился в полной от него зависимости.

— Хорошо, — прервал свою начальственную паузу Президент, — что там у нас вообще получается? Вы действительно считаете, что здесь мы от вооружённого вмешательства в наши дела Америки полностью избавлены?

— Так точно, — прищёлкнул каблуками Мятлев, непривычно выглядевший в новенькой полевой форме, не камуфлированной, а однотонной, цвета «светлое хаки», причём дополненной имперского образца «адриановской» двойной портупеей и тамошним же пистолётом Воеводина в блестящей вишнёвой кобуре. Ему вообще больше нравился мундир Берестина с нашивками ВСЮР. Зеленовато-песочный китель, синие бриджи, надраенные шевровые сапоги с чуть присборенными голенищами. И правильно. Хорошие сапоги не в пример представительнее ботинок, не зря президентский полк именно их до сих пор носит, единственный во всей армии. Форменные же брюки на выпуск для строя Леонид Ефимович с детства считал *порнографией*.

Нет более отвратного для военного человека зрелища, чем парад в подобном облачении. И сейчас он решил, что, когда всё образуется, непременно вернёт в армию «нормальную» форму, оставив камуфляж исключительно для полевых учений и реальной войны. И только тем, кому положено, запретив его использование любыми нестроевыми службами и ведомствами. А то вспомнился Мятлеву когда-то давно прочитанный фельетон из журнала «Новый сатирикон» за тысяча девятьсот шестнадцатый год под названием «Люди ратные»¹, где анонимный автор издевался над охватившей Россию в Первую мировую войну повальной модой на военизированные одежды и атрибуты.

— Избавлены полностью. И не только по причине, что ваш друг Мишель просто слаб в коленках для масштабной войны с нами, а и потому, что,

¹ См. академический сборник «Русская сатира», М. Гихл. 1960 г.

как объяснил мне компетентный товарищ из наших друзей, не только будущее отбрасывает тень в прошлое, но и параллель в параллель. Если там Россия начнёт громить Англию, а САСШ сохранят к нам благожелательный нейтралитет, то и здесь исторический *ингибитор* сработает...

«Нахватался и этот, — вновь приходя в раздражение, подумал Президент. — Правильно писал Макиавелли — избавляйся не только от врагов, но и от друзей, что видели тебя в минуту слабости. Когда всё образуется, проще всего будет с Олегом напрямую договариваться. Поверх этих... Прочих».

Но ответил ровно, даже с улыбкой:

— Вы уж меня избавьте, я в этих делах ничего не понимаю, да, признаться, и не стремлюсь. Достаточно, что ты, Леонид, похоже, разобрался... — и бросил короткий колющий взгляд, направленный в Мятлева, но перехваченный и правильно понятый Алексеем и Сильвией. — Меня более приземлённые вещи интересуют. Какие вообще Англия имеет основания и шансы затевать полномасштабную войну с хотя бы и той Россией? Соотношения численности войск, населения, промышленных потенциалов, техническое оснащение и прочее — далеко не в их пользу. Как можно на что-то рассчитывать? Не совсем понимаю...

«Нет, ну совсем уже! — с трудом удержался от внешней реакции Мятлев. — Хотя бы «Записку», что ему Фёст подготовил, внимательно прочёл...»

— Видите ли, Георгий Адрианович, вы всё-таки не военный человек, хоть и Верховный, да и историю войн на вашем юрфаке не очень тщательно преподавали, — старательно демонстрируя приобретённую в викторианской Англии *политкорректность*, отвечал Берестин. — Это ведь очень

разные вещи — теоретические военные потенциалы и практические расклады, если можно так выразиться. На обывательский взгляд и у Японии в четвёртом году против России шансов не было, Финляндии совсем не имело смысла СССР в 1939 г. дразнить и в войну ввязываться. Согласны? А если взять «шестидневную войну» 1967 года...

— Ну, здесь я кое-что знаю. Финляндия явно рассчитывала на помощь Запада. И Германии, и, что достаточно непривычно многим слышать — Англии с Францией, а возможно, и США. При таком раскладе, опираясь на линию Маннергейма и учитывая время года...

— Понимаю, вы считаете, что и Израиль на поддержку Запада в 67-м рассчитывал. Это отнюдь не так. Запад скорее готовился немедленно прекратить эту войну, как в пятьдесят шестом, не позволив ни одной из сторон воспользоваться её плодами. Тогда СССР и США были едины в этом вопросе. Самое же главное, накануне пятого июня¹ ни арабы, ни даже СССР не предполагали такого сокрушительного качественного еврейского перевеса в людском потенциале при подавляющем количественном превосходстве арабской коалиции. Больше ста миллионов арабов против неполных четырёх — евреев. В их победу не верил никто, кроме самого Моше Даяна и близких к нему генералов.

А параллельные англичане, как вам кажется, должны бы понимать реальные возможности рос-

¹ Так называемая «Шестидневная война» началась 05.06.67 в 7.00 первым, но в данном случае действительно превентивным ударом Израиля по аэродромам и изготовившимся к «блицкригу» войскам «арабской коалиции» во главе с Египтом.

сийской армии и её мобилизационный потенциал. Вас подсознательно гипнотизирует опыт Отечественной войны, да и нынешнее реальное положение бывшей Британской Империи. Вы уверены, что англичане, нынешние, вообще ни на какую серьёзную войну не способны. Кроме Фолклендской¹. Да ведь и вправду, вся нынешняя геополитика исходит из американской военной мощи, а всё прочее НАТО — так, единство цивилизованного мира символизируют, посылая по батальону то в Ирак, то в Афган. Вы считаете ту и эту Великобританию аналогами, за небольшими отличиями. Я верно рассуждаю?

Президент, ожидая какого-то подвоха со стороны «героя двух войн», кивнул, тем не менее. Пока Алексей всё правильно сказал.

— Но здесь-то мы имеем совсем другую ситуацию. И геополитическую и психологическую. Великобритания остаётся одной из сильнейших держав бывшего ТАОС, имеет крупнейший в мире флот, серьёзную авиацию, отнюдь не подорванный событиями нашей с вами истории боевой дух. Плюс весьма приличную «дезинтегрированную территорию», считая Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Рассчитывает на пресловутую «атлантическую солидарность», то есть вначале благожелательный нейтралитет европейских стран и САСШ, а там, глядишь, по мере развития событий в «нужную сторону», и их прямую военную поддержку. Плюс — вовлечение в массированную партизанскую войну против нас пресловутого «Чёрного интернационала», организация скоординированной

¹ В 1982 г. Великобритания (при премьер-министре М. Тэтчер) нанесла поражение Аргентине в ходе конфликта за Фолклендские (Мальвинские) острова.

серии мятежей от Гельсингфорса до Кушки. Не совсем безосновательные надежды, я вам доложу.

И самое главное — в их глазах Россия ведь не СССР — победитель в Мировой и нескольких локальных войнах, обладатель до сих пор сокрушительной ядерной мощи. Здешняя Россия для них достаточно рыхлое государственное образование, только-только начавшее консолидироваться в виде новой Империи, пока что — банальная парламентская республика, ещё не избавившаяся от всех присущих ей недостатков. О настоящей национальной консолидации, как в СССР при Сталине перед «той войной», по их мнению, речи тоже пока не идёт. Да они и не верят в подобную «химеру». По их мнению, военные поражения ведут не к консолидации, а к распаду и краху. Как Австро-Венгрии. Все умные люди, генералы и лорды Адмиралтейства знают, что русская армия количественно довольно большая, но ведь всем понятно, что четыре миллиона, рассредоточенные по почти что одной пятой земной суши — на самом деле очень и очень мало.

Технический уровень авиации у нас сопоставим, российский флот неплох, но тоже рассеян по пяти не связанным друг с другом ТВД, а действительно боеспособных частей — четыре гвардейские дивизии да Экспедиционный корпус, занятый миротворческими и просто полицейскими функциями во множестве точек от Владивостока до Эрзерума, в Месопотамии и Северной Африке. Фактически (по их расчётам) Россия в ненамного лучшем положении, чем перед Крымской войной.

В Первой, по-здешнему единственной Мировой войне русская армия, с их точки зрения, воевала без особого блеска, при том, что по мобилизации

составила почти 12 млн человек. Воевала на четырёх сухопутных театрах, кроме Брусиловского прорыва ничем не отличилась. На море — и говорить не о чем. Минные постановки и две стычки с «Гебеном» — всё, пожалуй. Одним словом — тот самый «паровой каток», причём весьма тихоходный и плохо управляемый. Думаете, в представлении англичан за девяносто лет что-то изменилось? Едва ли. Это ведь по большому счёту довольно тупая нация, лишённая *настоящего* воображения. Бухгалтерский расчёт, и только. Вот они и лезут. Вы с их стратегическим планом ознакомились?

— В самых общих чертах, мне и собственных забот хватает, — ответил Президент. — Надеюсь на вас и Императорский Генштаб, — позволил он себе усмехнуться.

— И правильно делаете. К чему *умножать сущности*? На днях у вас здесь тоже очень интересно станет. А англичане *там* повторяют вековую ошибку всех прошлых «завоевателей России», включая и Гитлера. То есть судят по себе. Наполеон разве неправильно рассуждал? Он уничтожает в приграничных боях кадровую русскую армию и берёт столицу. В стране, естественно, паника, разброд и шатания. Он делает царю вполне нормальное с европейской точки зрения мирное предложение. Что остаётся Александру? Сколько-то поторговаться ради приличия и мир принять, причём достаточно пристойный. Немцы и на худший согласились.

Гитлер мыслил по той же схеме: приграничный разгром, взятие Москвы, выход на линию Архангельск — Астрахань и Батуми — Баку. После сдачи Парижа Франция ведь не дёргалась, согласилась продолжить «независимое существование»

на оставшейся половине со столицей в Виши. Вот и Сталин подпишет нечто аналогичное, ограничится властью над азиатской Россией, со столицей в Новосибирске, к примеру. Докуда сумеют дойти при этом раскладе японцы — их дело.

Так же сейчас и Англия. Никаких сухопутных побоищ они не планируют. Регулярные точечные удары флота по основным *нашим* базам, воздушные бомбардировки, морская и континентальная блокада. Прекращение всяких экономических связей России и Европы. Дипломатическое давление. Да вдобавок и козырь в рукаве, твёрдо обещанный Арчибальдом, — активизация «Чёрного интернационала» по всем внутренним фронтам и ближнему зарубежью. А по его мнению, Катранджи способен натравить на Россию более миллиона вполне подготовленных к партизанской войне на уничтожение террористов.

В течение первых же месяцев России станет настолько плохо, что она и сама запросит «Портсмутского мира»¹. Был ведь прецедент! А уж если удастся склонить на свою сторону САСШ, предложив им для начала Чукотку с Камчаткой, плюс, допустим, право «фри трейд»² на всём Дальнем Вос-

¹ Мир, заключённый Россией и Японией в Портсмуте (США), под американским «патронажем» и сильным дипломатическим нажимом, подкреплённым «первой русской революцией». Россия фактически выигрывала войну, несмотря на потерю флота в Порт-Артуре и при Цусиме, но вынуждена была принять условия «прогрессивного человечества». Как и на Берлинском конгрессе 1878 г.

² «Фри трейд» — один из краеугольных камней британской схемы завоевания мирового господства, подразумевающий исключительное право более сильных держав на беспощадную и безналоговую торговлю на колонизируемых территориях. Теория является выражением крайнего

токе, — чего ещё желать? Очень легко низвести Россию до положения тамошнего Китая и на ближайшую сотню лет обеспечить себе спокойное существование.

— А за эти сто лет неторопливо подчинить себе всю российскую экономику, политику и культуру, — добавил Мятлев, пока что внимательно слушавший Берестина. — У нас это уже началось в девяностом и на днях должно было перейти в заключающую фазу. Я ещё выясню, кого они планировали в твои преемники и кто из Думы готов был проголосовать за превращение России в парламентскую конфедерацию... — в голосе его прозвучали нотки, весьма далёкие от «истинно христианских».

Президента что-то несильно кольнуло в сердце. Он понимал, о чём говорит старый друг, но вся натура, сформированная в *высокоинтеллектуальных* кругах, протестовала. Если бы его не решили убить, а «поговорили по-хорошему», возможно, сегодня всё было бы иначе. Логичнее и, наверное, правильнее. Сами по себе «европейские ценности» милее его сердцу, чем грубая *имперскость* Александра Третьего, Сталина и Олега Первого. А теперь и друг Леонид туда же! Едва ли они срабатываются.

— Совершенно верно, — поддержал Леонида Берестин.

Всё это время Сильвия сидела, закинув ногу за ногу своим десятилетиями отработанным способом и отстранённо курила длинную и тёмную пахитоску, лишь иногда вскидывая на Президента взгляд, от которого у него возникали совершенно проти-

воположные эмоции — восхищение и страх. Впрочем, царица Тамара вызывала у современников подобные же чувства. Те, у кого вождение перевешивало, жили только до следующего рассвета.

— Арчибалд им как раз это и обещал: ликвидация самодержавия, каковое есть абсолютный нонсенс в двадцать первом веке, восстановление самой что ни на есть либеральной демократии, правительство из стопроцентных англофилов, и в итоге вместо Российской империи получается нормальный такой доминион... А ещё точнее — десяток доминионов, выкроенных из половины нынешней территории. Остальное разойдётся на псевдогосударства вроде Литвы, Великой Эстляндии, Бухарского эмирата какого-нибудь...

— Странно всё это слышать, — пожал плечами Президент. — Адекватные ведь в большинстве своём люди...

— Напрасно вы так считаете. Во-первых, адекватности в них не больше, чем в имаме Шамиле, который провоевал с Россией тридцать лет и только по дороге в плен, в Калугу, где-то после Ростова прозрел: «Если бы я знал, что Россия такая большая, я никогда бы не стал с ней воевать». А во-вторых — не вмешайся мы, не выведи из строя Арчибалда и не организуй наш союз с Олегом, могло бы у них что-то и получиться. Война бы, конечно, затянулась очень и очень надолго, но если царя (как Павла Первого) ликвидировать, американцев припрячь, да и техникой помочь, осталось бы от матушки-России что-то вроде Великого княжества Ивана Третьего...

— Да, интересно у вас получается, — со странной интонацией начал Президент, но Берестин довольно невежливо его перебил:

— Только не говорите, что нас это не касается и дай нам бог со своими делами управиться. Очень даже касается. Без помощи Олега вам из нынешней ситуации не выпутаться, а если б даже и сумели, вслед за той Россией вплотную бы занялись этой, с вами, без вас — несущественно. Мало вам Горбачёва с Ельциным? Они войны не проигрывали, но раздали даром то, за что можно было бы лет сто безбедно жить, даже нефтью не торгуя. А идеи якобы *олбрайтовской* «интернационализации российских ресурсов и территорий» никто не отменял.

Удайся им вчерашний мятеж, вместо вас занял бы Кремль «истинный либерал» — хоть неудачник-шахматист, хоть любой из лидеров «Демократического выбора», и через три года наша с вами Держава превратилась бы в аналог Сербии, а скорее — Грузии. Без всякой войны, абсолютно мирным и законным путём. Глядишь, и в Совет Европы бы приняли, каждую из полусотни «русских республик» поодиночке, и в НАТО, оставив русской армии несколько «потешных полков» и лёгкое стрелковое оружие, как немецкому рейхсверу в тысяча девятьсот девятнадцатом. Только *своего* Гитлера нам пришлось бы подольше ждать, времена не те... И исторический опыт, он не только у нас имеется...

— Интересный всё же человек ваш Президент, — сказал Берестин Мятлеву, когда они вышли на затенённую высокими елями кремлёвскую аллею. — Это, наверное, про него русская присказка: «На колу мочало, начинай сначала». Я думал, ребята ему всё крайне доходчиво изложили, да и вы тоже. Особенно после всего с ним случившегося. Олегу Константиновичу одного покушения и нападения на Берендеевку хватило, чтобы от всякого *прекрас-*

ногушия избавиться. А ведь тоже поначалу сильно не хотел самодержавие восстанавливать. А ваш прямо как гимназистка, свято верящая, что пятимесячная беременность ещё может как-то «рассосаться».

— Вы гимназистку в пример привели, потому что долго в реликтовой Югории прожили? У нас девушки сравнимого возраста в основы акушерства и гинекологии не хуже студентов-медиков посвящены...

— Может, и поэтому. Просто наивность вполне взрослого человека поражает...

Берестин общался с Президентом гораздо меньше Фёста и даже Сильвии, и ему действительно казалась странной *смирность*, чтобы не сказать резче, главы государства и Верховного главнокомандующего.

Советских вождей (за исключением Сталина, с которым близко общался почти полгода) он помнил только по кинохроникам и газетным полосам со статьями и докладами. Но те если и отличались собственными странностями, то как раз в противоположную сторону. Всё время ждали от западных руководителей всяких пакостей и непрерывно готовили страну к вражеской агрессии со всех азимутов сразу. Но то было понятно и объяснимо, что и подтвердилось последующими событиями. Как говорил товарищ Сталин: «Слабых бьют». А посмотреть на Президента — его и в школе должны были бить постоянно. Просто так, за то, что сдачи не даёт и не собирается... Впрочем, и школы сейчас не те, могли и не бить.

...Несколькими часами позже Берестин, Сильвия и Чекменёв разговаривали с Императором в Берендеевке, которая так понравилась

в прошлый раз Алексею, несмотря на не совсем располагавшую к любованию прелестями среднерусской природы обстановку. Война подступила тогда ближе, чем немцы к Москве в сорок первом. Зато сейчас — всё как положено. И погода, и тишина, и ландшафт. На веранде второго этажа только они четверо, да ещё верный пёс Олега Красс, с которым не так давно только что вступивший в должность Император отсчитывал последние секунды до прихода помощи (то, что она явится в лице и под командой нынешнего Берестина, Олег тогда знать не мог) или готовился к «последнему параду», в котором ни собака, ни человек не собирались пережить друг друга¹.

Сейчас пёс лежал на краю веранды, положив массивную голову между вытянутых вперёд лап, совершенно спокойный. С его точки зрения, обстановка не внушала опасений.

Вокруг по-особенному, совсем не так, как лиственный, шумел сосновый и еловый лес, и запахи вокруг распространялись головокружительные — хвои, свежей и палой, нагретой солнцем смолы, недалёкой речки с заросшими всевозможными кустарниками и травами берегами...

— ...Таким образом, Ваше Величество, — докладывал Чекменёв, а Берестин просто курил, пуская дым вверх через лапы заглядывающих на веранду елей, — мы тут набросали окончательный, точный и подробный план войны, на основании представленных госпожой Берестиной материалов и окончательного подсчёта поступивших на нашу сторону «средств усиления».

¹ См. «ХОЛ».

— Точный и подробный? — удивился Олег. Он сам был с малолетства полностью военным человеком, да ещё и с врожденными задатками вождя и стратега. — Разве такие бывают?

Здесь пришла пора съязвить Берестину.

— Бывают, Олег Константинович. «Барбаросса», к примеру, был. В сорок первом году. Тогда к исходу первой недели войны аж целый начальник Генштаба Гальдер признал, что «всё идёт по плану, кампания выиграна за 14 дней...»¹. Просто германский Генштаб допустил такие ошибки, которых на первом курсе нашей общевойсковой академии молодые офицеры не делают. Что, в общем, наводит на размышления — самостоятелен ли он был в своих действиях или изображал одну из сторон в плохой компьютерной игре.

По крайней мере, когда я читал в мемуарах генералов и фельдмаршалов, что они «плохо представляли себе предстоящий театр военных действий, состояние дорог и погодные условия в России», просто оторопь брала. Это писали люди, которые всего двадцать три года назад воевали на этой же территории, с этим же противником? Даже сорокапятилетние полковники и генералы успели в Первую мировую поносить минимум лейтенантские погоны. И треть из них если не повоевала как следует на русском фронте, так дошла после Брестского мира до самого Ростова. Как они могли «не представлять себе» то, где провели самые яркие дни своей молодости? Да и кроме того — книжек по географии в школе не читали, фильмов не видели, на киевские и белорусские маневры не ездили в качестве атташе и наблюда-

¹ См. «Военный дневник» Гальдера.

телей? Перед началом войны штабных учений на картах не проводили?

Нет, Ваше Величество, тут дело совсем в другом. Пусть Гитлер пообещал им, что Красная армия капитулирует через месяц. Так разве генералы, планирующие операцию, имеют право руководствоваться не лежащими перед ними картами, расчётами сил и средств, своими и противника, метеорологическими особенностями территории противника, а пустой болтовнёй хоть и канцлера, но всего лишь бывшего ефрейтора? Что, никто из них не читал записок наполеоновских соратников? Никогда не поверю...

— А в чём же, по-вашему, дело? — заинтересовался Олег. — В тех книгах о вашей Отечественной войне (третьей, кстати, потому что Первая мировая у нас называлась Второй Отечественной) я читал, что СССР был в шаге от поражения и что Гитлер был почти прав, только мелкие детали не сложились: то не вовремя наступление на Москву притормозили и на юг повернули, то распутица раньше времени началась...

— Вам самому не смешно? Всё это оправдания проигравших, причём проигравших с таким треском, как никто никогда не проигрывал с времён Карфагена. Я не буду сейчас показывать на картах, что и как было на самом деле. — Берестин подумал, как бы удивились Император и Чекменёв, скажи он им, что лично руководил ходом этой войны в первые, самые трагические месяцы. Многовато для коллег впечатлений будет. Сказал другое: — Не нужно быть Гальдером или Кейтелем, чтобы сообщить, что взятие Москвы едва ли хоть чем-то облегчило бы немцам жизнь. Москва превратилась бы в удесятерённый Сталинград. Та же зима, те

же измотанные до предела войска, надеявшиеся на «тёплые зимние квартиры», а получившие бесконечную мясорубку уличных боёв в громадном городе. Причём резервов у Красной армии в ноябре сорок первого было больше, чем в конце сорок второго, а сама Москва для захватчиков очень плохо подходит одновременно для уличных боёв внутри и создания прочной обороны по периметру. Всех войск, что были тогда у немцев, не хватило бы, чтобы изобразить хоть тонкую нитку по всему внешнему обводу...

— Но ведь, насколько я знаю, немцы рассчитывали как раз на то, что Красная армия будет полностью разгромлена и Сталин капитулирует... — сказал Чекменёв. — В этом аспекте «Барбаросса» имела смысл.

— Повторюсь — кадровые немецкие генералы должны были знать исторические примеры. Случалось ли, чтобы русские правители капитулировали, даже теряя большую часть армии, территории и столицу? Если не считать, конечно, Брестского мира. Так то не российская армия и не российское государство сдалось, а интернациональный кагал за хорошие деньги отворил ворота крепости, которая могла держаться ещё не один год. А оставалось-то до полной победы всего несколько месяцев...

— Кажется, мы немного отвлеклись, хотя тема, безусловно, интересная, и мы к ней непременно вернёмся, — пресёк поток исторических воспоминаний и ассоциаций Олег. — Что вы хотели сказать по существу, Алексей Михайлович?

— Да вот что. По существу, пусть и опираясь на семидесятилетней давности факты: у меня сложилось отчётливое впечатление, что немцы приблизительно с конца сорокового года действовали как бы

под гипнозом. Или — по компьютерной программе. Добившись на континенте всего, чего только можно желать, они вдруг решили воевать с СССР, не имея ни малейших шансов в этой войне победить. Помню, в одной из книжек какой-то немецкий офицер смотрит на карту мира и спрашивает у коллег: «Интересно, а фюрер эту карту когда-нибудь видел?»

В том смысле, что на тогдашней немецкой технике без малейшего противодействия противника даже до Урала от границы было доехать технически нереально, а самое интересное начиналось как раз за Уралом. Вот и англичане сейчас все свои планы составили под влиянием такого же примерно гипноза. Исходя из принципов «отрицательной вероятности». Ну а мы, соответственно, просто достаточно грамотно их умопомрачением воспользуемся. Вам приходилось играть в преферанс на хорошие деньги, зная не только прикуп, но и все карты обоих партнёров?

— Нет, — с интересом к продолжению темы, но и с лёгким сожалением ответил Олег.

— Ну а вот мы сейчас в таком как раз положении. Мы знаем абсолютно всё и при этом не станем сразу раздевать противника. Мы будем делать это не торопясь и со вкусом... Ну, вы меня понимаете, — сделал он многозначительное лицо, оригинально совместив в одной фразе сразу две темы, карточную и, так сказать, эротическую...

...Прелесть ситуации, собственно, в чём? Англичане (руководство страны, конечно, которое и вправе решать вопросы войны и мира) получили стопроцентные заверения, что кроме геополитически и экономически безупречного *рисунка опера-*

ции они будут иметь в режиме «онлайн», как у нас некоторые выражаются, все необходимые корректировки её хода. Практические, прошу заметить, не какие-то там никчёмные советы, а реальную, стратегического уровня военную помощь.

Постоянные диверсии, шпионаж и предательство в самых высоких штабах, десанты в ключевых точках в максимально неудобное для нас время, ломающие все наши расчёты внезапные вмешательства до того нейтральных держав, многочисленные мятежи *шнородцев*, по типу польского, парировать которые нам будет нечем...

— Это действительно им было обещано и документально подтверждается? — спросил Император, причём достаточно равнодушно, как бы уточняя очередную, не слишком важную деталь.

— Так точно. Можете ознакомиться. — Берестин откинул крышку большого ноутбука. — Здесь две сотни страниц крайне интересных документов, — сказал он, поворачивая тридцатидюймовый экран к Олегу. — Зафиксировано всё и многое сверх того. Бюрократия неистребима и неисправима. Удивляюсь, как они ещё не управляют «отношения» на имя любовников своих жён с уведомлением о месте, времени и количестве предполагаемых контактов... Я бы за такое расстреливал...

— За «уведомления»? — оживился Олег.

— Нет, за дурную привычку фиксировать на бумаге или, по-современному, в фейсбуках вещи, могущие стоить головы сотням и тысячам людей... Вот Сталин крайне редко доверял бумаге действительно серьёзные вещи...

— Абсолютный диктатор может себе такое позволить, ему отчитываться перед вышестоящим

руководством не приходится, — усмехнулся Чекменёв в стиле Ришелье (киношного — настоящего никто из присутствующих видеть не удостоился), — ни за казённые суммы, ни за результат. А нам — увы...

— Мне ваши документы читать незачем, — ответил Олег. — Есть мой Генштаб, есть вы с Игорем, наконец, — кивнул он в сторону Чекменёва. — Другое интересно. Я вот соображаю — на основании ваших разведданных и при помощи предоставленного союзниками *оружия* возможно совсем нестандартно войну построить. Чтобы англичанам по гроб жизни впечатлений хватило... — иногда Олег вспоминал свою офицерскую молодость и начинал выражаться несоответственно своему нынешнему положению. — Первый удар наносим отнюдь не смертельный, но весьма шокирующий. Так, чтобы они остались и без ВВС, и без основной части Флота Метрополии. Они ведь практически всю свою боеспособную авиацию решили в первый эшелон поставить?

— Так точно, — ответил Берестин. — Совершенно как немцы в сорок первом. Один авианалёт, и господство в воздухе завоевано. Правда, они думали, что навсегда, а получилось не совсем... — Алексей вспомнил свой вариант утра 22 июня¹.

— Мы тоже используем все свои, то есть ваши *спецсредства* для первого ответного удара. Их хватит?

— Так точно. *Стратегическая внезапность обороны*. Дело знакомое...

Именно эту самую СВО, лично разработанную, Берестин и применил против немцев, когда в сво-

¹ См. «ОПИ».

ём варианте командовал Западным Особым военным округом.

— Но хотелось бы всё оформить так, чтобы они не поняли нашей действительной мощи. Приняли случившееся за досадную случайность. После чего мы предпринимаем вполне нестандартный шаг. Такого от нас наверняка не ждут ни сами альбионцы, ни бывшие союзнички по ТАОС.

Берестину стало интересно. Он впервые наблюдал здешнего монарха прямо в процессе рождения судьбоносного для мира решения. Вряд ли он излагает сейчас предварительно продуманный текст, специально для них двоих с Сильвией. Ведь перед верным другом и наперсником незачем играть? Да и сам Алексей не та фигура, чтобы для него Император Всероссийский театральные этюды разыгрывал. Значит, действительно, идея к нему только что пришла. Ну-ну... Только вот что он там насчёт «досадной случайности» несёт? Потерять весь воздушный флот вторжения от несуществующего в том мире оружия и не понять этого?

Но промолчал, решил слушать дальше.

— Мира мы с ними в обозримом будущем заключать не будем. Даже если они его тотчас же запросят, под любым предлогом, хотя бы даже сославшись, что имел место досадный эксцесс исполнителя — внезапно сошедшего с ума премьера или главкома ВВС.

— Сошедшего с ума вместе со всем Генштабом, Адмиралтейством и палатой лордов, а после поступления информации о крахе авантюры впавшего в просветление и застрелившегося?

Олег посмотрел на Берестина с уважением.

— Да, такой вариант совсем не исключен. Если король или те, кто короля за ниточки дёргает, решатся на подобный цинизм...

— В нашем мире — сплошь и рядом решаются, — просветил Императора Алексей. — И в данном случае могу почти стопроцентно гарантировать, что так и будет. Ибо знаю, откуда вообще у этой интриги ноги растут.

— Интересно. Потом расскажете...

— Вам моя супруга лучше расскажет, — с показавшейся Олегу странной интонацией сказал Берестин. Впрочем, на воре шапка горит, вот и мерещится всякая чушь. Откуда этому генералу знать, чем он с его супругой не так давно занимался? Если только у них это — *не семейный погряд*.

— Она весьма близка к британскому высшему свету и достаточно информированна...

— Так почему же она работает на нашей стороне? — не удержался от не совсем уместного вопроса Олег.

— Это давняя и длинная история. Если вы помните, немало французских и немецких аристократов служили вашим предкам. По самым разным причинам. И неплохо служили. Вот и у моей жены свои *скелеты в шкафу*.

— Хорошо, я обязательно с вами побеседую, миледи, — привстал и изобразил полупоклон Император. — В самое ближайшее время. Но продолжим. После шокирующего весь мир разгрома агрессора мы не идём на мирные переговоры, продолжая гнуть свою линию — только безоговорочная капитуляция. Чем быстрее — тем условия будут мягче. Организуем утечку через известную нам британскую агентуру, какие именно условия могут быть для нас приемлемы. Британия на подобное не согласится ни в коем случае и бросится вперёд «очертя голову», как они говорят. И вот тогда мы переходим к *игре в огни ворота*.

Пользуясь тем, что враг остался без авиации и без значительной части флота, мы начинаем делать всё то, что они собирались сделать с нами, долго и с *особой изощрённостью*. Может быть, даже на протяжении нескольких лет... В общем, до капитуляции. Возможно, я ограничусь тем, чем удовлетворялись британцы в 1856 году¹. Лишу их флота, не больше, причём так, чтобы ни территория Метрополии, ни её граждане не понесли серьёзного ущерба.

Тут даже Чекменёв вскинул голову, удивлённый словами сюзерена. А Берестин остался безразлично-спокоен, просто прикурил новую папиросу. Он понял суть императорского замысла. После победы можно будет посадить на трон и в кресло премьера своих людей, и не нужно, чтобы у простых граждан сохранилась ненависть к бомбившим их города и убивавшим детей русским. Англичане всё же не японцы, свой Ковентри помнят лучше, чем те — Хиросиму. Посмотрел вправо, на великолепного пса, слегка

¹ В 1856 г. Крымская война закончилась подписанием Парижского мирного договора. Вопреки распространённому среди историков-либералов тезису о «позорно проигранной войне» современники отзывались о ней совсем иначе. Например, французский дипломат барон де Буркнэ выразился так: «Никак нельзя сообразить, читая Парижский трактат, кто же тут победитель, а кто побеждённый». И это верно, поскольку в результате трёхлетней войны коалиции держав против России на 6 (!) ТВД единственным результатом их «победы» было запрещение России иметь военный флот на Чёрном море, которое, впрочем, было в одностороннем порядке аннулировано Россией уже в 1870 г. Никаких иных выгод «союзники» не добились, а Россия в отместку Англии резко активизировала свою кавказскую и среднеазиатскую политику. Олег, естественно, идёт гораздо дальше, но лишение флота — это не так страшно, чем то, что сделала с Германией Антанта в 1919 г.

двинувшего правым ухом, видимо, уловив какие-то интересные ему нотки в голосе или просто в строении хозяина.

«Жаль, что самые лучшие из них не живут больше пятнадцати лет, — подумал Берестин, сам большой любитель хороших собак. — А заводить потом ещё одного — только душу рвать...»

И вдруг ему пришла в голову мысль — а нельзя ли попробовать и к собакам гомеостат применить? Неужели Сильвия с такой ерундой, как настройка браслета, не справится? Истинные-то агтры, которые всю их аппаратуру придумали, они от людей ещё больше, чем собаки, отличаются...

И следующая мысль, уже поднаторевшего в придворных интригах царедворца: «А ведь если получится, этот же Олег за продление до обозримых пределов жизни своего любимца будет благодарен больше, чем даже за выигранную войну. Вполне свободно...»

Но сказал совсем другое.

— Абсолютно верное решение, Олег Константинович. В принципе, кое-что подобное я и сам предполагал. Для другого, впрочем, случая. Навязать противнику бесконечную войну на истощение, лишить его заморских территорий и взять под жёсткий контроль морские перевозки. Не неся при этом собственных потерь... Ну, в разумных пределах, — поправился он, чтобы соответствовать менталитету собеседника. — А потом согласиться признать всё случившееся не войной, а всего лишь конфликтом. Тогда и мир заключать незачем. Оставить всё «как было», но противника при этом — без штанов.

— Остроумно, — прищёлкнул языком Император. — Но есть и другой вариант. Насколько мне

известно, термин «безоговорочная капитуляция» придумал один из двух диктаторов вашего мира, то ли Сталин, то ли Рузвельт, специально для побеждаемой Германии. И каждый, исходя из рассмотренной мной литературы, — в своих целях.

— Так точно, Олег Константинович, если исходить из смысла, вами в это понятие вкладываемого. Вообще-то испокон веков, хоть Ветхий Завет возьмите, там эта самая «безоговорочная» сплошь и рядом. Только в куда более мерзкой упаковке. «Я их победил, я убил их пленных, женщин и детей, я сжёг их город...», ну и так далее. Только в те времена вражеского царя или полководца не привозили в полной парадной форме и даже с маршальским жезлом в Карлсхорст, не давали подписать бумаги в пяти экземплярах и не кормили после этого хорошим ужином. Правда, отдельно от победителей...

— А потом всё равно повесили? — странно сощурился Император, успевший пролистать и материалы Нюрнбергского процесса.

— Ну, это как карта легла. Причём, прошу заметить, наши бы его не повесили. Посидел бы, как Паулюс, 10 лет на хорошей подмосковной даче, да и поехал бы домой, доживать, мемуары писать да внуков в истинно прусском духе воспитывать. Это амеры с лаймами настояли. И судья был их, и прокуроры, и даже палач, сержант... Вуд, кажется, который потом верёвки кусками за хорошие деньги продавал... На сувениры. Начальство не препятствовало. Законный бизнес.

Императора передёрнуло. Должны же быть пределы человеческой подлости и алчности!

— Ладно, оставим это на их совести. В конце концов, каждому народу присуща определённая

ная степень низости и дикости. Уточним кое-какие подробности, чтобы мне больше на частности не отвлекаться. Вы совершенно уверены, Алексей Михайлович, что первый *шокирующий* удар англичан по нашим базам мы отразим? Не получится нового Пёрл-Харбора в трёх экземплярах?

— Абсолютно уверен, Олег Константинович. Опытные люди расчётом сил и средств занимались. У нас, вы знаете, с самого сорок пятого года тоже своего рода национальная паранойя имела место — не допустить повторения сорок первого! Быть готовыми дать отпор любому агрессору и любой коалиции. Любой ценой! Даже ценой гибели всего человечества, причём минимум семикратного...¹ И добились, в общем-то. Только цена высоковата оказалась. Это я к тому, что такие вещи, как отражение «вероломного удара», у нас отработаны и обеспечены лучше, чем правила пожарной тревоги на подводной лодке. В данный момент на вашу сторону переправлено достаточно ЗРК, чтобы дважды уничтожить всё, что у англичан вообще способно подниматься в воздух. А если сильно потребуется — есть чем ударить по всем их флотским базам и соединениям кораблей в море. Знаете, есть у нас штучки, что сразу целое авианосное соединение — фюить! — Берестин сдул с рукава воображаемую пушинку.

— Я предлагаю, Ваше Величество, — сказал Чекменёв, — сегодня же опубликовать к сведе-

¹ Не все сейчас это знают или помнят, но в разгар «холодной войны» аналитики посчитали, что имеющегося у СССР и США (не считая прочих членов «ядерного клуба» — Англию, Францию, Китай) только стратегического термоядерного оружия достаточно, чтобы полностью уничтожить семь таких планет, как Земля, со всем населением, естественно. У американцев появился даже термин — «суперкилл», «сверхубийство».

нию всего мира сообщение — Россия, мол, не против приличной джентльменской потасовки, если Великобритания или любая другая держава имеет настроение помериться силами. Но заранее категорически предупреждает, что правила будут англосаксонские: число раундов не ограничено, бой до победы не «по очкам», а вчистую, и «победитель получает всё».

— Что ж, ничем не хуже, чем «Иду на вы» Святослава, — согласно кивнул головой Олег.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Сейчас, пока развиваются несколько сюжетных линий сразу в трёх параллельных реальностях, как бы одновременно, и в то же время с серьёзными отклонениями от *общей*, если так можно выразиться, хронологии, есть время обратить внимание на некоторые имевшие место в недавнем прошлом события. Впрочем, очень может быть, что не совсем в прошлом это было, а случилось где-то на пересечении пространственных и временных координат, сильно, как и предупреждала Сильвия Фёста с Секондом, деформированных происходящим. Настолько, что даже сверяя сделанные под протокол показания очевидцев, иногда невозможно разобраться, что же там было на самом деле, и в какой мере причины предшествовали следствиям, а в какой — совсем наоборот.

Перед тем как отправить Басманова с Ибрагимом и сопровождающими валькириями в Югославию, Сильвия с Воронцовым о чём-то долго

совещались, привлекая к своим симпозионам¹ Арчибальда, то в качестве консультанта, то свидетеля или даже последственного. Кроме того, Дмитрий несколько раз уединялся с Удолиным, тоже обсуждая что-то касающееся их двоих, и заодно — судеб окрестных миров. В целом получалось так, как Воронцову и хотелось — он сейчас играл как минимум на трёх шахматных досках, причём не совсем понимая, принадлежат его «противники» к одной команде, с общим тренером и консолидированным интересом, или же это просто несколько совершенно посторонних друг другу любителей, заплативших свои двадцать копеек за право сразиться с заезжим гроссмейстером.

Оставаясь ночью один в своём прежнем, самом первом здесь номере, скопированном с «королевских» апартаментов бомбейского отеля «Си рок», Дмитрий, уже засыпая, в расслабленной полудрёме обращался к Замку с вопросами, пытаясь вспомнить и симитировать тот настрой, что был у него в дни, когда из его подсознания извлекались воспоминания, использованные для воспроизведения образа-мечты Натальи. Непонятно до сих пор, зачем это было сделано. Точнее — было известно, зачем потребовалась её голографическая копия во время нахождения Воронцова *внутри системы*, но вот для чего Замку потребовалось перенести новые личностные характеристики девушки-фантома на живущую в настоящей Москве, не слишком на неё похожую тридцатилетнюю женщину с нелёгкой, как говорится, судьбой? Дмитрию казалось, что

¹ Симпозион (греч.), или симпозиум (лат.) — буквально «пиршество», ныне употребляется в смысле «совещание», «собеседование», «дискуссия» по каким-либо научным вопросам.

с добрыми намерениями, в качестве этакой «награды за труды», и сейчас он надеялся, что каким-то образом Замок подскажет ему что-то весьма важное и полезное. Или в «вещем сне», или напрямую, в виде вербального совета-инструкции.

Что-то такое его посещало, но крайне расплывчатое, неоформленное и не структурированное, зато имевшее большой эмоциональный заряд, причём позитивный, так что просыпался он в прекрасном настроении, убеждённый, что жизнь прекрасна и удивительна и что горы для того и существуют, чтобы их походя сворачивать.

На третий день своего здесь пребывания утром за общим завтраком он сообщил Басманову и Катранджи, что никаких препятствий для исполнения их миссии больше не видит. Вернее, не он сам, а так расположились звёзды.

— Не правда ли, Константин Васильевич?

Удолин, только что опрокинувший рюмку «Зубровки» и закусывавший вкрутую сваренным и разрезанным вдоль яйцом, намазанным последовательно майонезом, горчицей и настоящей аджикой из Сухума, промычал утвердительно и вдобавок кивнул головой.

«Где ж это он таким кулинарным изыскам обучился?» — подумал Воронцов, а вслух сказал:

— В таком случае заканчивайте завтрак и отправимся...

— Вы что, тоже с нами? — осведомился Ибрагим. — И профессор?

— Мы — пока нет. Это просто в фигуральном смысле... Отправитесь, конечно, вы, а я помашу вам с берега платочком и буду обеспечивать вашу дальнейшую безопасность. Вы ведь всё-таки, Иван Романович, в никуда фактически отправляетесь.

В царство мрачного Аида некоторым образом... Сами ведь понимаете, что никакого тысяча девятьсот двадцать пятого года в природе не существует, поскольку девяносто лет назад в положенный срок он сменился двадцать шестым и так далее, вплоть до сегодняшнего. И всё, бывшее ранее, превратилось в конфетти на полу вокруг ставшей никому после новогоднего бала не нужной ёлки.

Катранджи древнегреческую мифологию в своё время изучал, поэтому ссылку понял. Дальнейший заковыристый пассаж тоже... Если не понял по сути, то уловил смысл.

— А вот как же, Михаил Фёдорович? Вполне себе существует. Как и мы с вами здесь...

— Ну, это уже дебри начинаются. Когда вы смотрите на фотографию вашего почтенного пра-родителя, снятую в городе Смирне где-то на рубеже предыдущих веков, то ведь не сомневаетесь в подлинности предметов, которые его там окружают? Пролётка куда-то едет, лошади ногами перебирают, человек в котелке на заднем плане собирает-ся шагнуть с тротуара на мостовую. Даже ветерок присутствует, шевелящий листья пальм. И что?

— Как что? Всё это на самом деле было. Но ведь прошло. Дед в могиле, тот человек — тоже. Разве что пальмы остались. И ветер с моря. Такова жизнь. Откуда мы пришли, туда уйдём навеки...

— Верно. Ну а если есть способы и из фотографии сюда к нам выйти, и туда вам войти? Вот, Михаил Фёдорович вышел и вполне выглядит живым нормальным человеком. А теперь вы с ним туда войдёте. Ничего сложного, если разобраться. Для вашего деда столь же невероятной казалась идея о том, что из его Смирны за час можно добраться до Мекки, Стамбула, а за

десять всего — до той стороны Земли... А потом люди узнали способы. Мы — узнали ещё несколько. Но самолёты ведь не всегда долетают туда, куда направлялись. Совсем недавно вы в этом убедились. Но с вами, слава богу, произошла всего лишь вынужденная посадка на подготовленный аэродром. Вполне гостеприимный. Вот почему я и сказал, что озабочусь, чтобы подобного не повторилось...

— Вполне доступно вы всё объяснили. Хотя и чересчур затейливо. Умом я всё понимаю, но чувствами воспринять — пока не получается, — честно признался Катранджи.

— Ничего, привыкнете, — успокоил его Воронцов. — К моей *затейливости* — тоже. А то вам всё больше чересчур прямолинейные люди попадались... Короче, заканчивайте завтрак — и вперёд.

— «Иль погибнем мы со славой, иль покажем чудеса». Так, кажется в старой русской солдатской песне пелось?

— Совершенно верно. Доберётесь — сможете при желании дедушку повидать. Или по меньшей мере открыточку послать. Тогда вообще всё на своё место станет в моей аллегории.

Чуть позже, оставшись с Басмановым наедине, Дмитрий сообщил ему в виде «предполётного инструктажа» как человеку достаточно подготовленному и всё понимающему, что по уточнённым только что с Арчибальдом сведениям его Югороссия «двадцать пять» действительно находится полностью вне системы остальных ныне действующих реальностей. Как именно это получилось — он сам до конца не понимает, но, организуя переход «Братства» вместе с пароходом

в «большой мир», Антон вместе с Замком сумели выделили этот сектор Гиперсети в некий инвариантный анклав.

Посещать его физически можно, и существует он как бы по общим для действующей модели мироздания законам, но в то же время путь в него именно через Замок, то есть минуя куда более опасные и ненадёжные методики Левашова или Сильвии, может открываться только в определённых обстоятельствах и с применением особых приёмов, суть которых способен осознавать только сам Замок. Арчибальд же всего лишь исполняет его волю, не вникая в *физику процесса*. Если это вообще физика, а не мистика, в человеческом понимании.

То есть риск действительно имеется и здесь, он Катранджи не запугивал, — в случае, если Замок изменит свои *взгляды*, обратного пути может и не быть. Это крайне маловероятно, но такую возможность следует учитывать.

Михаил изобразил на лице недоумение. Сам-то он неоднократно перемещался туда и обратно, и даже целую дивизию легко удалось переправить в Берендеевку, когда возникла необходимость. В Южную Африку девяносто девятого года оттуда ходили, и сейчас офицеры рейнджерского батальона действуют в *определённом месте...* То есть — в чём смысл этих слов? Может быть, Дмитрий Сергеевич что-то недоговаривает? Ему-то лично без особой разницы, если придётся там остаться — что ж, это его настоящий мир, может, и проще будет забыть о всяких переходах и доживать свой век, как тот же Сугорин, ведя беззаботную жизнь довольно высокопоставленного отставного офицера. Там это несложно.

— Жаль будет всех вас потерять, а всё остальное меня мало волнует.

— С тобой-то так. Тем более, как я понимаю, — невесту с собой везёшь. Из Марины очень хорошая жена получится, вдобавок владеющая непредставимыми у вас возможностями. Колдунья в исполнении Марины Влади. Фильм давным-давно такой популярный у нас был, — пояснил он в ответ на вопросительно приподнятую бровь полковника. — Они с той артисткой немного похожи. Не пропадёшь, кто бы сомневался. Вот для нас такой вариант будет натуральной катастрофой. И друзей лишимся, и очень важной для всех *тыловой позиции*... Недоступной для любых гипотетических катаклизмов. А если ты думаешь, что я понимаю намного больше твоего, Миша, так ты ошибаешься, — продолжил Воронцов, привычным для него образом неопределённо улыбаясь. — Я ведь тоже человек совсем другого образования, культуры и способа мышления, чем эти... *форзейли*. Мы с Антоном вроде и друзья закадычные, но гораздо дальше друг от друга психологически, чем ты — от какого-нибудь готтентотского вождя племени чумаке-шуакве, пусть он в отличие от прочих людей произносит слова на вдохе, а не на выдохе. То, что мы с инопланетянами по фенотипу и генотипу неотличимо совпадаем, — игра природы, не более.

А о том, что опасность существует, это я тебе только собственное мнение передаю. Замок как раз, через посредство Арчибальда, меня в противоположном заверил. Ваша реальность, грубо говоря, существует только в представлении Замка, потому для вмешательства чуждых сил так же недоступна, как наши с тобой интимные фантазии...

Он снова улыбнулся, но уже с другим выражением.

— А как же в этом случае кто-то сумел проникнуть к нам в Царьград, устроить провокацию с «Гебенем», угнать наш самолёт?

— Да сам Замок и сумел. Через того же Арчибальда. Это ведь его епархия. Хозяин — барин. В тот момент ему потребовалось собрать вас у себя. Возможно, чтобы совершилось то, что совершилось, чтобы какие-то совсем неожиданные узелки на «нити судеб» завязались. Сколько всего между вами произошло, сколько интересного каждый узнал и о себе и о другом...

— Постой. Ты сам откуда о... том, что здесь было, узнал? Ты ведь уже... после всего появился.

Басманову, непонятно почему, стало очень неприятно при мысли, что Дмитрий в курсе его внезапной, но, признаться, чертовски увлекательной интрижки с Сильвией. Возможно, оттого, что Воронцов только что упомянул Марину как его невесту. Самое же интересное, что, с точки зрения дворянина начала XX века, ничего здесь стыдного не было. Жёны, невесты, любовницы или обычные «публичные девки» существовали в абсолютно разных, непересекающихся плоскостях.

— И я не просто так появился, а «в нужный момент». О том, что он сам счёл важным, меня Замок проинформировал. То ли он новую партию против пресловутых Игроков затеял, то ли пытается доступными ему средствами «вывихнутый сустав» на место поставить¹. Но ведь не будешь же спорить, что эффект для всех сразу и для каждого в отдель-

¹ Здесь Воронцов цитирует один из вариантов перевода слов Гамлета: «Время вывихнуло сустав». Более привычно и популярно: «Распалась связь времён».

ности получился интересный? А уж как всё было срежиссировано! Сказано ведь — «неисповедимы пути Господни», и «не простому смертному судить о причине причин». Второе — это уже из буддизма, — счёл нужным пояснить Воронцов.

— И то, что Замок допустил, точнее — сделал возможным несколько эпизодов весьма странного характера, да заодно сумел значительно расширить возможности наших девушек в обращении с блок-универсалами, — конечно же не просто так. Надо думать, что для его дальнейших планов это имеет существенное значение.

— Значит, мы теперь можем надеяться только на то, что у Замка не возникнет новая «плодотворная дебютная идея»? И мы у него если не в рабстве, то «под колпаком» точно.

— Зато есть довольно серьёзная гарантия, что никто другой в наши дела не вмешается, — успокоил его Дмитрий. — Всегда лучше, если точно знаешь, что в лесу только один волк или тигр, а не чёртова уйма скорпионов и гремучих змей... Да и ещё проще — верующий человек ведь живёт, зная, что все ниточки его судьбы находятся в руках Единого Бога, или Рока, или Мойр каких-нибудь древнегреческих. Как их там?

— Клото, Лахесис, Атропос¹, — с ходу ответил Басманов. Греческую мифологию в корпусе по программе классической гимназии изучали очень даже основательно.

— Молодец. Двенадцать баллов. Так что лишний раз задумываться над тем, над чем не властен, — просто бесполезно.

¹ Мойры — три дочери Зевса и Фемиды, богини судьбы. Клото прядёт нить жизни, Лахесис распределяет судьбы, Атропос в нужный момент обрезает жизненную нить.

— Ты же задумываешься...

— Я, по возложенным на себя обязанностям, всего лишь продумываю варианты. Чтобы не оказаться в растерянности перед очередной загадкой Сфинкса.

— Изящно излагаешь. Тут, конечно, не поспоришь. Итак, мы летим в Севастополь, там решаем все дела с Ибрагимом и возвращаемся? Ты нас вызовешь или мы тебя?

— Конечно, вы. Твои спутницы сейчас настолько овладели аппаратурой, что им не составит труда... Решайте свои дела, сколько потребуется, девочкам позволь на другую жизнь посмотреть, на вкус попробовать. Только пусть не увлекаются. Завтра свяжешься со мной. Я уже сказал Верещагиной, она на своём блоке такую комбинацию выставила, что вызов уйдёт в *никуда*, для любого наблюдателя, а где-то в мировом эфире, на седьмом или бог знает каком уровне его перехватит Замок. Остальным об этом пока знать не нужно. Девушкам тоже. А если вдруг — я сам тебя вызову аналогичным образом. Поэтому по прибытии на место портсигар у Марины временно изымешь. Уяснил?

— Прикажешь повторить инструкцию или на слово поверишь, что правильно понял?

— Поверю, господин полковник, ты же по-настоящему меня старше чином.

Это Воронцов подразумевал, что Басманов на большой, шестилетней войне дослужился до капитана гвардии, то есть армейского подполковника, а сам Дмитрий всего лишь советский капитан-лейтенант запаса.

...«Буревестник» взлетел, и только после этого Басманов зашёл в пилотскую кабину.

— Поднимайтесь тысячи на три курсом прямо

на восток, по солнцу, после этого все ваши приборы заработают. Надеюсь, — сказал он флотскому старшему лейтенанту, командиру экипажа. Вот ведь тоже интересно, вместе в такой переделке побывали, а кроме фамилии ничем этот пилот из множества других для него не выделился. Не возникло какой-то товарищеской близости. Видно, подсознательный почти антагонизм моряков и «крупы» и здесь проявился. Ну и разница в чинах и положении.

— Если меня не обманули, окажемся примерно над серединой Чёрного моря. И ложись курсом на Севастополь. Когда появится связь, доложишь, что борт такой-то с полковником Басмановым и иностранной делегацией на борту идёт из Царьграда, просит посадки, как положено. И встречи на пирсе, согласно протоколу.

— А как же, господин полковник, объясняться будем? — спросил пилот, у которого за истекшее время мозги то выходили из меридиана, то становились на место, словно гирокомпас разболтанный у него в голове находился. Но психическое здоровье офицер, к своей чести, сохранил в полном порядке. Что сделается с человеком, пережившим и полтора года Мировой войны, и революцию с Гражданской, и всё последующее? — Мы ж как бы пропавшими без вести должны числиться. Болтались двое с лишним суток неизвестно где, а запас горючки у нас — восемь часов...

— Это вы слегка заблуждаетесь, старшой. Если хотите дальше служить и орден какой-никакой за этот рейс выслужить, запомните крепко и экипажу доходчиво объясните — ничего ни с кем не случилось. Вчера по приказу слетали в Царьград, гостей свозили отдохнуть, где и как — вам не до-

кладывали. Утром согласно моему приказу подготовили самолёт к вылету на Севастополь. Всё, что нужно, с тамошними службами было оформлено. И ничего больше. Всё прочее — государственная тайна. Вы с экипажем в комендантской гостинице ночевали, что в Галате, недалеко от Дроздовского моста. Никто проверять не будет, но для себя именно так запомните. Сейчас часы где-то около десяти утра должны будут показать. Так что всё сойдётся. Для личного спокойствия предлагаю считать, что прочие ваши впечатления — от непривычной дозы испробованного в баре абсента. Всё ясно?

— Так точно, господин полковник. Можете не сомневаться.

— Не имею такой привычки. Своим людям мои слова передайте. Начнут по пьяному делу что-то болтать, им не поверят, а я так или иначе узнаю. И, сами понимаете, на дальнейшем прохождении службы очень даже такая неводержанность отразится. И наоборот, естественно. Я своих обещаний зря не бросаю. За богом молитва, за царём служба не пропадают.

Полковник вернулся в салон. Катранджи о чём-то спорил с Кристиной. Уже не как работодатель с подчинённой, а по-человечески. Очень может быть, у них прошлой сумбурной ночью тоже что-то произошло, только это Басманова сейчас совсем не занимало. Со своими бы делами разобраться.

Увидев его, и они, и Марина заметно напряглись. Не скажет ли чего-то нового после общения с пилотами? Ведь за бортом снова началось прежнее непонятное. Будто резко в густую облачность вошли, разом исчезло и небо, и берег с Замком, и волнующийся океан. Только сплошная молочная

муть за иллюминаторами. И лёгкое ощущение тошноты, будто гидроплан плавно проваливается в безбрежную «воздушную яму». Совсем не похоже на то, что бывало при внепространственных переходах известными им способами.

— Всё в порядке, — кивнул полковник. Хотел было сесть рядом с Верещагиной, но что-то помешало, он задержался у отдельного кресла перед откидным картографическим столиком в нескольких шагах от пассажирских мест.

Стюардесс на гидроплане не имелось, но буфет в кормовой части фюзеляжа был: не должна же дюжина старших штабных офицеров, не считая экипажа, почти сутки святым духом или сухпайками питаться в дальнем перелёте.

— Вы б, барышни, сообразили насчёт кофейку или хоть водички минеральной, — попросил Басманов, садясь лицом к своим спутникам. — Да и чего покрепче к кофе можно. Не знаю, как вы, а у меня мандраже не проходит, — это он специально сказал, чтобы народ не рефлектировал по поводу своего морально-психического состояния. — Курить на борту разрешается...

Марина с Кристиной дружно кинулись выполнять просьбу полковника, даже столкнулись бёдрами перед узкой дверцей в служебный отсек. А Ибрагим тут же начал раскуривать толстую сигару, которую извлёк из нагрудного кармана пиджака. Михаил удовлетворённо хмыкнул и тоже закурил. Шутки шутками, но действительно хотелось побыстрее долететь и почувствовать под ногами надёжную землю родного мира.

Девушки быстро нашли всё требуемое, в том числе и шутовский коньяк из лучших сортов армянского винограда, сноровисто, как заправские

бортпроводницы, через десять минут сервировали стол у задней переборки салона: три сорта минеральной воды, лимон под сахарной пудрой, авиационный шоколад.

Марина, закончив работу, из-под ресниц коротко взглянула на Басманова, ожидая реакции, и несмело улыбнулась, увидев его одобрительный кивок, безусловно, адресованный лично ей. Всё складывается совершенно чудесно. Спасибо Насте, что сумела убедить Уварова в необходимости её включения в состав *гипмиссии*.

А несносная леди Спенсер специально ведь хотела заставить девушку вернуться в Москву. Это Верещагина *верхним женским чутьём* сразу поняла. Для чего, почему, каков её интерес — не совсем ясно. Не может же она сама иметь виды на Басманова? Ей он зачем, при живом муже-генерале, тоже красавце-мужчине? Не иначе из вредности: не может простить всем валькириям сразу и каждой в отдельности, что они её переиграли на её же поле. Ну, теперь-то всё будет хорошо, Михаил Фёдорович смотрит на неё так, как ей могло только примечтаться. Удивительно, что всего несколько дней назад они не были даже знакомы, а теперь вот так...

Она мельком перемигнулась с Кристиной, показывая подруге, что теперь только на той лежит обслуживание «важной особы» (термин VIP в эти времена если и знали, то лишь специалисты по англосаксонскому дипломатическому протоколу), Ибрагима то есть. А сама она постарается явочным порядком занять место кого-то вроде офицера для особых поручений при Басманове, раз он глава их делегации по дипломатической и военной линии. Мало ли, что никто ей таких обязанностей не по-

ручал — младшие офицеры тоже имеют право на разумную инициативу.

Кристина ответила, тоже взглядом, что так всё и будет, не переживай, мол.

Ещё Марине очень странно было, что биологически (или физически) Михаил Фёдорович был не старше полковников Ляховых и чуть-чуть младше самого генерала Чекменёва, но при этом такая разница, не во внешности — психологическая. Человек родился в девятнадцатом веке, за тридцать с небольшим лет успел провоевать семь лет на двух войнах, встретился с пришельцами из далёкого будущего, сам побывал в нескольких реальностях... И — никаких следов психических деформаций. Наверное, прививки Мировой войной, полученной в двадцать лет, хватило и на всё остальное.

Марина в общем-то его понимала. У неё самой получилось что-то похожее. Готовилась жить и работать в социалистической стране, позднесталинской или раннехрущёвской, а внезапно очутилась в совсем другой, монархической реальности, и на полвека позже, где пришлось перенастраиваться и приспособливаться, да так, чтобы никто из окружающих не заметил её (их, считая вместе с подругами) психологических трудностей. Так ведь успешно выдержали испытание, даже офицерские погоны получили, на что совсем не рассчитывали. Вообще много чего после этого повидали. Кто же и поймёт Михаила лучше, чем она? Не барышни же из его родной реальности, стослишнимлетние, по факту, старухи. Как «Пиковая дама». Куда им...

Уже через десять минут в салон выглянул штурман и с восторженно-обалдевшим лицом сообщил, что все приборы работают, радио тоже, и установлена связь с Севастополем.

— Ну и что за ажиотаж? Командир был предупреждён. Вы там что, забыли, как полагается действовать, приближаясь к собственному порту со старшим начальником на борту? Инструкции перечитайте... А вы, мичман, по возвращении на базу прежде увольнения сдайте своему командиру зачёт по уставным словам и выражениям. Свободны.

Как-то неожиданно резко, едва ли не грубо это прозвучало, в тот момент когда все действительно искренне радовались, что из непонятного провала во времени и пространстве вдруг вернулись в привычный мир. Но Марине показалось, что полковник совсем не играет в «начальника-самодура», без повеления которого подчинённому и с ноги на ногу переступить не дозволено, а на самом деле поступает в соответствии с требованиями службы и субординации. Ну да, выбрались неизвестно откуда, чуть не с того света — но какой тут повод военнотружущему, тем более флотскому офицеру, словами захлёбываться и козликом скакать по лужайке? Да ещё обращаясь к целому полковнику в присутствии членов дипломатической миссии. Несомненно, Михаил Фёдорович прав. Вот истинный пример военного человека и просто мужчины, вот так и следует себя вести!

И не сводила с него сияющего взгляда, раскрасневшись и сама того не замечая.

— Очень хорошо, что всё идёт штатно, — нормальным голосом сказал Басманов, в основном Ибрагиму (девушки по чинам и должности не нуждались в специальном пиетете). — Выходит, мы совершим посадку (он не сказал ни «приземлимся», ни «приводнимся») где-то через полчаса или несколько позже (это чтобы не сглазить), ско-

рее всего — в Стрелецкой бухте, там нас встретят. Как вы желали бы, Иван Романович, — обратился он к Ибрагиму по его легендарному имени, — переговоры на сегодня назначить или на завтра с утра?

— Всё же на завтра, думаю, лучше, — ответил Катранджи. — Мы солидная делегация, нам не след торопиться, как в первый день распродажи у Вулворта...

— Делегация, — хмыкнул Басманов, отвлекаясь от своей официальной роли и чувствуя, как поднимается настроение. От ста грамм коньячку и от близости Марины тоже. Сам себе удивился — Сильвия действительно его больше не только не волновала, вообще удалилась на задворки сознания. Как ничего и не было, а если и было — так давным-давно. Ослепительная валькирия же, наоборот, занимала теперь всю его отведённую для личных эмоций часть сознания. Он посмотрел на неё, встретился глазами, на сердце по-особенному потеплело.

О том, что за это как раз агтрианку и нужно благодарить, внушившую ему нужный настрой и заставившую забыть о себе как о женщине, он даже не подумал. Точнее — он больше этого не знал. Вот только что ещё помнил запах её духов и страстное, сбивчивое дыхание, и — ничего. Скажи ему кто-нибудь, что он сегодня провёл с госпожой Берестинной бурную ночь — покрутил бы пальцем у виска. И для этого хватило всего лишь влюблённого взгляда юной девушки.

— Из одного человека? Несolidно как-то. Я считаю, в Москве всё же недодумали. Нужно было бы хоть профессора с нами направить... Он умеет впечатление производить.

По простоте душевной Басманов отнёс себя и поручиц к обслуживающему персоналу и «сопровождающим лицам».

— С чего вы взяли? — нимало не смутился турок. — Это на таких, как вы, умеет. Но на солидного человека никак не произведёт. И без него справимся. Главное — правильно наше явление обставить. Вы будете, одновременно с вашей здешней должностью, уполномоченным со стороны ... ну, пусть императорской Ставки и одновременно моим *миноритарным акционером*. Я понимаю, в таком совмещении кто-то может усмотреть *конфликт интересов*, но так даже интереснее. Отвлечёт ненужные мысли, если они у кого появятся, в противоположную сторону. Мадемуазель Кристина очень подходит для должности эксперта по лёгкому стрелковому и иному оружию, а Марину я попрошу изобразить... — Он задумался, какая роль наиболее подойдёт Верещагиной.

— Кого же, как не главного юрисконсульта, — со смехом ответила Марина, которой игра сразу понравилась.

— Вот-вот, — согласился Ибрагим. — И повернём дело так, чтобы свита сама стала играть короля, — это я ваших здешних соотечественников подразумеваю, — пояснил он Басманову. — А вы, никому ничего не говоря, сумеете дать понять, как вас на самом деле воспринимать надо. Не как одного из «своих», а как полномочного представителя сил куда более высоких... — Катранджи почувствовал себя в своей тарелке и распоряжался, как авторитарный режиссёр на репетиции.

— Вы, Кристина и Марина, сообразите, как одеться и как себя вести, много говорить не придётся, достаточно слушать и время от времени

шептать мне что-то на ухо или в блокноте показывать. Я дам понять, что когда от вас потребуется...

— Да мы, если что, и всерьёз можем, — вдруг заявила Верещагина. — Я, например, и Римское право знаю, действующие уголовные, гражданские и административные кодексы большинства европейских стран, политэкономия капитализма, а если чего забыла — через минуту-другую любую информацию найду. — Она легко прикоснулась к сумочке, где лежал блок-универсал. — Да и Кристина вам без запинки хоть цену на партию подержанных ППД на базаре в Урумчи назовёт, хоть на целевые патроны к «Ли Энфильду» в Антатанариве... Она же, когда в Одессу собирались, предполагала, что там и задержаться придётся. Не только девушку из заведения мадам Вульфферсон изображать, могло потребоваться и на Привозе свежими бычками торговать, и бриллиантами у Семитати...¹

— Ну так тогда вообще о чём говорить, — удовлетворённо кивнул Ибрагим.

— Кроме всего прочего, мы вообще можем из себя реальных первых лиц изобразить, а вы при нас так... Ходячий кошелёк.

Марина, не сдержавшись, фыркнула. Крестину опять понесло, она хамила с голливудской улыбкой, чтобы со стороны выглядело милой шуткой, а те, к кому непосредственно адресовались слова, понимали, что не совсем эта девушка шутит. Или — совсем не...

Катранджи успел познакомиться с боевыми качествами девушек и их артистическими способностями. Безрассудную вроде бы, но тщатель-

¹ Семитати К.С. — купец первой гильдии, владелец самой большой на Юге России сети ювелирных и комиссионных магазинов.

но просчитанную отвагу. Из двух последних дней общения вынес представление, что они и к магии способны, непонятно только, к какой именно, до чрезвычайности умны и сообразительны, но то, что сказала Марина, а потом и Волынская...

Если любая из них берётся изобразить квалифицированного юриста перед юристами же, с лёгкостью, подходящей для обещания станцевать на балу, — это весьма серьёзно. Тут опять надо думать и думать. О том, как вообще дальнейшую жизнь строить.

— Тогда, господин полковник, — деловым тоном сказала Кристина, входя в роль, — нам бы следовало предварительно обсудить, в каких пределах возможно и прилично торговаться, заранее выяснить, какой ассортимент товаров нас интересует. Мне нужно знать три показателя — реально располагаемая сумма, минимум, к которому нужно стремиться, ну и мой процент со сделки, — скромно добавила она.

Басманов снова засмеялся. Удивительно приятно ему было смотреть на эту девушку, так чётко *настроившуюся на волну*. Явно ведь развлекается, но до чего убедительно! Он не видел Волынскую в одесской операции, но сейчас в её лице опять отчётливо проступили семитские черты, хотя ни к каким «техническим» средствам она не прибегала, просто мимику изменила, совсем чуть-чуть тональность голоса и глаза... Вот глаза да, заметно потемнели, непонятно, каким образом.

— Я цены на мировом рынке тоже знаю, — с достоинством сказал Ибрагим, — но, наверное, так и вправду лучше будет — торговаться будешь ты, а я только сидеть и надувать щёки, как известный персонаж.

— Ха! Смотрите, потом от жадности не зачахните, когда расплачиваться придётся, — повела плечом и состроила совсем уже выразительную мину Кристина. — Я беру пять процентов от суммы скидки к известным вам ценам... Хотя вы упустили — в этой России и мире цены совсем другие. Но — слово сказано.

— Четыре, — тут же ответил Катранджи, вполне возможно — инстинктивно.

— Тогда в итоге шесть. Иду вам навстречу. По три процента мне и Марине, это будет справедливо. А сколько господину полковнику? — озабочилась она и благосостоянием Басманова.

— Меня в расчёт не берите, я на службе, причём на другой стороне, — с усмешкой отмахнулся Басманов, знающий вдобавок о решении снабдить Катранджи и его «Интернационал» оружием всей линейки по совершенно символическим ценам. Но если Волынская будет выбивать скидки со «среднемировых», подзаработают девочки, и прилично. Только надо будет завтра шепнуть Тер-Исакяну, чтоб подыграл...

Вообще фамилия начальника административного управления штаба Черноморского флота была давным-давно, как это принято в Русской армии, унифицирована в Исакова, но каперанг любил подчёркивать свою принадлежность к роду потомственных священнослужителей армяно-григорианской церкви, которая как раз и обозначалась приставкой «Тер». И был этот каперанг, что знали только эрудированные члены «Братства», своеобразной реинкарнацией всем известного адмирала Исакова с Главной исторической, по крайней мере, подробности биографии до семнадцатого года у них совпадали. А до погон каперанга и ны-

нешней должности Иван Степанович дослужился сам, за восемь (теперь уже девять) лет. Из мичманов. А всего лишь человек пошёл по той линии, что была ему душевно ближе, а не той, что определлась после его перехода на сторону красных в предыдущей реальности¹.

Басманов вдруг пристально посмотрел на девушек, и они, почувствовав опять «командирский глаз», начали встревоженно оглядывать себя и друг друга в поисках «нарушений формы одежды» и прочих не порядков.

— Это вы так собрались явиться пред глаза встречающих вас представителей Верховного? Возможно, даже генералитета!

Действительно, подсознательно готовясь к первому неофициальному, наверняка тёплому крымскому дню, Марина с Кристиной оделись, нужно сказать, достаточно легкомысленно. И Сильвия им ничего не подсказала, змея подколотая, а Басманову, конечно, перед вылетом было не до того. А сейчас вдруг увидел их свежим взглядом.

Симпатичные платица, кто спорит, по стилю, цвету, материалу очень даже ничего. По меркам двадцать шестого уже года, конечно, «вперёд моды на вершок», но в целом довольно прилично и может послужить для тамошних дам очередным стимулирующим вызовом, как выражался профессор Тойнби. Но вот то, что в туфлях-босоножках и вдобавок без чулок — это уже ни в какие ворота! Примерно то же, что в РФ в ресторан топлес. Не могла Сильвия такой важной детали упустить, значительную часть жизни прожив в эпоху пуритан-

¹ См. И. Исаков. «Каспий, 20-й год», «Досуги старого адмирала» и др.

ства. С голыми ногами женщины в СССР начали ходить только в тридцатые годы (и то не от хорошей жизни), а на Западе — в конце шестидесятых, и то не все и не везде.

— Так, барышни. Деловые костюмы с собой имеете? Тогда извольте, пятнадцать минут на всё. Чулки тёмных оттенков — обязательно. А вот так — вечером в город пойдёте. Там эпатируйте сколько угодно.

Валькирии скрылись в кормовом отсеке, а Катранджи налил себе и Басманову ещё по рюмке, выпил, поцокал языком:

— Нет, ну до чего красивы, чертовки! Я сколько смотрю, столько и млею. Вот прямо всех бы в гарем забрал... Невозможно выбирать, да?

Сейчас Катранджи, вполне успешно изображавший русского купца Катанова, от нечего делать приоткрыл Михаилу свою истинную сущность. Действительно, турку, потомку владетельных пашей, хоть и прошедшему много лет в студенческой среде Петрограда, до сих пор трудно было отрешиться от генетически определённых свойств личности.

— Ты себе не льсти, Иван Романович. Тебе одной Кристины, если сумеешь её уговорить, до конца дней хватит. И нескучно будет. А про гаремы забудь, не потянешь. А по морде очень свободно схлопотать можешь, если сильно засматриваться на чужие ножки станешь. Хоть бы и на Маринины...

— От вас, что ли? — напрягся Ибрагим.

— При чём тут я? — искренне удивился Басманов. — Скажешь тоже! От Кристины, от кого ж ещё? Так что лови момент, пока обстановка складывается, и моли своего аллаха, чтобы девушка со-

гласилась. Тогда и комиссионные к тебе вернутся, в виде приданого...

— Да ну вас, Михаил, сейчас о другом думать надо, — словно бы даже смутился Катранджи, что выглядело очень странно и неожиданно.

— Об этом всегда думать надо, а остальные дела и подождать могут...

— То-то по вам заметно, о чём вы сейчас думаете...

Начавшийся обмен любезностями прервали вернувшиеся в салон валькирии. Удивительно, сколько всего, кроме оружия и амуниции, они ухитрились уложить в свои станковые рюкзаки и «перемётные сумы». Кто бы подумал, что и полный «комплект для официального приёма на государственном уровне» там поместится, причём так, что и гладить не пришлось. Теперь девушки выглядели «совсем как надо». Высокий класс! От Волынской с Верещагиной было сейчас глаз не оторвать. Красота и элегантность в чистом виде, без примеси сексологии с физиологией. Кристина ещё чуть поработала над собой, почти неуловимо усилив нестандартный левантийский шарм, и не подумаешь, что на самом деле она типичная светловолосая и светлоглазая «паненка».

Марина *осталась при своих*, просто сделалась чуть постарше (для солидности) и надела очень подходящие к должности юристки очки в очень изящной и очень дорогой оправе. Для начала XX века непривычный, надолго цепляющий внимание аксессуар. Тогда дамы носили очки лишь по крайней необходимости и весьма уродливого вида. Чем и хозяек превращали в уродок, вроде Крупской на известной фотографии. А те, что на валькирии, — настолько шикарны и хороши, что непременно во-

йдут в моду и, как всегда, с перебором против оригинала.

В остальном же на них были почти одинакового покроя, на первый взгляд весьма строгие английские костюмы, у Кристины фисташкового цвета, у Марины жемчужно-серого с перламутровым отливом. Чёрт, как известно, прячется в деталях, вот девушки этими деталями и позабавились. Не здесь, конечно, всё было подготовлено ещё в Москве и уточнено в Замке. Юбки чуть покороче, чем носили в двадцать шестом году, как раз настолько, чтобы привлечь внимание. Подобно тому, как в начале шестидесятых советские девушки произвели в стране настоящую революцию, дружно приподняв край юбок на три пальца выше колен. Всего лишь, а сколько шума тогда этот вызывающий демарш произвёл!

Рукава три четверти, немного более глубокий вырез жакетов, ткань блузок потоньше и на самую малость попрозрачнее, тёмно-золотистые чулки с лайкрой, превращающие ноги в отдельное произведение искусства, туфли с каблучками повыше и потоньше, чем носят там, носки заострённые, тонкие ремешки вокруг щиколоток. И, последний штрих — лайковые перчатки, которые можно надеть для полной тонности, а можно и так, в руке держать, по бедру или по другой ладони похлопывать...

— Ну, барышни, вы даёте, нет слов... — восхитился Басманов, а Ибрагим, довольно улыбаясь (на него, кажется, антиэротический предохранитель не подействовал), щёлкнул пальцами в воздухе и поднёс сжатую щепоть к губам.

— Боюсь, и вправду бо-ольшой процент вы, несравненные перы, завтра выторгуете...

— Кто о чём... — достаточно разборчиво, хотя и как бы в сторону, сказал Басманов.

«Буревестник», гудя моторами на реверсе, подрулил к отведённому месту пирса в гидропорту Стрелецкой бухты, как и предполагал Михаил. Там его встречали без помпы, но достаточно почётно — каперанг от флота, полковник от армии и отделение юнкеров Гвардейского флотского экипажа. Плюс надворный советник от гражданского губернатора. Командир гидроплана, получив опосредствованный *фитиль* от Басманова, тоже выстроил свой экипаж у трапа, сам приняв на себя роль *фалрепного*, то есть подавал руку или поддерживал под локоть членов делегации при сходе их с гуляющего вверх-вниз борта на бетон причала по короткому крутому трапу.

В двадцати метрах гостей ждали две зелёно-золотистых «Чайки» для почётных гостей, синий «Хорьх» сопровождающих офицеров, две машины дорожной полиции и три бронированных «Днепра» с морпехами в шоколадных беретах, наследниками по прямой тех самых рейнджеров первого призыва, у которых в полку Басманов был почётным шефом. Высшая мера уважения со стороны старморнача¹ или кого повыше.

— Забавляетесь, господин капитан первого ранга? — как бы между прочим осведомился Басманов, приняв рапорт и все положенные почести. — Пыль в глаза пускаете? Кому? Мне или делегации? Стоит ли так светиться? Мы бы и двумя машинами доехали.

Спросил он это специально въедливым тоном, поскольку каперанг уж слишком вытаращился на валькирий. Хотя, казалось бы, чего он ещё в жиз-

¹ Обычное в то время сокращение — старший морской начальник над портом или всем «водным районом», в данном случае включающем всё Чёрное и Азовское моря.

ни не видел, судя по погонам и орденским планкам?

— Никак нет, у нас это не принято. — ответил офицер, вернув глаза на место и поворачиваясь к Басманову. — Мне приказано, я исполняю... — а в голосе послышалось, — «не приказали бы, в гробу я видел и тебя, и твою делегацию».

Как будто от действительно серьёзных дел человека оторвали и заставили *свадебного генерала* изображать, не озаботившись при этом вручить соответствующие погоны.

— Представьтесь, каперанг, — попросил Басманов сопровождающего, потому что тот, рапортуя, своей фамилии и должности не назвал, а сам он никогда раньше этого офицера не видел. Да и вообще с флотскими не так часто приходилось общаться.

— Капитан первого ранга Смоляков, Ардальон Игнатьевич. Врид¹ командира броненосца «Три святителя». Приказано встретить, сопроводить и разместить согласно законов гостеприимства. Извините, если что не так.

— Да нет, что вы! Просто я подумал — реклама нам совсем ни к чему. А если кто-то решил, что такой помпой меня удивить можно...

— Прошу прощения, господин полковник, я и сам не сторонник. Но... — Он развёл руками.

КAPERанг был лет на пятнадцать старше Басманова, да и по числу нашивок за ранения давно мог числиться в отставке.

¹ «Врид» — временно исполняющий дела (или должность) — такая аббревиатура употреблялась на флоте в начале прошлого века взамен нынешнего «и.о.». Звучит солиднее, несомненно.

— А почему я вас не знаю, Ардальон Игнатьевич? Где каперанг Штейнгауз?

Штейнгауз Отто Леопольдович, прихвативший юнгой ещё турецкую войну семьдесят седьмого года, командовал броненосцем с первых дней воссоздания Югоросского флота. И в отставку уходить не собирался.

— Господин капитан взял трёхмесячный отпуск для поправки здоровья и на той неделе отбыл на воды. Так что пока я за него...

Всё это показалось Басманову достаточно странным. Если командир уехал в отпуск, его обязанности исполняет старший офицер, а не посторонний «врид». Да и молод слишком этот Смоляков, чтобы на такую должность идти. Ему на боевых кораблях служить надо.

Тут следует сказать несколько слов о «Святителях».

До появления дредноутов этот броненосец был одним из сильнейших в мире кораблей, и совершенно непонятно, почему в тысяча восемьсот девяносто седьмом, году зачисления в строй, его оставили в Чёрном море, где для него не имелось достойных противников, а не перегнали на Тихий океан. Корабль неплохо отвоевал Первую мировую, но в девятнадцатом году всё те же англичане, покидая Севастополь под натиском Красной армии, но не желая помочь и белым (кто его знает, как дальше сложится), не позволили флоту уйти в Одессу или даже Батум, взорвали на большинстве броненосцев и крейсеров паровые машины. В Югороссии ветерана, не модернизируя, как «Иоанна» и «Евстафия», до полной боеспособности, более-менее привели в порядок и решили использовать достаточно необычно.

Тут инициативу проявили Новиков с Шулгиным, пользовавшиеся в двадцатом и двадцать первом годах у Врангеля непререкаемым авторитетом и в политических, и в военных вопросах. Не говоря уже о чуде спасённом и назначенным на должность командующего Морскими силами Югории Колчаке. Прежде всего, броненосец оказался хорош на роль ключевого узла обороны тогдашней столицы только что организующегося государства. Всё же вооружён «Три святителя» был посolidнее самого мощного берегового форта любого государства той эпохи: четырьмя 305-мм весьма дальнобойными орудиями с хорошей баллистикой и достаточным запасом снарядов, четырнадцатью шестидюймовками Канэ и двумя десятками скорострельных «противоминных» пушек. С учётом новых реалий ему добавили избыточное даже для конца Второй мировой количество универсальных ПВО-ПТО¹ автоматов 37 и 85-мм калибра, плюс несколько десятков неведомых в этом мире счетверённых, спаренных и одиночных пулемётов КПВ и ДШК, способных сами по себе уничтожить в двухкилометровом радиусе на земле, в море и в воздухе практически любую цель, кроме броненосных кораблей, естественно.

Да и бронирован «Три святителя» был уникально для российской морской практики, в развитие своего прототипа «Наварина» — 457 мм

¹ В годы перед и во время Второй мировой войны весьма популярны были универсальные орудия противовоздушной и одновременно противотанковой обороны. В целом идея себя оправдала. Самый яркий пример — немецкая 88-мм зенитная пушка Flak-18, прославившаяся как единственное эффективное средство борьбы с советскими танками в 1941 – 1942 гг.

главный пояс и 406 мм — башни и рубка. К примеру, русские «дредноуты» типа «Гангут» и «Императрица Мария» были защищены ровно вдвое слабее.

Броненосец посадили на банку напротив Николаевского мыса, и с этой позиции он мог перекрывать огнём входы в Севастопольскую и Южную бухты, весь город и подходы к нему с суши на десять с лишним морских миль.

Последние годы опасность внезапного нападения на Севастополь была сведена практически к отрицательной величине, и команда броненосца-форта, числящаяся за вторым гвардейским флотским экипажем, в большинстве своём несла службу на берегу, сохраняя при этом двухчасовую готовность к занятию мест по боевому расписанию. А постоянно на корабле находились только вахтенный офицер, караульный взвод, расчёты дежурных пулемётов и сигнальной трёхдюймовой пушки на крыше носовой башни. Чтобы в случае чего отразить внезапное нападение вражеских морских диверсантов (буде такие у кого-то из вероятных противников появятся) или воздушный налёт замаскированного под гражданский самолёт, дав время прибыть на боевые посты остальной команде.

Предосторожность, очень может быть, что и излишняя, всё-таки глубокий тыл, и международная обстановка не предвещает ничего внезапного и экстраординарного, но опыт у основателей Югороссии был обширный. И исторический, и личный. Начиная с Порт-Артура. Так что, как выражался один из батарейных фельдфебелей у Басманова, ещё в самом начале Мировой войны, Михаил и фамилию его успел забыть, что-то в гоголевском сти-

ле, «Вискряк не Вискряк, Мотузочка не Мотузочка»: «Хай будэ!»¹.

Универсальный подход к любой почти служебной ситуации — неважно, нужна сейчас та или иная вещь из снаряжения и амуниции или состояние повышенной боеготовности в тыловом вроде бы районе, когда так тянет расслабиться. А вот сказал фельдфебель — «хай будэ», и всё, винтовку в руки, бебут² на пояс и — в боевое охранение. Басманов многократно убеждался, насколько правильной была такая жизненная позиция в самых разных обстоятельствах.

А потом, когда из Севастополя уходила в дальние моря, к будущему Форту Росс, «Валгалла», Воронцов посоветовал, «чтобы добро не пропало», устроить на броненосце нечто вроде полевого штаба филиала «Андреевского братства» в этой реальности. Места на корабле, не предназначенного больше для свободного плавания, хватало — почти половина судовых помещений годилась для намеченного. Адмиральские помещения, салон командира, кают-компания на юте с выходом на кормовой балкон, двадцать шесть одноместных офицерских кают в надстройке, камбуз, буфетная, склады для «сухой и мокрой провизии», и множество других помещений, ненужных для обеспечения единственной оставленной броненосцу боевой функции — артиллерийской.

Должным образом настроенным биороботам парохода, использующим почти неограниченные

¹ Пусть будет (укр.).

² Бебут — кривой обоюдоострый кинжал, состоял на вооружении нижних чинов артиллерийских, пулемётных, сапёрных частей российской армии в начале XX века.

материальные запасы «Валгаллы», хватило нескольких дней круглосуточной работы, чтобы превратить жилую часть броненосца в этакий плавающий отель, сочетающий береговые роскошь и комфорт с неистребимой морской экзотикой яхты какого-нибудь американского мультимиллионера (отечественные российские олигархи в то время ещё отсутствовали как класс). Яхты Николая Второго «Полярная звезда» и «Штандарт» были оформлены не в пример скромнее.

Причём спланировано всё на «Трёх святителях» было таким образом, чтобы боевой экипаж во время нахождения на корабле — регламентные работы, тренировки «по заведываниям», полномасштабные учения, приборки и т.п. делать приходилось, согласно уставам и инструкциям, — никак не пересекался с пассажирами и обслуживающим персоналом. Вот если настоящий бой, тогда действительно все заботы о покое и комфорте гостей полетят к чёрту и броненосец превратится в то, чем по своей сути и являлся — артиллерийскую платформу, предназначенную единственно для доставки снарядов из погребов к цели, посредством сложнейших механизмов, пушечных стволов, оптики прицелов и, конечно, специально на то обученных людей.

На «Трёх святителях» обычно поселяли высокопоставленных гостей «из центра», военных и гражданских, а в остальное время использовали по собственному усмотрению военного губернатора, коменданта гарнизона и командира над портом¹.

¹ Командир над портом — в описываемой реальности наименование старшего административно-хозяйственного начальника военно-морской базы и относящихся к ней учреждений, отвечавшего за всё, кроме боевой подготовки и несения службы на боевых кораблях, состоящих в кампании.

И ресторан там был хорош, укомплектованный лучшими из возможных поваров, и каюты, от обычных одностельных до громадных, по типу адмиральских апартаментов, не уступали номерам в лучшей севастопольской гостинице, без затей названной «Морская». Басманов, кстати, имел здесь собственные, на ключ запертые помещения, жилые и рабочие, но пользовался ими крайне редко, предпочитая виллу возле Гурзуфа или форт на Мраморе.

Так что, пожалуй, решение разместить *делегацию* на броненосце было принято на самом вер-ху, хотя совсем недавно, перед выездом Басманова в Москву, предполагалась Ливадия, для большей приватности мероприятия. Неизвестно, доложил ли генерал Шатилов о происшествии с «Гебенем» Верховному правителю¹, но сам необходимые выводы из происшествия сделал и к совету *всего лишь полковника* Басманова прислушался.

Вообще между «Братством», полномочным представителем которого Михаил Николаевич неофициально считался, и руководством им же («Братством», а не Басмановым, естественно) созданного государства существовали редкие в истории взаимоотношения.

Югороссию никак нельзя было назвать вассалом, протекторатом, лимитрофом или как-либо ещё на политическом сленге, поскольку она была абсолютно суверенна и не входила ни в какой союз, федерацию или конфедерацию, даже

¹ Верховным правителем Югороссии с 1920 года был генерал от кавалерии Врангель П.Н. (1878 г.р.). Генерал от кавалерии Шатилов П.Н. занимал должность Председателя Высшего Государственного Военного совета (аналогично главе парламента и правительства одновременно).

и с РСФСР. Хотя и претендовала на полное правопреемство от «Большой» Российской империи. Жила по собственному усмотрению, ни на кого не равняясь, свободно и управлялась властью, пребывающей в полной *симфонии*¹ с населением. Получилось нечто вроде аналога современного нам Израиля с его специфическими взаимоотношениями между народом, правительством и армией.

Слишком много пришлось пережить этому населению за годы «настоящей» (в отличие от той, что случилась в мире Секонда и Тарханова) Гражданской войны, чудом выжить на последнем клочке русской земли и каким-то чудом вновь стать гражданами нормального, спокойного, более того — процветающего государства, снабжённого всеми атрибутами «цивилизованности и свободы». Поэтому тем семидесяти или восьмидесяти миллионам «югороссов» (переписи здесь до сих пор не проводилось), кто насмотрелся на прелести военного коммунизма, лишился друзей, родственников, брошенного, реквизированного или экспроприированного в РСФСР имущества, пожил в прифронтовой полосе или на территориях, подвластных всевозможным «правительствам», «радам», «меджлисам»

¹ Симфония — в данном случае политический термин, имеющий происхождение в Византии. Подразумевается гармоническое сочетание целей и интересов различных организаций, институций, политических и иных сил государства. Конкретно в Византии — базиликов и православной церкви, в отличие от территорий бывшей Западной Римской империи, где католическая церковь и светские власти находились в постоянном противоборстве и конкуренции за власть. Отсюда в принципе пошла и пресловутая «демократическая» «система сдержек и противовесов» в государственном управлении, что при логическом рассмотрении является абсурдом.

или просто большим и малым «батькам» и «атаманам», нынешняя стабильность была дороже всего. Раскачивать только-только миновавший смертельные рифы государственный корабль желающих в массе населения не находилось. Тех, кто был на это способен, или перебили в ходе завершающих «окончательное оформление границ» боёв, или выслали (в добровольном порядке или насильственно) в РСФСР, в «царство рабочих и крестьян». Иногда к этому полуофициальному наименованию «советской России» добавляли — «плохих рабочих и крестьян-бездельников».

Так вот, для высших руководящих кругов Югославии дипломатические отношения с «Братством» более всего напоминали таковые с духами предков в роду или племени первобытно-общинной эпохи. А полковник Михаил Фёдорович Басманов, таким образом, принял на себя роль шамана — посредника между «миром людей» и «страной удачной охоты». И аналогия эта было гораздо глубже и точнее, чем могло показаться на первый взгляд.

Прежде всего, в отсутствие на территории Югославии Берестина, Новикова или Шульгина, по-прежнему сохранявших за собой достаточно значимые государственные должности, «шаман» был единственным в стране человеком, который знал, как общаться с «духами», и имел с ними постоянную, недоступную никому другому связь. Кроме того, что весьма немаловажно, общение это было гарантированно результативным. Служитель ни одной религии не мог похвастаться тем, что его обращение (молитва, камлание) в ста процентах случаев дойдёт до адресата и обязательно будет рассмотрено, с положительной в большинстве случаев резолюцией. Главное — не просить невозможного

по технологическим или этическим меркам означенных «духов». А мерки (рамки, границы) Басманов знал.

Ну и как положено во всякой первобытной анимистической¹ религии, культ немедленно оснастился огромным количеством как домыслов, так и всевозможных табу. Главнейшее из них, непременное и обязательное именно для высшего руководства — не обсуждать даже между собой и не рассуждать об истинной подоплёке событий, приведших к Победе Двадцатого года. Это может показаться странным человеку конца XX и начала XXI века, но именно так и было. Девиз Ордена Святого Николая Чудотворца — «Верую спасётся Россия», вот и не следует выходить мыслью за пределы этого девиза. При этом считалось обязательным принимать все предлагаемые «Братством» блага и выполнять его рекомендации (крайне редкие) и просьбы (ещё более редкие — две или три за все прошедшие годы).

То, что «покровительствуемая» или «опекаемая» держава в лице своих руководителей в какой-то момент «возомнит о себе» и пожелает изменить свой статус, или что эти самые руководители поведут себя подобно пушкинской старухе — исключалось полностью. Без всяких высоких материй и тонких политических ходов до Врангеля и всего его окружения была доведена простая, тоже имеющая быть только в сказках мысль — каждый из них при правильном поведении может рассчитывать на неограниченно долгую жизнь без болезней и фактически без старости. В этом лично убедился ещё

¹ А н и м и з м — от *лат.* Animus (дух, душа) — вера в существование потусторонних нематериальных существ, управляющих материальным миром.

в двадцатом году сам Пётр Николаевич Врангель, после того как Сильвия в образе жрицы неведомого культа за один сеанс излечила его от тяжёлой сердечной болезни, через несколько лет долженствовала привести его в могилу¹.

Все же остальные, *непричастные* лица, до которых безусловно доходила информация обо всяких странностях, в том числе и межвременных переходах (от тех же офицеров, побывавших и в Москве, и в Берендеевке, и на англо-бурской войне), могли думать, говорить и писать абсолютно всё, что им приходило в голову. Государственная власть и средства массовой информации относились к теме точно так же, как в иных реальностях к трудам Фоменко, уфологии, целителям вроде Кашпировского или филиппинских хирургов и к ясновидцам всех мастей. В итоге и большинство образованных людей придерживались той же позиции, а прочих, «лиц податного сословия», это просто не интересовало.

— Хорошо, Ардальон Игнатьевич. Рад знакомству. Поехали, не будем тут *отсвечивать*, процедуру взаимных представлений и более близкого знакомства проведём на месте. Не возражаете?

— Не имею оснований, решения принимать мне не поручено, я инструкции и ваши *пожелания* исполняю...

Молодец каперанг, соображает, что полковник Басманов со своими погонами едва ли не то же, что Государь Николай Александрович. Тот тоже до конца носил «два просвета без звёздочек», однако едва ли какой угодно генерал на этом основании осме-

¹ В нашей реальности П.Н. Врангель умер в 1928 году в эмиграции, в должности председателя созданного им «Российского общевойинского союза».

лился бы отнести к его чину всерьёз. Так и с Михаилом Фёдоровичем — все, кому положено, знали, что он, с одной стороны, строевой гвардейский офицер, герой двух войн, многих орденов кавалер, командир и шеф всех спецподразделений Югороссии, а с другой — человек, которому что-либо приказать может только сам Верховный. С прочими старшими офицерами и сановниками державы он общался, как правило, на равных, а в сфере своих служебных прерогатив — вежливо, но непреклонно, невзирая на число звёзд и орлов на погонах собеседника.

Кому нужно, знали, в чём причина такого особого положения обычного, в общем-то, полковника, даже возрастом не выделявшегося на фоне многих других героев Гражданской войны, а все прочие могли строить любые предположения, это не возбранялось, главное — не переусердствовать.

На броненосце понравилось и Ибрагиму, и девушкам, особенно после заверений Сильвии и Арчибальда, что Югороссия недоступна вмешательству враждебных *потусторонних* сил. А все трое не понаслышке знали и о степени опасности окружающего мира, и о ценности надёжного убежища. «Три святителя» был таким убежищем уже внутри государства, самого по себе бывшего одним из самых безопасных мест на Земле. Вроде неприступной крепости на недостигаемом острове — в этом мире просто не существовало технических средств или спецподразделений, с помощью которых неприятель мог бы проникнуть на корабль и причинить вред его пассажирам, гостям, постояльцам...

В конце XX века на ГИП такие вещи имелись, здесь — нет. Триста метров морской воды от набережной до корабля, окружённого сплошной стеной, от поверхности до дна, противоторпедных сетей, сверху донизу обмотанных «Егозой» с бритвенно-острыми лепестками, несколькими слоями спиралей Бруно. В клубках колючей проволоки прятались многочисленные масс-детекторы и датчики тепловизоров, настроенные именно на подводных пловцов и не реагирующие на рыбу и дельфинов. В придонный ил были погружены мины типа сухопутных «МОН» и «лягушек», в случае инициации запалов способные поражать живую силу осколками и гидравлическим ударом, безвредным для самого проволочно-сетевого заграждения и корабля.

А дальше отвесный восьмиметровый надводный борт и бдительно несущая службу вахта. При поднятых трапах на броненосец не смогли бы проникнуть ни прославленные итальянские диверсанты из десятой флотилии МАС¹, ни герои нынешних сериалов про «Морских дьяволов». А дальнобойных ракет с термобарическими боеголовками, реактивных самолётов-носителей и даже обычных сверхмалых подводных аппаратов с дистанционным управлением манипуляторами здесь пока не придумали.

¹ Итальянское подразделение подводных морских диверсантов времён Второй мировой войны, использовавших легководолазное снаряжение (за отсутствием тогда аквалангов), катера, гружённые взрывчаткой, сверхмалые подводные лодки и т.п. Прославилось несколькими успешными операциями против английского флота. Одно время им командовал князь В. Боргезе. Некоторые любители «нездоровых сенсаций» приписывают ветеранам этой флотилии потопление линкора «Новороссийск» (бывш. «Джулио Чезаре») в Севастополе 29.10.55 г. Данное утверждение документальных подтверждений не имеет.

Катранджи как главу делегации разместили в бывшем адмиральском салоне, приведённом в соответствие с нормативами парижского отеля «Риц» или какой-нибудь «Рэдиссон Славянской». Напротив, по другую сторону коридора, ведущего в кают-компанию, в бывшей трёхсекционной (салон, спальня, кабинет) каюте командира поселились Кристина с Мариной. Басманов ограничился всего лишь двухкомнатным номером, бывшей каютой старшего офицера.

— Мы в город поедём? — спросила Марина у Басманова, когда размещение было закончено и девушки вышли на широкий кормовой балкон, откуда отлично была видна Нахимовская набережная, за последние пять лет превратившаяся в шикарный променад, ничуть не хуже, чем в Ницце, например. — Ужасно хочется посмотреть своими глазами, как вы тут живёте...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

...В словах девушки Басманову послышалось невысказанное — «Как Ты тут живёшь?» и даже — «Как мы с тобой здесь жить будем?». Отчего-то ему казалось, что всё уже решено, нужно только найти подходящий момент и закрепить словами то, что, как Михаил надеялся, чувствовали они оба.

— Это уж как ваше желание будет, — ответил ей Басманов. Они впервые оказались с Мариной вдвоём, вообще впервые, не только с момента, как она почувствовала возникшее у неё душевное к полковнику влечение, а он, в свою очередь, это

заметил и ощутил самый первый намёк на готовность ей ответить.

— Я связался с министром, ответственным за работу с нашей делегацией, он согласился, что гораздо удобнее для всех будет начать переговоры завтра в десять утра, в помещении Офицерского собрания флота. Решили, там самое подходящее место, по многим причинам. Таким образом, Марина Васильевна, сегодняшний вечер в нашем полном распоряжении. У меня есть несколько, так сказать, полуофициальных предложений по «культурной программе», но решать, безусловно, вам. Вот подойдут Ибрагим и Кристина Станиславовна, всё и обсудим.

Марина, безусловно, предпочла бы какой-то вариант времяпрепровождения только вдвоём с Михаилом, хотя бы даже в театр пойти, на местный бомонд полюбоваться, но понимала, что это едва ли будет правильно понято. Прежде всего Кристиной, которая ни в коем случае не желает оставаться наедине с Ибрагимом. О чём только что, в очередной раз переодеваясь в каюте, ей сказала.

— Знаешь, в нём есть нечто такое, перед чем мне трудно устоять. Я почти точно знаю, что если он будет слишком настойчив, я не устою. Хотя совсем не хочу этого. Понимаешь?

Марина не понимала, у неё мысли были заняты совсем другим, да и по темпераменту они сильно отличались.

— Это один раз уже почти случилось, — говорила Кристина, прикидывая перед зеркалом, какое из трёх имевшихся в её резерве платьев подойдёт для сегодняшнего вечера. — Я один раз уже лежала перед ним, в самом *приглашающем* виде, и сопротивляться совершенно не могла, как в дурном сне.

Он был совсем готов, во всей красе, а я вся дрожала, чувствовала, что не хочу, не должна и в то же время ждала с нетерпением. Понимаешь?

Марина опять отрицательно мотнула головой.

— Впрочем, тебе и не нужно понимать. Поэтому не оставляй меня наедине с ним, пока я сама не попрошу. Совершенно не нужно, чтобы он меня поймел, как истинную секретаршу, на ближайшем диване, а то и прямо на полу... И я смертельно боюсь, что мне это может понравиться...

Марина от удивления даже замерла, прекратила подводить веки тушью по здешней моде. Внимательно посмотрела на подругу, на её подёрнувшиеся тем, что называют «поволокой», глаза. Действительно...

— Так поставь себе блок, и всё на этом...

Любая из них могла ставить антиэротические преграды не только снаружи, но и внутри себя. Решила, допустим, что именно в сегодняшний вечер, или всю неделю, или даже год никакие чувства и желания в тебе не возникнут — и пожалуйста, этих проблем у тебя не будет. Словно у евнухов византийских императоров, занимавших высшие государственные и военные посты. При отсутствии «основного инстинкта» все силы, мысли и энергию можно направить на решение интеллектуальных задач. Во всей этой технологии один минус — нельзя назад отыграть: решила быть фригидной месяц, так все тридцать дней и будет, а иначе какой же смысл? Как с алкоголиком получится — железно завязал, но строго до момента, когда бутылку в шаговой доступности увидел.

И пока этот блок стоит, никакой соблазнитель или насильник с ней ничего не сможет поделаться. Будет сопротивляться с применением всех своих

сил, что означает в случае безрассудной настойчивости пациента самые тяжёлые последствия, вплоть до смертельного исхода. Быстрого или мучительного, с затяжной агонией — это уж как покусившемуся повезёт.

— Вот ещё! Я девушка эмоциональная. У меня же и другой вариант может подвернуться, поинтереснее. И что тогда? Просто знаю я этих азиатов. Уж кому-кому, а Ибрагиму — только после свадьбы и венчания.

— Так он же мусульманин?!

— Сильно захочет — перекрестится. Евреи вон через одного выкресты — и ничего...

— Так ты вправду готова за него пойти? — с наивностью двадцатилетней девушки, имеющей о мужчинах лишь теоретическое представление, спросила Марина.

— А что такого? Для общего дела ничего лучше не придумаешь...

— А любовь и всё такое?

Кристина коротко и как-то суховато рассмеялась.

— Любовь? А не абстракция это, для таких, как ты, придуманная? На Сильвию посмотри или на Татьяну Тарханову. Где там «любовь»? А замужество сильно мешает? Зато все тылы прикрыты.

— Ну... — Марина, с её нынешним романтическим настроем, никак не могла разделить подобно-го циничного отношения к самому святому.

Сначала на балконе появился Катранджи, а минут через пять после него и Кристина. Сейчас обе девушки были в светлых летних платьях, подходящих и для прогулок по бульвару, и для ресторана, в крайнем случае — и для театра. Дуновения бриза

то и дело прижимали лёгкую ткань к девичьим телам, подчёркивая те или иные их достоинства.

— Только, барышни, — сказал Басманов, — шляпки вам нужны обязательно, с короткими вуалетками, без них так же неприлично, как без чулок и этих... — Он замялся, не желая вслух произносить в его мире неприличное слово «бюстгальтер». В мужских устах неприличное, разумеется, если его при женщинах произносить, как и многое другое, впрочем. Как говорил один знакомый капитан второго ранга, литератор, кстати: «Можно брать в руки сокровенные части тела баронессы, но нельзя назвать их своим именем, хотя эти же слова произносятся утром вслух на палубе при пяти сотнях матросов...»¹ Девушки поняли, засмеялись, их военная служба приучила любые слова не краснея выслушивать.

— А в Царьграде же обошлись, — привычно стала наперёк Кристина, не потому, что к шляпам имела неприязнь, а из принципа.

— Там вы на людях не появлялись, кроме как в ресторане...

Пользуясь случаем, Басманов тут же и прочитал гостям небольшую лекцию о нравах и обычаях здешних мест и их аборигенов. Как всякий гвардейский офицер, он был полностью в курсе всего, относящегося к жизни и света, и *полусвета*².

¹ См. Л. Соболев, «Капитальный ремонт». Соболев действительно был капитаном второго ранга, но советской службы. От Временного правительства успел получить только мичмана.

² В дореволюционной России и в Югороссии иронично-звфемическое обозначение части общества, старающейся манерами и образом жизни подражать аристократии, не являясь её. *Дамами полусвета* обычно называли женщин весьма лёгкого поведения, формально проститутками не являющихся.

Предварительно он послал старшую над каютными горничными, профессионально разбирающуюся в предмете, в ближайший галантерейный магазин — приобрести для дам нужные предметы, сообразно внешности и одежде каждой. В цене велел не стесняться.

— Я так понимаю, что в посещении ресторана для вас никакого интереса нет, — начал Басманов, и Кристина тут же вставила: — Какая проницательность!

Марина бросила на неё негодующий взгляд, но полковник не отреагировал.

— Просто кататься по окрестностям — банально. В театрах сейчас ничего достойного внимания — не сезон. Зимой, бывает, от большевиков их «р-революционные театры» приезжают. Бывает забавно. Особенно когда «старый режим» обличают...

— И у вас такое позволяется? — удивилась Марина.

— А почему нет? Разагитировать они никого не разагитируют, а с художественной точки... Я недавно «Мистерию-буфф» Маяковского смотрел. Глупо, но впечатляет. Можно в варьете направиться, тут бывшая питерская «Бродячая собака» круглогодично гастролирует¹, но, на мой взгляд, вам бы интереснее посетить какой-нибудь бал, суаре или нечто в этом варианте. В высшем свете, так сказать, повращаться. Здесь постоянно у кого-то организуется. Вот, только на сегодня... — Он достал из кармана довольно приличную па-

¹ Басманов употребил этот термин, потому что очень многие в Югории надеялись на достаточно скорое восстановление России в исторических границах, что, конечно, являлось на тот момент полной утопией.

чекку пригласительных билетов, переданных ему Смоляковым.

— Так — супруга начштаба флота графиня Мо-лас даёт приём по случаю шестнадцатилетия своей дочери Анны. Это не советую, скучно будет. Вот поинтереснее — вечер поэзии у гражданского вице-губернатора. Там веселее, «с подачей прохладительных и иных напитков», но к концу поэты непременно переберут и устроят скандал. Это... это... это... — полковник быстро перебирал приглашения, зная, что сейчас лишает очень многих уважаемых людей великолепной возможности утереть нос не менее уважаемых, приняв у себя *таких* гостей. А куда денешься — любой выбор есть насилие над чем-нибудь, и стоит всё-таки отдать предпочтение собственным интересам перед ложно понятым альтруизмом.

— А сюда бы стоило заглянуть, — Басманов держал в руках глянцевою картоночку. — У Симбирцевых сегодня «детский крик на лужайке»...

— То есть? — не поняла Волынская. Катранджи просто слегка усмехнулся. Он хоть и турок, за время Петроградской жизни усвоил некоторые эффемизмы, принятые в свете.

— Это означает достаточно раскованное мероприятие на свежем воздухе, на даче в данном случае. Предполагаются танцы, подвижные игры и всё сопутствующее. Само собой — вечерний чай (из книги Елены Молоховец и других источников девушки знали, что в это время «вечерний чай» означал «собрание знакомых для дружеской беседы, которая не продолжается далеко за полночь. Поздний вечерний чай, разливаемый хозяйкой, может заменить и ужин, к нему подаётся десять-двенадцать видов холодных закусок, пять-шесть сортов

вин, ликёров, пуншей и коньяков, а также и сладкое»¹). Детей точно не будет, это просто к слову, из Бальмонта, кажется — «Будьте как дети».

— И ещё песня в другой России скоро появится: «Мы будем петь и смеяться, как дети, среди великой борьбы и труда...» — вставила мельком Марина.

— Видать, они там на голову больные, — предположил Басманов. — В литейном цехе хорошо смеяться, в листопрокатном и попеть можно... — и продолжил: — А Симбирцевы — это весьма почтенная семья, авторитетная в Крыму, и не только. Он — инженер, статский советник по министерству путей сообщения, совладелец Юго-Западной железной дороги². Жена — очаровательная дама, профессиональная меценатка. Рекомендую принять именно их приглашение. Узнаете много нового и интересного.

— Старые, наверное? — сморщила нос Кристина.

— Ему — лет сорок, ей — не больше тридцати, но никто не рискует уточнять. Так поедем? Молодёжи тоже много обычно бывает. Многие романы так завязываются...

— С удовольствием, — кивнул Ибрагим. Его сразу заинтересовал хозяин. Собственник железной дороги — это по-любому серьёзно и всегда заслуживает внимания. Девушкам же куда интереснее показалась возможность сразу познакомиться с новым миром *изнутри*. Что может быть лучше?

¹ См. Е. Молоховец. «Подарок молодым хозяйкам». СПб, 1887 г.

² ЮЗЖД — в этом мире дорога Севастополь — Одесса — Тирасполь и далее на Бухарест и т.п. Весьма рентабельная в финансовом смысле.

Оказаться на вечеринке «белыми воронами» они тоже не опасались — иностранкам многое позволено не знать, а общение с Сильвией, Ларисой, Майей, Натальей Воронцовой научило их многому такому, что здесь пока неизвестно.

На официальном уровне Югории ни для РФ, ни для Империи по понятным причинам не существовало. С самого начала так повелось и с Антоном было обусловлено — кроме рыцарей «Братства» и некоторых избранных югороссов, перемещаться через «границу» не позволялось никому. Только вот сейчас наметились *новые веяния*.

— А как туда принято одеваться? — встревожилась Кристина.

— Как есть, так и подойдёт. Это ведь загородная дача, так что женщинам и теннисные туфли допускаются, мужчинам без галстуков можно. Но это и все послабления, — Михаил развёл руками. — Не XXI век здесь.

Времени до назначенного часа было достаточно, Михаил предложил прокатиться по окрестностям в открытом автомобиле и заодно продолжил свою познавательную беседу о международном, экономическом и социально-политическом положении Югории, чтобы гости не попадали в просак каждую минуту, беседуя с незнакомыми пока людьми. Хотя ты из Парагвая будь, а основные-то константы мировой геополитики знать полагается, раз валькирии не выбрали себе роль сестричек-хотушек, раз и навсегда прекративших своё образование, отсидев по три года в трёх первых классах пансиона «условно-благородных» девиц.

...Прежде всего приняли к сведению, что вокруг сейчас третье сентября тысяча девятьсот двадцать

седьмого года. А о «двадцатом пятом» те, кто был осведомлён, говорили просто для обозначения реальности. Именно в этом году все проблемы послевоенного «реконструктивного периода» были решены, и страна начала жить как нормальное благополучное государство.

Примерно так же Азимов в «Конце вечности» не говорил ни о странах, ни о конкретно-исторических ситуациях, а просто о столетиях. «Четыреста восемьдесят второе», допустим, где жила возлюбленная Харлана. «Оно характеризовалось тем-то и тем-то» и достаточно, к чему лишние подробности.

В Крыму двадцать седьмого года стояла чудесная пора начинающейся южной золотой осени. Небо густо-синее, без единого облачка, бриз с моря, пролетая сквозь многочисленные частные сады и парки, а также большой земский Ботанический, напитывается запахами всевозможных кустарников и цветов, экзотических и эндемичных. Политические горизонты вокруг Державы после событий двадцать четвёртого года¹ столь же ясны, как горизонт физический, очерчивающий мерно колышущееся, хотя и штилевое море на юге.

Этот год, кстати, двадцать седьмой — тот самый, в котором концессионеры искали свои стулья. И в РСФСР жизнь примерно походила на описанную соавторами, жившими и здесь не в югорской родной Одессе, а в Москве, как в прошлой реальности. Не так уж глупо они поступили, хотя и обвиняли их в этом многие, равно как и в предательстве. Всё же Москва есть Москва, и хорошие

¹ См. «Андреевское братство».

писатели, верно уловившие дух времени, жили там получше, чем их коллеги в Югории, где таких было гораздо больше реальной потребности. «Оставшимся с народом» платили золотом и бонами «Торгсина», за казённый счёт посылали за границу на несколько месяцев, для ведения пропагандистской работы среди тамошней «левой» интеллигенции.

Ильф с Петровым устроились у большевиков примерно как в нашем мире вовремя вернувшийся в СССР из эмиграции Алексей Толстой. Дачи, «буржуйские» квартиры в центре, почти как у профессора Преображенского, личные автомобили. Но, правда, они, как и Алексей Толстой, писать действительно умели. На мировом уровне, тот же «Гиперболоид» на голову превосходил любые подделки западных фантастов двадцатых годов. И тут же — «Петр Первый», «Хождение по мукам». Лариса, контролировавшая культурную политику ВКП (б), внимательно следила за любимыми авторами, и её попечением Ильф уже проходил профилактический курс лечения от туберкулёза. Так что можно было надеяться, что ещё лет тридцать после года своей безвременной кончины он проживёт. И Петрову не придётся погибать на фронте в сорок втором, здесь *той* войны точно не будет. Так что от соавторов здесь можно было ждать в ближайшем будущем те же «Двенадцать стульев», и вряд ли сильно отличающиеся от оригинала. Факт существования Югории только подбавит «перчика» в сюжет. В сатирическом, естественно, ключе. Лариса даже подумывала, забавы ради, подарить писателям их же книгу, издательства «Земля и фабрика», Москва, 1928 г. На презентации местного варианта.

Троцкий ввёл у себя в РСФСР НЭП сразу же, как только получил власть. Регулярных, весьма тайных дотаций из Югославии, вместе с доходами от широко практиковавшихся иностранных концесий и экспорта «возобновляемых ресурсов» вполне хватало, чтобы не спеша налаживать в стране Советов приемлемую для неизбалованного русского человека жизнь. А избранным пайки и квартиры выдавались такие, что купить просто так, «за свои», — никаких гонораров не хватит.

ВЧК, уже переименованная, как и предложил некогда Левашов Троцкому, в ОГПУ, под контролем его, Ларисы, бывало — и самого Шульгина, руководимая полностью прикормленным и перевоспитанным Аграновым, занималась только тем, чем и положено заниматься тайной полицией в приличном государстве. Причём ОГПУ было именно «тайной» на 90%, форму носило и по кабинетам сидело очень небольшое число людей. А все остальные выполняли свои функции «по совместительству», и любой инженер, слесарь, бухгалтер, завскладом или, наоборот, к нему обращающийся снабженец из соседней области мог оказаться оперсотрудником экономического отдела ГПУ. А отдел «экономический» не потому, что занимается финансовыми вопросами Управления, совсем напротив — экономическими преступлениями в масштабах от артели инвалидов до Совнаркома Республики.

Это Шульгин с Левашовым так придумали. Ещё в двадцатом году Олег, воспитанный отцом — твердокаменным коммунистом, резко возражал против идеи помощи белым против красных. Но дружба возобладала над догмами, и Левашов согласился поэкспериментировать с конфедерацией белой и красной Россией. Тем более договорились, что

и Врангель, и Троцкий будут плавно и аккуратно приведены к некоему общему знаменателю. Но прежде — никуда не денешься — белые должны свою половину партии блестяще выиграть, а красные при этом как бы и не проиграть. Справились, мир заключили, под интересным, лично Львом Давидовичем изобретённым обоснованием, на что он был большой мастер: — «Добрый мир с Врангелем (который тоже демократ, но несколько иного толка) гораздо лучше худой ссоры с ним же. Бывшие враги всегда лучше бывших друзей, и вообще, исходя из диалектики, враг во многом лучше друга, ибо враг предать не может, а друг — сплошь и рядом. Враг может эволюционировать в друга, а друг — только во врага, что не в пример хуже».

— Это, получается, мы теперь и у себя хотим в гораздо больших масштабах повторить уже обкатанную здесь программу? — спросила Марина.

— Выходит, так, только обстоятельства там и тут немного разные. Белые с красными действительно непримиримыми врагами были, кровушки море пролили, а РФ с Империей что же различает? Ничего, в общем, кроме вопроса, кто в конце концов главнее будет...

— Это разве обязательно? — вдруг спросил Ибрагим, до этого заинтересованно слушавший. — Я вот надеюсь, что российский Президент, Император и я как-нибудь сумеем поделить мир без крови и скандалов...

Басманов повернулся к Катранджи, глядя на него, как на редкостный экземпляр антропологического музея.

— Вы трое, может, и поделите. А после? Все не вечны, особенно вы, Иван Романович... — сказал он с едва-едва уловимым презрением гвардейско-

го офицера к бандиту, хотя и крайне цивилизованному. Катранджи эта интонация не оскорбила, возможно, и наоборот.

— Ваши слова да Богу с Аллахом в уши, Михаил Фёдорович, чтобы на протяжении наших жизней всё сложилось, а что потом...

Он особенным образом сложил руки перед грудью, сделал подобающее восточному мудрецу лицо:

Коль день прошёл, о нём не вспоминай,
Пред днём грядущим в страхе не стенай,
О будущем и прошлом не печалься,
Сегодняшнему счастью цену знай...

И хитровато покосился в сторону Волынской.

Басманов предпочёл свернуть тему и продолжил свой «краткий очерк по истории современности».

Разумеется, о повторении сталинской коллективизации и того же типа индустриализации в «красной России» теперь и речи не шло, как и о небрежно забытой «теории перманентной революции». Достичь бы, как говаривал полувесом позже Дэн Сяопин, «средней зажиточности», и хватит пока, главное, что пролетариат всё же получил, впервые в истории, политическую власть! Пусть пока и «в одной, отдельно взятой стране». Эта РСФСР ни с кем воевать не собиралась, не та в Европе обстановка, и «коммунизм» можно было строить тоже по-китайски, не к конкретной дате, вроде двадцатилетия Октября, а в бесконечной перспективе.

Зато в Югории дела обстояли совершенно иным образом. Всего за семь лет новообразованное государство превратилось в самую богатую и благополучную страну Европы. Да и с САСШ

можно было потягаться. Там, конечно, пятнадцать миллионов автомобилей и валовой продукт намного больше, так зато в Югории нищих нет, таких, как в фильмах с Чарли Чаплиным показывают. И гангстерских войн, и кровавых разборок между профсоюзами и капиталистами. Один думский деятель с трибуны как-то весьма метко заявил: «В Югории с голоду умереть может только тот, кто от длительного запоя потерял способность закусывать».

Удивляться тут нечему. Югория составила из самых богатых и благополучных территорий бывшей Империи — почти вся будущая Украина, то есть в основном Новороссия, Центральная чернозёмная область, Донбасс, области войск Донского, Кубанского, Терского, Уральского, Астраханская, Ставропольская и Царицынская губернии, всё Закавказье, треть азиатской Турции (ныне — Западная Армения, включающая Трапезунд, Эрзерум и озеро Ван), плюс — Царьград и Зона проливов. Мало того, кроме природных ресурсов, новообразованной республике достался мощный и весьма современный промышленный потенциал, наиболее трудоспособное и ориентированное на личный успех население, в дополнение к которому со всей европейской России и даже западной Сибири хлынули в эти благодатные края миллионы (буквально!) представителей самых культурных и образованных сословий Империи, в том числе множество инженеров, учёных, университетских и гимназических педагогов...

И, наконец, Югория сумела обеспечить себе, с одной стороны, естественные, с другой — надёжные и легко охраняемые границы. От устья Урала с Гурьевом новая казачья оборонительная линия

шла почти по прямой на северо-запад, до Царицына (включительно), оттуда граница поднималась вверх, охватывая Воронеж, потом почти прямо на запад, между Курском и Орлом, через Чернигов к Житомиру, и вертикально вниз, по линии Винница—Кишинёв—Измаил.

Румыния и Болгария никакой опасности не представляли, поскольку их сухопутные армии насчитывали ровно по пять пехотных дивизий без тяжёлого вооружения, расквартированных приближённо к западным границам. Таковы были условия послевоенного «урегулирования» взаимоотношений между двумя «региональными сверхдержавами», проведённого под патронажем Югославии и невмешательстве Антанты, сильно выбитой из колеи поражением, понесённым Англией и союзниками в Чёрном море и Проливной зоне в двадцать первом году.

Владение Дарданеллами, Мраморным морем, Царьградом и двадцатикилометровой ширины «полосой отчуждения» полностью гарантировали безопасность с этого направления. Теоретический неприятель (та же Великобритания, потому что Антанта в двадцать третьем году благополучно приказала долго жить, не выдержав англо-французского конфликта из-за делёжки германских репараций и контроля над Руром) мог напасть на новые русские территории, только используя Грецию в качестве плацдарма, а оборудовать его там — дело долгое. Тем более что по договору с Ататюрком Югославия в любой момент могла поддержать турецкие претензии на Кипр и острова Архипелага, что служило надёжной гарантией против всяких неожиданностей. Да и сама по себе Греция была в большом долгу перед русскими за поддерж-

ку в аннексии балканских провинций бывшей Австро-Венгрии.

Дополнительным «стабилизатором» на юге Европы работала полностью пророссийская Сербия, которой на всякий случай настоятельно не порекомендовали создавать мини-империю в виде «Королевства сербов, хорватов и словенцев», памятуя, чем кончилось подобное в другом мире.

То есть на этом направлении югоросская дипломатия поработала неплохо, завязав такие «гордые узелки», что не скоро найдётся новый Македонский, чтобы их разрубить без тяжёлых для себя последствий.

С красной РСФСР действовал сугубо тайный конфедеративный договор, предусматривающий в случае нападения внешнего врага взаимную поддержку, координацию действий и даже создание Ставки союзного главнокомандования. Но это было известно только на самом высоком уровне, а «трудовой народ», в царстве Троцкого преимущественно, по-прежнему считал «буржуйскую державу» историческим недоразумением. «Вот если б Ильич дожил, никогда б такого не допустил!» — очень распространённая фигура речи, особенно среди «потомственных подсобных рабочих».

Мало кто знал (кроме тех, кому по должности положено) о том, что высылаемых из Югории «асоциальных элементов» в РСФСР принимали с большой охотой. Этот контингент массово пополнял «трудовые армии»¹, позволяя тем самым

¹ Трудовые армии — изобретённая Троцким форма внеэкономического принуждения, нечто среднее между советскими стройбатами и обычными ИТЛ с расконвоированным контингентом. В нашей реальности так называемый «Большой террор» на самом деле во многом был доведённым

снизить репрессивную нагрузку на «коренное население», то есть замаскировать экономический характер якобы политического террора.

Курируемой «товарищем Ларисой», то есть попросту Ларисой Левашовой, в девичестве Игнатовой, советской пропагандистской машине не составляло большого труда поддерживать в обществе резко антиюгоросские настроения, рисуя её таким же средоточием греха и порока, как в годы «холодной войны» изображался Западный Берлин, к примеру. И собственные впечатления немногих лично там побывавших, и наличие многочисленных потребителей продукции югоросской промышленности ничего в нарисованной агитпропом картине не меняли. «Зато там негров линчуют», то есть у пролетариев прибавочную стоимость отнимают и культивируют потогонную систему Тейлора».

А на вопросы некоторых въедливых товарищей с той и этой стороны — как же с такими настроениями возможен будет грядущий военный союз антагонистов — Лариса легкомысленно отмахивалась. Тем, кто был в курсе параллельной истории, отвечала: «А что, долго нужно было людей перевоспитывать, когда Гитлера в тридцать девятом другом объявили?» Прочим же советовала подумать о чём-

до крайности развитием той же идеи. «Волны» этого террора определялись одновременно потребностью в рабочей силе на «стройках коммунизма» и избытком «свободного» населения, которому нужно было платить зарплату и обеспечивать продовольствием и прочими предметами потребления на уровне, соответствующем партийным лозунгам. Изъяв несколько сотен тысяч трудоспособных людей из второй категории и переведя его в первую, власть на какое-то время стабилизировала экономическое положение и даже получала возможность устраивать пресловутое «снижение цен».

нибудь более полезном для дела Мировой революции, которая обязательно наступит.

Тут она изображала себя троцкисткой куда большей, чем любой Бронштейн.

Вообще, некоторые эпизоды жизни Ларисы в красной России заслуживают отдельного романа. Марина и Кристина в своё время слушали её увлекательные рассказы, в которых правда была совершенно неотделима от вымысла и густо подсолена изящной эротикой, оттого их так и тянуло в эти загадочные края.

Басманов тем временем уже перешёл к политике сего искусственного, но отнюдь не химерического мира. В чём-то был он более реален, чем даже ГИП, потому и рассматривался в качестве «Крепости последней надежды».

Само собой, в названных условиях любое государство, имевшее Югоросский потенциал, восставило бы от военной разрухи быстрее среднеевропейских темпов (как Чехословакия в нашем мире), но тут ведь было совершенно уникальное сочетание факторов. Возможность получать золото и прочие ликвиды в неограниченных количествах могла бы легко привести к «испанской болезни»¹, но здесь — и в «Братстве», и во врангелевском правительстве — подобрались люди умные и знающие историю. Слитки и монеты поступали в экономику в тщательно просчитанных на компьютерах Замка

¹ «Испанская болезнь» — образное обозначение экономической ситуации, когда в стране появляется денег больше, чем имеющееся количество товаров, услуг и возможностей их вложения. В отличие от инфляции, вызванной избытком бумажных денег по сравнению с обеспечивающими ликвидами, «И.б.» была спровоцирована избытком именно золота, «всеобщего эквивалента», хлынувшего в XVI в. из Америки.

количествах, удерживая на нуле инфляцию в Югославии и обеспечивая лишь самые необходимые капиталовложения за рубежом.

Источником экономического благосостояния республики являлся почти исключительно экспорт высокотехнологичной и фактически уникальной продукции, в основном автомобилей, самолётов, лёгкого стрелкового оружия, опережающих общемировой уровень лет на десять-пятнадцать, не более, чтобы не создавать бросающихся в глаза анахронизмов. Кроме того, Югославия лидировала в области продвижения на мировой рынок продукции *престижного потребления*, стиль которого сама же и формировала. Это было совсем нетрудно, зная тенденции мировой моды, гламурного образа жизни, технической эстетики и эргономики на полвека вперёд.

Три года назад английская разведка вплотную подобралась к разгадке «русского чуда», только на последний шаг воображения не хватило. А так очень грамотные специалисты, изучив несколько сотен экземпляров попавших к ним в руки пулемётов «ПКМ» и карабинов «СКС», отметили необъяснимую странность — все образцы были идентичны. То есть совпадали вплоть до царапин, заусенцев и микрораковин даже на внутренних сторонах деталей. Сразу объяснения этому не нашли, а потом, после провала организованного «Системой» московского путча и гибели Сиднея Рейли, тема как-то сама собой забылась¹. У других людей появились другие приоритеты, а некоторым, особливо досужим, помогли избавиться от всех вредных мыслей сразу.

¹ См. «Андреевское братство».

Не повторяя советских ошибок, югороссы патентовали каждый узел, чуть ли не каждый болт поставляемых на экспорт изделий. И никому в голову не могло прийти, что продающиеся только по предварительной записи «Днепры», «Уралы», «Хопры» и «Доны» имели своими прототипами сконструированные в Штатах и Германии пятнадцатью годами позже «Доджи», «Виллисы», «Харлей» и «БМВ». Правда, последние два года пошли с конвейеров пяти новых автозаводов уже собственные легковые модели на базе «Победы», «ЗиМа» и даже вполне эксклюзивные «Чайки».

Одновременно специально организованное на базе бывшего военно-технического комитета Генштаба полувоенное Управление перспективного развития скупало по всему миру, где явно, где тайно, патенты, представлявшие реальный интерес. Либо для внедрения полезных изобретений, либо для пресечения ненужных направлений прогресса в чужих странах. Для того имелись особые списки, инструкции и рекомендации, поступавшие в управление *извне* и регулярно обновляемые и дополняемые.

В целом Югороссия в этой реальности заняла весьма специфическую «экологическую нишу», похожую на ту, что занимали в шестидесятые-восьмидесятые годы XX века Главной исторической последовательности Япония, ФРГ, США, Франция и Италия, вместе взятые. Конечно, с неистребимой российской спецификой, вроде стопроцентной обеспеченности собственными сырьевыми ресурсами и поражающей воображение оригинальностью мышления инженерно-конструкторского корпуса.

Об уровне развития сельского хозяйства даже нет смысла и говорить. Местное кулачество и ка-

заки, которыми являлось, по сути, всё сельское население страны, снабжённое техникой, удобрениями, передовой агротехникой и фактически беспроцентными кредитами, производило продукции в несколько раз больше потребностей собственного населения, поэтому экспорт, ориентированный в основном на РСФСР и Западную Европу, обеспечивал не только финансовый, но и политический эффект. Уцелевшие крестьяне там перешли на натуральное хозяйство, прочие же стремительно люмпенизировались.

В Германии, кстати, сейчас творилось примерно то же, что описано Ремарком в «Чёрном обелиске». Суперлиберальный «Веймарский» режим, вынужденный выплачивать гигантские репарации Антанте, был явным образом не в состоянии хоть как-то стабилизировать экономику. Если бы не постоянный займы и дотации Югославии (при негласном, но строгом политическом контроле), там давно совершилась бы или коммунистическая, или нацистская революция.

К некоторому удивлению «Братства», Врангель и его правительство во главе с бессменным премьером Кривошеиным оказались вполне вменяемыми, государственно мыслящими и обучаемыми людьми. Уже первая экономическая программа Кривошеина, принятая ещё на ГИП весной двадцатого года, была весьма реалистична и могла работать, если бы сам белый Крым не был обречён. Здесь всё получилось, особенно при постоянной поддержке и корректировке курса по рекомендациям «Братства». И поставках всего необходимого, в основном в виде идей, технической документации, технологий и натуральных образцов. В общем, получился гибрид ленд-лиза и плана Маршалла, но

без иждивенчества. Новиков с Шульгиным в полной мере учитывали опыт СССР в отношениях с союзными республиками, странами «народной демократии» и «идущими по некапиталистическому пути».

Фактически новое российское государство уже держало остальной цивилизованный мир за горло, только никто этого ещё как следует не осознавал. Однако стоило возникнуть реальной угрозе, с чьей угодно стороны, пальцы можно было сжать, с разной степенью плавности. Врангель и его окружение прекрасно осознавали это обстоятельство, знали, кому они обязаны, и представляли, что случится, если они или их преемники начнут вести себя *неправильно*. Так что лояльность югоросской власти и значащих элит была стопроцентной, тем более что Шульгин, Новиков, Берестин, да и сам Басманов занимали, пусть скорее номинально, весьма важные посты в спецслужбах и высшем военном руководстве.

А сейчас наметились новые направления во внешней и внутренней политике — экспансия на якобы навсегда захваченные Западом плацдармы, и опять с использованием *инноваций*. То есть создание международной банковской сети с абсолютно демпинговыми процентными ставками, организация игровой индустрии на государственном уровне, превращение крайне слабо развитого тогда международного туризма в полноценную отрасль экономики. За пять следующих лет планировалось превращение всего черноморского побережья, от Одессы и Крыма до Батума, в одну сплошную «Русскую Ниццу», доведение до высших стандартов Кавказских Минеральных Вод

и горных курортов Теберды, Архыза, Бакуриани... Достаточно перспективным представлялось и планируемое на более отдалённую перспективу курортно-туристическое освоение Каспийского побережья.

За полчаса с небольшим полковник раскрыл гостям множество государственных тайн высших приоритетов, зато теперь и Ибрагим, и валькирии имели достаточное представление о стране, в которой им довелось очутиться волею судьбы и старших командиров.

Как там Кристина — по ней не поймёшь, а Марина уже испытывала сильное желание остаться здесь надолго. Не навсегда, разумеется, очень много интересно и в других параллелях, уже освоенных и только теоретически представимых. Приобрести бы скромную виллочку, вроде кисловодской дачи Ларисы, где-нибудь неподалёку от Ялты... О том, что именно таковая уже имеется у Басманова, она пока не знала.

— А сверхзадача? — дослушав познавательную лекцию, проницательно спросил Катранджи. Он хорошо понимал, что всё, о чём говорил полковник, — это всего лишь средства. Догнать по жизненному уровню подданных князей Гримальди, наследственных владельцев Монако и Монте-Карло — это, конечно, интересно, но зачем? Добиться, чтобы каждый югосс ел вместо селёдки сёмгу, вместо кур — фазанов, и пил не отечественную «казёнку», а исключительно мальвазию какую-нибудь — можно, но бесперспективно в рассуждении экзистенциальном.

— Вообще говоря, — после краткого раздумья ответил Басманов, — главная цель развития Югославии примерно та же, к какой стремились боль-

шинство Романовых — создание в Европе обстановки, чтобы некому и не за что было воевать. Тут идея в том, чтобы обеспечить невозможность возникновения антироссийских союзов и коалиций. Очень хороша в этом случае система исключительно двухсторонних и, как правило, кабальных для наших «союзников» договоров. Ну и поддержание всех видов сепаратизма и ирредентизма¹, желательно одновременно.

— И даже в этом случае — что дальше?

— Дальше? Можно будет подумать о воссоединении с РСФСР. Вот уже лет на двадцать перспектива имеется. А кому этого мало — междупланетными перелётами можно будет заняться... Как Колумбу в Америку сплавать...

Видно было, что его столь далёкие перспективы не заботят. Вполне естественно — это когда древний Рим упёрся в географические и интеллектуальные пределы своей Ойкумены, он и покатился к своему упадку и гибели. А тут ещё в первой своей «Пунической» войне² югороссы победить не успели, только что по-человечески жить начали... Если по Гумилёву, то у нового государства впереди лет пятьсот ещё, потом только об путях преодоления общей деградации задумываться придётся...

¹ Ирредентизм — политическое движение за воссоединение частей этноса, проживающих в разных государствах (например, курдский, мадярский, румынский и т.п.).

² Пунические войны, всего три (264 — 146 г. до н.э.), велись между тогдашними сверхдержавами, Карфагеном и Римом, за власть над известной тогда Ойкуменой. В итоге Карфаген был в буквальном смысле стёрт с лица земли (без всякого ядерного оружия), согласно требованию сенатора Катона Старшего: «Carthginem esse delendam!» Часть территории Карфагена была превращена в римскую провинцию Африка, остальная передана Нумидии.

— Да оставьте вы, — не выдержала Кристина. — Ещё и сейчас о политике. Скажите, Михаил, а там, у ваших Симбирцевых, неженатые кавалеры будут? Ужас как хочется с каким-нибудь настоящим, действующим князем или графом познакомиться.

— Думаю, найдутся. Я, кстати, прямо сейчас могу вон хоть из того кафе по телефону позвонить. Человек пять из сухопутных и флотских титулованных особ сыщем... А там всё от вас будет зависеть.

Катранджи сделал вид, будто только что откусил от цельного лимона. Волынская довольно улыбнулась и подмигнула подруге.

...Уже под утро вернувшись на броненосец, заперев за собой стальную, обшитую полированными дощечками красного дерева дверь каюты, девушки дали волю натурам. А то ведь весь долгий вечер и тёплую южную ночь приходилось изображать достойное *воспитанных девишек* поведение, в этих краях гораздо более чопорное, чем в Империи, не говоря о РФ. Каждое слово и каждый жест приходилось выверять и контролировать, памятуя о своём официальном статусе в делегации, возрасте, семейном положении и прочая, и прочая, и прочая...

Кристина торопливо сбросила с себя одежды и, опередив Марину, захватила ванную комнату. Натанцевалась до упаду, не раз вспотела, сейчас нет ничего лучше, чем полежать в огромной малахитовой чаше, в облаках ароматической пены.

Марина тоже разделась, улеглась на диване под открытым иллюминатором, закурила. Там, в гостях, не следовало показывать свою распущен-

ность. Здесь после Гражданской войны открыто курили только привыкшие к этому занятию ещё «при старом режиме» богемные дамы, вроде знаменитой поэтессы и теософки Зинаиды Гиппиус или княгини Ирины Юсуповой (она же графиня Сумарокова-Эльстон), организаторши первых в мире конкурсов красоты. Вообще же занятие считалось на самой грани приличия, что ревнители нравственности подтверждали, часто публикуя в юмористических журналах карикатурные изображения грубых «коммунисток» из РСФСР в красных косынках, дымящих папиросами и даже самокрутками.

Кристина не закрыла дверь, и они могли переговариваться, да вдобавок ванна с нежащейся валькирией отражалась в сплошной зеркальной стене.

— Ты знаешь, а мы с ним о свидании договорились, — звонким голосом сообщила Кристина, подняв из пены длинную ногу и критически её осматривая. Она имела в виду своего нового «поклонника», знаменитого (но в очень узких кругах) полковника Кирсанова, о роде занятий которого и его причастности к делам «Братства» девушки пока не подозревали. Павел Васильевич не имел привычки без нужды светиться. Да и случая встретиться раньше у них не было.

Сначала внимание валькирии привлёк совсем другой персонаж, старший лейтенант флота, именно князь, как она Басманову и заказывала. Князь Бахметьев, Василий Ильич, старший штурман линкора «Генерал Алексеев», кавалер ордена Святого Георгия и ещё нескольких. Двадцати восьми лет от роду, уроженец Петербурга, холост. И красив до невозможности. Танцевал вообще как бог Дионис.

Хотя танцы у них тут совсем другие. Однако кое-что у неё получалось, моторика у валькирий хорошая и зрительная память. Один раз увидишь, что другие дамы и девицы делают, и повторяешь. Зато вальс, общий для всех времен, она исполняла блестяще.

Однако, буквально за несколько минут до того, как Кристина могла бы ощутить первые дуновения влюблённости, провоцируемой великолепным шампанским, случилось нечто другое.

На очередной танец, который моряк должен был пропустить, чтобы не привлекать уж слишком пристального внимания общества (три-четыре танца подряд с одной и той же девицей здесь истолковывались почти как заявка на помолвку), валькирию пригласил мужчина, вначале ею незамеченный. В кремовом летнем костюме из тонкого вельвета в мелкий рубчик, прекрасно подстриженный, с ухоженными так называемыми «офицерскими» усами. От него пахло суховатым, с полынным оттенком одеколоном и совсем немного — табачным, скорее всего трубочным дымом. Фигура подтянутая, даже через костюм видно, что мускулистая, *пружинистая*, хотя и аккуратная, не *перекачанная*. Опыт сразу подсказал Кристине, что этот человек много времени уделяет занятиям спортом, но специфическим. Фехтование, скорее всего, и, безусловно восточные единоборства. Движения очень координированные и выверенные.

Странно, что она его сразу не заметила. Уж больно он *характерно* выглядел. Войны и революции украсили его лицо несколькими шрамами, столь аккуратными и правильно расположенными, будто их делали не вражеские осколки, а хоро-

ший косметолог. Походная жизнь снабдила несходящим, но не слишком тёмным загаром, на фоне которого особенно ярко выделялись сизо-стальные глаза и очень светло-русые волосы. Ещё он имел высокий лоб, тонкие, хорошего рисунка губы, приличный рост и неожиданно тихий голос бархатистого баритонального оттенка. Вроде как у знаменитого советского диктора военных времен Левитана.

Может быть, он появился позже, или просто проводил время с гостями постарше за ломберным столом. Но вот он с полупоклоном протянул ей руку и, взглянув в его глаза, Кристина почувствовала, что *полыла*. Это было совсем новое чувство, равно не похожее на то, что вызвал у неё Катранджи в том странном полусне-полуяви или которое только что промелькнуло в объятиях князя Бахметьева.

Просто непередаваемо! Он посмотрел на неё, ещё ничего не сказав, а она ощутила, что у неё будто птичка затрепыхалась в груди.

— Вы позволите, барышня? Полковник Кирсанов, Павел Васильевич. Позволите?

Она кивнула и сделала шаг навстречу с лёгким, едва заметным книксеном.

И всё. Князь для неё больше не существовал, ну вот совершенно. При объявлении следующего танца он к ней подлетел и с первых же тактов понял, что никакое продолжение ему не светит. И голос девушки изменился, и в теле появилась напряжённость, какой только что не было. Она выполняла положенные движения как бы через силу и не скрывала, что ждёт, когда музыка закончится.

Бахметьев был неглупый человек и сразу сообразил, что произошло. Он видел, с кем Кристина танцевала до этого, и знал, кто такой Кирсанов. Неясно было одно — он что-то сказал ей касающееся личности князя или — её самой. Но проверить лейтенант не собирался. Повода ведь не было, а создавать его — увольте. Мы себе лучше другую найдём.

Самое интересное, на Кирсанова, очевидно, Кристина тоже произвела впечатление и сразу заметила это, при том, что отнюдь не включала специальных механизмов обольщения. Разве что вовсю начала разыгрывать карту «тоже княжны», никак не пошлой «мадемуазель Волынской», зарабатывающей на жизнь прислуживанием богатому купцу. Благо у неё на всякий случай была отработана роль праправнучки знаменитого Артемия Волынского, вожака «верховников», казненного при Анне Иоанновне¹. В «печенегях» она тему своей принадлежности к титулованным особам никак не форсировала, но после получения первого серьёзного гонорара от Катранджи кое-какие самостоятельные действия в Департаменте герольдии произвела и имела в личном сейфе все необходимые документы, подтверждающие её право на титул. И не думали Майя с Татьяной, выбирая для «девушки № 291» фамилию

¹ Волынский А.П. (1689—1740) — князь, российский госдеятель, через жену из семейства Нарышкиных — свойственник Петра Первого. Считался выдающимся администратором и дипломатом. При императрице Анне Иоанновне в начале возвышен, потом обвинён завистниками в госзаговоре, приговорен к отсечению языка и посадке на кол. Из милости императрица заменила кол отсечением правой руки и головы.

из адресно-биографического справочника «Вся Москва», что, случайно ткнув пальцев в строчку, создают, можно сказать, новую родовую ветвь Рюриковичей. Кристина тоже не думала, последнее время связывая своё будущее с Катранджи-Катановым, а протанцевав с необыкновенным полковником следующее танго, позволила ему «приложиться к ручке», с которой благосклонно стянула невесомую бальную перчатку — и задумалась.

Получалось так, что все её предыдущие планы разом посыпались прахом. Павел Васильевич — это вам не Катранджи. Конечно, не столь богат и влиятелен, может быть, вообще живёт на жалование, но это как раз не проблема. Она-то достаточно богата. Титул свой здесь сохранить сумеет, даже выйдя замуж. Испросит право на двойную фамилию.

Конечно, она не воображала, что такой человек будет вымаливать, пусть не на коленях и со слезами на глазах, её руку и сердце — не тот человек. Да и вообще мысль о возможном браке с этим человеком мелькнула просто как вариант. Надо повнимательнее к Павлу Васильевичу присмотреться. Что он её полюбит, если она захочет, Кристина не сомневалась. Захотеть бы самой, чтобы промаха не дать. Чтоб непременно любовь до гроба и всё такое... Она будто совсем забыла, что всего полдня назад заявила Марине: «Любовь — это абстракция, вымысел, неосязаемый чувствами звук».

Потом весь очень длинный вечер, и застолье тоже, он от валькирии почти не отходил. Она, судя по всему, его тоже заинтересовала. Он был сдержанно остроумен, эрудирован в любой области,

какой ни коснись. Легко сошёлся с Мариной, буквально с первых слов, а вот с Катранджи держался весьма корректно, но чувствовалось, что исключительно за счёт хорошего воспитания. Сам по себе турок, пусть и изображавший русского, его заинтересовал весьма незначительно. И это Кристине тоже понравилось.

Когда они стояли на веранде, откуда открывался вид на ночное море, Павел Васильевич даже прочитал ей несколько стихотворений, Кристине незнакомых, но очень трогательных, о настроении человека, вынужденного воевать на никому не нужной войне. Валькирия заподозрила, что он сам их написал, но уточнять не стала. Одно её особенно тронуло:

Мы не увидимся с тобой,
А женщина ещё не знала;
Бродя по городу со мной,
Тебя живого вспоминала.
Но чем ей горе облегчить,
Когда солдатскою судьбою
Я сам назавтра, может быть
Сравняюсь где-нибудь с тобою.
И будет женщине другой —
Всё повторяется сначала —
Вернувшийся товарищ мой,
Как я, весь вечер лгать устало.
Печальна участь нас, друзей,
Мы всё поймём и не осудим
И всё-таки о мёртвом ей
Напоминать некстати будем.
Её спасём не мы, а тот,
Кто руки на плечи положит,
Не зная мёртвого, придёт
И позабыть его поможет...¹

¹ Стихотворение К. Симонова.

— Очень хорошо, — после долгой паузы, вздохнув, сказала Кристина. — Но как мрачно. Это вы о себе написали? С вами такое было?

— Почему я? Другой офицер. С другой войны. Но всегда везде повторяется одно и то же.

— На Лермонтова похоже. «Наедине с тобою, брат, хотел бы я побыть...»

Чтобы отвлечь девушку, Кирсанов начал очень интересно рассказывать об англо-бурской войне, где участвовал вместе с Басмановым и, что самое неожиданное и удивительное, с Ларисой. Кристина подумала, а вдруг между ними что-нибудь было? Зная характер старшей подруги и наставницы, трудно поверить, что, общаясь с таким человеком, она не вскружила бы ему голову или не увлеклась сама. Но не подала вида, что её это интересует. В случае чего можно будет у Басманова спросить.

Одним словом, первый же вечер в Югории оказался столь интересным и, можно сказать, романтическим, что превзошёл самые смелые ожидания. Михаил Фёдорович не ошибся, предложив принять приглашение именно сюда.

— А с Ибрагимом как же? — с острой заинтересованностью спросила Марина, выслушав откровения подруги. Она ещё там, на даче поняла, что Кристина увлеклась «с первого взгляда», а сейчас та разоткровенничалась, но не по-девичьи, как это обычно бывает, а словно докладывала о результатах выполнения служебного задания, сдержанно, но ёмко, с анализом его и своих слов и соображениями по ходу. В завершение сказала, что если её новый «друг» станет предпринимать дальнейшие шаги, она препятствовать не станет.

«Интересно как получается, — думала Марина, — вот сделал им Арчибальд царские «свадебные подарки» — и немедленно всё пошло как по маслу. У неё самой и у подружки сразу же. Очевидно, что Кристинка уже влюбилась и, похоже, всерьёз, хоть и бравировала своей демонстративной аморальностью. А все аморальности — один раз в жизни с мужчиной ночь провела, да в девичьей компании не стесняется на *деликатные* темы откровенные разговоры вести, называя все *предметы* и *действия* своим словами, без жеманства и околичностей».

— На нём ведь большая политика завязана, и тебе там немаловажные задачи прописаны...

— А мне это... *сугубо одинаково*. От работы и службы я не отказываюсь. А в кого мне влюбляться в нерабочее время — миль пардон! Вон Павлу Васильевичу, ему хорошо. У них тут нравы простые — попрощавшись со мной, свободно может в приличный бордель двинуть, излишнее нервное напряжение сбросить. И никто его не осудит, даже мне лучше — все грешные мысли — там, а со мной — только чистая любовь, не отягощённая непреодолимым желанием немедленно хватать девушку руками и лезть к ней под юбку. Удобно...

— А это ты к чему? — удивилась Марина, одновременно подумав, только без кристининой *простоты*, что и Михаил может так же — весь вечер нежные слова говорить и «краснеть удушливой волной, едва соприкоснувшись рукавами», и прямо от неё — к шлюхам?

— К тому, что мне труднее придётся. Я, если Ибрагиму уступаю, хоть и «по службе», — ни о какой *чистой любви* к другому речи быть уже

не может. А водить его всё время за нос, как Людка Фёста, — ну неделю можно, ну месяц. А потом?

— Ты чего, подруга, совсем квалификацию потеряла? Новый вздыхатель разум отнял?

— Да если б вздыхатель. Первая-то я *поплыла*. Теперь вот думаю, заметил он или нет?

— Едва ли. Он если и не *поплыл*, как ты выразилась, то от твоих прелестей без ума. Пусть и в самом пока физиологическом смысле. А Ибрагиму твоему я знаешь что сделаю?

— Почему ты вдрут? — насторожилась Кристина.

— А чтобы тебя совесть не мучила и с чистым сердцем смогла ему в глаза смотреть. Я на него вялотекущую импотенцию напущу. Вроде как всё в порядке, а при попытке к делу перейти — уже на дальних подступах — облом. А чтоб с горя не повесился, оставляю ему возможность где-то раз в неделю свои потребности удовлетворять, но только с помощью особо изощёренных жриц любви древнеегипетской школы. Есть в Москве такое заведение, я в журнале объявление видела. «Лечим все виды мужской слабости. Эксклюзивные методики, дипломированные специалистки, и дальше в том же роде. Подсунешь ему невзначай рекламку, он и успокоится...

— А ты, милая, тоже стерва не из последних, — заявила Кристина, вставая в ванне и включая душ Шарко на полную мощность, так, что струи минерализованной, то горячей, то ледяной воды хлестали по телу валькирии, как винтовочные шомпола. Очень способствующая укреплению нервной системы процедура. — Этот салон египетский — он в какой Москве?

Ей даже не пришлось повышать голос, чтобы подруга её слышала за шумом душа. У всех валькирий была идеальная шумоселективная способность, могли услышать шёпот человека на другом конце платформы в момент, когда рядом тормозит поезд метро.

— В эрфэшной, естественно, у нас косвенная реклама запрещена. И чего сразу стерва? Исключительно о тебе забочусь. И о твоём будущем *гру-ге*, само собой. Надеюсь, если всё пойдёт как надо, обратного типа *расстройство* ты ему вскоре сама привьёшь?

— Или ты сомневаешься? — с одесской интонацией ответила вопросом на вопрос Кристина. — Кстати, ты ложись, если спать хочется, а я собой займусь, надо к очередному свиданию истинный шляхетско-княжеский облик себе вернуть.

— Не советую. До конца миссии оставайся как есть. Иначе многие не поймут. А потом уж своего полковника наповал сразишь...

— Многие — это что, Михаил с Ибрагимом? Да мне их мнение, знаешь...

— О них и речи нет. Противоположная высокая договаривающаяся сторона. Рэкуэл Уэлч¹ в роли эксперта по вооружению произведёт слишком сильное впечатление на пуританистых предков...

— Ага, посещающих бордели после каждого свидания с любимой девушкой...

¹ Requel Welch — американская киноактриса, популярная в 1960-е годы. В СССР особым успехом пользовался фильм «За миллион лет до нашей эры», где Р.У. сыграла главную роль очаровательной кроманьонки, платиновой блондинки в бикини из леопардовых шкур. В те времена такие героини были редкостью на советских киноэкранах.

Кристина демонически захохотала, выключила душ и принялась растираться жёстким полотенцем.

— Иди, плескайся, а я пока *помоделю*¹, как мне посмертьнее Кирсанова сражать...

Марина из ванной вернулась неожиданно быстро. Видно, тема настолько её затронула, что непременно хотелось возможные точки расставить..

— Слушай, Крис, а ты, если что, действительно за местного мужчину выйти б смогла?

— Что за вопрос? Мы, бабы, если влюбимся, хоть на край света побежим, вплоть до шатра бедуина или самоедского¹ чума... Ты ж за своего Михаила пойдёшь, если позовёт?

— Пойду, — тихо ответила Марина.

— И здесь останешься? Вот и я так же. Что нам в тех Россиях ловить, если здесь любовь получится? И пользу, между прочим, для общего дела мы тут приносить сможем как бы и не лучше... Ладно, давай спать ложиться, утром хошь — не хошь с ранья подскакивать придётся...

...Первое заседание «высоких договаривающихся сторон» было намечено на полдень, так что времени подготовиться, позавтракать и обсудить с Басмановым кое-какие существенные детали переговоров было достаточно.

Кристина была буквально поражена, когда на кормовой балкон, где был накрыт стол, из глубины кают-компаний вышел Кирсанов собственной

¹ Самоеды — старинное сводное наименование коренных народностей Русского Севера. Есть мнение, что слово происходит от корней «сам» и «ехать», то есть обозначает их способность хорошо бегать на лыжах или же ездить на нартах.

персоной, одетый уже совсем иначе, в летнюю полевую форму Галлиполийской гвардейской бригады — светло-оливковые брюки и рубашку с короткими рукавами, на узких погонах-хлястиках — два золотистых полковничьих шнура.

Короткая немая сцена — явился «Deus ex machina», или, если проще — «рояль из кустов», потому что буквально минуту назад Марина спросила подругу, рассчитывает ли она сегодня увидеть своего кавалера.

— Он сказал — постарается сегодня выбрать время...

— Что, такой занятой, что есть вещи важнее, чем первое свидание с девушкой? — с долей ехидства спросила Марина.

— Ну, он же не восемнадцатилетний юнец, от буйства гормонов теряющий голову, — ответила Кристина, и тут же — пожалте вам!

Никто не заметил, когда к правому трапу броненосца подошёл доставивший Кирсанова катер.

— Да, мадемуазель и месье, — с улыбкой сказал Басманов, — позвольте вам представить. Вчера как-то не получилось. Уже известный вам Павел Васильевич по совместительству назначен осуществлять негласное прикрытие нашего мероприятия от лица возглавляемой им организации.

— Какой такой организации? — сузив глаза, безразлично-ровным голосом спросила Кристина.

— Примерно аналогичной той, в которой вы служите у себя. Полковник — прекрасный специалист в вопросах любых стратегий непрямых действий и, кроме того, — принадлежит к нашему «Братству». С самого начала, с тысяча девятьсот двадцатого года, когда мы были никем, выброшен-

ными с родной земли безродными эвакуантами¹ и не думали, не гадали, что всё повернётся самым непредставимым образом.

— Как и мы с Кристиной, — ответила Марина, понимающе кивнув.

После завтрака Кирсанов, достав из кармана потёртый кожаный портсигар («ещё с германского фронта»), взглядом указал Кристине, что им стоит подняться с балкона на ют, где никто не помещает. Остальные сделали вид, что не заметили их маневра.

— Судя по вашим глазам, Кристина Станиславовна, вас как-то задела моя должность и возложенная на меня функция, — тихим голос почти без интонаций спросил (или констатировал) полковник, вынимая папиросу.

— Дайте и мне, — протянула руку Волынская.

Кирсанов не удивился, щёлкнул золотой зажигалкой «Зиппо».

Кристина не по-женски глубоко затянулась. Папироса была из тех самых, «Корниловская». Ароматный, крепкий дым, и совсем не царапает горло.

— С чего вы взяли, будто что-то могло меня задеть? Мы оба офицеры, оба на службе. Так что всё совершенно нормально. Надеюсь, мы сработаемся...

— Очень на это надеюсь. Ваша помощь мне безусловно потребуется. А с чего взял — профессия у меня такая, всё замечать. Только я очень бы вас попросил — не делать опрометчивых выводов. В нашей работе это непростительно.

¹ Басманов употребляет этот термин, потому что летом двадцатого года, когда ещё держался Белый Крым, оказавшиеся в Стамбуле офицеры эмигрантами себя ещё не называли.

— Не совсем вас поняла, Павел Васильевич.

— Всё вы прекрасно поняли. Мне сейчас не хотелось бы продолжать эту тему, просто повторяю свою просьбу...

Говоря это, Кирсанов смотрел мимо Кристины, на море, город, будто совсем не интересовался её реакцией, но она видела, что боковым зрением он и смотрит куда надо, и фиксирует каждое её мимическое движение.

Значит, она не ошиблась, и то, что произошло между ними вчера, — не случайный эпизод. И решила немного похулиганить, раз он завёл этот разговор. Посмотрим, насколько он тонок и проницателен.

— Вы вчера очень хорошие стихи читали. Значит, вы тоже хороший человек. Мне тоже вдруг вспомнилось. Также фронтовой офицер написал:

Он поклялся в строгом храме
Перед статуей мадонны,
Что он будет верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны...

— Не случится, как с героем этого стихотворения? — подчёркнуто нейтрально спросила валькирия, выпуская дым в сторону, чтобы не смотреть на Кирсанова.

— А что с ним случилось? — простодушно спросил полковник, как бы демонстрируя свою литературную необразованность. — Впрочем, я попробую догадаться. Вы позволите?

— А как я могу не позволить?

— Да так как-то... «...всем презрением юным, чуть заметным движеньем руки»¹.

¹ А. Блок. «Никогда не забуду, он был или не был...»

- Это уже Блок, я не ошиблась?
- Абсолютно верно. Он самый. Я ещё помню такие рестораны. Перед войной. И почти в конце... Так о чём это мы?

...И забыл о тайном браке,
Всюду ласки расточая,
Ночью был зарезан в драке
И пришёл к преддверьям рая...

- И дальше угадывать будете?
- Ну а куда денешься? Вроде пока получается.

— Ты ль в моём не клялся храме, —
Прозвучала речь Мадонны, —
Что ты будешь верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны?
Отойди, не эти жатвы
Собирает Царь Небесный.
Кто нарушил слово клятвы,
Гибнет, Богу неизвестный.
Но, печальный и упрямый,
Он припал к ногам Мадонны:
«Я нигде не встретил дамы,
Той, чьи взоры непреклонны».

— Да, Павел Васильевич, хорошо вы умеете угадывать. Мне даже не по себе делается. Так-таки и не встретили?

- Увы! Часто думал, на беду или на счастье...
- И?
- Пожалуй, скорее на счастье. Иначе...
- Я думаю, пока достаточно, Павел Васильевич. Мы с вами оба люди умные, специалисты, да? Всё что вы хотели, я услышала. Вам прямым текстом ответила. И давайте закончим на сегодня...

Кирсанов наклонил голову, в буквальном смысле поняв её слова.

— Пойдёмте, нас ждут, — как можно мягче сказала Вольнская.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

...Переговоры Катранджи с югоросскими «коллегами», «оружейными баронами», проходили в атмосфере полного взаимопонимания. Пять «купцов» в штатском во главе с вполне достоверно выглядывшим армянином Тер-Исакяном с заинтересованным вниманием выслушали пожелания редкостного оптового покупателя.

Все с увлечением играли свои роли. Катранджи представлялся тем, кем мог бы на самом деле быть в этом мире — старшим сыном турецкого бея из ныне британской подмандатной Палестины. Он якобы решил, пользуясь нынешними затруднениями англичан, организовать против них масштабный джихад с целью вернуть себе владения, по праву принадлежащие его роду с шестнадцатого века, по фирману четырнадцатого османского падишаха, султана Ахмеда первого. Проще говоря — изгнать оттуда британского комиссара с его канцелярией и основать новый халифат, от Нила до Евфрата. С точки зрения здравого смысла легенда достаточно бредовая, но ничуть не более, чем восстановления Израиля через две тысячи лет после его ликвидации.

По крайней мере, торговцы оружием, по мнению Катранджи, лица вполне самостоятельные, хотя и патронируемые правительством, достоверностью предложенной им версии нисколько

не заинтересовались. Им нужно было избавиться от огромного количества неликвидов, скопившихся у них на складах ещё с времён здешней Мировой, Гражданской и греко-турецкой войн. В розницу ими торговать можно было до второго пришествия Христа или первого — еврейского машиаха. Примерно такие распродажи устраивали американцы после обеих мировых войн в нашей действительности.

Только законченный идиот мог бы поверить в такую версию, а Ибрагим-эфенди таковым не был ни в коем случае. Какие «неликвиды» двух минувших войн? Среди них могли бы оказаться «трёхлинейки» всех модификаций, немецкие «маузеры», «австрийские «манлихеры» и поставленные союзниками «арисаки», «винчестеры» и «ли-энфильды». Из пулемётов — «максимы», «льюисы», «шоши», «гочкисы». Даже в мире Югории это старьё никак не подошло бы для вооружения бандитских армий, что говорить об эпохе, ушедшей на век вперёд.

А здесь вдоль стены большого зала на столах было выложено оружие, которого Катранджи, при своём богатом жизненном и конкретно военном опыте, просто в глаза не видел. Даже не догадываясь, что такое существует, хотя не было ручного огнестрельного железа, с которым бы ему не приходилось иметь дела при тех или иных обстоятельствах. Знал он все стоящие на вооружении российской армии системы, унифицированные таосские и оригинальные конструкции американских и европейских оружейников. Был знаком с мелкосерийной продукцией более-менее технически развитых территорий «Дикого поля», как иногда называли в России все земли, лежащие за

пределами Периметра. Там, в княжествах Южного Индостана, в Персии и городах-государствах китайских «милитаристов»¹ иногда появлялись весьма остроумные поделки, пользоваться которыми в серьёзном деле ни один уважающий себя человек в здравом уме не стал бы даже под страхом виселицы.

Но устроители «выставки-продажи» выложили на свои стенды такое, что у Ибрагима глаза полезли на лоб от изумления и восторжения. Вот, например, штурмовая винтовка, или, как русские её называли — «автомат». Чертовски красивое и удобное изделие, но поражающее прежде всего какой-то безумной простотой. Консультант-инструктор в гражданской рабочей одежде, в котором наметанный взгляд сразу выявлял офицера немалых чинов, взял автомат в руки — несколько стремительных движений, лязг металла, и на столе лежат всего пять деталей. Сразу видно, что это — настоящий инструмент для боя. Ибрагим присмотрелся, взял в руки массивный затвор с длинным штоком, повертел в руках.

— Я так понимаю, что ваш автомат можно вообще не разбирать? — спросил он у инструктора. — Тут нечему ломаться.

— Разве что для чистки. Причём не обязательно регулярно. Со ствольной коробкой, полной

¹ По аналогии с 20 — 30-ми годами нашего XX века в реальности Катранджи Китай тоже был поделен на три десятка почти независимых от центральной власти провинций, во главе которых стояли генералы-диктаторы, имевшие собственные армии и основную инфраструктуру. Некоторые такие провинции, вроде Маньчжурии или Сянгана, были побольше многих европейских государств и выпускали даже танки, пусть и очень плохие, но вполне пригодные для подавления мятежей, подобных «боксёрскому восстанию».

грязи, работает довольно уверенно. Но я бы всё же посоветовал тщательно чистить после каждой стрельбы, меньше мороки и дольше послужит, — вежливо ответил офицер.

Кроме «автомата», вниманию Катранджи было предложено: аккуратный, тоже очень простой самозарядный карабин («Патрон однотипный, 7.62 × 39, баллистические характеристики пули аналогичные, но меткость в полтора-два раза выше»), два типа снайперских винтовок, три — пулемётов и шесть — пистолетов и револьверов.

— А вот на этом стенде — опытные разработки, удобные тем, что они сделаны под имеющиеся у вас типы патронов, — сообщил уже другой консультант, указывая на непривычного вида и оказавшийся неожиданно тяжёлым в сравнении с первым «автоматом» пистолет-пулемёт с откидным прикладом и торчащим вниз прямым коробчатым магазином. — Достоинство — патрон «Парабеллум» и низкий темп стрельбы, недостаток... Недостатков много, но некоторым любителям всё равно нравится. Есть в нём определённый шарм.

Шарм действительно присутствовал, пистолет-пулемёт хотелось просто держать в руках, да и пострелять тоже, но Ибрагим с лёгким сожалением отложил его в сторону. Первый автомат его навсегда пленил, особенно вариант со складным прикладом и компенсатором на стволе.

— Что вы сказали насчёт патронов?

— Вот эти наши модели рассчитаны на так называемый «промежуточный патрон», — инспектор извлёк его из магазина и протянул покупателю. — Нигде в мире, кроме как у нас, в Югославии, не производится. Как-то не догадались изобретатели. Весьма удобен, мощность как раз подходящая, не

винтовочная и не пистолетная. Позволяет стрелку с достаточно лёгким и одновременно мощным оружием работать на самой удобной дистанции — двести-шестьсот метров. Снаряжается несколькими видами пуль. Калибров два, на выбор, 7,62 и 5,45. Пулемёты есть под эти же патроны, есть и посерьёзнее, под стандартный русский «восьмого года».

Наличие патрона, не имеющего аналога в его мире, Ибрагима насторожило. Такая ситуация ставила его в полную зависимость от поставщиков. Ясно, что наладить собственное производство патронов куда сложнее, чем оружия под заданный патрон. Так он и сказал. Заодно подумал, что уж эти люди наверняка знают о существовании параллели, из которой он пришёл, и спросил в лоб: отчего, если этот патрон так хорош, его не используют в другом мире?

— С их возможностями ничего не стоило бы наладить такое производство...

— Понимаете, там, у вас, совсем другая военно-историческая ситуация, — взял на себя обязанности консультанта Басманов. — Вы благополучно отвоевали Мировую войну с тем, что было, а потом пошли так, как повели обстоятельства. У вас сразу началась эпоха локальных войн с заведомо слабейшими противниками. А там как раз хорошо оружие, позволяющее вести эффективный бой или на близких дистанциях — кратковременные уличные стычки, например, где весьма удобен многозарядный пистолет-пулемёт, вроде «Томпсона», русского «ППД» или немецкого «МП-40», — он указал на понравившийся Ибрагиму образец. — Или, наоборот, на весьма дальних — чтобы не дать противнику сосредоточиться пе-

ред атакой, дезорганизовать его заблаговременно и выбить комсостав и тяжёлое оружие. Тут в самый раз винтовки обычные и снайперские, а также ручные и станковые пулемёты, под этот самый «патрон 1908 года». А то, что вы видите у нас, — эволюционная линия эпохи очередных мировых войн и массовых армий...

Тут вмешался ещё один из высоких чинов югославской делегации, генерал-лейтенант артиллерии, который добавил, что проблема боеприпасов — вполне надуманная. Большая часть армий мира пользуется чужим оружием и импортными боеприпасами, не заморачиваясь созданием персональной индустрии.

— Даже России во время «патронного голода» пятнадцатого года пришлось обратиться к союзникам с просьбой о помощи оружием и боеприпасами. И ничего, провоевали два года не только своим, но и японским, английским, французским. Только американцы свои «Винчестеры» сразу под наш патрон выпускали. Проблем не возникало...

— Были б союзники, — как бы под нос себе, но вполне разборчиво буркнул Катранджи.

— Вы можете сразу купить столько патронов, сколько считаете нужным. На одну мировую войну, на две... У нас всё равно мощности простаивают. Рабочие и фабриканты будут вам благодарны. Цены самые божеские — пять копеек за патрон.

Ибрагим вопросительно посмотрел на Кристину. Самое время ей вступить.

— Цена названа по здешнему золотому стандарту, я так понимаю? Если в наших фунтах или рублях, мы что-то выигрываем?

— По сравнению с государственными поставками, если бы мы смогли их добиться там — де-

шевле почти вдвое. На официальных рынках стран «третьего мира» выйдет дороже втрое, на чёрных за Периметром и в розницу — примерно вчетверо, исходя из средневзвешенных котировок прошлого месяца. Правда, товар эксклюзивный, я сравниваю с наиболее ходовыми у нас — винтовочными «маузер 7,92/96».

— Такая разница? — всерьёз удивился турок. — За счёт чего?

— Ну, нам же сказали, что войны не ожидается, склады заполнены, заводы простаивают. Чтобы не нести убытки и не увольнять рабочих, они торгуют почти по себестоимости. Здесь тот случай, когда «дешевле» не синоним «хуже», — с несколько двусмысленной улыбкой ответила девушка.

— Назовите, пожалуйста, живучесть ваших систем, — обратилась она к артиллеристу. Тот назвал, по каждой модели, плюс-минус сто выстрелов, по данным полигонных испытаний.

— Вот из этого и будем исходить, — кивнула Кристина. — Мы покупаем в комплекте — ствол и соответствующее число патронов. Поскольку утраты оружия на поле случаются, и не так уж редко, мы в итоге будем иметь резерв примерно плюс десять процентов к стандартным тридцати боекомплекткам. По-моему, этого вполне достаточно? — Она вопросительно посмотрела не на Катранджи, а на Басманова. — И ведь варианта прекращения поставок мы не рассматриваем?

— Можно внести в контракт пятикратную неустойку в случае сбоя в поставках, — с самой радужной улыбкой предложил Тер-Исакян. Турок едва заметно поморщился, при всей широте своих взглядов армян он недолюбливал, как и они всех турок скопом. Но этот каперанг ведь считает его

русским? Едва ли. Как немец нюхом чувствует еврея любой степени ассимиляции, так армянин — турка.

— Щедрое предложение, — сказала Марина, черкнув в блокноте, который не выпускала из рук, — непременно внесём...

В завершение Ибрагим осмотрел предложенную коллекцию ручных гранат, противопехотных и противотанковых мин, среди которых некоторые показались ему крайне остроумными. Ещё его вниманию был предложен пластик и эластит: чрезвычайно мощные взрывчатки с бесценными для диверсионной работы свойствами. И целая линейка взрывателей: радио-, электрических и с огневой инициацией, также нажимного и натяжного действия и с таймерами-замедлителями.

Невиданное богатство для профессионального террориста.

— Теперь предлагаю перейти к столу другому, — сказал глава югоросской делегации, — перекусить чем бог послал и поговорить о ценах и прочих скучных местах. Надеюсь, мы полностью удовлетворили ваши ожидания, или что-то не так?

— Более чем, — со всей искренностью ответил Ибрагим, одновременно пытаясь сообразить, где и в чём кроется подвох. Он не привык, что существуют абсолютно взаимовыгодные сделки. Кроме того, его не переставало удивлять довольно странное явление, если можно так выразиться. Непонятный и необъяснимый технологический отрыв Югороссии от прочих великих держав, до сих пор ими не устранённый. В том, что русские — остроумный народ, в сравнении с теми же немцами, почти всегда добивающимися цели самым сложным и затратным путём, Ибрагим не сомневался, достаточно пожил и в России, и в Германии. Но

одно дело — изобрести автомат из пяти деталей вместо сорока немецких, совсем другое — отладить крупносерийное производство без потери качества. И ведь не одной модели — почти десятка. Зачем вообще государству, только что вышедшему из двух подряд войн, столь масштабное, можно сказать — концептуальное перевооружение? Катранджи не любил непонятностей, они почти всегда несли в себе или за собой нешуточные угрозы. Но эту головоломку он решить не мог, поскольку не подозревал о возможности существования ещё и третьей России. В его мире информация об этом феномене ещё не стала достоянием масс, вообще не вышла за пределы участников «Мальтийского креста».

А валькириям операция, в которой они участвовали, казалась странной по другой причине. Для чего вообще затевать этот цирк, если задуманные Ибрагимом совместно с Чекменёвым и при активном, хотя и не афишируемом участии Фёста с Секондом «Единые регулярные вооружённые силы «Чёрного интернационала» можно было легко снарядить и экипировать на месте? Девушки представляли, сколь велики военные запасы Империи Олега, а недавно убедились, что на складах РФ и бывшей Советской армии только чёрта в ступе нельзя найти, да и то как сказать.

И способов доставки оружия к местам назначения имелось сколько угодно, взять хотя бы систему снабжения американцами афганских моджахедов. А у самого Катранджи и его проникших во все поры тогдашнего мироустройства добровольных и платных агентов таких возможностей должно быть несравненно больше. Искусству контрабанды никак не меньше трёх тысяч лет, и весь этот много-

вековой опыт «Чёрным интернационалом» усвоен и освоен.

Об этом и спросила Марина Басманова во время того, что в высоких дипломатических кругах называлось «кофе-брейк», а по-русски — попросту перекур.

— Есть вещи, какие простым исполнителям вроде нас знать просто не положено. Не оттого, что не доверяют, просто, как учил апостол Павел, — «Умножая знания, умножаешь скорби». Ты лучше свои прямые обязанности со тщанием исполняй, чем забивать голову излишним...

— Не бывает бесполезных знаний, — тут же возразила девушка, чувствовавшая себя всё более раскованной в общении со старшим по чину, положению и возрасту полковником. — Это не я придумала, это ещё Карл Маркс писал.

— Он большевистский пророк, ему можно, — благодушно ответил Михаил. — А мы давай уж как-нибудь, в пределах наших звёздочек на погонах...

— Я сейчас не поручик, я юрисконсульт своего клиента и должна озаботиться, не являются ли предполагаемые транспортные расходы излишними...

Басманову почти непреодолимо захотелось шлёпнуть валькирию по обтянутой тонкой тканью аккуратной заднице. Чтоб не умничала. Да и вообще...

— Транспортные расходы фирма берёт на себя, — усмехнулся он. — Но шефу об этом можешь ничего не говорить. Он не обеднеет, а вам с Кристей дополнительный навар...

Не мог же он сказать девушке, что на самом деле тут намечалась интрига многоходовая, полез-

ная для всех «высоких договаривающихся сторон». В собственной реальности Катранджи его боевики оказались бы вооружены системами, в природе как бы не существующими, единственно — частично использующими боеприпасы российского стандарта, но это в нынешние времена не улика: патроны системы «9 Пар» или «.45 АКП» тоже две трети стреляющего мира использует, и происхождение их практически не отслеживаемо. Так что головной боли и совершенно безнадёжных разведдипломатических забав потерпевшим от акций Катранджи весьма бы прибавилось. Целые управления и резидентуры самых разных стран занимались бы не сравнительно полезной деятельностью на ниве плаща и кинжала, а исключительно поисками загадочных оружейных заводов и путей транспортировки оружия по всему свету. На этой почве вполне возможными становились самые увлекательные варианты игр между разведками, под аккомпанемент российского «Приказа тайных дел», разумеется.

Того, что неизбежно оказавшиеся в руках противника образцы, взятые в виде трофеев или банальным образом проданные лишёнными моральных принципов боевиками, обязательно будут копироваться, «Братство» не волновало. Заблаговременно было установлено, что технологии двадцатых годов не обеспечат производства аналогов удовлетворительного качества поделок вроде немецкой «Пантеры» или китайских «АК», так это только на пользу. Особенно если одновременно затеет производство необычных боеприпасов. Как известно, «Шмайссер 43/44» немцы разрабатывали чуть ли не пять лет, однако, запущенный в серию, он ни малейшего влияния на ход войны не

оказал. В отличие от советского «ППШ». Да и сам шок от появления в руках террористов, неожиданно перешедших на сторону (или просто работающих на неё за деньги) России, такого количества неизвестного и по всем канонам здравого смысла не могущего существовать в природе вооружения вызовет определённую смуту в головах и политиков, и военных, технических экспертов вместе с владельцами оружейных корпораций. Какое количество сил, нервной энергии, времени и денег будет потрачено на разгадку этой тайны! И ни один человек из всего «Чёрного интернационала», включая самого Катранджи, попади он в руки главнейших разведслужб мира, не сможет её раскрыть, ни под пытками, ни под гипнозом или химиопрепаратами. Как в том анекдоте: «Ребята, учите матчасть!»

Сама Югороссия, выступая всего лишь в роли посредника, имела с этого весьма приличный гешефт. Хотя в средствах она особенно и не нуждалась, в политическом и чисто финансовом смысле выигрыш был очевиден. Страна получала возможность кардинально сменить ассортимент поставляемых на мировой рынок драгоценных камней и металлов, поскольку пресловутые южноамериканские слитки и николаевские червонцы всем уж порядочно примелькались. А тут сразу появится масса алмазов, изумрудов, рубинов и прочих сапфиров трудноидентифицируемого происхождения, а также золота и платины, добытых из неизвестных в этом мире месторождений. Колымских, в частности.

Опять головная боль и банкирам и разведчикам: откуда это появилось и как? Троцкий ли снабжает своих врагов драгоценностями с секретных сибир-

ских приисков, на Кавказе ли они обнаружили? Снова надо думать, искать, засылать агентуру, а мировые биржи будет лихорадить, доллар, фунт и франк скакать то вверх, то вниз, а кто-то умный ещё и прилично заработает «на разнице».

Катранджи в этой операции плотно садился на крючок Олега и Чекменёва, поскольку всем известно — на войне боеприпасов много не бывает, а к поставляемому оружию он получит большое, но всё же конечное количество патронов, снарядов, взрывателей для мин и гранат и тому подобного. Собственную крупносерийную промышленность ему разворачивать не по силам, да и толковая разведка всегда обнаружит такие поползновения раньше, чем процесс войдёт в завершающую фазу. Хорошо, мир, где это оружие будет использоваться, не настолько глобализирован, как на ГИП, нет там за пределами ТАОС независимого государства, способного с нуля наладить у себя индустрию боеприпасов, созданных в стране с совсем другой технической культурой и идеологией.

Самое же главное — микрочипы, изготовленные в развитие идеи инженера Леухина и бесплатно прилагаемые к поставляемой технике, позволят отслеживать движение каждой партии оружия и боеприпасов. Так, на всякий случай.

И здесь названы только некоторые выгоды, которые смогут извлечь в будущем из этой негодии целых три российских государства на разных исторических линиях.

Ещё в Москве Катранджи получил заверения, что может требовать от контрагентов в буквальном смысле «любое» количество оружия, лишь бы хватило чем заплатить. Остальное сам на месте обсудит.

Он и запросил (для проверки) техники и снаряжения столько, чтобы обеспечить двухсоттысячную армию. Именно к этому числу они пришли, обсуждая с Чекменёвым и аналитиками из «Пересвета» перспективы превращения «Интернационала» из абстрактной силы в реальную. Не так и много, имея в виду предстоящий театр военных действий и мобилизационный потенциал «Интернационала», превышающий десять миллионов. Чисто теоретически, конечно.

Уже так или иначе подготовленных боевиков по всей подконтрольной Ибрагиму части планеты имелось достаточно, но это были именно банды, «эскадроны смерти», обслуживающие интересы разного рода тиранов во всех уголках света. И свои собственные тоже. В лучшем случае — укомплектованные «белыми наёмниками» взводы и роты *европейской организации* и подготовки, для выполнения специальных задач, вроде государственных переворотов в непокорных княжествах и эмиратах или смены собственника нефтяных полей, плантаций мака и коки, всяких «копей царя Соломона».

А теперь речь шла о фактически регулярных формированиях, батальонно-бригадного уровня, подходящих, чтобы вести *правильные* боевые действия с теми и там, на кого укажет Катранджи Российское руководство. Не в метрополиях, конечно, исключительно на «подмандатных территориях», в сэттльментах и вольных городах. И там, само собой, где «Интернационалу» не нужны соперники.

Тер-Исакян, едва переваливший рубеж тридцатилетия кадровый офицер, хорошо тем не менее умел изображать манеры своего деда по материн-

ской линии, выдающегося негоцианта из Эривани, ныне продвинувшего зону своих коммерческих интересов на всю аннексированную Югославией у турок территорию.

Он пошевелил пальцами с несколькими хорошо подобранными перстнями, деликатно причмокнул губами. Только «Вах!» не сказал, но это был бы уже перебор.

— Хорошая заявка. Люблю иметь дело с солидным покупателем. Если он платёжеспособен. Но — чересчур неконкретно. Вам нужно именно двести тысяч стволов как таковых? Тогда каких моделей? Вы уже определились? Всё, что вы видели, у нас есть в любых разумных количествах. Дело за вами. Или подразумевается весь спектр вооружения и экипировки взводного, ротного, батальонного уровней? Вы не стесняйтесь, у нас хорошие специалисты, помогут определиться, если вы сами ещё не до конца в теме... Можем поставлять комплексно, скажем — снаряжение десантно-штурмового батальона в пятьсот штыков. Так и сделаем, сформируем партию — от касок до портянок, включая ложки, котелки, карманные фонарики и туалетную бумагу защитного цвета. С танками и артиллерией тоже можем помочь, но это уже тема совсем отдельного разговора.

Слова армянина насчёт платёжеспособности и компетентности могли бы прозвучать как оскорбление, но их можно было счесть и знаком уважения и внимания. Большой, мол, вы человек, о деталях и пустяках вам думать некогда.

Катранджи предпочёл истолковать это именно так. Да и на самом деле, в спецификациях, справочниках и ценниках ему ковыряться, что ли? Вон

Кристина назвалась, пусть и пашет, не всё с князьями танцевать.

Ибрагим действительно был вчера уязвлён. Этой *свиристелке*, оказывается, нищий лейтенант и едва ли богатый жандармский полковник привлекательнее и ближе, чем он — хозяин полумира? Немного попсиховал, потом заставил себя думать «без гнева и пристрастия». Ну и что? Действительно, и должен быть ближе. Голос крови всё-таки. У них, у турок, когда были гаремы, вопросов не возникало, но если сейчас встанет вопрос — позволить ли сыну взять единственную жену из русских ли, евреек или индусок, какой отец не стукнет кулаком по столу?

А вообще даже интересно (тут вступила приобретённая за годы учёбы и жизни в России и Европе способность мыслить *широко*) — что победит в Кристине — абстрактный романтизм или прагматика? Вот и посмотрим. Катранджи как-то забыл, что уже имеющих у Волынской денег и тех, что она ещё должна получить за работу, по её меркам настолько много, что миллиарды, которыми она смогла бы распоряжаться, выйдя за него — дворцы, замки, яхты и власть, — для девушки полная абстракция, не способная повлиять на принимаемое решение.

— Мы и инструкторов можем предоставить, — перебил мысли турка армянин. — Берут они дорого, но свои деньги отрабатывают. За месяц любой контингент, достигший стадии прямохождения и хоть чуть-чуть грамотный, до уровня наших солдат-срочников обучают. А дальше уже штучная работа, сами понимаете...

— Понимаю, понимаю, — ответил Ибрагим, которого идея, в принципе, заинтересовала. — Но

сейчас всё же решим пункт первый. — Он сделал пометку в специальном, самосжигающемся, если не набрать нужный код на обложке, блокноте. Причём эффектно горящем, поскольку целых пятьдесят граммов термита в нём упрятано.

— Значит, двести тысяч бойцов вы штатно оснастить берётесь? От портянок до касок, вы сами сказали. Со всем, что между ними. Из тяжёлого вооружения — только станковые пулемёты. Один на взвод. Ручных — один на отделение. Батарею лёгких миномётов на батальон. Пока хватит.

— Да хоть миллион, — небрежно ответил армянин, — просто не в один приём, нам тоже время потребуется. Давайте так — либо партиями по десять тысяч комплектно, с интервалами суток в трое, либо сначала только стрелковое сразу, в течение недели, а остальное по мере поступления.

— Первый вариант предпочтительнее. Расчёт — франко порт?

— Как вам будет угодно. По транспортировке цена отдельная, оплата люмпсум¹. А по товару — к вечеру получите прайс-листы с окончательным итогом. А там можно и подискутировать о деталях...

— Договоримся... — Ибрагиму стало очень интересно, как это товар будет доставляться отсюда в порты, разбросанные по берегам трёх континентов, в разумные сроки. Неужели тем же способом, что и их самолёт сюда переправили? Самолёт-то что — мелочь, а пароходы с контейнерами общим весом в тысячи тонн? Причём в чужой для них мир, где даже судовые документы окажутся не-

¹ Люмпсум — способ оплаты фрахта в виде твёрдой суммы за рейс, независимо от количества и вида груза, количества перевалок и т. п.

действительными. Рисково! Но это по большому счёту совсем не его забота. — Я предлагаю так — аванс пятьдесят процентов, остальное по завершении поставок.

— Как вам будет угодно. — Тер-Исакян передвинул по столу в сторону Катранджи массивную синюю папку с вензелями. — А теперь — не желаете ли прокатиться в море на моей яхте? Я думаю, нам есть о чём побеседовать в приватной и приятной обстановке... Вашим сопровождающим с нами будет скучно — им мы предложим развлечения, более соответствующие их возрасту...

Ибрагим секунду подумал: «А твой-то возраст далеко от их ушёл?», но тут же эту мысль вытеснила другая: «У настоящего «делового человека» нет возраста. Если присутствует талант, неважно, сколько тебе лет, двадцать или девяносто». Он вспомнил себя в эти (Тер-Исакяновские) годы. На его счёту были не только первые лично заработанные миллионы, но и не меньше десятка лично устранённых людей.

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Прогуляемся вдоль Южного берега.

Но оставаться без охраны ему не хотелось, да и в Москве говорилось, что валькирии должны быть при нём неотлучно. Он посмотрел на Басманова. Тот незаметно кивнул, не сомневайся, мол, всё будет в порядке.

— А ваших сотрудниц мы поручим попечению надёжного человека. За ним — как за каменной стеной, я лично бывал с ним в таких переделках... — Басманов имел в виду приключения в Африке, и не только.

Ибрагим не желал расставаться с Кристиной, и совсем не из страха за собственную персону. Но

раз контрагент настаивает на конфиденциальности встречи, значит, в этом есть особый смысл.

Вот поручать её присмотру жандарма Катранджи по своей воле не стал бы. Слишком они вчера разворковались. Да и утром о чём-то перешёптывались. А впрочем... Это даже интересно будет — понаблюдать, как станет развиваться её роман. Эта жесткая, как прут стальной арматуры, девушка — и нежные вздохи при луне, объятия и всё такое.

Самого Ибрагима она привлекала именно в этом качестве. Ну, вроде как взять из табуна самую злую и непокорную кобылицу и объездить, без седла, конечно, пользуясь только уздечкой и шенкелями.

Моментами ему нестерпимо хотелось обладать этой девушкой, притом так, как привык, без всяких европейских заморочек, однако ревности при мыслях о сопернике он не испытывал. Что из того, если даже она переспит хоть с князем, хоть с полковником, да пусть с обоими сразу. От неё не убудет, зато быстрее одумается, поняв, что здесь уже всё получила, а с Ибрагимом *всего* не исчерпает никогда...

...На не так чтобы очень большую, но весьма внушительную яхту армянина с вполне подходящим названием «Абрек», кроме хозяина, погрузились Ибрагим и полковник с десятком очень серьёзно выглядевших офицеров. Кроме того, в поле зрения, на отдалении в две-три мили, маячили два эскадренных миноносца. Смысла в таком сопровождении было немного, но с точки зрения престижа Ибрагим был польщён. Да и случай с его «Лейлой» на рейде Одессы он забыть при всём желании не мог. Несмотря на то, что Юго-

россия и его беспокойный мир — пресловутые «две большие разницы».

Как только вышли в открытое море, Тер-Исакян, с которым Катранджи быстро перешёл на «ты», тем более — они оказались тёзками в русской транскрипции — один Ованес, другой Ибрагим, и оба Иваны, рассказал, что яхта перестроена из военного клипера типа «Крейсер»¹. Внешность корабль сохранил оригинальную. Ту, что была в день начала его первой кампании². Понятно, что после сорока с лишним лет службы корпус, рангоут, такелаж капитально отремонтировали, заменили машины на более компактные и современные, полностью перестроили внутренние помещения. Но весь антураж океанского рейдера дней зари парового флота остался в неприкосновенности, включая два весьма современных гранатомёта, оформленных под раритетные 87-мм пушки по обе стороны выхода на кормовой балкон в кают-компаниях и две снятые со списанных броненосцев «погонные»³ шестидюймовки побортно на баке.

¹ «Крейсер» — тип русского военного клипера, головной корабль серии спущен в 1875 г. Водоизмещение 1400 т. Длина — 65 м, ширина 10 м, осадка 4 м. Мощность машин 1500 л.с. скорость 13,5 уз. Парусное вооружение — барк, площадь парусов 1500 кв.м. Артиллерийское — 3—152 мм, 4—87 мм, 1 картежница Гатлинга.

² Кампанией в старом российском флоте назывался период года, когда судно находилось в строю и выполняло какие-либо боевые или служебные задачи. С наступлением поздней осени или зимы кампания считалась оконченной, судно (если не находилось в заграничном плавании) ставилось на консервацию, личный состав списывался для прохождения службы на берегу.

³ «Погонное орудие» — устанавливаемое в носовой части парусного или парового крейсера-рейдера с батарейным (бортовым) расположением артиллерии для стрельбы прямо по курсу во время преследования вражеского судна.

Всё это говорило о хорошем вкусе владельца, его преклонении перед русской военно-морской историей и очень приличных возможностях. Впрочем, что стоит главному интенданту флота выкупить кораблик по цене плохого металлолома и отреставрировать «хозяйственным способом»¹.

— Солидно, — сказал Ибрагим, сам большой любитель яхт, похлопав ладонью по казённику вполне современного орудия. — Есть с кем воевать?

— Там, где приходится бывать, — нередко, — коротко ответил купец, не вдаваясь в подробности.

Катранджи развивать тему не стал, перевёл разговор на другие достоинства корабля (из-за наличия вооружения судном его называть не получалось), привёл в пример собственную «Лейлу», столь трагически погибшую. Зато её гибель послужила окончательному сближению Ибрагима с Российским престолом.

Вестовые к тому времени накрыли приличествующий уровню хозяев и гостей стол прямо на юте, рядом с тамбуром, ведущим в низы, где вместе с кают-компанией, превращённой в гостевой салон, помещался и «господский» камбуз.

Перед тем как занять своё место, Катранджи отозвал в сторону Басманова.

— Теперь скажите мне, Михаил, для чего вам потребовалось организовывать всё это? Девушек послали, чтобы они охраняли меня и помогали, а вы...

¹ «Хозяйственный способ» — эвфемизм советских времён, означавший, что какое-то строительство или вообще мероприятие осуществляется «за счёт внутренних резервов», без привлечения бюджетных ассигнований.

— Отвечу, теперь никакого секрета. Мы имеем основания опасаться, что враги, ваши и наши, неважно, англичане это или кто-то другой, могут дотянуться и сюда. Я не Бог, и «в сердцах читать не умею»¹, не гарантирую, что кто-то из окружающих нас людей не сотрудничает с неприятелем.

— Даже на вашем уровне не можете?

— А что такого? Предают ведь всегда свои, вы разве не знали? И пока плоды предательства не стали явными, очень трудно *профилактировать*. Вот поэтому сейчас ваши помощники сопровождают человека, очень похожего на вас, в увлекательной экскурсии в Никитский ботанический сад с последующей дегустацией в Массандровских подвалах...

— Вот как... — теперь Ибрагим решил, что понял, с какой целью к ним был *погвегён* полковник Кирсанов. — Но вы ведь сами заверяли, что здесь — вполне безопасно.

— Здесь — да. Почти. Но меня предупредили, что могут возникнуть ситуации... экстраординарные.

Волна в открытом море была совсем небольшая, пологая, и яхту-крейсер совсем не качало, так что востовые без опаски сервировали стол даже и хрустальными бокалами на длинных ножках.

— А скажите, Иван Романович, — вдруг спросил Исаков, пока обслуживающий нижний чин в белой форменке Гвардейского флотского экипажа, заложив левую руку за спину, разливал Голицынское шампанское. — Вот недавно Михаил Фёдо-

¹ Басманов цитирует часто употребляемое Салтыковым-Щедриным выражение, которое он использует для обозначения тогдашнего политического сыска, использовавшего перлюстрацию писем, доносы, сплетни и тому подобное.

рович обмолвился насчёт «другого мира» с другой историей, в том числе военной и оружейной. Это так? Вы действительно купец, совершающий «Хождение за три мира»? И не у нас собираетесь весь этот арсенал использовать? «На вывоз» приобретаете, как Чичиков мёртвые души?

Катранджи мельком взглянул на полковника, как бы спрашивая, что можно сказать, чего нельзя.

Тот едва заметно дёрнул плечом, словно от досады. Прокол, мол, случился.

И обратился к каперангу:

— Вы что же, Иван Степанович, на самом деле настолько не осведомлены? Я думал, раз вас к этому делу допустили...

— Слышал, много всего слышал от разных людей, но никто мне ни разу впрямую не объяснил — «Дела обстоят таким и таким-то образом». Начальство не сочло нужным, а досужие разговоры... У нас вон дамы по ночам столоверчением занимаются, духи великих людей вызывают. И что, я и этому верить должен? Но сегодня уважаемый Иван Романович несколько раз проговорился, а потом и вы, Михаил Фёдорович... Да и спутницы ваши, — с улыбкой знатока и ценителя обернулся Исаков к Ибрагиму, — не в наших оранжереях расцвели, я за свою интуицию ручаюсь.

— Я думал, у вас все такие информированные, как Михаил Фёдорович, — словно бы оправдываясь, сказал Катранджи.

— Информированность — понятие относительное. И не всегда полезно, когда сторонние лица осведомлены о её пределах, — затейливо ответил Исаков.

— Кто бы спорил. Тогда вы и сами всё остальное поняли. Да, на вывоз. У вас в таких масштабах

войну не затеешь, сами понимаете. Для отвоевания принадлежащих мне наследственных земель проще было бы нанять несколько тысяч *добровольцев* у господина Басманова, из числа его рейнджеров. Кстати, мне не совсем понятно, почему, имея такое сверхсовременное даже для моего родного мира оружие, вы остановились на сравнительно скромных для вашей действительной мощи границах.

— А нам больше не надо, — усмехнулся каперанг. — Лично мои национальные чувства успокоились, когда к нам вернулся Арарат и озеро Ван. Материковая Турция армянину ни к чему. Русским достаточно Проливов и креста на Святой Софии. А если кому территории не хватает, наш заклятый друг товарищ Троцкий практически бесплатно готов на самых выгодных условиях предоставить концессии до самого Берингова пролива.

— Спасибо, прояснили вопрос. Но о чём таком уж слишком конфиденциальном вы хотели поговорить со мной, приглашая на эту, не скрою, приятную прогулку? Не верю, что только за тем, чтобы выяснить, из какого я мира.

— Слишком или нет — то мне неизвестно. Михаил Фёдорович сам скажет вам, что сочтёт нужным.

Видно было, что армянин действительно очень мало осведомлён в теории параллельных времён и сути дипломатических и финансовых взаимоотношений Югороссии с «другой Россией». Не знает, а главное — вроде бы совершенно не интересуется делами, выходящими за пределы его компетенции. Великолепное качество для человека, делающего свою заранее просчитанную карьеру и не претендующего на что-то большее.

Катранджи удивился ещё сильнее. Неужели у Басманова были основания для столь многослойной секретности? Если в совершенно безопасной, по словам Воронцова, реальности он таится даже от вернейших из верных — своих валькирий. Или — не считает их настолько уж верными? Хотя бы по причине возникших между ними и Катранджи финансовых отношений?

— Чтобы вам было понятнее, Иван Романович, я сейчас действую по инструкции, смысл которой мне понятен только в части, меня касающейся. Очевидно, это вызвано некими крайне серьёзными обстоятельствами. Я давно уже ряд вещей научился принимать без попытки их рационального осмысления. Если бы вы встретились с некоторыми явлениями, с которыми встречался я, вам эта позиция тоже показалась бы единственно верною.

— И что же это за явления? — спросил Катранджи без особого любопытства. Он тоже успел повидать много всякого, включая демонстрацию «бокового времени» профессором Маштаковым.

— С удовольствием поведаю. Когда и где ещё рассказывать удивительные истории, как не в уют-компании, за стаканом хереса? Не так ли, Иван Степанович?

Тер-Исакян, сам баловавшийся публикацией в «Морском сборнике» флотских побасенок, согласно кивнул, раскрывая портсигар. Возможно, сейчас прозвучит ещё что-то, достойное его пера.

Басманову потребовалось около часа, чтобы в подробностях, необходимых для слушателей неискушённых, изложить ту часть южноафриканской эпопеи, где присутствовали инсектоиды

и монстры¹. Особо зафиксировал внимание слушателей на том, что тысяча восемьсот девяносто девятый тоже был им рекомендован как место вполне спокойное. А на самом деле там их поджидало *вот это...*

И это самое «это» являлось инструментом воздействия на человеческие реальности существ совсем нечеловеческих, обитающих где-то поблизости, в реальностях, расположенных на расстоянии, может быть, вытянутой руки.

— Страшные вещи вы говорите, Михаил Фёдорович, — сказал Исаков, выглядевший по-настоящему потрясённым, без всякого наигрыша. — И как теперь прикажете жить с таким знанием?

— Я ведь живу, и ничего. Вообразите, что вы по-прежнему на фронте. И неприятель в любой момент готов вас удивить самым неприятным образом. Пусть у вас на флоте ядовитых газов и столь внезапных изобретений, как танки, не применяли, но немецкие подводные лодки в четырнадцатом — это ведь тоже не стакан лафита?

Каперанг немного подумал, усваивая услышанное. В целом ведь, если разобраться, ничего сверхъестественного Басманов не открыл. Если есть один мир, вполне благожелательный, посланцы которого спасли Белое движение и продолжают всячески помогать Югославии небывалыми техническими новинками, отчего же не существовать другому, однозначно злему и враждебному? Всё ведь так устроено — тень и свет, порядок и хаос, Бог и Дьявол... Как выражался знакомый корабельный иеромонах: «Сие знаменует гармонию природы».

¹ См. «Скоро полночь», т. 2.

Катранджи, тот был совсем не удивлён. Разве что чисто биологическим аспектом истории — каким образом могут существовать на Земле насекомые таких размеров и как налажена система управления их поведением. Не собаки, вообще не животные, мозгом не снабжены. Всё же два факультета он окончил, в естествознании разбирался.

— Именно поэтому, поскольку ни мы, ни наши друзья не представляем себе всех цепочек причин и следствий, объединяющих все известные нам явления, для меня лично начавшиеся ничем не примечательным константинопольским утром двадцатого года, нам и приходится *перестраховываться*, как у них выражаются. Ну, как в тропическом лесу, когда не знаешь, болото под ногами разверзнется ли, саблезубый тигр выскочит из зарослей или, наоборот, невидимый глазу москит уже впрыснул вам смертельный яд. Сейчас мы не знаем, кто за нами наблюдает, какие планы строит и в какой момент нанесёт удар. Единственное, что в наших силах, — быть готовыми ко всему и по возможности поступать неожиданным и непонятным для врага образом...

— Образно выражаетесь, — с одобрением сказал Исаков. — Мне это напоминает что-то из раннего Средневековья. Весь мир полон демонов, ведьм, злых духов, и спасение только за стенами монастыря, в постоянной молитве и совершении предписанных ритуалов. Причём никто наверняка не знает — помогут ли они или всё так, для сохранения душевного равновесия...

— Очень близко к истине, — поддержал его Катранджи. — Но ведь другого выхода у нас всё равно нет?

— Нет, — согласился Басманов. — Поэтому импровизируем кто во что горазд. Может, ношение пудовых вериг поможет, может — святая вода или танцы шамана с бубном... И вот такие наши «многоходовки».

— Ну, шаман у нас точно есть, — усмехнулся Ибрагим, имея в виду Удолина и его компанию магов-некромантов. — А если ближе к делу?

— Я к этому и веду. Посмотрите. — Басманов достал из кармана бинокль чуть больше театрального, но силой не уступающий хорошему морскому призматическому. Поднёс его к глазам и протянул сначала Катранджи как уважаемому гостю. До Исакова очередь не дошла, потому что вахтенный с мостика крикнул: — Судно на зюйд-ост, сто десять градусов.

В бинокль у кромки горизонта отчётливо обрисовался силуэт на первый взгляд неподвижного корабля, поскольку над его трубами не было ни малейших следов дыма. А без дыма здесь мало кто ходил, если не считать дизельных броненосцев Черноморского флота. Даже новейшие, достроенные после войны «Новики» «Ушаковской серии»¹ всё равно хоть немного, а дымили.

¹ «Ушаковская серия» — на Чёрном море в Первую мировую войну строились усовершенствованные эсминцы типа «Новик», называемые по местам побед русского флота под командованием Ф. Ушакова — «Фидониси», «Гаджибей», «Керчь», «Цериго» и т.д. Последний эсминец этой серии — «Калиакрия» («Дзержинский») был сдан флоту 1 октября 1917 г. В разных степенях готовности к моменту Октябрьского переворота на стапелях оставалось ещё 12 эсминцев по улучшенным проектам — «Тенедос», «Хиос», «Родос» и «Самос». Последний достроенный — «Левкас» («Шаумян», спущен — октябрь 1917, зачислен в строй — декабрь 1925 г.). Остальные имён получить не успели и в 1925 г. были разобраны на стапелях.

Через минуту до яхты донёсся гром, похожий на отдалённый выстрел двенадцатидюймового орудия.

Только Басманов знал, что подобным звуком сопровождается перенос крупной массы через межвременной барьер.

Остальные просто посмотрели на небо, не увидев туч, слегка удивились. О том, что где-то может идти бой, мыслей не возникло.

Меньше чем через полчаса к борту «Абрека» «с шиком», гася тридцатиузловую скорость «полным назад», подошёл крейсер «Изумруд», сначала семафором с мостика, а потом и голосом испросил разрешения швартоваться «борт к борту». Разведённой реверсом волной яхту ощутимо раскачало, но рулевой и швартовая команда «Изумруда» сработали выше всяческих похвал.

На палубу «Абрека», ещё до того, как корабли прижались кранцами и остановились, рисуясь марсофлотской лихостью, перепрыгнул моряк в белом кителе с Георгиевским крестиком на груди.

— Капитан второго ранга Белли прибыл в ваше распоряжение, господин полковник, — сверкая белозубой улыбкой, доложил он Басманову, всем прочим отдав легкий полупоклон. Ни Катранджи, ни Исаков заслуживающими отдельного внимания фигурами ему не показались.

— И отчего это вдруг? — спросил Басманов. — Да вы подсаживайтесь, прибор сейчас принесут, — указал он капитану на накрытый стол. — Вроде на эту тему у нас ни с кем разговора не было...

И тут же в кармане у него подал вибровывоз «портсигар» Верецагиной. Как и обещал Воронцов — «если что».

Полковник отошёл за ближайший кильблок и откинул крышку блок-универсала.

— Слушаю, Дмитрий Сергеевич...

— Это я тебя слушаю. Крейсер подошёл?

— Так точно. Белли минуту назад представился. Пижонит, как всегда. И темнит...

— А ты чего хотел? Дело молодое, я б тоже сейчас козликом скакал. Девиц поблизости нет?

— Нет, на берегу остались.

— Значит, пусть службу без восхищённых глазок вокруг несёт. Он тебе сейчас полностью подчинён. С Катранджи я переговорю, через радиорубку крейсера, а дальше по обстановке.

— Так Ибрагима что, на крейсер переправить?

— Именно...

Пока Исаков расспрашивал кавторанга, откуда здесь взялся его странный крейсер, вроде как систер-шип погибших в японскую и мировую «Изумруда» и «Жемчуга», но и отличающийся в существенных деталях, Катранджи прямо по корабельному радиотелефону общался с Воронцовым.

Впрочем, в этом для него ничего странного теперь не было — события в Замке сильно расширили его кругозор.

Дмитрий не стал говорить ему, что вместо трёхнедельного, как минимум, перехода в Крым из новозеландского форта решили организовывать его переправу через половину глобуса опять же с помощью Замка, то есть как бы помимо всяких контактов с материальным миром и, само собой, без потрясений соседних реальностей. Хотя, с другой стороны, всё их множество входило в единый континуум Гиперсети, и каким-то образом между со-

бой взаимодействовало, опять же по-библейски — «нераздельно и неслиянно».

Единственный эффект, от которого избавиться не удавалось даже в таком варианте, — звуковой, адекватный переносимой массе. Что полностью подтверждало «посюсторонность» форзейлей, Замка и всего с ними связанного. Переносы материальных объектов по методикам Удолина, сквозь уровни эфира, никакого воспринимаемого человеческими чувствами эха не создавали.

Вышел турок из радиорубки в состоянии странной задумчивости.

— Что-то случилось, Иван Романович? — участливо поинтересовался Басманов прямо с палубы «Абрека». От мостика крейсера его отделяло не больше пяти метров. Мало ли какие у человека могут быть неприятности, раз из другого мира его «к прямому проводу» позвать просят: гарем экстренно и неизлечимо заболел, биржевый крах случился или соратники, пользуясь его отсутствием, экстренный «октябрьский пленум»¹ провели.

— Ничего особенного. Просто этот ваш «товарищ» сказал мне, что всё меняется. Что сегодня же нужно загрузить вот на этот корабль весь наличный запас вооружения и немедленно переправить его в указанное мною место...

— В смысле?

— Я должен за ближайшие три-четыре часа определить новое место выгрузки, всего одно, и не из тех, что раньше планировал. С вашей помощью

¹ На октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС «группой товарищей» по предварительному сговору был освобождён от должности Первого секретаря Н.С. Хрущёв, отдыхавший в это время в Пицунде.

связаться с кем-то из доверенных моих людей, которые должны не позднее завтрашних четырёх утра (Катранджи назвал день и время для своей реальности) встретить груз и иметь при себе ликвидные ценности на оговоренную сумму... Как-то быстро и неожиданно у вас там обстановка меняется... И вообще, о сумме мы пока не условились, и роль господина Воронцова мне теперь совсем непонятна.

Ибрагим выглядел не то растерянным, не то обиженным, что для такого человека было совсем не свойственно. Да и вообще, с момента, как он оказался в орбите «Мальтийского креста», он довольно сильно изменился. На набережную Одессы совсем недавно сходил будто бы совершенно иной персонаж.

— Ну с суммой мы решим. Иван Степанович, — повернулся он к Исакову, — свяжитесь с берегом, пусть доложат, чего и сколько они могут отгрузить сегодня до... полуночи. Передайте, что под погрузку подойдём через... За час управимся? Вот, значит, пусть и начинают товар на рампу подавать...

— А роль адмирала Воронцова... — ответил он на предыдущий вопрос Ибрагима. — Вот такая у него роль — *главного пожарного*, на случай непредвиденных случайностей, о которых мы только что говорили.

...В одной из многочисленных бухт Севастополя ещё с Крымской войны, а то и раньше располагались минно-артиллерийские склады, в двадцатом ещё году, сразу после легализации «господина Ньюмена» с друзьями в качестве ближайших помощников генерала Врангеля переоборудованные в весьма своеобразный «завод +

арсенал». В нем хранились отнюдь не реальные запасы оружия и иной техники, а лишь «выставочные образцы», нужные в основном для демонстрации немногочисленным заказчикам или особо доверенным инженерам. Но действительно, секретные и недоступные никому из «местных», кроме Басманова, помещения таили в себе то, благодаря чему во многом и существовала Югославия.

Один зал занимали собственно дубликаторы и обеспечивающая их работу аппаратура, а два других — собранные из медных полос и стержней клетки, вроде тех, что предназначены для содержания зверей в зоопарках. Клетки были разных размеров — от маленьких, «трёхкубовых», до полномасштабных, достаточных, чтобы в них помещались по два «нормальных товарных вагона» образца 1875 года. Те самые всем известные «теплушки». На них всё и было рассчитано. После ряда экспериментов Левашов убедился в оптимальности именно такой конструкции. В «приёмное отделение» дубликатора загонялся вагон с любыми грузами, а через несколько секунд в «отсеке выдачи» появлялась его точная копия. Вагон сразу можно было цеплять к маневровому мотовозу и отправлять на железнодорожную станцию или на пирс, где была оборудована довольно простая перегрузочная система из списанных корабельных кильблоков и шлюпбалок. После чего дублирование повторялось нужное число раз. Необходимая для технических нужд и обеспечения процесса «трансмутации» (а как ещё назвать производство материальных предметов из атомов окружающей атмосферы, а может — из пресловутого вакуума?) электроэнергия

поступала с переоборудованного и поставленного под берегом на бочку списанного крейсера «Память Меркурия», заодно исполнявшего роль хорошо вооружённой плавказармы для роты охраны объекта.

Казалось бы, располагая таким источником неограниченного количества материальных благ, Югославия могла бы обеспечить себе уровень жизни, превосходящий таковой в каких-нибудь Эмиратах будущего времени, подобно героям «Туманности Андромеды» или «Полдня» забыть об «отупляющем производительном труде», полностью отдавшись наукам и искусствам.

Но, прежде всего, такая «воплощённая утопия» никому в «Братстве» не была нужна — все прекрасно понимали, к чему она, будучи перенесена на «грешную землю», в ближайшем будущем приведёт и саму себя и весь окружающий мир. Самое же главное — все отлично помнили рассказ Шекли «Кое-что задаром». Никто ведь на самом деле не представлял, откуда что берётся и какова в случае чего может быть расплата. Антон, передавая Левашову схему дубликатора, конечно, заверил его в полной безвредности этой игрушки, но верить что Антону, что самому Замку на слово... Бесчисленные истории о дьяволе и прочих подобных существах давали достаточно поводов для сомнений и сугубой осторожности.

Поэтому, как и многие другие *возможности*, имевшиеся в распоряжении «Братства», использовались с крайней осторожностью и по преимуществу «в условиях крайней необходимости». И всё равно, ненаучно выражаясь, «энтропия нарастала» и «система разбалансировывалась» с каждым годом всё больше, что было очевидно невоору-

жённым глазом. Сейчас Воронцову казалось, что если бы они после образования Югороссии не делали больше совсем ничего, то жили бы не в пример спокойнее. Но ведь не поспоришь, без всякого с их стороны умысла то и дело возникали ситуации, из которых не было другого выхода, кроме снова и снова прибегать к *потусторонним* методам и средствам, поступать тем самым, «единственно возможным» образом. В связи с этим очень актуально звучал ещё один рассказ Шекли — «Опека». Там у героя с его сверхъестественным попечителем состоялся такой разговор:

«... — Я не сомневаюсь в ваших предсказаниях. Но только замечаю, что до вашего появления жизнь не представляла такой опасности.

— Конечно, нет. Но должны же вы понимать, что раз вы пользуетесь преимуществами опеки, то должны мириться и с её отрицательными сторонами.

— Какие же это отрицательные стороны?

— До встречи со мной вы были как все и подвергались только риску, вытекавшему из ваших житейских обстоятельств. С моим же появлением изменилась окружающая вас среда, а стало быть, и ваше положение в ней. Известно ведь, что избегая одной опасности, открываешь дверь другой.

— Вы хотите сказать, — спросил я отдельно, — что с вашей помощью опасность возросла?

— Это было неизбежно, — вздохнул он».

Так и сейчас — неизбежна была необходимость включить дубликатор на проектную мощность, пренебрегая тем, что где-то (и когда-то) произойдёт гигантский отбор энергии и неизвестно какие побочные явления, вытекающие из преобразова-

ния бог знает чего в сложно-упорядоченные материальные структуры. Что-то такое упоминалось в «Понеделнике...», со ссылкой на «обобщённый закон Ломоносова — Лавуазье», но без всяких подробностей.

И ещё предстояло в очередной раз организовать сеанс радиосвязи между параллельными мирами и со сдвигом по времени, что, несомненно, ещё больше раскачивало *мировой эфир* или что-то другое, его заменяющее.

Басманов, к его счастью, в тонкости взаимоотношения «Братства» с *иномирными структурами* посвящён не был и воспринимал ставшие ему доступными чудеса столь же спокойно, как в детстве только что вошедшие в употребление телефон, электрическое освещение, автомобиль и даже показательные полёты аэропланов, собиравшие больше зрителей, чем выступления самых знаменитых артистов и даже «французская борьба».

— Вы хотите сказать, что, погрузившись сегодня здесь, вы обещаете доставить груз в любую точку земного шара завтра к утру? — продолжал шумно удивляться Ибрагим, которому первого знакомства с возможностями потусторонних миров оказалось мало. — Моим людям не хватит времени, даже чтобы собрать требуемую сумму. А кстати, мне так никто её и не назвал до сих пор...

— Я, как вы должны понимать, вам сказать совсем ничего не хотел. Это вы мне пересказали ваш разговор с совсем другим человеком. Кроме того, о «любой точке земного шара» разговор вряд ли у вас шёл. Антарктида или, к примеру, Гренландия едва ли фигурировали. — Басманов отвечал спокойно и даже слегка скучающе, в духе флегматич-

ного майора Мак-Наббса из «Детей капитана Гранта». — В том, что капитан Белли вас доставит по назначению и точно в срок, я не сомневаюсь. Значит — дело за вами. Назвать место и гарантировать оплату...

— Но сумма! И количество?! Мы весь день разговариваем, а до главного так и не дошли.

— Иван Степанович, это по вашей части, — повернулся полковник к Исакову.

— Чем мы располагаем на данный момент? — спросил каперанг у робота, изображающего старшего лейтенанта артиллерийско-технической службы, явно засидевшегося в чине и не рассчитывающего на поворот судьбы к лучшему. Обычных местных людей к столь секретной и важной технике не допускали, разве что в качестве грузчиков и наружной охраны. А о том, что «начальник арсенала» — механическое существо, не подозревал и сам Исаков. Считал его просто офицером, через половину экватора добравшимся в Севастополь из Владивостока вместе с отрядом капитана первого ранга Китицина в двадцатом году. Так оно в принципе и было, тогда ещё «лейтенант Весельский» был поставлен на должность прямо с момента создания в этих пещерных хранилищах мало кому вообще известного «арсенала», снабжавшего винтовками «СВТ» ещё корниловцев перед Каховским сражением.

— Согласно вашему запросу в настоящее время имеем по двадцать тысяч стволов «АКМ», «АКМС» и «СКС», две тысячи «СВД», полторы тысячи «РПК» и «ПКМ». Боеприпасы согласно разнарядке...

— А гранаты, взрывчатка и остальное? — вмешался в рапорт Катранджи.

— Так точно. Двадцать тысяч ручных гранат разных типов, пятьсот «РПГ» и пять тысяч выстрелов к ним. Само собой — ЗИПы, кожаное снаряжение, разгрузки... Пистолеты есть, «ТТ» и «08», но заказа не было.

— Пистолеты мне как раз не нужны. А вот военная форма, каски, радиостанции и прочее? Мы как договаривались?

— Успокойтесь, Иван Романович. Обстановка поменялась слишком быстро. Всё требуемое вы получите следующей партией, в пределах ближайшей недели. А сейчас, если вы согласны с ценой, я прикажу начать погрузку на крейсер... Всё-таки шесть дивизий вооружить вы сразу сможете. Едва ли все они стоят в ротных колоннах в ожидании оружия. Мы успеем...

— Так назовите же её наконец! Хватит ходить вокруг да около. И ещё. Мне немедленно нужно встретиться с моими помощниками...

— Всенепременно. На яхте мы доберёмся до Графской пристани через полчаса. Их тоже туда доставят. И час — на оформление документов. Отлично управляемся. Так что я приказываю начать погрузку...

— Но мы даже приблизительно не договорились. Если цены будут...

— Возьмите себя в руки, Иван Романович, — это уже вмешался Исаков. — Мы обязательно договоримся. От меня ещё никто не уходил без товара...

И улыбнулся так простодушно, что у Катранджи резко обострились все его антиармянские комплексы, хоть и был он вполне европеизированным человеком, «истинно русским» по легенде.

ГЛАВА
ОДИННАДЦАТАЯ

Самым подходящим местом для выгрузки своего товара Катранджи после долгих размышлений (слишком много факторов приходилось рассматривать и учитывать) выбрал принадлежащий ему небольшой скалистый островок у юго-восточного побережья Сицилии. Ничем особо не примечательный, кроме великолепного климата, пейзажей несравненной красоты, открывавшихся с веранды его виллы, перестроенной из палаццо какого-то аристократа XIV или XVI века, множества маленьких бухт с тончайшим золотым песком. Сама вилла была окружена густым садом, переходящим в дикие непроходимые заросли акаций-гледичии, упрочненные вдобавок немислимыми переплетениями колючей проволоки разнообразных сортов и видов, усиленной минно-взрывными заграждениями. И располагалась эта «линия Катранджи» на почти отвесных склонах, покрытых естественными трещинами, осыпями и кавернами. Проще говоря, никакие горные стрелки высочайшей квалификации, хоть итальянские берсальеры, хоть русские егеря, преодолеть эти естественно-искусственные заграждения не могли иначе, как по воздуху. Но этот вариант тоже был предусмотрен.

Для связи с внешним миром имелся там, поблизости, на плоской вершине, небольшой аэродром, вернее — взлётно-посадочная полоса легкомоторных самолётов и вертолётная площадка с приличным огневым прикрытием и дистанционно управляемыми МЗП¹. Пятьюстами метрами ниже по

¹ МЗП — «малозаметное препятствие», тип инженерного заграждения местности, трудно обнаруживаемый и весьма

вертикали и в трёх километрах пути по извилистому серпантину — прикрытый скалами от зимних штормов заливчик с волноломом, причальным пирсом и эллингом. Его «Лейла» и несколько других *расходных* яхт размерами и водоизмещением превосходили крейсер «Изумруд», так что проблем со швартовкой и разгрузкой возникнуть не должно было.

Катранджи не был бы восточным человеком, притом достигшим таких высот собственным умом, хитростью и предусмотрительностью, если бы не обеспечил несколько «запасных входов и выходов». Через его непреодолимые заграждения на склонах горы вело несколько извилистых «козьих» тропок, по которым знающий дорогу мог за полчаса спуститься и за полтора — подняться от виллы к морю и наоборот. Только при этом нужно было специальным сигналом отключить разнотипные взрыватели на щедро расставленных вдоль тропок минах.

А ещё была вертикальная шахта, что вела из подвала дома в расселину неподалёку от пристани. По этой же шахте по трубам наверх подавались ледяная артезианская и горячая минеральная вода из расположенных под подошвой островка источников. Одним словом, в оборудование этого «приюта отдохновения» была вложена уйма труда и не меньше — фантазии и денег.

Надо ещё отметить, что в мире «другой России» и ТАОС по не совсем понятным причинам

затрудняющий или исключаящий передвижение живой силы и техники противник. На аэродроме это могут быть в нужный момент поднимаемые поперёк полосы бетонные или металлические балки, тросы и т.п. Для парашютистов — острые «ежи» и управляемые противопехотные мины типа «лягушка».

туризма в том понимании, что он имел на Главной Исторической Последовательности, практически не существовало. Вернее, он был, но в том виде, что сложился примерно ко времени перед началом Первой мировой войны. Отсутствовала, так сказать, *индустрия туризма*. Люди не столько массово перемещались по миру для краткосрочного отдыха на популярных курортах — в Таиланде, на Канарах, Египте или Турции, — сколько именно *путешествовали*. Отправлялись в долгие познавательные поездки, обстоятельно и не спеша знакомясь с культурой Италии, например, или с достопримечательностями вроде Ниагары, Гран-Каньона, озера Байкал, пещерных храмов Индии и тому подобных мест. На осмотр Эрмитажа, галереи Уффици или Третьяковской галереи принято было тратить не два часа, а как минимум неделю. Исходя из этого формировались и другие «культурные паломничества». Месяц — «Русские сезоны в Ницце», другой — «Фестиваль Неаполитанской песни» и так далее.

Как вид активного отдыха существовали сафари в достаточно спокойных местах, где приезжий европеец или американец не рассматривались как законная добыча любого, кто имел желание и возможность ограбить, убить чужака, продать в рабство или использовать в целях получения выкупа. В основном же процветали виды *спокойного*, если так позволено выразиться, отдыха. Двух-трёхмесячные выезды на близкие и не очень дачи, лечение на популярных курортах, проведение целых сезонов в местах с благоприятным или считающимся целебным климатом. Например, вполне нормальным считался образ жизни тех же Майи Ляховой и Татьяны Тархановой и тысяч им подоб-

ных, с началом южной весны отъезжавших из столиц *на воды*, где у них имелись собственные дома. Люди попроще снимали комнаты в пансионатах и предназначенных для длительного, почти домашнего проживания гостиницах.

Трудно сказать, почему сложилось именно так. Возможно, оттого, что по историческим причинам здесь не возник так называемый *средний класс*, то есть общность людей с примерно одинаковыми культурными запросами, финансовыми возможностями и общей идеологией. Общество оставалось по преимуществу сословным. Лица с сопоставимыми уровнями доходов — промышленники, купцы, рантье, лица хорошо оплачиваемых *свободных профессий*, чиновничество и аристократия не чувствовали себя принадлежащими к некоей специфической общности, скорее — строго наоборот. Это как с интеллигенцией — какой-нибудь недоучка, вроде Васисуалия Лоханкина, мнил себя её представителем, и «общество» не возражало, но назвать «интеллигентом» директора департамента с двумя высшими образованиями, свободно говорящего на шести языках — язык не поворачивался у самых свободомыслящих граждан.

Да и сама структура мира, весьма беспокойного за пределами Периметра, резко поделенного на цивилизованную и живущую по законам раннего Средневековья части не настраивала людей на хаотичное перемещение по планете в поисках новых впечатлений.

В результате та же Сицилия, о которой сейчас идёт речь, и большинство островов Средиземноморья оставались землями весьма патриархальными, если не сказать *дикими*, где местное население продолжала жить почти так же, как сто и триста

лет назад. Не было там бесчисленной массы курортных посёлков и популярных пляжей, и от Тармины до Исола Гранде, крупных по здешним меркам, причём хорошо укреплённых городов простирались сотни километров никак не охваченных хозяйственной деятельностью земель. Поскольку, кроме всего прочего, здесь было весьма неспокойно.

Всё южное побережье Средиземного моря, от Гибралтарского пролива и до Дарданелл, исключая Израиль, жило по законам, больше похожим на те, что действовали во времена финикийцев, ещё до возникновения *Rex Romana*¹. Среди жителей прибрежных поселений, сплошь каменных, с окнами, обращёнными внутрь дворов, рыболовство и контрабанда считались самыми невинными занятиями, потому что были и другие, к которым сицилийцы готовились с раннего детства.

Остров Ибрагима по всем этим причинам мог считаться местом, весьма подходящим для оборудования здесь базы снабжения его вновь создаваемой армии. Фактически вне юрисдикции держав, входящих в ТАОС, и одновременно настолько удобно расположенный географически, что в течение кратчайшего времени и практически беспрепятственно сюда могли подходить каботажные суда и садиться самолёты, получая предназначенный для переброски в нужном направлении груз. А в случае необходимости прямо здесь можно было организовать учебно-тренировочную базу для формирования и первичной подготовки

¹ «Римский мир» — территории, находившиеся под властью Римской империи, включавшие в себя всё Средиземноморье, в т.ч. Северную Африку и Ближний Восток, а также часть Галии, Германии и Британские острова.

боевых отрядов. Примерно так, как в двадцатом году на одном из островов греческого Архипелага обучался первый батальон будущих югоросских «рейнджеров».

Катранджи получил сообщение от одного из своих *визирей*, отвечавшего за военно-технические вопросы, что нужное количество людей во главе с ним самим уже прибыло на остров. К приёму *товара* готовы, и вся оговоренная сумма в золоте, драгоценностях и некотором количестве весьма ликвидных ценных бумаг, которые предполагалось использовать в этой реальности, тоже доставлена. «Изумруд» как раз подошёл к острову на пятьдесят с небольшим миль — полтора часа форсированного хода.

— Ну, можно сказать, что большая часть дела сделана, — сказал Ибрагим Басманову, выйдя из радиорубки крейсера на крыло мостика.

— На этот счёт у нас есть несколько поговорок, предостерегающих от излишнего оптимизма, — вместо Басманова ответил ему Кирсанов.

— У вас есть какие-то основания сомневаться? — насторожился турок.

— Никаких, кроме собственного, достаточно богатого опыта...

Жандармский полковник знал, сколько неожиданностей следует иметь в виду, когда *работаешь с Востоком* вообще и восточными людьми в частности. Да и место, где они находились, никак нельзя отнести к самым благостным и спокойным.

О возможности *вариантов* предупредил его и Воронцов, не случайно переигравший вдруг план миссии и приславший на роль транспорта даже для этого времени хорошо вооружённый крейсер, а на нём, кроме подготовленного ко всяким жиз-

ненным перипетиям экипажа в триста человек, людей и роботов, разместилась ещё и рота «басмановских рейнджеров», давно, впрочем, так не называвшихся даже между собой. После многочисленных столкновений с англичанами на суше и на море они предпочитали называться попросту — «ударниками», как в Первую мировую (для них просто — Великую) войну именовались бойцы добровольческих «ударных» подразделений. И, входя в Отдельный корпус спецопераций, продолжали числиться за теми полками, в которых начинали службу — Корниловским, Марковским, Алексеевским, Дроздовским... А кто и за Преображенским или Семёновским, но это уж совсем «старики», царских выпусков, вроде самого Басманова.

До рассвета оставалось больше часа, когда «Измурд» самым малым ходом вышел в видимость острова. Даже без ноктовизоров и радиолокаторов его горбатый, скошенный к северу массив отчётливо проектировался на фоне едва-едва посветлевшего неба.

Уже по обычному радиотелефону Катранджи вызвал своего помощника.

— Мы подходим, у вас всё в порядке?

— Всё в полном порядке, эфенди. Грузчики ждут, как только вы подойдёте к причалу, сразу начнём.

— Скажите, пусть прямо сейчас посигналит, — подсказал Кирсанов. — Три длинные вспышки, две коротких, одна длинная...

— Зачем это? Будем подходить, свой прожектор включим.

— Сделайте, как я прошу, — не меняя интонации, сказал Кирсанов, и у Ибрагима пропало всякое желание спорить.

Не прошло и минуты, как, видимый даже без ПНВ, с вершины скалы, на которой располагался хозяйский дом, мигнул сильный фонарь.

— Ну что, вы довольны?

Кирсанов посмотрел на Басманова, потом на валькирий.

— Ну? Кто самый умный?

Кристина была готова первой, но из субординации сначала посмотрела на Басманова. Не пожелает ли сам ответить.

Михаил разрешающе кивнул.

— Что-то не сходится. Ответ пришёл слишком быстро — раз. И дан сильным армейским фонарём — два. Штатский человек, получив такой приказ, скорее, поднялся бы на верхний этаж и просто пощёлкал выключателем. Здесь глухое место и частная территория, от кого таиться? А вот кадровый военный, спецназовец или морпех чисто инстинктивноотреагировал бы именно так...

— Молодец, поручик, — с непонятной улыбкой сказал Кирсанов. — Ваш секретарь долго в армии служил?

— Совсем не служил. Он по другим вопросам. Но стреляет хорошо...

— А ваша охрана?

— Я вас понял, — подобрался Ибрагим. — Ну, дети поганого пса и портовой шлюхи (более резко в обществе девушек Ибрагим выражаться не стал, хотя и умел). Охрана — очень хорошие бодигарды и убивать обучены. Но не солдаты, нет... Значит...

— Пока ничего не значит, — пожал плечами Кирсанов. — Просто некто не сильно умный, значит, не разведчик, а вояка просто,отреагировал инстинктивно. Чтобы противник ничего не запо-

дозрил, нужно исполнить требуемое как можно быстрее и чётче, такая у него логика.

— Так, может, дать прямо на огонёк главным калибром? — предложил с интересом прислушивающийся к словам специалиста капитан Белли. — Один снаряд — и всё, противник обезглавлен...

Кирсанова он весьма уважал как одного из своих спасителей, подобравших его замерзающим зимой двадцать первого года на перроне Омского вокзала¹. Да и просто как человека, не скрывавшего своего острого неприятия замаскированного союза с «троцкистами». Владимир тоже ненавидел большевиков лютой ненавистью, и чувство это за минувшие шесть лет нисколько не угасло.

— Что вы, что вы! — перепугался Катранджи. — Мы же пока ничего точно не знаем. Да если вообще придётся стрелять, попрошу делать это очень аккуратно и по возможности мимо виллы. Там только подлинников картин на сотню миллионов. И библиотека редкой ценности.

— Придётся, Иван Романович, как бы ни хотелось этого избежать. Чутьё жандармское подсказывает. Не поверите, с конца шестнадцатого года у меня такое отвратительное настроение всё время было, что в феврале семнадцатого даже полегчало. И сейчас почти то же самое.

К высадке на берег приготовились два взвода, вооружённых пистолетами и автоматами бесшумной и беспламенной стрельбы, и третий, оснащённый уже тяжёлым оружием — пулемётами «ПКМ», «Утёс», АГС «Пламя», РПГ и ПЗРК. Катранджи наскоро набросал на листе бумаги из штурманского стола кроки прилегающей к вилле местности,

¹ См. «Вихри Валгаллы».

расположение надворных построек и план дома. Особо выделил три тропинки, со всеми углами поворотов и ориентирами. Память у него была фотографическая. Тут же, на глазах у всех, Ибрагим дезактивировал минные заграждения, послав со специальной портативной рации, предназначенной только для этого, серию сигналов

Но ему всё равно не верилось, что верный помощник его сдал и сейчас на берегу ждёт засада. Главное, чья? «Свои» бы нашли другие способы избавиться от хозяина, а тут, по словам Кирсанова судя, действуют таосовские вооружённые силы, никто другой бы не осмелился и ногой ступить на землю Катранджи. Но как всё вообще получилось, если по совету Воронцова он только вчера определил этот место для доставки товара и расчёта с поставщиком? Значит, всё готовилось давно, раз нескольких часов хватило перебросить на остров силы, достаточные для подобной операции. Тогда, выходит, и события в Одессе были организованы теми же силами и при участии... А он ведь доверял своим помощникам почти как сыновьям. Можно сказать, из рук всех выкормил. Как же их сумели перевербовать? Деньгами? Но у каждого из них всё было. У Фазиля Самед-оглу — в особенности. Неужели *другие* посулили больше, чем Ибрагим мог предложить?

А это как раз очень возможно. У Катранджи было хорошее русско-германское образование и жизненный опыт. Не так уж трудно было взглянуть на происходящее и с немецкой, и с русской точки зрения, отвлёкшись от чересчур ограниченной азиатской. С позиций чистого рационализма — предложили молодому человеку вместо должности, как ни крути, лакейской, самостоятельность, пусть

в масштабах не сильно большого, но собственно-го ханства, хоть эмиром Кувейта какого-нибудь — и согласился, даже под страхом сдирания с живого кожи. Сколько раз так случалось, и не только на Востоке.

При этом изменник должен быть уверен, что сразу же после завершения дела его не зарежут и не утопят в море в кожаном мешке. Гарантии должны быть неубиваемые, которым поверить должен был *помощник*.

А кто мог такие предложить? Против кого Катранджи собственную интригу затеял? Секунды хватило, чтобы перебрать в уме всех возможных противников и вспомнить реальные возможности каждого. И физические, и интеллектуальные, и, так сказать, волевые. Кто из частных врагов рискнул бы, как у Пушкина написано, «необходимым ради излишнего»? Выходит, они самые, «туманные альбионцы», как его русские друзья любят выражаться? А кто Палестину у дедов отнял? Они же! Ну, теперь посчитаемся...

— Вы что, действительно уверены, что мои люди меня предали и на берегу засада ждёт? — спросил Ибрагим, наблюдая, как за борт опускаются клиперботы с водомётными двигателями, такими же тихими, как моторы приличных легковых автомобилей. — Не верите мне и моим людям? — Хотя сам уже полностью поверил этому страшноватому, но всё равно располагающему к себе жандарму из совсем другого времени. Вот такого бы человека ему в помощники. Этот не предаст. Фарид-бек, надёжнейший из надёжных, предал, Фазиль — тоже. А эти не предадут. Врагами могут быть бескомпромиссными и беспощадными, но не

предадут. Не их стиль. Как у них там — «Любовь — женщине, служба — царю, честь — никому!».

— Не-а! — безмятежно ответил Кирсанов. — Я очень давно догадался, что насчёт веры — это в церковь. Я и прямому с непосредственным начальству не верю, просто выполняю приказы, если считаю их разумными... Рациональность — вот мой девиз. Потому я при Государе только штаб-ротмистра получил, а мог бы и тогда полковника. Однако хватит разговаривать. Поехали...

— Подождите, — почти крикнула Кристина. — Мы с Мариной тоже хотим... Прокатиться. Это как раз по нашей специальности! — и искоса глянула на Кирсанова, как он оценит её порыв.

— Мы только переоденемся, минута всего...

— Пока горит свечка, — сострил Басманов, много чему научившийся от старших товарищей.

— Нет, мы правда...

— Отставить, поручик, — неожиданно холодно сказал Кирсанов. — Пока что я отвечаю за операцию, не Михаил Фёдорович. И запомните, я — другого типа человек. При мне, пока мы сами живы, женщины под пули не пойдут. Можете эту тему обсуждать в другом месте и с другими людьми. А меня даже вашими чинами и крестами не убедите. Стойте на мостике и любуйтесь красотами средиземноморской природы.

Кристина хотела что-то возразить, но глянула на Павла Васильевича и прикусила губу. Прямо как мадам Грицацуева. Спорить с этим мужчиной ей совершенно не хотелось. И тут же подумала — а как с ним жить, если вдруг придётся? Сразу же сама себе и ответила: «С удовольствием. Настоящий мужчина таким и должен быть. Что он, что Басманов. «С раньшего времени люди».

— Пойдут все, кому положено, — счёл нужным пояснить Кирсанов. — Я, к вашему сведению, тоже бы не прочь позабавиться. Но считаю, что шальная пуля вот в эту голову, — он показал пальцем на свой лоб, — принесёт гораздо больше вреда, чем отказ от наших с вами вполне естественных желаний. — Повернул голову к Басманову: — Простите, Михаил Фёдорович, развели ненужную дискуссию. Но я счёл необходимым...

— Ладно, Павел, проехали. Начинайте, Эльснер, — скомандовал он командующему десантной партией капитану. — Ввиду изменившихся обстоятельств — высаживайтесь километром левее и правее назначенного места. Обходите горку, поднимаетесь наверх, блокируете виллу и дорогу. Занимаете господствующие над пристанью высоты и ждёте. И только после тройной белой ракеты — общий штурм.

— А ракеты?

— Ракеты — само собой. Постоянно включены на приём у всех. Но штурм — по ракетам, — ответил Басманов.

В детали он вникать не собирался — у Эльснера боевого опыта было чуть меньше, чем у него самого, и вдесятеро больше, чем у любого аборигена.

«Изумруд» подходил к берегу демонстративно медленно, как бы подчёркивая нежелание капитана рисковать в отсутствие лоцмана. Довольно примитивная маскировка из листов фанеры и брезента на каркасах на расстоянии в две-три мили, да ещё в темноте делала его похожим на небольшой сухогруз, каких множество слоняется по Средиземному и прилегающим морям в поисках случайных фрахтов. Специальная дымовая шашка в средней трубе давала ровно столько чёрного дыма, как

паровая машина тысячи в три индикаторных сил, работающая на «малый ход».

Сблизившись на расстояние прямой видимости — теперь контур «Изумруда» отчётливо просматривался и невооружённым глазом, — «пароход» снова вышел на связь. Катранджи, демонстрируя свою обычную подозрительность и тщательность к деталям, предложил помощнику выйти вместе с грузчиками на пирс и оттуда ещё раз посигналить фонарём.

— Я не хочу, Фазиль, раньше времени включать прожектор. Мало ли кто может его увидеть...

— Всё чисто, хозяин, никого постороннего вблизи острова нет и быть не может. Мы проверяли, и сейчас в море находится несколько катеров. Разве только подводная лодка вдруг всплывёт, — это он так пошутил, чтобы разрядить напряжение, которое и сам ощущал — чувствовалось по голосу.

— И этого нельзя исключать, — сухо ответил Ибрагим. — Выходи, мы пока подождём...

— Хорошо, я уже иду. Со мной двадцать человек и две машины. Грузить будем сразу на них. На вашем судне есть кран?

— Есть всё что нужно...

Капитан Эльснер вскарабкался на плоский отрог скалы, всего в полукилометре от въезда с дороги на территорию виллы, или, пожалуй, форта, так она отсюда выглядела. Выбрал подходящую промину между большими камнями у подножия древней, перекрученной ветрами и временем оливы. Отсюда в ночной бинокль просматривалась и сама дорога, и вся бухта с причалом.

— Глупо было оставить нам эту позицию, — сказал он командиру первого взвода, устанавливавше-

му в щели между камнями тяжёлую снайперскую винтовку на сошках. — Теперь у них нет шансов.

— У кого — у них? — спросил поручик, настраивая прицел. — Может, тут никого и нет...

— Нет — значит, считай, внеплановую тренировку провели... Но я так понимаю — полковники наши зря паниковать не будут. Есть, наверное, информация. Хоть рота, хоть две «коллег» вполне могут и дом занять, и вон на тех склонах окопаться. Им ведь, я так понимаю, только корабль с грузом интересен, по сторонам глядеть незачем, остров контролируется. Насколько я знаю, местная охрана тут давным-давно каждую песчинку на пляже просеяла...

Из динамика рации донеслось несколько щелчком ногтем по микрофону. В течение ближайших минут такие же сигналы поступили и от остальных боевых групп.

— Готово. Лесков и Самохвалов тоже на позициях. Ещё минут пять, и третий взвод небо перекроет. Никто никуда не денется.

Сам аэродром с позиций «ударников» был не виден, он располагался несколько выше даже самой виллы, и сопоставимых горок на острове больше не было. Но любое летающее приспособление в момент отрыва от полосы или захода на неё оказывалось в самом выгодном положении для стреляющего — скорость минимальная, маневр исключается, бей, как тарелочку на стенде.

— Вон, смотри, началось шевеление, — указал взводный Эльснеру.

Действительно, у невидимых отсюда ворот виллы загудели моторы, донеслись хорошо слышные в предутреннем воздухе голоса. Освещая себе путь

ближним светом фар, на дорогу выкатился сначала маленький открытый вездеход, слегка похожий на популярный в Югории «Донец», за ним два трёхтонных «Опель-блица».

Кузова грузовиков были полны людьми.

Эльснер присмотрелся, различая даже лица. Десятикратный панкратический бинокль давал такую возможность. Оружия вроде не видно, но сами пассажиры подозрительно похожи на военнослужащих. В отличие от штатских рабочих, они разместились в машинах *организованно*. И выглядят напряжённо. Привычному глазу это очень заметно. С чего бы простым грузчикам и охранникам сосредотачиваться? Радоваться должны, веселиться — хозяин приплыл, бакшиш наверняка даст за сверхурочку. А кто в джипе едет?

— Вот, пожалуй, и оно...

Эльснер в нескольких словах доложил увиденное на «Изумруд».

— Взять на прицел дорогу в самом крутом месте, пирс и всю бухту по протяжению пляжа. Уточняю, белые ракеты — сигнал для штурма виллы. После них радиомолчание между бойцами отменяю. Стрелять по пристани и машинам только по второй ракете — красной. До неё ваша ответственность — всё, кроме людей на пирсе, — ответил Басманов.

Когда машины проехали половину пути, «Изумруд» вновь дал малый ход, забирая чуть левее причала. Выйдя на траверз, крейсер сможет артиллерийско-пулемётным огнём перекрыть полным бортовым залпом и сам пирс, и дорогу на вершину скалы на всём её протяжении. Аэродром тоже. Одновременно по штормтрапам в море спустились

★ пять роботов в варианте «боевых пловцов». Для подстраховки от «коллег». Кто их знает, может, вздумают на берегу внимание отвлекать, а штурмовать с моря начнут.

Несколько странные маневры «парохода» у помощника Катранджи и у того, кто им сейчас руководил, если и вызвали какие-то сомнения, то времени что-нибудь изменить в действующем плане уже не имелось. Все люди уже получили приказы и инструкции, до подхода судна к берегу остаются считанные минуты. Как только борт парохода коснётся пирса, штурмовая группа отлично подготовленных диверсантов морских пехотинцев «его величества», специализировавшихся как раз на abordажках и захвате укрепрайонов, ворвётся на палубу и всё будет кончено практически мгновенно. Если даже кроме двадцати-тридцати членов экипажа там окажется ещё какая-то охрана, оказать организованного сопротивления она не успеет — палуба и надстройки парохода давно взяты под прицел снайперов. И не простых сухопутных, а отлично знающих, как работать именно по морским объектам.

Излишняя самонадеянность слишком часто приводит к срыву самых тщательно проработанных планов — потому, что не находится человека, способного задаться вопросом: «А что, если противник ни в чём мне не уступает и даже превосходит (главная сложность — подумать именно так)? Какие контрмеры следует предпринять на этот, пусть и маловероятный случай?»

Но мало кто готов планировать операцию, исходя из такой «вводной». Особенно если принадлежит к несокрушимому флоту «Владычицы морей»

и последнюю сотню лет не имел дела с равным по уму и силам противником.

Вот и сейчас — на какие неожиданные варианты стоило бы *закладываться*, если ситуации прозрачна, как хорошо вымытый и вытертый бокал? Туземцы — они и есть туземцы, как бы много они о себе ни воображали. Все нужные характеристики и сведения на главаря разновидности всемирной мафии, именующей себя «Чёрным интернационалом», давно известны, достаточное число близких к нему людей запуганы или перекуплены, все его шаги и поступки под контролем. Более того, есть сведения, что на самом высоком уровне он признаётся полезным на сегодняшний день союзником, с ним якобы достигнуты определённые договорённости, и сама нынешняя операция может рассматриваться скорее как воспитательный момент. Способ показать, что не следует затевать собственную игру в мире, где роли давно расписаны, что нужно знать свой шесток и не кукарекать, пока не разрешат.

Это, понятно, пример рассуждения лиц достаточно высокопоставленных, облечённых правом мыслить если не в глобальных, то в весьма широких масштабах. Им поступила информация, что Ибрагим Катранджи готовит какое-то серьёзное вмешательство в позицию на «мировой шахматной доске», для чего решил перевооружить свою гвардию современным оружием, и оружие это приобрести помимо и втайне от монополизировавших рынок корпораций. Идея сама по себе предсудительная, независимо от дальнейших целей самого магната.

И второй, не менее важный в финансовой геополитике момент. Неизвестным оставался ис-

точник (или источники) приобретения оружия на гигантскую сумму, достигающую, по словам окружающей Катранджи агентуры вышеназванных корпораций, миллиарда фунтов стерлингов. И это походило на правду, потому что для оплаты первой партии ближайший помощник Ибрагима Самед-оглу доставил ценностей и бумаг ровно на сто пятьдесят миллионов фунтов. Спешка была такая, что Катранджи прямо по телефону продиктовал код своего личного сейфа, где кроме золота в монетах и слитках, килограмма первично огранённых алмазов и полусотни редчайших антикварных мужских перстней (любил эфенди покрасоваться перед людьми *своего круга*) хранились, условно говоря, «контрольные пакеты» акций нескольких весьма серьёзных фирм, работающих на территории ТАОС. Допустить переход их в «чужие руки» кое-кто в Соединённом королевстве считал абсолютно недопустимым.

Поставщик оружия и, соответственно, получатель средств до сих пор был неизвестен. А это путало сложившиеся в «цивилизованном мире» схемы. Получалось, что объявился новый игрок, отбросивший считавшиеся незыблемыми *приличия*, решивший «смешать карты» и объявить, что намерен руководствоваться какими-то новыми правилами. Была ли это одна из *держав*, или не уступающая им по силам и бесцеремонности *новая частная структура*, как раз и предстояло выяснить.

Вообще в этой истории было слишком много неясностей. Очевидно только одно — Катранджи действует, что называется, в условиях острого цейтнота, потому что осуществляет всю операцию лично и таким образом, как никогда раньше не работал. Если даже предположить, что на его сторону

тайно перешла Америка или Россия (или — он им продан), образ их действий не походил ни на что практиковавшееся раньше. И перевод денег, и доставка «товара» могли быть осуществлены гораздо более аккуратно, по отработанным каналам, какими Ибрагим пользовался десятилетиями. Это стало бы известно, но не привлекло *чересчур пристального* внимания британских специалистов, тщательно отслеживавших события на так называемых «свободных территориях» и внутри всей тайной империи Катранджи.

А здесь (навскидку) всё выглядело так, будто в контакт вступили и создали собственный *комплот* две равноценные *структуры*, заинтересованные в конфиденциальности своих действий по дестабилизации успешно функционирующего уже почти столетие миропорядка.

Что эти действия находятся в ощутимой связи с действиями новой Российской империи, обьившей о выходе из ТАОС, было ощутимо любому квалифицированному аналитику, но ни общие цели, могущие связать изначально враждебные *системы* («Интернационал» Катранджи, в значительной мере состоявший из мусульман, всегда боролся за контроль над «исламскими территориями Империи»), ни их согласованная политика (на какой разумной основе?) пока не просматривались.

Именно для этого SIS¹, получив ещё самую первую информацию о странных маневрах Катранджи, немедленно присвоила его разработке высший приоритет. Целое спецподразделение перешло на круглосуточный режим работы по направлению «Шейх». Через премьер-министра было получено

¹ Сикрет интиллежденс сервис — британская разведка и контрразведка.

право подключать к расследованию все нужные ей государственные службы, в том числе и Адмиралтейство, которое и само вело работы в этом направлении. *Временно* были сняты запреты на силовые акции за пределами давно поделенных с другими союзниками «зон ответственности». А что стесняться, если пока необъявленная война уже, считай, началась. Чего стоило хотя бы явно силовое вмешательство русского флота в проводимую Британией операцию?¹ Абсолютное недопустимое нарушение суверенитета и «свободы мореплавания». Но если бы кто-то попробовал заикнуться, что акция адмирала Хилгарта сама по себе задумывалась как антироссийская, предназначенная дать хороший «казус белли», то получил бы возмущённый ответ: «А какое это имеет значение? Англия сама решает, как ей поступать, а кто не согласен — враг, мерзавец и гнусный агрессор!»

Но времени на тщательную проработку «Шейха» катастрофически не хватало, тем более что и с других направлений проблемы сыпались одна за другой, так что нормальный человек, оказавшись он на месте нынешних короля с премьер-министром, насторожился бы, приказал «машины на стоп, в отсеках осмотреться».

Пока громоздкая и в полной мере бюрократизированная служба только начинала выходить на рабочий режим, в Лондон поступило экстренное сообщение, что в ближайшие сутки пароход с оружием, следующий из неизвестного порта, подойдёт к берегам Сицилии. Причём руководит операцией лично Катранджи. А о том, что за судно, каков экипаж и есть ли вооружённое сопровождение — ни

¹ См. «Не бойся друзей».

слова. Мог он, конечно, мобилизовать десятка два головорезов из ближайшей «боевой ячейки», но не больше. Больше, чем на реальную охрану, турок на свой авторитет полагается.

Всё, что успели предпринять лондонские начальники, — это приказать находившейся в Гибралтаре усиленной роте постоянной готовности немедленно десантироваться на остров с воздуха и захватить пароход вместе с Катранджи, причём взять его обязательно живым и по возможности здоровым. В ближайшие сутки туда же подойдёт несколько кораблей средиземноморской эскадры, и уже тогда можно будет действовать по привычным моделям. Но самому Катранджи при таком повороте событий придётся исчезнуть, возможно, и навсегда. Свой шанс он упустил ещё вчера. Слишком он много знает, чтобы позволить секретнейшей информации просочиться в зону внимания не только «общественного мнения», но и чужих разведок, как враждебных, так и союзных. Причём очень возможно, что его не убьют. Просто остаток дней он проведёт этаким новой «железной маской», оказывая услуги и ежедневно надеясь, что удастся выкупить если не прощение, то хотя бы свободу. Блажен, кто верует. А Британия умеет хранить свои секреты.

Заодно, разумеется, исчезнут и его «активы». Всё, что можно будет взять на пароходе и самой вилле, которая непременно будет разграблена и сожжена «грабителями». Кого назначат на эту роль — будет видно. По обстоятельствам.

А потом начнётся и передел всей империи Катранджи. Многоходовка получалась великолепная. А если совместить её с планирующейся скоротечной «карательной операцией» против России —

перспективы перед английскими теоретиками вырисовывались лучезарные. И всего в результате одной операции на задворках «Ойкумены», едва ли успеющей получить какое-то отражение на страницах ведущих мировых газет.

«Изумруд» сблизился с пирсом на дистанцию, с которой наверняка уже можно было распознать его небрежную маскировку. Любой опытный моряк сразу сообразил бы, что надстройки выше фанерного фальшборта — явная декорация, а вот форма форштевня, изгиб скул и звук машин никак не совместимы с природой каботажного трампа¹. Кроме того, у мыслящего специалиста немедленно должен был возникнуть вопрос: откуда это могла дошлёпать сюда такая калоша? Едва ли из портов Южной или Северной Америки, а в пределах внутреннего моря портов, где он мог бы беспрепятственно принять огромную партию контрабандного оружия, просто не существовало в природе. Разве что появиться из устья Дарданелл... Так быстро и с грузом оружия — только из России. Север Африки и так контролировался «Интернационалом», Гибралтар и Суэц — англичанами. Французы и итальянцы сами в такую игру не ввязались бы. Оставалась ещё Сербия — из её портов куда ближе, чем из Чёрного моря. Но Сербия и Россия — это, считай, одно и то же. В любом случае — после захвата транспорта кому следует — разберутся.

Но как раз торговых моряков среди офицеров, командовавших группой захвата, не было. Сто двадцать морских пехотинцев и полтора десятка

¹ Грузовое судно, работающее на случайных, от порта к порту фрахтах.

квалифицированных «диверсантов широкого профиля» при пяти офицерах, старший из которых был всего лишь майором, — это всё. И никто из них не был обучен думать о вещах, не входящих в круг ближайшей боевой задачи. Тем более отвлекаться на детали, к ней не относящиеся.

План командира, майора Стента, был хорош своей простотой: занять все ключевые точки самой виллы и её окрестностей, включая аэродром, обеспечить огневое воздействие по подошедшему пароходу и людям на нём, если вдруг возникнут какие-то непредвиденности. Предложение Катранджи выслать на пристань команду грузчиков ещё более упрощало задачу. Майор прекрасно знал, что ночью стрелять вверх по рассредоточенным и замаскированным огневым точкам — безнадёжное дело. В то время как сам пароход будет как на ладони, десантники смогут стрелять под таким углом, что и за надстройками не спрячешься. Или сразу сдаваться, или искать укрытия в низах. Майор знал и то, что отход задним ходом от пирса займёт слишком много времени, если даже капитан решится на это. Противотанковый управляемый снаряд долетит до ходовой рубки гораздо быстрее.

Охрана острова состояла из полусотни отъявленных головорезов, знавших здесь каждый метр и известных в лицо самому хозяину. За время нахождения на острове майор с помощью предателя Фазиля легко убедил «янычар», что какие-либо попытки сохранения верности теперь уже бывшему эфенди будут наказаны быстро и, выражаясь доступным языком, — окончательно. Зато в случае «правильного поведения» все они будут вознаграждены и, по выбору, смогут продолжить службу или отправляться с «премией» на все четыре сторо-

ны. Восток есть восток — предательство не *оправдавшего доверия* повелителя здесь считается как бы нормой жизни, а «тотальные зачистки» рядовых исполнителей обычно не практикуются, иначе сломался бы весь вековой уклад.

Теперь двадцать человек *местных*, без оружия, предназначенные именно на роль грузчиков, ехали в машинах к берегу, а между ними, сложив оружие на полу кузовов, разместились ещё столько же морских пехотинцев, эти уже в полной боеготовности. Их и разглядел в бинокль Эльснер. «Рыбак рыбака видит издалека», как говорится. Вместе с предателем Фазилем в джип сели два офицера, и за руль старший сержант. В общем, всё должно было получиться как надо. На судне если и готовы к неожиданностям, то не против таких сил.

Басманов свои силы на крейсере разместил как раз из расчёта, что противник поступит так, как подсказывает ему примитивная логика. А никакой другой здесь и придумать нельзя было — принятый алгоритм теперь побуждал англичан действовать безвариантно.

Все оставшиеся на крейсере бойцы укрылись на левом, противоположном берегу борту. У спаренного «КПВ» на корме и за щитами бортовых орудий, согласно боевому расписанию, изготовились к бою только матросы-роботы. Сам полковник вместе с Белли, Кирсановым и девушками расположился в боевой рубке, броня которой выдерживала попадание стомиллиметрового снаряда. Хотя пушки с собой десантники вряд ли привезли, а гранатомёт любой конструкции с высот не достанет, а с пирса не успеет (о ПТУРСах пол-

ковник как-то не подумал). Но и простую автоматную или пулемётную пулю без толку ловить не хотелось.

Сближение происходило по классическим законам киножанра — с берега на пирс въезжали грузовики с набитыми людьми кузовами, с моря к нему же бесшумно скользил пароход с приглашенными навигационными огнями, только один маленький фонарь бросал на плещущую о стенку воду и обросший длинной бородой водорослей бетон узкий конус света. Не хватало только тревожной музыки, создававшей бы у зрителей должный настрой. Впрочем, саспенса и так хватало, причём у статистов на берегу адреналина в кровь выбрасывалось на порядок больше, чем у экипажа крейсера.

Когда до стенки оставалось всего несколько метров, вахтенный с крыла мостика крикнул на берег по-турецки: «Принимай швартов». Машины только успели затормозить, и на них произошло некоторое замешательство. Те, кто понимали язык, просто не знали, как им следует поступать. Подобная элементарная вещь — распределить между исполнителями роли так, чтобы противник ничего не заподозрил до момента, когда сопротивляться уже поздно и бессмысленно, — никому из англичан не пришла в голову. Фазиль был полностью поглощён собственными мыслями, считая, что свою часть дела он уже исполнил. Он готовился, если что пойдёт не так, первым делом броситься на настил причала по противоположной от корабля стороне, а потом осторожно соскользнуть в воду. Плавал он хорошо и километр до дальнего мыса проплывёт без труда. А в темноте его не заметят ни «свои», ни «чужие».

Как принято на Востоке, *визирь* думал сразу в двух направлениях. С одной стороны, он был уверен, что его с англичанами план сработает как надо, *ференги* — люди опытные и умеют проводить такие операции. Но с другой — допускал, что хозяин способен на самые неожиданные решения и мог подстраховаться. Удалось ведь ему выжить в Одессе, где шансов Катранджи фактически тоже не имел. Пусть там ему помогла русская контрразведка, но и здесь Ибрагим-эфенди мог придумать что-то неожиданное, просто на всякий случай.

Что ж, в этом случае Фазиль тоже имеет туза в рукаве.

А британский разведчик подобный *штрих* — самую обычную просьбу с швартующегося корабля набросить трос на кнехты — совсем не имел в виду. Для него всё должно было начаться, когда пароход остановится и начнёт спускать на берег трап.

Вроде бы совершенная мелочь, а операция сразу оказалась на грани срыва. Ещё несколько секунд, и кто-то, сам Катранджи или капитан заподозрят неладное, дадут задний ход — и всё на этом! Даже в сотне метров от берега добыча станет недостижимой. Тогда что — вертолёт поднимать и топить её ракетами? Можно и в ответ получить. А оставшимся на пирсе — в воду прыгать, не дожидаясь шквального огня в упор?

И на принятие решения — те самые несколько секунд, и отсчёт уже пошёл.

— Вперёд! — прошипел капитан-диверсант, сильно толкнув Фазиля в спину, и сам первый прыгнул на пирс, махнул рукой вахтенному, показывая, что готов принять носовой швартов.

— Вы — к корме, — скомандовал он лейтенанту, — а ты к трапу, вызывай своего босса, говори что угодно, пусть покажется...

Катранджи действительно хватило этих самых секунд, чтобы понять, что русские правы. Никогда и ни за что, если бы только сам хозяин приказал, Фазиль не бросился бы принимать канат. Он знал себе цену, был вальяжен и надменен со всеми, кроме Ибрагима.

Водитель остался за рулём (а кто он такой? чувствует себя главнее помощника хозяина? Нет таких среди его людей!), два или больше десятка охранников и слуг даже не собираются вылезать из грузовиков, а он торопится изобразить жалкого портового матроса? *Настоящий* Фазиль просто грубо скомандовал бы, а сам остался сидеть до появления Хозяина. И, кажется, тот, что сзади, осмелился буквально вытолкнуть самого здесь главного человека из машины. Значит, и вправду всё это — враги, помощник — грязный предатель, и сейчас начнётся... А от него самого уже ничего не зависит.

— Действуйте, полковник, — выдавил он. Ибрагима душила слепая, почти неконтролируемая ярость. И в то же время он отчётливо понял, что если и Фазиль переметнулся к врагу, то он уже никто в своей империи, и без помощи русских бывлой власти не вернуть, шансы остаться равноправным игроком, «третьей силой» закончились.

— Но *этого* — взять живым, любой ценой...

Ни Басманову, ни Белли ничего объяснять не требовалось. Сами они совсем не стремились затевать бойню первыми, тем более на чужой территории и без веского повода. Но раз хозяин острова распорядился арестовать своего слугу, отчего и не

выполнить его просьбу. Их гораздо больше интересовали те двое, что приехали с ним. Ясно, кто распоряжается операцией.

— Взять! — повторил Белли, только которому сейчас и подчинялись роботы судовой команды. Если с ним что-нибудь случится, главным станет Басманов, за ним Кирсанов, а потом уже и валькирии. Система субординации была доведена до экипажа сразу же, как люди прибыли на борт.

Двое матросов, только что сбросившие на пирс швартов, не обращая внимания, что с пятиметровой высоты фальшивого полубака прыжок на бетон для обычного человека грозил бы неприятными последствиями, с абсолютной синхронностью пролетели отделяющее их от Фазилы расстояние. Раньше, чем он успел вообще заметить этот маневр, сосредоточив внимание на упавшем ему под ноги тресе, роботы заломили ему руки за спину и с невероятной быстротой поволокли к середине борта, откуда сейчас должен был быть подан трап. Настоящая верхняя палуба крейсера возвышалась над уровнем пирса меньше чем на метр.

В этот же момент повалился наружу декоративный фальшборт, грохнули сходни, высекая стальными окантовками искры из бетона, вспыхнули кормовой и носовой артиллерийские прожектора, едва не сбивающие с ног своим световым потоком. Включённый на все сто с лишним ватт мегафон с мостика проревел по-английски: «Всем оставаться на местах! Стреляем без предупреждения!» — дублировать команду на турецкий или любой другой язык было некогда, и, вопреки смыслу команды, «КПВ» дал длинную очередь на метр выше голов так и сидевших в ку-

зовах морских пехотинцев и ибрагимовых охранников.

Этот пулёмёт, да ещё в спаренном варианте, стреляет очень громко, особенно если до него два десятка метров и тяжёлые, способные рвать человеческое тело на куски пули проходят так низко, что волосы сами собой поднимаются. То ли от ветра, то ли от страха. Вдобавок все они мгновенно ослепли, на полчаса и больше.

Английский капитан, оказавшийся в мёртвом пространстве и не попавший под луч, не успел двинуть рукой в сторону предусмотрительно расстёгнутой кобуры. Он услышал почти неразборчивый после забившего уши грохота голос: «Руки поднимите, пожалуйста. Было же сказано — ввиду нехватки патронов предупредительный выстрел не производится. Сразу — контрольный».

Это Кирсанов к случаю использовал слышанную от кого-то из «братьев» шутку, то ли от Шульгина, то ли от Воронцова.

Он стоял, прислонившись плечом к щиту бортовой «стотридцатки», и целился англичанину прямо в глаза из полюбившегося ему с самого начала «ППСШ». Их разделяли всего шесть или семь метров, полковник метром выше, так что положение капитана, несмотря на его суперподготовку и опыт, было стопроцентно проигрышным.

— Да-да, поднимите и не спеша идите к трапу. Одно лишнее движение, и вы схлопочете пулю между глаз. А ваш кагал порубят в капусту из пулемёта. А можно и шрапнелью вдоль пирса. — Он похлопал ладонью по орудийному стволу.

С трудом передвигая ставшие одновременно ватными и свинцовыми ноги, англичанин двинул-

ся к трапу. Кирсанов сопровождал его по палубе, не опуская ствола.

«На машинах — всем спуститься на пирс, — продолжал орать мегафон. — Без суеты, по одному, без оружия. Лечь, вытянуть ноги, руки за голову...»

Как слепцы с картины Брейгеля, охранники Ибрагима вперемешку с морпехами начали неуверенно слезать на бетон, держась за борта и друг за друга, вытирая рукавами слезящиеся, невидящие глаза, медленно ложились, даже не помышляя о сопротивлении, хотя у многих и пистолеты висели на ремнях, и гранаты в сумках. Много навоюешь, если в голове бьётся одна мысль — сможешь ещё видеть или навсегда ослеп. Людей очень пугает всё связанное со зрением, точнее — возможностью его потерять.

Одновременно всё происходящее внизу стало прекрасно видно майору Стенту и оставшимся с ним на вилле и возле вертолётов морпехам и диверсантам. Он разразился руганью на пределе возможностей родного языка. Очень ограниченных, кстати. Что катастрофа уже произошла, он не совсем осознал. Думал, что выбор у него всё же есть. Сдаваться, что в его положении было бы самым разумным, принимать бой, заведомо жертвуя своими людьми на пирсе, но сохраняя призрачную надежду достаточно повредить пароход (что это не транспорт, а крейсер, он пока не понял) и всё же выиграть незадавшийся бой, или, наконец, прямо сейчас, плюнув на всё, своих бойцов в том числе, грузиться в вертолёты и сматываться, пока есть такая возможность.

По глупому упрямству он предпочёл второе, не имея никакого представления о реальной обстановке.

Со стороны виллы Катранджи в сторону «Изумруда» ударили сразу три пулемёта, целясь в прожектора. Пара очередей недолётам пришлось по пирсу. Закричало сразу несколько раненых «дружественным огнём». Убитые наповал, естественно, не кричали. Десяток пуль зазвенел по надстройкам крейсера и орудийным щитам. Прожектора погасли, не разбитые, просто вовремя выключенные. На их месте остались как бы сверхчёрные, по сравнению с окружающей темнотой, пятна. Иллюзия, конечно.

С каким бы удовольствием Белли сейчас командовал залп всем бортом. Дистанция смешная, поверх стволов можно целиться. Но виллу приказано беречь.

Басманов выпустил условленные ракеты, направив их так, чтобы у англичан возникло впечатление, что этот сигнал имеет какое-то специальное значение, например — целеуказание сухопутным силам. Если враг уже находится в расстроенных чувствах и «туман войны»¹ для него сгустился до непроницаемости, весьма полезно ещё усугубить ситуацию. Полковник сразу же приказал Эльснеру всей огневой мощностью третьего взвода воздействовать на правый фланг противника, на причале его помощь не потребуется, и так всё решилось. Самому же без лишнего шума атаковать позиции неприятеля с тыла, одновременно захватив аэродром с вертолётными и иной техникой. Пригодятся и сами по себе, и для фотоиллюстраций в мировой прессе,

¹ «Туман войны» — термин, введённый К. Клаузевицем для обозначения области неизвестного полководцу о намерениях противника, его силах и материальной обеспеченности, реальном состоянии местности и прочих факторах, влияющих на результат сражения или войны в целом.

куда материал будет направлен немедленно после завершения дела. Чем плохо: «Британия продолжает свои пиратские выходы! Вилла известного предпринимателя и финансиста на собственном острове атакована бандой английских военнослужащих! Частный промысел или особое задание?!» В таком примерно роде, найдётся кому расписать, плюс фотографии подлинных документов, видеозапись допроса командира и рядовых бойцов... Пленных нужно взять как можно больше, британцев, естественно. С остальными — по обстоятельствам.

Отряд Стента не готовился к серьёзной обороне. Вся акция вообще представлялась ему совсем не так. В чём суть приказа? Обеспечить десантирование на остров, установить контроль за виллой и прилегающей территорией. Когда и если подойдёт судно с контрабандой — захватить. Пленных передать представителю SIS. И всё. После этого разведчики начинают заниматься своими делами, а он, если не поступит другого распоряжения, возвращается на базу. Государственная награда и хорошая денежная премия гарантированы.

Однако, когда на берегу случилось то, что случилось, а шквал огня из расположенных вне поля видимости, но бьющих удивительно точно пулемётов, да вдобавок частые хлопки малокалиберных мин (с гранатами АГС ему сталкиваться не приходилось) прижали его солдат к земле настолько плотно, что буквально головы не поднять, майор крепко задумался. Сам он сидел в достаточно прочном убежище, непосредственно жизни в ближайшие минуты ничего не угрожало, но что дальше? Вызывать по радио поддержку с Гибралтара? Часа за три долетят, если поднимутся в воздух немедленно. А сам он сумеет прожить эти три часа?

Силы противника неизвестны, но плотность огня говорит сама за себя. И эти люди заняли позиции ещё до подхода парохода с оружием. Значит, всё тщательно спланировали. И сколько ещё бойцов сойдёт на берег, чтобы довершить дело?

Начальник здешней охраны подробно описал всю систему фортификации, и сейчас Стент понял, что лишён даже возможности маневра. Дорога под огнём, склоны горы непроходимы, путь к вертолётам блокирован.

Ловушка? Очень может быть, причём ловушка политическая, а не военная. Кому нужна его рота, чтобы затевать подобное?

Прячась от шальных пуль и осколков за дворовыми постройками, майор добрался до центрального корпуса виллы. Там в задней комнате второго этажа, откуда не было видно моря, а пули с флангов пока не залетали, пристроившись на полу под обращённым в сторону посадочной площадки окном, возился с рацией представитель Лондона.

— Какие будут предложения, мистер Лонсдейл? — стараясь выглядеть совершенно спокойно, спросил майор. Стянул с головы берет, вытер потное лицо. — Насколько я понимаю, мы попали в очень большую задницу?

Разведчик отмахнулся. Напряжённо вслушивался в то, что звучало с той стороны радиомоста.

Похоже, говорилось оттуда что-то весьма неприятное.

Наконец Лонсдейл щёлкнул тангетой, отключаясь.

— Вы что-то сказали?

— Я спросил, вы знаете, как выбираться из этой задницы? Четверть людей я уже потерял, остальные зажаты огнём на этой чёртовой горе и возле

вертолётов. Едва ли кто-то из них готов бессмысленно умереть, даже не видя врага. Мы солдаты, а не самоубийцы. Если люди потребуют капитулировать, я не смогу лично расстрелять изменников короне перед строем. Построиться негде...

— Добраться до вертолётов есть шанс?

— Добраться — есть. Улететь — вряд ли. Нужно быть полным дураком, чтобы не расстрелять нас на взлёте. А те, кто это устроил, — далеко не дураки. Совсем нет, сэр...

Сисовец достал из кармана фляжку, сделал три длинных глотка, протянул остальное майору.

— Тогда могу сказать только одно. Хотите — воюйте до конца, хотите — сдавайтесь. Свою часть задания вы провалили, полководец из вас дерьмовый. Я свою — пока нет. Здесь наши пути расходятся. Пошли, ребята...

Из соседних комнат появились пять или шесть сотрудников разведки. Остальные или уехали на берег, встречать пароход, или находились возле аэродрома.

Если бы лондонский пижон не назвал майора «дерьмовым полководцем», он, возможно, и стерпел бы. Да, он сглупил. Теперь понятно — нужно было оставить здесь этих Сисовцев, а самому развернуть всю роту вдоль пляжа, за кустами и камнями. И атаковать всем сразу, как только борт парохода коснулся пирса. О том, что «если бы покойник сходил с бубей, было бы ещё хуже», англичанин опять не догадался. Этот вариант Басманов тоже просчитал и встретил бы морпехов шрапнелью трёх «стотридцаток» в упор.

Но сейчас весь гнев Стента обратился на разведчика. Отчего не подсказал, как действовать, если такой умный?

- Бежите, крысы?
- Работа у нас такая...
- Ну как же, помню.

Майор вдруг, кривя губы, прочитал строфу из Киплинга:

Тот, кто лучший лук носил, —
Всех других поработил,
Точно так же, как сегодня мы.
Он украл чужой челнок,
Он сожрал чужой чеснок,
Умер — и зацапал лучший гроб...

И, прервавшись на полуслове, ударил из своего «Стирлинга» поперёк комнаты. На уровне пояса. Расстрелял весь магазин, и живых, кроме него, в доме не осталось. А чему удивляться — тридцать патронов с расстояния в несколько шагов. Сильно завоняло сгоревшим порохом, а вот кровью и вспоротыми кишками — ещё нет.

Майор перезарядил автомат и вышел на крыльцо. Он ещё не знал, станет ли воевать до последнего или решит сдаться, но *эти* уже никуда не сбегут. Если бы Лонсдейл предложил какой-то план, чтобы выбраться вместе... А то уж слишком грубо он послал майора, а тому ведь терять нечего. Плен, русская каторга или смерть — это ещё видно будет, а с непосредственными виновниками своего позора он рассчитался. А то вообразил, красавчик, что только им в их конторе наплевать на чужие жизни, другие же будут вежливо кланяться и покорно скакать под их дудочку.

Что ж, сейчас он, наверное, раскаивается в своей ошибке.

Если там, по ту сторону радуги, покойникам дают такую возможность.

Свистком майор подозвал ближайшего сержанта.

— Джонсон, там в комнату мина залетела. Да-да, именно мина, — подчеркнул он в ответ на удивлённо приподнятые брови командира отделения, который не слышал и не видел разрыва. — Прикомандированных — всмятку. Возьми двоих надёжных парней. Обыщите. Что найдёте — все мне, — он хлопнул ладонью о ладонь. — Кроме денег. И разбросайте *геройски павших коллег* в разных простреливаемых противником местах. В случае чего все будут видеть — они сражались и умерли с оружием в руках. Суньте им в руки какое-нибудь оружие. Или бросьте рядом. Потом соберите всех уцелевших сержантов и обоих лейтенантов. Будем думать, как выбираться из этой задницы...

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Звягинцев Василий Дмитриевич

**ВЕЛИЧЬЯ НАШЕГО ЗАРЯ
ТОМ 1
МЫ ЧУЖДЫ ЛОЖНОГО СТЫДА!**

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *И. Гришина*
Компьютерная верстка *Т. Граблевская*
Корректор *М. Козлова*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом
регулировании можно получить по адресу:
<http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 10.09.2014. Формат 84х108^{1/32}.
Гарнитура Baltica. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 12 000 экз. Заказ 2213.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-76404-4

9 785699 764044 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: international wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanco@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanco-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ВЕЛИЧЬЯ НАШЕГО ЗАРЯ

«Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить» - сказано в одной детской песенке. Так случилось и с операцией «Мальтийский Крест», которая была разработана «Андреевским братством», чтобы объединить и подготовить к противостоянию с любым врагом две России — в двух параллельных реальностях. Но ни Ляхов, ни его соратники пока не чувствуют «особенностей процесса» и не предугадывают возможных ловушек в будущем. В отличие от Дмитрия Воронцова, одного из основателей «Братства», который до последнего времени предпочитал оставаться «над схваткой», обеспечивая надежные тылы своим «коллегам». Однако, видимо, пришло время ему выдвинуться на первый план и взять руководство операцией в свои руки. Неспешно, но расчетливо и непреклонно.

ISBN 978-5-699-76404-4

9 785699 764044 >